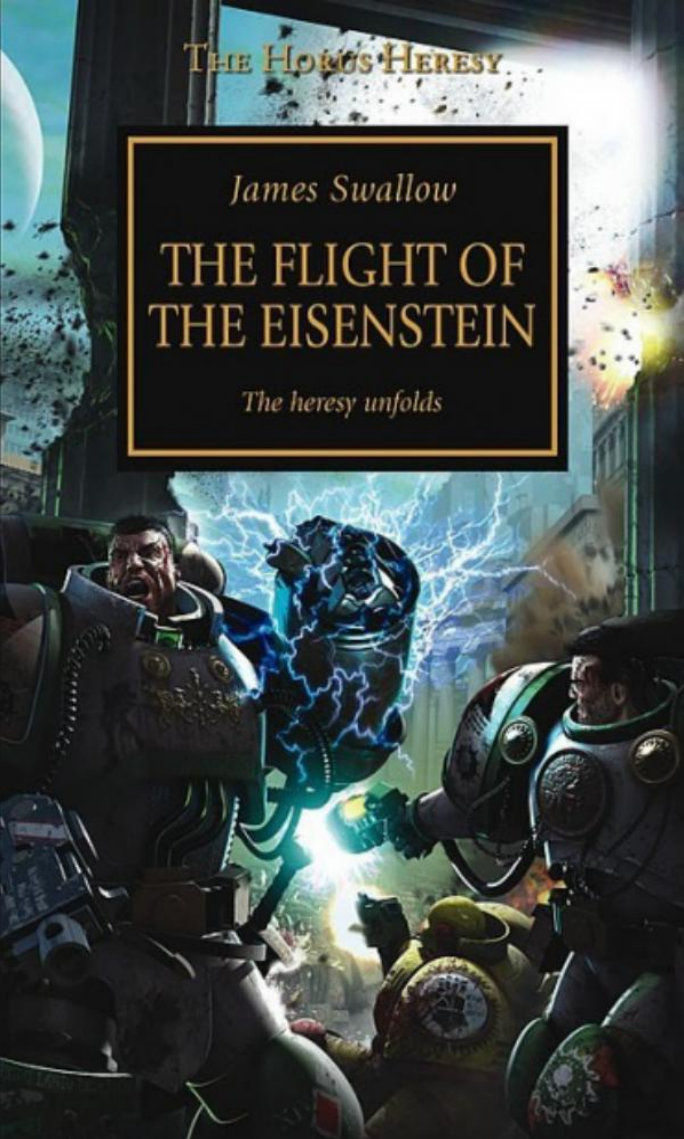
THE HORUS HERESY

James Swallow

THE FLIGHT OF THE EISENSTEIN

The heresy unfolds



Annotation

После того как предательство примарха Хоруса стало очевидно, единственной целью немногих выживших и сохранивших верность присяге и долгу гражданина Империума стала Терра. Фрегат «Эйзенштейн» под командованием капитана Гвардии Смерти Натаниэля Гарро прорывается к колыбели человечества, чтобы донести до сведения Императора известия о преступлении, свершившемся в системе Истваан, где сложили головы сотни тысяч лучших воинов Человечества, принесенные в жертву ненасытным богам Хаоса. Полет «Эйзенштейна» будет долгим и трудным, но еще труднее будет убедить правителей Терры в невозможном — в предательстве Хоруса.

- Легендарное время
- Действующие лица
- Часть Первая.

- 1
- 2
- 3
- 4
- 5
- 6
- 7

- Часть Вторая.
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13

- Часть Третья.
  - 14
  - 15
  - 16
  - 17

Легендарное время

Могущественные герои сражаются за право управлять Вселенной. Неисчислимые армии Императора Земли в ходе Великого Крестового Похода покорили Галактику — миллиарды чуждых рас были стяты лучшими воинами Империума и стерты со страниц истории. Встает рассвет эры господства человеческой расы. О победах Императора свидетельствуют сверкающие цитадели из тратора и золота. В миллионах миров звучат триумфальные восхваления в честь его могущественных и непобедимых воинов. Самые выдающиеся из них — примархи, герои, ведущие легионы космодесантников от одной победы к другой. Появившиеся в результате блестящего генетического эксперимента, примархи непобедимы и не ведают преград. Космический Десант состоит из самых сильных воинов, когда-либо известных Галактике, и каждый из них в бою способен одолеть сотню и даже больше обычных солдат. Космодесантники

образуют огромные армии в десятки тысяч воинов и под руководством своих предводителей-примархов сражаются по всей Вселенной во имя Императора. Главный среди примархов — Хорус, прозванный Великолепным, Сияющей Звездой, любимец Императора, почти что сын. Он великий Воитель, главнокомандующий императорскими военными силами, покоритель тысяч и тысяч миров, завоеватель Галактики. Это воин, равного которому нет в мире, величайший политик с безграничным честолюбием. Декорации расставлены.

Действующие лица

Примархи

Хорус — Воитель, командующий Легионом Сынов Хоруса.

Рогал Дорн — примарх Легиона Имперских Кулаков.

Мортарион — примарх Легиона Гвардии Смерти.

Гвардия Смерти

Натаниэль Гарро — боевой капитан Седьмой роты.

Игнатий Грульгор — командор Второй роты.

Калас Тифон — Первый капитан.

Уллис Темтер — капитан Четвертой роты.

Андус Хакур — ветеран-сержант Четвертой роты.

Мерик Войен — апотекарий Седьмой роты.

Толлен Сендек — Седьмая рота.

Пир Раль — Седьмая рота.

Солун Децимус — Седьмая рота.

Калеб Арин — денщик капитана Гарро.

Другие космодесантники

Саул Тарвиц — Первый капитан Легиона Детей Императора.

Йактон Круз, Вполуха — капитан Третьей роты Легиона Сынов Хоруса.

Сигизмунд — Первый капитан Легиона Имперских Кулаков.

Прочие персонажи

Малогарст, Кривой — советник Воителя.

Амендера Кендел — Рыцарь Забвения, отряд охотников на ведьм «Штурмовой Кинжал».

Малкадор Сигиллайт — Регент Терры.

Кирилл Зиндерманн — главный литератор.

Мерсади Олитон — летописец, документалист.

Эуфратия Киилер — «новая святая», летописец.

Барик Гарья — капитан фрегата

«Эйзенштейн».

Ракель Воут — помощник капитана фрегата «Эйзенштейн».

Тирин Маас — офицер вокс-связи на фрегате «Эйзенштейн».

Часть Первая. ОСЛЕПЛЕННАЯ ЗВЕЗДА

Если космодесантников связывают с нами, массами простых смертных, только одни братские узы, может возникнуть вопрос — в кого они превратятся, утратив эту связь?

Приписывается летописцу Игнацию Каркази

Мы — голос и священный призыв;
Мы — истребители тиранов и противников.

Из боевой молитвы Сумеречных

Рейдеров

Люди, как шелк; они с трудом изменяют однажды приобретенную окраску.

Приписывается Мо Зи, полководцу древней Терры

СБОР
ЧУДЕСНЫЙ МЕЧ
ПОВЕЛИТЕЛЬ СМЕРТИ

В черной бездне собирались корабли. Они молчаливо разворачивались, похожие, благодаря зубчатым надстройкам и огромным украшенным корпусам, на группу великолепных соборов, оторвавшихся от поверхности миров и превратившихся в военные суда. Украшенные скульптурами носовые выступы заканчивались острыми наконечниками и все как один угрожающе смотрели в темноту, образуя совершенный строй. На некоторых кораблях вызовом безвоздушному пространству горели факелы. На многие километры за кормой тянулись бело-оранжевые струи турбулентных газов из труб плазменных реакторов. Эти маяки зажигались только в преддверии скорого сражения. Расточительные вызывающие вспышки служили врагам предупреждением.

Мы несем вам пламя просвещения. Впереди флотилии шел корабль с корпусом из стали цвета штормового неба, и лишь корма была темно-зеленой, под цвет океанской волны. Он двигался медленно, словно неотвратимый кинжал в руке терпеливого и безжалостного убийцы. И украшений на корабле было совсем немного. Да и те казались устрашающими: буквы в рост человека образовывали длинные строки текста, где говорилось об одержанных за столетия победах, о посещенных мирах и поверженных в прах противниках. Кроме букв имелась лишь пара бесспорно украшавших судно символов: золотой орел с распростертыми крыльями и двумя головами на поверхности капитанского мостика и огромная икона на самом краю зубчатого лезвия, выполненная из тяжелого железо-никелевого сплава и изображавшая угрожающе мрачный череп в центре стальной звезды.

Позади корабля-лидера выстраивались остальные суда, образуя точное повторение формы наконечника боевого

копья воинов, составлявших их основной груз. В подтверждение нерушимой отваги этих солдат ведущий корабль носил гордое имя «Стойкость», выведенное на железном корпусе высоким готиком.

Остальные корабли различались по классу и размерам, но, тем не менее, походили друг на друга: «Неукротимый дух», «Жало Барбаруса», «Повелитель Хируса», «Термінус Эст», «Бессмертный», «Призрак Смерти» и другие.

Этот флот собрался в тени солнца Йота Хорологии, готовясь продолжить Великий Крестовый Поход, свершаемый по воле Императора Человечества в одном из колоссальных цилиндрических миров йоргаллов. Инструментами этой воли на борту кораблей, служивших Легиону, и были тысячи космодесантников XIV Легиона Гвардии Смерти.

Калеб Арин быстрой танцующей походкой шел по коридорам «Стойкости», прижимая к груди тяжелую, обернутую в ткань ношу. За годы послушничества у него выработалась привычка оставаться

почти незамеченным в обществе громадных космодесантников. Он был адептом и не стоил их внимания. И до сего дня, после стольких лет службы, отмеченных тускло мерцавшими заклепками на его ошейнике, Калеба в их присутствии охватывал все тот же благоговейный восторг, что и в момент, когда он впервые преклонил колено перед XIV Легионом. Морщины на бледном лице и поседевшие волосы выдавали его возраст, но он и сейчас держался бодрее многих молодых. Сила его убеждений, в том числе и личных, хранимых в самой глубине души, побуждала продолжать добровольное служение.

По глубокому убеждению Калеба, во всей Галактике было не так уж много людей, которые испытывали бы подобное удовлетворение. Явившаяся ему истина и сейчас, как и много десятков лет назад, когда он стоял под ядовитым ливнем, смиряясь со своими недостатками и неудачами, была ему все так же очевидна. Те, кто продолжал стремиться к недостижимым целям, кто продолжал

истязать себя и пытаться достичь высот, на которые были не в состоянии подняться, никогда не имели мира и спокойствия в душе. Калеб не уподоблялся им. Он осознал свое место и положение вещей. Он знал, где ему предстоит быть и что придется делать. Он понимал, что должен быть здесь и не спрашивать, не страдать, а только исполнять.

И это наполняло его гордостью. Кто еще, спрашивал он себя, мог ходить там, где ходит он — среди полубогов, рожденных из плоти самого Императора? Денщик никогда не уставал ими восторгаться. Он прижимался к стенам коридора, уступая дорогу массивным воинам, спешившим завершить подготовку к сражению.

Космодесантники представлялись ему ожившими статуями, которые сошли со своих пьедесталов и заполнили корабль. Они шагали по переходам в доспехах цвета тратора с зеленой каймой и вкраплениями золота. Некоторые носили новейшие, более компактные комплекты брони, другие оставались в старинных доспехах, украшенных заклепками с острыми

шипами и тяжелыми шлемами. Они были непревзойденными воинами, живыми руками Империума, и все их деяния вызывали благоговейный восторг, тянувшийся за космодесантниками, словно шлейф. Им никогда не понять направленных в их сторону взглядов простых смертных.

За время своей службы Калеб смог убедиться, что кое-кто из Легиона относится к нему без всякого уважения или с некоторым раздражением, словно к какому-нибудь безмозглому сервитору. Он воспринимал это как свой жребий и смирялся со свойственным ему стоицизмом, понимая, что таковы обычаи Легиона Гвардии Смерти. Он никогда не пытался обманывать себя и считать, что принадлежит к их кругу — такой шанс был предоставлен Калебу, и он не сумел им воспользоваться, но в душе знал, что живет по тому же кодексу, что и космодесантники. Он был уверен, что его ничтожное, слабое человеческое тело до самой смерти будет служить тем же идеалам Империума. Калеб Арин,

неудачливый претендент, денщик и советник капитана, был доволен своей судьбой, как только может быть доволен кто-то из смертных.

Завернутая в ткань ноша была неудобной, и Калеб повернул ее, расположив по диагонали поперек груди. Но ни разу он не осмелился позволить предмету коснуться палубы или хотя бы приблизиться к какому-то препятствию. Ощущение его в своих руках, даже через несколько слоев зеленого, как трава, бархата, уже переполняло денщика гордостью. Калеб продолжал путь вперед и вверх по извилистым переходам, по служебным путям, тянущимся над душными и шумными мастерскими оружейной палубы. Затем коридоры вывели его на верхние уровни, куда не осмеливался ступать никто из членов корабельного экипажа — эта территория полностью была отдана во владение космодесантников. Даже капитан «Стойкости», пожелай она посетить эти помещения, должна была бы испросить разрешения у высших командиров Гвардии

Смерти.

Калеб ощутил некоторое удовлетворение и бессознательно провел рукой по одежде и застежке ошейника, выполненной в виде черепа. Устройство было размером с его ладонь и изготовлено из какого-то сплава, содержащего олово. Заключенное в нем устройство для оптических датчиков механизмов и сканирующих кристаллов корабля было равносильно подтвержденному бумажному пропуску. Калеб подозревал, что устройство было таким же старым, как и сам Легион. Им пользовались сотни слуг, умерших на той же службе, которую нес он, и Калеб догадывался, что механизм переживет и его.

А может, и нет. Прошлые обычаи вырождались, и лишь несколько старейших боевых братьев Гвардии Смерти продолжали поддерживать древнейшие традиции Легиона. Времена, а вместе с ними и космодесантники, постепенно преображались. Благодаря омолаживающим процедурам, которые продляли жизнь и давали частицу

долголетия его повелителей, Калеб имел возможность видеть эти изменения.

Навсегда связанный с космодесантниками, но отделенный от них непреодолимым барьером, Калеб чувствовал, как меняются настроения. Все началось через несколько месяцев после решения Императора покинуть Великий Крестовый Поход и передать звание Воителя благороднейшему из примархов, Хорусу. Перемены продолжались и по сей день, они медленно и тихо двигали все вокруг с холодной неспешностью сползающего ледника, и в самые мрачные моменты Калеб задумывался, куда приведет его и весь Легион этот новый, неизведанный путь.

Лицо денщика омрачилось, но он, поморщившись, прогнал приступ меланхолии. Сейчас не время размышлять над эфемерным будущим и беспокоиться о возможных последствиях. Вскоре предстоит битва, и в ней снова подтвердится право человечества безбоязненно и свободно странствовать меж звезд.

Продолжая путь к личной оружейной комнате капитана, Калеб посмотрел в бронированный иллюминатор — на звезды. Интересно, которая из них приютила колонию йоргаллов и подозревают ли ксеносы о надвигающейся на них буре?

Натаниэль Гарро поднял Вольнолюбца на уровень глаз и осмотрел по всей длине лезвия — тяжелый, плотный металл оружия сверкнул в голубоватом освещении оружейной, а когда он резко опустил меч вниз, от края кромки разбежались радужные волны. В кристаллической матрице моностали не осталось никаких видимых повреждений. Гарро не стал оборачиваться к стоявшему позади денщику.

— Отличная работа, — сказал он, жестом разрешая тому подняться. — Я доволен.

Калеб скомкал бархат.

— Как я понимаю, исправлявший ваше оружие сервитор в прежней жизни был кузнецом или оружейником. Некоторые элементы его бывшего мастерства

должны были сохраниться.

— Точно.

Гарро сделал несколько пробных выпадов, двигаясь ловко и стремительно, несмотря на силовые доспехи «Марк IV»; на худощавом лице мелькнула тень улыбки. Мелкие зазубрины, появившиеся в ходе операции Легиона по умиротворению спутников Каринеи, обеспокоили его. Они были следствием единственной оплошности, когда меч вместо плоти рассек железную колонну. Приятно было снова держать в руках свое любимое оружие. Значительный вес широкого меча ему вполне подходил, а перспектива идти в бой без Вольнолюбца вызывала тревогу, спрятанную в самой глубине сознания. Гарро никогда бы не позволил себе всерьез произнести такие слова, как «судьба» или «удача», разве что в насмешку, но позволил признаться самому себе, что без Вольнолюбца в ножнах чувствовал себя несколько... менее защищенным.

Космодесантник уловил свое отражение в полированной поверхности металла: глаза старика на лице, которое,

несмотря на обычно усталое выражение, казалось для них слишком молодым; лишенный волос и украшенный множественными шрамами череп. Благородная внешность и бледная кожа указывали на принадлежность к династии военных с древней Терры, но без мертвенной тусклости, как у его боевых братьев, уроженцев холодного и опасного Барбаруса. Гарро, салютуя, поднял меч вверх, а затем вложил в висящие на поясе ножны, затем повернулся к Калебу:

— А ты знаешь, что он даже старше меня? Как мне говорили, отдельные элементы оружия были изготовлены на Старой Земле, еще до Эпохи Раздора.

Денщик кивнул:

— Тогда, господин, я могу лишь сказать, что уроженец Терры владеет им по праву.

— Все это означает, что меч находится на службе Императору, — поправил его Гарро, хлопнув латными перчатками.

Калеб уже открыл было рот, чтобы ответить, но в этот момент уловил

какое-то движение у входа в комнату и моментально согнулся в подобострастном поклоне.

— Какой чудесный меч, — раздался голос, и космодесантник, обернувшись, увидел двоих своих братьев.

Глядя на приближающиеся фигуры, он с трудом удержался от улыбки.

— Как жаль, — продолжал говоривший, — что о нем заботится не молодой и более энергичный воин.

Гарро бросил взгляд на того, кто произнес эти слова. По обычаю воинов Гвардии Смерти, его голова была чисто выбрита, но, в отличие от остальных, он оставил на затылке пучок волос, и черные с проседью пряди ниспадали на плечи. На морщинистом и обветренном лице играла ироническая усмешка.

— Самонадеянность юности, — беззлобно откликнулся Гарро. — А ты уверен, что смог бы его поднять, Темотер? Или тебе понадобится для этого помощь старины Хакура? — Он махнул рукой в сторону второго воина — сухощавого, жилистого мужчины с единственным

аугметическим глазом.

Незатейливая шутка вызвала взрыв смеха.

— Извини, капитан, — произнес Сететер. — Я просто хотел обменять его на что-нибудь, более тебе подходящее. Например, на... прогулочную трость.

Гарро изобразил задумчивость, словно размышлял над поступившим предложением.

— Возможно, ты прав, но как я могу передать свой меч тому, чье дыхание еще пахнет материнским молоком?

Смех снова раскатился по комнате, и Сететер, шутливо обороняясь, поднял руки.

— Мне ничего не остается, как только склониться в знак уважения перед возрастом великого боевого капитана и его древним опытом.

Гарро, шагнув вперед, сжал бронированную перчатку друга в крепком рукопожатии.

— Уллис Сететер, старый вояка! Ты прожил всего на несколько лет меньше, чем я.

— Да, но в этом-то вся разница. Дело не в возрасте, а в его последствиях.

Второй воин Гвардии Смерти, стоявший рядом с Тететером, изобразил суровость:

— Тогда могу поспорить, что капитану Тететеру здорово не повезло.

— Не пытайся его защищать, Андус! — воскликнул Тететер. — У Натаниэля и так достаточно колючек, он обойдется и без твоей помощи!

— Я просто помогаю командору своей роты, как должен поступать каждый порядочный сержант, — ответил ветеран, склоняя голову.

Те, кто не слишком хорошо знал Андуса Хакура, сочли бы его реплику оскорбительной для Тететера, и Гарро даже услышал, как при этих словах резко втянул в себя воздух его денщик, тем более что ветеран-сержант держался весьма официально.

Но капитан Тететер только рассмеялся в ответ. И он, и Гарро прослужили вместе с сержантом немало лет еще до того, как были поставлены во

главе своих рот, и Теметер постоянно дразнил Гарро, угрожая переманить у него старейшего воина.

Гарро ответил сержанту кивком и отвел Теметера в сторону.

— Я не надеялся тебя увидеть до собрания на «Терминус Эст», вот почему остался здесь. — Он похлопал ладонью по эфесу меча.— Не хотел подниматься на борт корабля Тифона без этого.

Теметер вопросительно взглянул на денщика и слегка улыбнулся:

— Да, на этом корабле не хочется оставаться беззащитным, не так ли? Тогда я могу сделать вывод, что ты не знаешь последних новостей.

Гарро искоса посмотрел на старинного приятеля:

— Какие новости, Уллис? Давай, не разыгрывай спектакль, рассказывай.

Теметер еще больше понизил голос.

— Уважаемый командир Первой Великолепной Роты, капитан Калас Тифон, уступил право руководства атакой на йорганов. Нас поведет в сражение кто-то другой.

— Кто? — удивился Гарро.— Тифон не уступит своих прав ни одному из космодесантников. Ему гордость не позволит.

— Ты не ошибся, — продолжал Сететтер. — Он не уступит никому из космодесантников.

Внезапное прозрение окатило Гарро ледяной волной.

— Значит, ты хочешь сказать...

— Примарх уже здесь, Натаниэль. Сам Мортарион собирается принять участие в операции. И решил ускорить дело.

— Примарх?

Восклицание непроизвольно сорвалось с губ Калеба, и в каждом звуке слышались восторг и благоговение.

Сететтер оглянулся, словно впервые заметив невольника Гарро:

— Верно, человечек. Как раз сейчас, пока я говорю, он ходит по палубам «Стойкости».

Калеб опустился на колени и заметно дрожащими руками сотворил знак аквилы.

И у его господина внезапно пересохло в

горле. До принесенного Тетемером известия он, как и большинство воинов Легиона, полагал, что суровый лидер Гвардии Смерти занят в какой-то другой миссии, важной для самого Воителя. Такое внезапное и тайное прибытие примарха выбило его из колеи. При мысли о том, что Мортарион лично выступит против йоргаллов в составе штурмовой группы, он ощутил одновременно и ликование, и смятение.

— Когда же состоится собрание? — спросил Гарро, едва снова обрел способность говорить.

Тетемер широко улыбнулся. Он успел насладиться мгновенным замешательством обычно невозмутимого капитана.

— Прямо сейчас, дружище. Я пришел, чтобы забрать тебя и отправляться на конклав.— Он придвинулся еще ближе и сообщил по секрету: — Должен тебя предупредить, что примарх привез с собой весьма интересную компанию.

Зал собраний ничем не выделялся

среди других. Это было всего лишь прямоугольное помещение в носовой части «Стойкости», с одной стороны открытое звездам через два овальных иллюминатора с закаленными стеклами, выдерживающими натиск убийственного вакуума. Решетчатые ставни на них были наполовину задвинуты, и белесые лучи близлежащей туманности едва пробивались внутрь корабля.

Сводчатый потолок образовывали несущие брусья металлической основы корабля, которые, соединяясь, переходили в стальную заклепанную плиту. Здесь не стояло ни стульев, ни скамей, чтобы отдохнуть. В них не было необходимости. Зал не предназначался для длительных споров и обсуждений — в нем провозглашались краткие приказы и указания, в нем оперативно рассматривались планы предстоящих сражений. Из украшений присутствовало лишь несколько боевых знамен, свисавших с металлических брусьев.

Все помещение было погружено в сумрак. Ниши, образованные

промежутками между брусьями, тонули в чернильно-черных тенях. Отдельные лужицы света напоминали своим цветом желто-белые лучи высокого солнца Барбаруса. В центре зала лениво поворачивался вокруг своей оси призрачный голубоватый контур куба из голопроектора. Механикусы толпились вокруг самого проектора, находящегося непосредственно под проекцией, но не отходили от него дальше чем на расстояние вытянутой руки. Гарро решил про себя, что они попросту боятся приближаться к собравшимся воинам.

Боевой капитан окинул взглядом собрание, вглядываясь в лица высших офицеров флота и уполномоченных представителей всех боевых кораблей. Капитан «Стойкости», властная женщина с резкими чертами лица, поймала его взгляд и уважительно кивнула. Гарро ответил на приветствие и прошел мимо. Идущий рядом Тетер заговорил шепотом:

— Интересно, а где Грульгор?

— Вон там, — движением подбородка

показал Гарро. — Рядом с Тифоном.

— А-а... — глубокомысленно протянул Тетер. — Меня это не удивляет.

Капитаны Первой и Второй рот Гвардии Смерти о чем-то тихо совещались, настолько понизив голоса, что даже острый слух космодесантника не был способен уловить ни слова. Гарро увидел, что Грульгор заметил их появление и, как обычно, проигнорировал этот факт, нарушая протокол, обязывающий приветствовать боевых братьев.

— Он никогда не был твоим другом, не так ли? — прошептал Тетер, заметивший его поведение. — Ни на одно мгновение?

Гарро едва заметно пожал плечами:

— Я стараюсь не обращать на это внимания. Мы достигли своих званий не из-за любви друг к другу. Мы стараемся ради Великого Крестового Похода, а не ради чьего-то благоволения.

Тетер насмешливо фыркнул:

— Говори только за себя. Я невероятно популярен.

— Уверен, ты в этом не сомневаешься.

Тифон и Грульгор резко отодвинулись друг от друга и повернулись навстречу приближавшимся соратникам. Первый капитан Гвардии Смерти, командир лучшей роты и правая рука примарха, выглядел весьма внушительно в своих доспехах терминатора цвета железа. Пряди темных волос рассыпались у него по плечам, а бородатое лицо обрамлял массивный прямоугольный ворот брони. Шлем, увенчанный над линией бровей единственным рогом, покоился на сгибе руки. Какие бы чувства ни бушевали в его душе, Тифон постарался их скрыть, но не настолько искусно, чтобы нельзя было не заметить блеск раздражения в его глазах.

— Тетер. Гарро.

Тифон почти прорычал приветствие и по очереди повернулся к каждому из подошедших. В тот же момент присущая Тетеру непринужденность исчезла, испарившись под пронизывающим взглядом Первого капитана. Гарро с удивлением отметил в глубине его темных глаз не потухшее пламя гнева, зажженное необходимостью в последний момент

уступить главенствующую роль в сражении с йоргаллами.

— Мы с Грульгором обсуждали изменения в плане вторжения, — сообщил Тифон.

— Изменения? — повторил Тететер. — Я не знал...

— Так вот, знай, — с оттенком насмешки в голосе сказал Грульгор.

Несмотря на то, что он был рожден в мире на противоположном конце Галактики, своим внешним обликом Грульгор полностью повторял наружность Гарро, вплоть до безволосого черепа, испещренного шрамами. Но в противовес спокойствию и уравновешенности Гарро, поведение Грульгора всегда граничило с высокомерием, в его речи сквозила насмешка, а объяснения превращались в поучения.

— Задачи Четвертой роты изменились. Ей надлежит провести операции по сдерживанию заградительных сил противника.

Тететер поклонился. Гарро заметил, что его друг испытывает раздражение,

поскольку его лишили возможности разделить с остальным Легионом триумф главной победы.

— Как пожелает примарх. — Он поднял голову и встретил взгляд Грульгора. — Спасибо, что предупредил меня, капитан.

— Командор, — бросил Грульгор. — Тебе стоит обращаться ко мне по званию, капитан Тетемер.

Тетемер потрачнел:

— Конечно, командор, это моя ошибка. Если мои мысли чем-то заняты, обычаи иногда ускользают из памяти.

Гарро заметил, как напряглись челюсти Грульгора. Как и у всех Легионов Космодесанта, у них имелись особые, только им свойственные обычаи и причуды. Гвардия Смерти, к примеру, отличалась от остальных Легионов в построении командной структуры и рангах. По сложившейся традиции в XIV Легионе никогда не было более семи полных рот, но воинов в этих подразделениях было больше, чем в ротах других Легионов, таких как Космические

Волки или Кровавые Ангелы. Тогда как во многих Легионах единственное почетное звание Первого капитана присваивалось командору главной роты, в Гвардии Смерти существовало еще два привилегированных титула, предназначенных для командиров Второй и Седьмой роты. А потому, хоть и не имея формального старшинства над другими капитанами, Грульгор имел право претендовать на обращение «командор», тогда как Гарро именовался «боевым капитаном». По мнению последнего, его почетное звание восходило к Объединительным войнам, когда знак отличия был дарован офицеру Гвардии Смерти лично Императором. И даже по прошествии многих столетий Гарро гордился своим титулом.

— Наши традиции делают нас такими, какие мы есть, — спокойно заметил Гарро. — И правильно, что мы их придерживаемся.

— Все хорошо в меру, — поправил его Тифон. — Нельзя допустить, чтобы правила из давно ушедшего прошлого

связывали нас по рукам и ногам.

— Верно, — поддакнул Грульгор.

— Вот как! — воскликнул Темтер. — Одной рукой ты, Игнатий, держишься за традиции, а другой отметаешь их прочь?

— Старые обычаи хороши только до тех пор, пока они служат нашим целям. — Грульгор неприязненно взглянул на Гарро. — Этот денщик, которого ты при себе держишь, тоже часть традиций, но уже не имеющих смысла. Некоторые обычаи теперь не представляют никакой ценности.

— Не могу согласиться, командор, — возразил Гарро. — Денщик безупречно выполняет свои обязанности...

Грульгор презрительно фыркнул:

— Ха! У меня когда-то тоже был такой помощник. Мне кажется, я потерял его где-то на ледяном спутнике. Этот слабак, наверное, замерз насмерть. — Он глянул по сторонам. — Это наводит на мысль о сентиментальности, Гарро.

— Грульгор, я, как всегда, приму твои комментарии ровно настолько, насколько они того заслуживают,— сказал Гарро и

внезапно замолчал, уловив в луче света движение фигуры в золотом платье.

Теметер проследил за его взглядом и дважды хлопнул друга по наплечнику доспехов.

— Я же говорил, что Мортарион привез с собой компанию.

Калеб занял себя тем, что складывал зеленую бархатную накидку в ровный аккуратный квадрат. Вокруг него в нише оружейной Гарро на каркасах и крючьях было развешано обмундирование капитана. На одной стене на стальных штырях покоился болтер его господина. Вся его поверхность была отполирована до матового блеска, а латунные детали терцали в слабом свете биолюминесцентных сфер.

Денщик убрал ткань и в раздумье скрестил руки. Мысль о том, что примарх находится всего в нескольких уровнях над ним, сверлила мозг и не давала сосредоточиться. Калеб посмотрел вверх, на стальной потолок, и представил себе, что бы он смог увидеть, если бы

«Стойкость» была построена из стекла. Интересно, правда ли Мортарион распространяет вокруг себя мрак и холод, как о нем говорят? Возможно ли простому смертному взглянуть на Повелителя Смерти, чтобы сердце не остановилось в груди? Слуга сделал глубокий вдох, чтобы успокоиться. Ему предстояло еще много дел, и рассеянность затрудняла выполнение обычных обязанностей. Мортарион приходился сыном самому Императору, а Император...

— Калеб.

Обернувшись, он увидел Хакура. Пожилой ветеран, один из немногих космодесантников, называл денщика по имени.

— Да, господин?

— Занимайся своим делом. — Тот кивнул на потолок, куда только что смотрел Калеб. — Смотреть сквозь сталь — дело примарха.

Слуга выдавил из себя улыбку и взял лоскут и банку с полировальной пастой. Под равнодушным взглядом Хакура он прошел в центр и занялся лежащей там

тяжелой керамитовой кирасой. Это был парадный комплект, и Гарро надевал его только в сражение или на торжественные церемонии. В добавление к почетному званию боевого капитана он получил право на бронзовую накладку в виде орла с распростертыми крыльями и загнутым клювом. Казалось, грозная птица вот-вот взлетит с нагрудника. Спинную броню украшал второй орел, который словно охранял его голову, раскинув крылья по плечам, над боевым ранцем.

Что придавало символам уникальность, так это их отличие от аквилы Императора. Эмблема Империума Человечества обладала двумя головами — одна смотрела в прошлое, другая — в будущее, а орлы Гарро были одноголовыми. Калеб воображал, что эти орлы смотрят на то, что еще предстоит совершить, возможно, они были своего рода талисманом и заранее знали о летящей в грудь пуле или смертельно опасном выпаде. Однажды он осмелился высказать свои фантазии вслух и получил в ответ презрительные насмешки от людей Гарро.

Позднее сержант Хакур сказал, что все это суеверия, которым нет места на корабле Императорского Крестового Похода.

— Мы ведем войну, чтобы разогнать ложные мифы и домыслы холодным светом истины, и нам не пристало распространять сказки. — Ветеран постучал пальцем по орлам. — Всего лишь неодушевленная бронза — и ничего больше, это так же верно, как то, что мы состоим из плоти и крови.

И все же Калеб, когда его никто не видел, не мог удержаться, чтобы не прикоснуться к бронзовой иконке, спрятанной глубоко под туникой.

Фигура в золотом явно принадлежала женщине, гибкой и стройной, в мерцающем, словно змеиная кожа, костюме плотного кольчужного плетения, дополненным золотым нагрудником, напоминавшим корсаж платья. Снятая полумаска висела у нее на груди, открывая прекрасное лицо. Гарро не всегда правильно определял возраст тех, кто не

принадлежал к космодесантникам, но все же пришел к выводу, что женщине не может быть более тридцати солнечных лет. Фиолетово-черные волосы были собраны в пучок на макушке продолговатого черепа и открывали кроваво-красную татуировку в виде аквилы. Женщина, бесспорно, была красива, но внимание Гарро больше привлекла ее манера двигаться. Гостья бесшумно скользила по металлическому полу зала, так что космодесантники могли принять ее за голографический призрак, чудесным образом появившийся из проектора.

— Амендера Кендел, — с оттенком неприязни произнес Тифон. — Ищейка.

Тететтер кивнул:

— Из отделения «Штурмовой Кинжал». Она здесь вместе с делегацией Сестринства Безмолвия, возможно, по поручению самого Сигиллайта.

Грульгор пренебрежительно скривил губы:

— Здесь нет никаких псайкеров. С какой целью накануне сражения прислали сюда этих женщин?

— Вероятно, у Регента Терры имеются свои причины, — предположил Тифон, хотя по его тону было ясно, что он лично этих причин не видит.

Гарро следил, как ищейка идет по залу. Ее профессиональные навыки вызывали восхищение. Даже будучи открытой всем взглядам, она передвигалась совершенно незаметно, обходя стоящих офицеров словно по случайно выбранному пути, хотя обостренное чутье Гарро подсказывало ему, что это не так.

Кендел наблюдала. Она считывала реакцию разных людей и собирала впечатления для последующих выводов. Это напомнило космодесантнику разведчика, осматривающего местность перед боем в поисках наиболее уязвимых целей и слабых мест. Гарро еще никогда не приходилось встречаться с Сестрами Безмолвия, но он был наслышан об их подвигах на службе Империуму.

Они заслуженно носят это имя, решил капитан. Кендел действительно была безмолвной, словно ветерок над могилами,

и на своем пути, как он заметил, заставляла некоторых воинов непроизвольно вздрагивать или на мгновение терять нить разговора. Вокруг ищейки словно существовала особая невидимая аура, заставлявшая простых смертных на миг замолкать.

Наблюдая за ищейкой, Гарро вновь обратился к входу в зал, и его взгляд приковал блеск бронзы и стали на двух гигантских фигурах, стоявших по обе стороны от люка. Абсолютно идентичные часовые, с бочкообразной грудью, в прекрасно изготовленных доспехах, перекрыли вход скрещенными боевыми косами, отличительным оружием элитных воинов Гвардии Смерти. Подобные артефакты имели в своем распоряжении лишь несколько членов Легиона, отмеченных лично примархом. Эти орудия были известны как жнецы, а изготовили их в память о простой крестьянской косе, которыми, как говорят, Мортарион сражался в дни своей юности. Одним из жнецов владел Первый капитан, но эти лезвия-близнецы Гарро узнал сразу.

— Часовые Смерти, — прошептал он.

Эти двое космодесантников были личными охранниками примарха и до конца своих дней не имели права открывать свои лица ни перед кем, кроме самого Мортариона. Кое-кто говорил, что Часовых Смерти примарх тайно выбирал из рядовых воинов Легиона, а потом они числились погибшими в какой-нибудь операции. Эти воины становились безымянными стражами и никогда не отходили от своего господина дальше, чем на сорок девять шагов. Гарро понял, что не заметил, как Часовые Смерти вошли в зал, и от этой мысли по его спине пробежал холодок.

— Если они здесь, то где же наш господин? — спросил Грульгор.

Понимающая улыбка скользнула по лицу Тифона:

— Он все время был здесь.

Из сумрака между овальными иллюминаторами в дальнем конце зала поднялась высокая тень. От звука уверенных шагов по металлическому полу моментально стихли все разговоры.

Каждый шаг сопровождался гулким звоном железного наконечника. Гарро напрягся всем телом, а некоторые из офицеров флотилии при этих звуках попятились от голопроектора.

В пыльных легендах Терры, дошедших через историю древнейших государств, таких как Мерика, Старый Урш и Осеания, существовал миф о страннике из темноты, который приходил к каждому умершему. Он изображался в образе скелетообразного существа, которое собирало души из тел людей, словно зерно с поля. Все это были лишь россказни суеверных и боязливых людей, но сейчас, в миллиардах световых лет от источника этого фольклора, в полумраке зала на борту «Стойкости» поднялась точно такая же фигура — высокая и мрачная, в плаще и капюшоне цвета замерзшего моря.

Мортарион остановился и снова стукнул в пластины пола рукоятью своего жнеца, такого длинного, что лезвие возвышалось над головой примарха. Стоять остались только Часовые Смерти. Все остальные присутствующие в зале,

люди и космодесантники, опустились на колени. Из-под разошедшейся накидки ладонью вверх поднялась рука Мортариона.

— Встаньте, — приказал он.

Низкий голос примарха прозвучал уверенно и твердо, составляя контраст с безволосым пепельно-серым лицом, показавшимся над тяжелым воротом, защищавшим шею. Из обруча на шее Мортариона вырывались белые струйки профильтрованного воздуха с планеты Барбарус. Ощутив его запах, Гарро на мгновение мысленно оказался в этом мрачном, облачном мире под угрожающим небом.

Все собравшиеся поднялись с коленей, но Мортарион все равно возвышался над собранием. Под серой накидкой мелькнули доспехи из гладкой стали и сияющей бронзы. С нагрудника скалился символический череп на фоне звезды — эмблема Гвардии Смерти, а на поясе, находящемся на уровне груди рядовых космодесантников, Гарро заметил цилиндрическую кобуру с Лампионом,

изготовленным вручную энергетическим пистолетом, уникальным произведением Шенлонги.

Единственным дополнением к доспехам на примархе была цепочка бронзовых шариков-курильниц, куда тоже были добавлены смертоносные элементы из высоких слоев атмосферы мира, принявшего его. До Гарро доходили слухи, что время от времени Мортарион дегустирует их содержимое, словно коллекционные вина, а иногда, наоборот, швыряет во врагов, вызывая в рядах противника смертельное удушье.

Боевой капитан вдруг осознал, что надолго задержал дыхание и сделал вдох лишь после того, как янтарные глаза Мортариона обвели зал. В полнейшей тишине командор начал свою речь.

— Ксеносы. — Пир Раль, постукивая пальцами по короткому дулу своего болтера, без особых усилий превратил это слово в ругательство. — Интересно, какого цвета у них кровь? Белого? Фиолетового? Зеленого? — Он огляделся и другой рукой

взъерошил коротко подстриженные волосы.
— Ну же, кто хочет заключить со мной пари?

— Никто не будет с тобой спорить, Пир,— покачав головой, ответил Хакур. — Мы все устали от твоих мелких розыгрышей.

Он оглянулся на нишу в оружейной, где денщик Гарро усердно занимался работой.

— Да и в любом случае, о каких выигрышах может идти речь между нами? — добавил Войен, присоединяясь к Хакуру, стоявшему у стенда с оружием.

В физическом аспекте два ветерана разительно отличались друг от друга, и массивная фигура Войена ничуть не походила на жилистое тело Хакура, но они сходились во мнениях по большинству вопросов, волновавших отделение.

— Мы же не матросы и не солдаты, чтобы спорить из-за бумажек и монет!

Раль нахмурился:

— Это не имеет никакого отношения к деньгам, апотекарий, ничего подобного! Дело не в выигрыше, а в том, кто прав.

Вытирая полотенцем вспотевшее

после боя в тренировочной камере лицо, к ним подошел Солун Децицс, самый молодой воин командирского отделения. Его взгляд всегда поражал сосредоточенной суровостью, что не вязалось с очевидной молодостью. В глазах горело пламя едва сдерживаемой энергии, разожженное возможностью проявить героизм в присутствии примарха

— Я приму пари, если это тебя успокоит. — Децицс оглянулся на Хакура и Войена, но старшие товарищи не оказали ему никакой поддержки.— Я ставлю на красное, у них кровь как у орков.

Рахл фыркнул:

— Белая, как молоко. Как кровь тегарахнидов.

— Вы оба не правы,— раздался спокойный и монотонный голос Толлена Сендека, не поднявшего лица от электронного планшета с изображениями тактических карт.— Кровь йоргаллов имеет темно-бордовую окраску.

Густые брови и полузакрытые глаза придавали лицу этого воина постоянное сонное выражение.

— И откуда это тебе известно? — потребовал объяснений Децицс.

Сендек помахал электронным планшетом.

— Я много читаю, Солун. Пока ты впустую размахиваешь в тренировочной камере своим цепным мечом, я изучаю врага. Эти протоколы препарирования, изложенные магосом биологии, просто удивительны.

Децицс нахмурился:

— Мне надо знать одно: как убить врага. В твоем тексте говорится об этом, Толлен?

Сендек кивнул массивной головой:

— Да, говорится.

— Ну-ка, ну-ка. — Войен поманил серьезного космодесантника. — Поделись с нами полезной информацией.

Сендек со вздохом встал, не отрывая взгляда от планшета, так что его угрюмое лицо осветилось сиянием экрана, и похлопал себя ладонью по груди.

— Йоргаллы предпочитают усиливать свои физические тела механическими приспособлениями. Им

присущи некоторые гуманоидные черты — имеются голова, шея, глаза и рот, но похоже, что мозг и центральная нервная система расположены не там,— постучал он по своему лбу,— а здесь.— Рука Толлена легла на грудь.

— Значит, чтобы его убить, надо целиться не в голову, а в сердце, — сделал вывод Раль и был вознагражден кивком.

— Ага, — произнес Децимус. — Вот так?

В одно мгновение космодесантник резко развернулся и выхватил болтер. Из оружия прогремел единственный выстрел, и снаряд попал в туловище неподвижной мишени, всего в нескольких метрах от оружейной Гарро. Денщик капитана дернулся от выстрела, вызвав недовольство Хакура.

Довольный собой Децимус отвернулся. Мерик Войен обменялся взглядами с Хакуром:

— Самодовольный щенок. Не понимаю, что увидел в нем капитан.

— Когда-то я то же самое сказал о тебе, Мерик.

— Скорость и мастерство ничего не значат, если нет надлежащего контроля, — упрямо продолжил апотекарий. — Такие выходки больше подходят щеголям из Детей Императора.

Слова приятеля вызвали на губах Хакура слабую усмешку.

— Несмотря ни на что, мы все — космодесантники, братья и боевые товарищи.

Благодушие Войена окончательно испарилось:

— А это, братец, в такой же степени ложь, как и истина.

В голубоватом кубе голопроектора появилось изображение конструкции йоргаллов. Широкий цилиндр имел длину в несколько километров, один его конец был закруглен, и на нем присутствовали механизмы управления, а второй, постепенно сужаясь, переходил в короткую носовую часть. Из кормы поднимались похожие на лепестки лопасти, покрытые блестящими панелями, они улавливали солнечный свет и направляли его внутрь

через огромные, словно моря, иллюминаторы.

Мортарион указал на изображение:

— Цилиндрический мир. Этот образец по своей массе вдвое превосходит конструкции, обнаруженные и уничтоженные в районе планет Тасак Бета и Фаллон. В отличие от них, нашей целью является первый действующий боевой корабль йоргаллов, встреченный в глубоком космосе.

Один из адептов извивающимися, словно черви, механодендритами тронул переключатели, и изображение отодвинулось, открыв поблизости флотилию каплевидных судов.

— Впереди корабля идет значительная эскадра заграждения. Капитан Тетер должен возглавить вылазку с целью разорвать их строй и уничтожить линии коммуникаций.

Примарх принял салют Тетера и продолжал:

— Отделения Первой, Второй и Седьмой рот останутся со мной для штурма внутри колбы. Наши уникальные

таланты как нельзя лучше проявятся на таком поле боя. Йоргаллы дышат смесью кислорода и азота с большой примесью хлора, которую наши легкие без труда смогут нейтрализовать.

Словно в подтверждение своих слов Мортарион вдохнул газ из своей полумаски.

— Первый капитан Тифон будет оставаться при мне. Командор Грульгор проникнет в управляющий центр и возьмет под контроль главный распределитель энергии цилиндра. Боевой капитан Гарро нейтрализует инкубаторы.

Гарро старательно отдал салют, повторив жесты Грульгора и Тифона. Он подавил разочарование назначенной целью в отдаленной части цилиндра и вдали от поля боя примарха и стал прикидывать первые наметки плана сражения.

Мортарион на мгновение замолчал, а затем — Гарро мог поклясться, что уловил в голосе примарха намек на улыбку — произнес:

— Как уже догадались многие из вас, в этом сражении предстоит принять

участие не только Гвардии Смерти. По приказу Сигиллайта Малкадора я пригласил дознавателей из Дивизио Астра Телепатика под командованием Рыцаря Забвения — сестры Амендеры.

Примарх наклонил голову, и Гарро увидел, как Сестра Безмолвия в ответ склонилась в глубоком поклоне. Она ответила языком жестов, быстро двигая пальцами и запястьями рук.

— Уважаемые сестры присоединятся к нам, чтобы отыскать след псайкеров, который привел нас к этому миру-колбе.

Гарро напрягся. Псайкеры? Он впервые услышал о подобной угрозе, исходящей со стороны корабля йоргаллов. А потом заметил, что эти новости не удивили одного только Тифона.

— Я верю, что каждый из вас сознает важность данного предприятия, — продолжал Повелитель Смерти, повышая голос. — Эти йоргаллы постоянно проникают в наше пространство на кораблях, где воспроизводится их потомство. Они пытаются заселить миры, принадлежащие Императору. Нельзя

допустить, чтобы они смогли где-то закрепиться. — Примарх отвернулся, и его лицо скрылось в тени капюшона. — Со временем космодесантники изгонят этих существ с небес человечества, и сегодня нам предстоит сделать первый шаг.

Гарро и его боевые братья снова отсалютовали, а примарх повернулся и скрылся в полумраке. Не было ни боевых кличей, ни одобрительных выкриков. Примарх сказал — и его голоса было достаточно.

АТАКА
БРАТЬЯ И СЕСТРЫ
ПОСЛАНИЕ В БУТЫЛКЕ

Рывок двигателей тяжелого штурмового катера гулом отозвался в костях и прижал космодесантников к компенсационным рамам. Гарро напряг мускулы, преодолевая тяжесть ускорения, и устремил взгляд на вогнутые створки дверей, образующих нос корабля. Внутреннюю поверхность покрывала искусная чеканка, демонстрирующая бесчисленные операции, в которых участвовал катер.

В этот момент он был одним из сотен таких же судов, летящих сквозь бездну, несущих в себе настроенных на бой воинов, и каждый был нацелен на корабль йоргаллов, словно бездушная ракета из точно наведенного орудия.

Через пикт-цепи, внедренные в линзы брони, Гарро быстро просмотрел сведения,

доступные ему как командиру роты. Перед его взором промелькнули изображения из глазных камер лидеров отделений, телеметрические данные из медицинского ауспекса Войена, и на мгновение появилась зернистая и размытая картина, переданная с зазубренного носа корабля.

Гарро потратил несколько секунд, наблюдая за движением приближающегося громадного цилиндра. Отливающая металлическим перламутром стена становилась все больше. Она казалась такой огромной, что кривизна поверхности была почти незаметной, и единственным признаком приближения стали выступающие детали корпуса корабля: россыпь штырей, возможно служивших антеннами, и округлая выпуклость орудия, плевавшегося желтыми трассирующими снарядами.

Капитан не опасался йоргалльских пушек. Штурм-группа двигалась на предельной скорости, под прикрытием электронных залпов, маскирующих тепловых выбросов и мерцающих скоплений облаков дипольных

отражателей, что сводило на нет все попытки противника вести прицельную стрельбу. Гарро был уверен в мастерстве Семетера и знал, что капитан Четвертой уже внес сумятицу в ряды заградительной флотилии, лишив ксеносов возможности предупредить основные силы.

Стена уже была совсем близко, и дистанция сокращалась с каждым мгновением. По краям надвигающейся громады Гарро успел заметить и другие суда, летящие к своей цели. Дальнобойные датчики определили этот участок корпуса как самый тонкий, значит, Гвардия Смерти начнет вторжение именно здесь, в полукилометре от центральной оси цилиндра. Гарро отключил внешние источники, собрался с мыслями и активировал общий канал вокс-связи. Его голос зазвучал в шлемах всех находившихся на борту космодесантников.

— Крепитесь, братья. Удар уже близко. Я хочу, чтобы высадка прошла четко и быстро. Так, чтобы сам Император мог одобрить наше

мастерство! — Он перевел дыхание, и в этот момент взвыл сигнал тревоги. — Сегодня нас ведет примарх, и мы должны вызвать у него чувство гордости за своих воинов. За Мортариона и Терру!

— Мортарион и Терра!

В общем хоре возгласов Гарро различил хрипловатый баритон Хакура. По вокс-каналу прорезался голос Децируса, звенящий от усердия.

— Вперед, Седьмая! — закричал он, заглушая сигнал общего сбора. — Вперед, Седьмая!

Гарро присоединился, но через мгновение его слова заглушил удар, когда толстый нос штурмового катера врезался в корпус йоргалльского цилиндра. Пронзительный скрежет разрываемого металла и свист вырывающегося газа заглушили все звуки вокруг фюзеляжа катера, а судно продолжало углубляться в толщу корпуса при помощи цепких гусеничных захватов на боковых плоскостях. Автономный мозг пилота катера поворачивал и раскачивал судно, преодолевая хитиновый защитный слой

толщиной в несколько метров, а гидравлические установки уже выбросили зазубренные заглушки, чтобы предотвратить потерю внутренней атмосферы.

Неистовые броски и оглушительный скрежет, казалось, будут продолжаться вечно, но внезапно все стихло. Штурмовой катер остановился. Гарро уловил металлический скрип, и на внутренней поверхности дверей зажегся предупредительный сигнал.

— Приготовиться к высадке! — скомандовал он.

Створки повернулись на пироболтах, и Гарро уже поднял болтер, готовый уничтожить любого, кто осмелится ворваться внутрь, но в открывшийся проем вместо вражеских защитников неожиданно хлынул голубой поток солоноватой воды. Ледяная жидкость быстро забурлила вокруг ног и поднялась до уровня живота.

— Вперед! — взревел Гарро.

Боевой капитан стал выбираться из штурмового катера, чувствуя за своей спиной остальных воинов. Он бросился в

кобальтовый сумрак и устремился к поверхности, оглядываясь, не выпуская из рук оружия.

Это был один шанс из ста. Вторжение произошло через дно неглубокого химического отстойника, и темные корпуса катеров торчали из плотной жидкости, словно зазубренные пальцы латной перчатки. Там, где вслед за кораблями ворвался убийственный холод космоса, вода уже начала замерзать, превращаясь в твердые бело-голубые пластины. Сделав глубокий вдох, Гарро даже сквозь дыхательные фильтры ощутил привкус металлических солей. Рядом с ним, выбравшись из своего катера, выкрикнул команду Грульгор.

А на берегу, указывая своим жнецом, стоял Мортарион. Одного вида примарха оказалось достаточно, чтобы разогнать кровь в жилах Гарро, и, держа болтер над головой, он устремился вперед к мелководью.

— Вперед, Седьмая! — крикнул он, даже не оглядываясь, зная, что воины его роты уже образуют позади боевой строй.

От места высадки Гарро бросился в атаку вместе с отделением ветеранов Хакура и Децисом и Сендеком в качестве поддержки. Ровный берег химического озера вокруг них огласился громовой стрельбой и ударами клинков. Толпы космодесантников в смертельной яростной схватке сошлись с ксеносами.

Силы чужаков быстро утратили порядок. Даже в нечеловеческих войсках Гарро различал манеру передвижений и поведения воинов, когда они начинали терять уверенность. Отдельные группы распадались и перестраивались, солдаты мельтешили в замешательстве, вместо того чтобы соблюдать строй и действовать как единый организм. На уничтожение этого противника Гвардии Смерти не потребуется много времени и сил.

Стало ясно: йоргаллы слишком поздно поняли, что объект на пути их мира-корабля является не огромным складом оружия, а настоящим военным судном, на котором полно воинов. Вторжение, близкое к попытке самоубийства,

ошеломило их, и они не смогли подготовиться к жестокой ярости нашествия Гвардии Смерти. Кроме того, в расстановке сил тоже были допущены грубейшие ошибки. Йоргаллы-киборги, стоящие по берегам химического озера, были быстро перебиты, и их пронзительные крики далеко разнеслись по невысоким сыпучим дюнам, окружавшим место высадки десанта.

Гарро уже мысленно составлял план, как обезопасить зону высадки перед тем, как роты разойдутся — каждая к своей цели. Одновременно он вел своих людей развернутым строем через толпу длинных, извивающихся ксеносов, сопровождая каждый шаг взмахами стальных лезвий или всаживая по паре болтерных снарядов в грудь любого встреченного йоргалла. Космодесантники вскоре разошлись вокруг озера светлым кольцом, все дальше оттесняя защитников.

Стреляя на ходу, Гарро и его воины перевалили дюну из прозрачных гранул, громко хрустящих под ногами, и

обнаружили еще группу противников. Фаланга йоргаллов, развернувшись, быстрым маршем бросилась им навстречу, пытаясь остановить и опрокинуть космодесантников. С обеих сторон грянули выстрелы, тяжелый рев болтеров смешался со свистящим шипением электростатических разрядов из встроенных прожекторов врага.

Децимус, предпочитая действовать прямыми ударами энергетического кулака, ворвался в самую середину чужаков, опрокинул одного из них на землю и стал наносить один удар за другим, превращая в месиво длинную шею и овальную голову йоргалла.

— Он что, забыл, что я вчера говорил? Я сказал целиться в торс, чтобы убить быстро и наверняка.

— Нет, он не забыл, — ответил Хакур.

Два самых больших ксеноса с необычным раскатистым криком сжались в комки и рванулись прямо на Гарро. В прыжке они раскрылись, словно бутоны цветка, широко раскинув руки и по три

ноги. Там, где целые секции конечностей были заменены, капитан успел заметить серый блеск металла и черные изогнутые лезвия. Он одним быстрым движением бросил висящий на перевязи болтер и выхватил из ножен Вольнолюбца с сияющим энергией лезвием. Размахнувшись, Гарро описал клинком широкую дугу и разрубил сразу обоих — лезвие легко рассекло чешуйчатую плоть. Хакур одобрительно хмыкнул:

— Он все такой же острый, как прежде?

— Да, — кивнул Гарро, стряхивая с меча тяжелые багровые капли.

Он помедлил несколько мгновений, рассматривая разрубленные тела с тем же хладнокровием, с каким изучал изображения в электронном планшете Сендека.

В естественном состоянии взрослые йоргаллы, когда еще состоят полностью из плоти, имеют рост около четырех с половиной метров, передвигаются на трех ногах, с тремя суставами на каждой, которые растут из нижней части

туловища, наподобие колесных спиц. Верхняя часть тела отличается только растягиваемой шеей и тем, что конечности заканчиваются шестипалыми кистями.

На овальных головах присутствуют глубоко посаженные слезящиеся глаза и складки плоти, обозначающие рот и нос. Кожа у них напоминает кожу ящериц с Терры — вся в чешуе и крошечных костяных шипах. Но «естественных» йоргаллов не существует. Каждая особь этой разновидности ксеносов, убитая и изученная служителями Империума, от нерожденных младенцев до немощных стариков, оказалась модифицирована вживленными приборами и программируемыми механизмами. В электронном планшете демонстрировались такие новации, как поршневые ноги, колеса или ролики вместо ступней, острые как кинжалы когти, подкожные пластины брони, телекамеры внутри глазных впадин и даже встроенные в полые кости орудия для выброса игл.

Гарро не мог не заметить сходства

между имплантатами чужаков и генно-инженерными органами, которыми обладал каждый космодесантник, но они были ксеносами и, кроме того, захватчиками. Между ними не было ничего общего, и по приказу Императора они подлежали уничтожению за попытку вторгнуться в пространство людей.

Неподалеку от границы озера толпа когтистых йоргаллов, вероятнее всего, особей, предназначенных для рукопашного боя, набросилась на дредноута из Второй роты. Заслуженный воин стал вязнуть в жиже на самом краю воды. Гарро видел, как дредноут крутился вокруг своей оси, отбиваясь ударами цепного кулака. Внезапно в середину толпы откуда-то метнулась белая вспышка, и капитан услышал оглушительный хохот Игнатия Грульгора. Капитан Второй роты, окруженный ксеносами, выпрямился и запрокинул голову.

Грульгор сражался с непокрытой головой, и вредные примеси воздуха мира-бутылки его совсем не беспокоили. В каждой руке он держал по болтеру

производства мастерских Марса и с видимым удовольствием в упор разряжал их во врагов.

Быстрая очередь искрошила йоргаллов в мокрые обрывки плоти, дав возможность дредноуту вытащить ноги и выйти на твердый грунт. Еще через несколько мгновений Грульгор уже стоял в кольце исковерканных трупов чужаков, и из обоих болтеров поднимались струйки дыма. Командор отсалютовал примарху, дерзко усмехнулся в сторону Гарро и отправился на поиски новых целей.

— У него нет никакого понятия об искусстве боя, правда? — пробормотал Хакур. — Почтенный Хурон-Фал сам мог бы выбраться из этой свалки, но Грульгор решил вмешаться, лишь бы продемонстрировать примарху свою удаль, не подумав, что боеприпасам можно найти более удачное применение.

— Мы — Гвардия Смерти. Нам ни к чему думать об искусстве, — возразил Гарро. — Мы ремесленники войны — и ничего больше, прямолинейные и жестокие. Мы не ищем славы и почестей, важно

только выполнить свой долг.

— Да, конечно, — добродушно согласился ветеран. Децимус, все еще настороже, отбрасывая ногами части тел, разорванных его выстрелами, подошел к Гарро.

— Фу! Ты чувствуешь это? Чувствуешь, как смердит их кровь?

Боевой капитан не ответил. Он нерешительно замер, наблюдая за припадком холодной ярости Мортариона. Рядом с ним кружились и размахивали оружием Тифон вместе с двумя Часовыми Смерти, и их жнецы беспрепятственно рассекали беспорядочные толпы визжащих йоргаллов. Сам Повелитель Смерти явно считал этих низших представителей ксеносов недостойными своего жнеца и вместо этого направлял на них лучи Лампиона.

Резкие белые лучи, вылетающие из короткого дула огромного бронзового пистолета, несмотря на систему усиления зрения, оставляли на сетчатке глаз Гарро красные полосы. Едва такой луч касался любого из защитников, как тот мгновенно

превращался в обугленный силуэт, а затем исходил дымом.

Мортарион шагнул в самую гущу свалки и, нагнувшись, вытащил раненого воина, легко разбросав врагов и обеспечив ему безопасность. Примарх произнес несколько слов, и после этого Гвардеец Смерти с яростным ревом снова ринулся в бой.

— Великолепно, — выдохнул Децимус.

В его голосе Гарро услышал страстное желание молодого воина, стремление сбежать с дюны и присоединиться к Мортариону, отбросить все условности ради возможности сражаться в лучах ауры своего повелителя. Этому соблазну было очень трудно противиться. Гарро и сам чувствовал то же самое, но он не мог опуститься до того, чтобы уподобиться выскочкам вроде Грульгора.

Но вот молодой воин оторвался от созерцания и обернулся:

— Так это и есть грандиозное творение ксеносов? Здесь и посмотреть-то не на что.

— Люди, странствующие в космосе, тоже когда-то жили в похожих цилиндрах, — заметил Сендек, перезаряжая оружие. — Это было в далеком прошлом, до того как они победили силу притяжения. Их называли колониями Охнил.

Сведения не произвели впечатления на Децицуса.

— Я чувствую себя как муха, пойманная в бутылку. Что это за мир наизнанку?

Он указал вдаль, где ландшафт, искривляясь, замыкался высоко над их головами. Тонкая полоска иллюминаторов тянулась по оси цилиндра от кормы к носу и исчезала в желтых облаках. Внезапно Гарро прищурился, заметив двигающиеся зеленые точки, летящие по коридору с нулевой гравитацией в центре корабля-мира.

Рядом с ним насторожился Хакур.

— Я тоже их вижу, боевой капитан. Воздушное подкрепление.

Гарро включил общий вокс-канал.

— Гвардия Смерти, смотреть вверх!

Стоящий на скользком от крови

берегу Мортарион ткнул вверх лезвием своего жнеца:

— У капитана Седьмой острое зрение! Ксеносы пытались отвлечь нас легкой победой и приковать внимание к поверхности!

Примарх коротко кивнул Гарро и перешел на другую сыпучую дюну, не обращая внимания на стук игольчатых снарядов йоргаллов, не причинявших вреда его броне. Поднимая лицо к ограниченному цилиндром небу, Мортарион сбросил с головы капюшон:

— Мы должны исправить эту ошибку!

Мимолетная похвала, несмотря на твердое намерение не придавать ей значения, на целую секунду приковала ноги Натаниэля к земле. Внимание примарха, сына Императора, пусть даже кратковременное, кружило голову, и теперь капитан мог понять, почему люди вроде Грульгора готовы на все, чтобы его заслужить. Но Гарро быстро опомнился и стенил обойму.

— Седьмая, к оружию! — крикнул он, поднимая болтер к плечу и целясь вдаль.

Летающих йоргаллов оказалось намного больше, чем их собратьев, поджидавших Гвардию Смерти на поверхности. Эти особи в блестящих зеленых мундирах, которые развевались вокруг них длинными лентами, ради механических усовершенствований пожертвовали хирургам по две свои конечности. Вместо них появились подвижные крылья из металлических перьев, заточенных до остроты бритвы. Ступни превратились в клубки загнутых когтей, а еще в полые трубки повернутых вперед костей было встроено множество дуговых разрядников и иглометов.

Стая йоргаллов с уханьем и свистом устремилась вниз и была встречена лавиной болтерного огня и высокоэнергетической плазмой. Многие погибли сразу, но это была только первая волна, а из тонких желтоватых облаков продолжали падать зеленые мерцающие силуэты.

На глазах Гарро летающие йоргаллы набросились на одного из воинов отделения

Хакура, окутали его искусственными молниями, и в воздухе запахло обугленной человеческой плотью. Дредноут Хуронфал неподалеку от капитана применил ракетную установку, посылая в плотную стаю смертельные разрывные заряды, и десятки врагов, изуродованные или оглушенные, попадали на землю. Гарро, в свою очередь, держался осторожно, припадая к самому песку, и сбивал ксеносов очередями из болтера, заставляя их пикировать и блестящими брызгами врезаться в землю. Замысел атаки был предельно прост: летающие йоргаллы пытались загнать космодесантников обратно в ледяное озеро.

— Ну, уж нет,— ни к кому не обращаясь, пробормотал боевой капитан, подрезая крылья крупной женской особи, отчего та по спирали понеслась вниз и воткнулась головой в песок.

Внезапно он понял, что кроме космодесантников в бой вступил кто-то еще. Гарро оглянулся через плечо и удивленно нахмурился — позади него появились стройные золотистые фигурки.

Сестры Безмолвия двигались короткими перебежками, прикрывая друг друга огнем и сохраняя строй с такой четкостью, какую до сих пор он мог наблюдать только у космодесантников.

Капитан не мог отличить одну женщину от другой. Их доспехи, отполированные до невыносимого блеска, не были украшены ни отличительными знаками, ни пергаментами с особыми обрядами, как светлая броня Гвардии Смерти. Лица скрывались под ястребиными полумасками, напомнившими Гарро закрытые врата древней цитадели. Маски наверняка были снабжены воздушными фильтрами, что позволяло Сестрам без труда переносить отравленную атмосферу мира-бутылки. Все они казались одинаковыми, словно вышли из одной литейной формы, изготовленной руками Императора. Гарро на мгновение задумался, не выглядят ли космодесантники точно так же в глазах обычных людей.

Сестры несли с собой мечи и огнеметы. Лезвия и языки пламени без

устали сметали летающих йоргаллов, едва они оказывались в пределах досягаемости. Некоторые из Сестер были вооружены болтерами.

Согласно принятому на службе Императору обету, женщины никогда не разговаривали, даже в тех случаях, когда их пронзали смертоносные иглы или сжигали молнии разрядников. Они общались между собой на языке жестов, похожем на боевые знаки космодесантников, а в вокс-канале использовали последовательности щелчков языком. По тому, как они влились в развернувшееся сражение, Гарро не сомневался, что Сестры точно знали, куда идут.

Золотые воительницы прошли мимо него, и ближайшая из Сестер окинула Гарро взглядом, от которого он на мгновение похолодел. То, что женщины странствовали по Галактике в поисках нечестивой психической силы, чтобы завладеть источником или уничтожить его, было общеизвестным фактом, но мало кто знал, как именно они этого

добиваются.

Гарро было известно, что, в отличие от всех живых существ, эти безмолвные женщины хранили молчание не только в материальном мире, но и в эфемерном пространстве мыслей. Их называли разными именами: неприкасаемые, парии, отсутствующие.

Поймав себя на нерациональных раздумьях, Гарро нахмурился и выбросил из головы посторонние мысли. В следующее мгновение он о них забыл, поскольку внутри визора замелькали предупредительные руны. Затем капитан услышал свист воздуха, рассекаемого железными крыльями.

Он отреагировал в тот самый момент, когда стая йоргаллов была почти над головой. Быстро, как может только космодесантник, Гарро ударом по спине бросил идущую рядом женщину вперед и вниз, и многосуставные когти уже со свистом неслись ему навстречу. Он только успел поднять руку, чтобы отвести удар, но цепкие лапы уже возились в доспехи, захватив шейную застежку. Визжащий

йоргалл, не выпуская шлема, рванулся вверх, так что чуть не оторвал противнику голову. Капитан пошатнулся, но удержался на ногах и выстрелил из болтера. Одновременно с оружием Гарро грохнул выстрел болтера Сестры, успевшей перевернуться на песке. Ни один йоргалл из стаи, осмелившейся их атаковать, не удержался в воздухе.

Наконец боевой капитан провел рукой по лицу и с удовольствием отметил, что этот поединок не оставил на нем новых шрамов. Ищейка, поднявшись на ноги, подошла к Гарро и протянула ему шлем, вырванный из когтей убитого йоргалла. Шлем сильно пострадал, но символический жест имел огромное значение. Женщина заглянула ему в глаза, затем опустила голову и поднесла свободную руку к своей груди, а потом ко лбу. Жест был совершенно ясен. Прими мою благодарность. Гарро, не зная правил этикета, просто кивнул, и этого оказалось достаточно. Женщина, не оборачиваясь, двинулась дальше. Только увидев ее сзади, Гарро заметил пучок черных волос,

ниспадавших из-под золотого шлема, и алую аквилу на уровне лопаток.

Боевой капитан снова бросился по усеянным трупами йоргаллов дюнам в гущу сражения. Кое-где встречались и редкие тела павших воинов Гвардии Смерти. Каждый брат, распростертый на земле, словно добавлял топлива в полыхающий костер ярости. Любой из них стоил тысячи нелепых захватчиков.

Раздался еще один звонкий треск Лампиона примарха, и Гарро посмотрел вверх. Луч пистолета отыскивал в небе скопления йоргаллов и превращал их в хлопья падающего пепла.

На общем канале послышалось хриплое ворчание Тифона:

— Если это все, с чем нам придется здесь столкнуться, то наша мощь останется невостребованной.

— Я был послан сюда своим отцом. — Голос Мортариона был спокоен, но в нем слышалась настойчивость. — Неужели ты считаешь, что он ошибся, Первый капитан?

Любой другой человек, заслышав

замаскированную угрозу, пошел бы на попятный, но только не Тифон.

— Я только расстроен убогостью сопротивления, лорд-командир. Мы проделали такой длинный путь, сэр.

Гарро уловил согласную усмешку.

— Возможно, друг мой. — Затем примарх активировал общий канал и заговорил громче. — Сыны Смерти! Вам известны ваши цели! Расходитесь по подразделениям и доводите до конца начатое дело! Тифон остается со мной, задача Грульгора — овладеть центром управления, Гарро — захватить инкубатор. Вперед!

Воины Седьмой роты собрались вокруг своего командира, и Гарро с радостью отметил, что потери невелики. Апотекарий Войен внимательно осмотрел его с ног до головы, молчаливо комментируя состояние висящего на поясе шлема. Децимус тоже подошел с непокрытой головой, и губы на его бледном лице все еще были растянуты в хищном оскале. Немым подтверждением его успехов в убийствах служили ключья

внутренностей, свисавшие с энергетического кулака.

Гарро кивнул своим людям, и они быстро построились. Оставив Грульгора добивать последних летающих йоргаллов, отряд двинулся к назначенной цели. Они быстрым шагом миновали дюны из химического песка и оказались в лесу из странных деревьев, сотканных из какого-то грубого волокна.

Сендек показал на свой планшет:

— Тактическая разведка показала, что источники теплового излучения, сопоставимые с инкубатором йоргаллов, расположены в той стороне. — Он махнул рукой. — Нам туда. Виртуальный компас не в состоянии охватить всю внутренность мира-бутылки.

— А насколько точны эти сведения? — поинтересовался Хакур. — Сервиторы-датчики не смогли нас предупредить, что место высадки десанта находится в химическом озере. Интересно, что еще они упустили?

Сендек нахмурился:

— Сведения... несколько

противоречивы.

— Значит, нам лучше готовиться к сюрпризам, — заметил Раль, крепче сжимая приклад болтера.

— Не вздумай сожалеть о назначенной тебе цели, капитан. — Мортарион говорил, не глядя на него, а Гарро уставился на голопроектор в центре зала собраний «Стойкости». — Этот так называемый инкубатор не только ясли для йоргалльских детенышей, но еще и место, где проводятся модификации. Вполне возможно, что ты обнаружишь яйца не только с зародышами, но и со взрослыми вооруженными воинами.

Эти слова примарха он вспомнил, глядя на высокие волокнистые деревья. При углублении в «лес», где стволы стояли плотными правильными рядами, стало видно, что на них уродливыми плодами висело множество больших серых шаров. Кое-где в шарах можно было заметить движение и толчки. То там, то здесь попадались лужицы водянистой жидкости, которую Сендек немедленно определил как

«желток». Войен с ним согласился и показал на истекающие жидкостью шары — разорванные, бесформенные и, по всей видимости, пустые.

— Корни деревьев всасывают жидкость и возвращают ее в систему, — предположил Сендек. — Очень эффективно.

— Я дрожу от восхищения, — бросил Раль таким тоном, что никто не поверил его словам.

Децимус прижал к груди болтер.

— А где же охрана? Неужели эти ксеносы так мало заботятся о своем потомстве, что оставили его на съедение хищникам?

— Возможно, их детеныши и есть хищники,— мрачно заметил Хакур.

Один из воинов отделения ветеранов остановился и показал прямо перед собой.

— Капитан, — окликнул он Гарро. — Вы видите?

— Что там? — отозвался Натаниэль.

Космодесантник, нагнувшись, поднял с земли блестящий металлический предмет округлой формы, повертел его в руках.

— Это... сэр, я думаю, это шлем.

Он поднял свою находку, чтобы показать остальным, и Гарро с ужасом узнал элемент брони Сестер Безмолвия. Внутри что-то повернулось, и из шлема на землю выпала отрезанная голова с пучком белокурых волос.

— Чисто отрезано, — произнес космодесантник. — И совсем недавно.

Войен прищурил глаза:

— А где же... все остальное?

Децимус дулом болтера показал на ветви нескольких деревьев:

— Здесь, и там, и там тоже. Мне кажется, повсюду.

На каждом из деревьев ясно виднелись красные и золотые обрывки.

— Сестры пришли в инкубатор? — удивился Хакур и внимательно осмотрелся. — Что здесь понадобилось ищейкам?

Децимус сухо усмехнулся:

— Старик, это будет второй вопрос после того, как мы выясним, что ее убило.

Спереди, из самой гущи волокнистых деревьев, послышалась болтерная очередь.

Низкий рокот прокатился по песку под ногами, и Гарро успел заметить отдельные вспышки разрывов. Деревья впереди стали раскачиваться и ломаться с треском, напоминавшим хруст раздробленных костей. Вершины вздрагивали и падали, как будто их сбивало какое-то огромное существо.

— Вот и ответ на твой вопрос, — воскликнул Раль, поднимая болтер.

Среди яйценосных деревьев появились Сестры. Они двигались, словно в танце, но их оружие не на шутку тревожило йоргалльского великана. Ни во время операции высадки в мире-бутылке, ни в документации Сендека Гарро не видел такого громадного ксеноса. Внешне он был похож на всех остальных йоргаллов, но по росту и весу превосходил их раз в десять. Его голова возвышалась над кронами деревьев, а тело представляло собой сплав чешуйчатой плоти и металла. Пораженный гигантизмом йоргалл был модифицирован, чтобы стать еще больше.

Внутри стеклянного шара в середине корпуса киборга боевой капитан заметил

участки плоти — возможно, это было все, что осталось от его естественного тела. У громадного существа не было рук. Вместо них из всех плечевых впадин росли пучки гибких серых металлических щупалец. Большая часть отростков, словно змеи, хлестала по Сестрам, а остальные сплелись вокруг не видимого издали предмета, который был бережно прижат к груди монстра.

— А вот и охранник, — предположил Войен.

— А вот и цель, — поправил его Децимус, открывая огонь.

Гвардия Смерти, стреляя на ходу, бросилась на помощь Сестрам Безмолвия, и их снаряды добавились к ореолу взрывов вокруг киборга. Гарро вдруг показалось, что киборг пытался убежать, а потом развернулся и отказался от этого намерения. Возможно, он мог бы скрыться от женщин, но с появлением Гарро у него оставалась только одна возможность — драться.

Металлические щупальца метались над землей, поднимая фонтаны грязи

заостренными наконечниками.

Они сжимались и дергались, вырывая не только клочья дерна, но и целые деревья. Хакур замешкался на одно мгновение, и щупальце хлестнуло по нему, так что воин покатился по земле и ударился о ствол дерева. Капитан пригнулся, увертываясь от свистящих над головой искусственных змей.

Одна из ищеек остановилась, чтобы перезарядить болтер, и тут же встретила удар своей грудью. Наконечники пронзили ее тело и прикололи женщину к дереву, затем отдернулись, выбив поток крови. Кровавый след еще тянулся за ними, а щупальца уже сбили с ног Раля и сорвали шлем с одной из сестер Кендел. Едкий воздух йоргалльского мира мгновенно наполнил легкие суровой рыжеволосой Ноль-Девы, и она жестоко закашлялась, едва удерживаясь на ногах. Войен уже ринулся ей на помощь. Гарро помрачнел. Движения киборга были слишком быстрыми, сильными и непредсказуемыми. Чтобы его уничтожить, требуется подойти поближе. Капитан перевел регулятор болтера на

автоматическую стрельбу и ринулся навстречу йоргалльскому гибриду.

Гарро разрядил в ноги и нижнюю часть корпуса целую обойму, и фонтаны маслянистой жидкости, перемежаемые искрами короткого замыкания, показали, что снаряды попали в цель. Йоргалльский монстр разразился яростными воплями и сосредоточил все свои усилия на воине в светлых доспехах. Плети щупалец с напряженным гудением рванулись вперед, но Гарро перекатился по земле, миновав то место, куда они были нацелены. Один из наконечников все же царапнул по керамиту и проник как раз в ту трещину, которая осталась от когтей летающего йоргалла, напавшего на берегу озера. Едва затянувшаяся рана открылась, и Гарро ощутил укол боли. Удачное движение другим щупальцем, мгновенное замешательство Гарро — и вот уже его болтер, вращаясь, взлетел в воздух, а удерживающая оружие перевязь лопнула.

Гарро попытался ослабить силу удара, снова покатился по земле и вскочил на ноги, уже держа наготове Вольнолюбца.

Металлические щупальца опять взвились в воздух, и капитан стал отбивать их, так что искусственный дневной свет в странном лесу померк от сверкающих огненных искр. Все остальные воины продолжали обстреливать киборга, но его внимание по-прежнему делилось между Гарро и бережно прижатым к груди предметом, завернутым в тонкий серый муслин. Боевой капитан продолжал приближаться к йоргалльскому механоиду, отсекая острые наконечники одних щупалец и увертываясь от других. Металлические конечности обвились вокруг его ног, и Гарро повернулся, чтобы их разрубить, но вблизи тела щупальца были более толстыми, сильными и упругими. Мощные кольца обхватили его, и капитан почувствовал, что ноги отрываются от земли. Гибрид йоргалла и машины яростно встряхнул добычу, а Гарро беспомощно размахивал Вольнолюбцем, не в силах дотянуться до врага. От сильной встряски у него застучали зубы и во рту появился привкус крови.

Он услышал, как затрещала пластали в соединительных узлах доспехов, и уловил резкий запах испарившегося охладителя из ранца. Давление на внутренний панцирь и грудную клетку так возросло, что космодесантник сквозь зубы зашипел от боли. Кольца с каждой секундой сжимались все туже, и воздух почти перестал поступать в легкие. Гарро ощутил движение и понял, что киборг поднял его и поднес к стеклянной капсуле, содержащей остаточную плоть. Оттуда уставились хищные глаза, горящие ненавистью. Йоргалл хотел видеть, как он умирает, и собирался насладиться этим зрелищем.

Все три легких в груди уже лишились остатков воздуха, а сердце бешено заколотилось. Гарро стал погружаться во тьму. В последний момент перед его мысленным взором предстала призрачная фигура, казалось, что это его примарх, что он манит его погрузиться в забвение.

В тот же момент Гарро с отчаянием собрал остатки последних сил. «Именем Терры, — говорил он себе, — ради

моего родного мира и Империума Человечества, я не погибну!»

Мощный горячий поток энергии возник в теле. Гарро заглянул в себя поглубже и обнаружил источник веры, дававший возможность бороться со смертельными объятиями ксеноса. Гарро нарисовал себе образ могущественной Терры, Императора, поддерживающего ее своей дланью, и по занемевшим мускулам разлилось тепло.

Он испустил бессловесный яростный вопль и последние капли энергии направил в Вольнолюбца. Энергетический клинок вонзился в стальное щупальце йоргалла и рассек его, пройдя сквозь искусственные нервы и механические цепи. Киборг замер, потом пошатнулся, а Гарро, рассыпая обломки керамической брони, продолжал разрушать свою клетку. Горящие легкие рывком заполнились спасительным воздухом. Капитан, подняв сияющий меч, снова устремился вперед, несмотря на все усилия механоида отшвырнуть его.

От Гарро не ускользнули эмоции, тронувшие ротовые части йоргалла, когда

Вольнолюбец коснулся верха стеклянной колбы. В отличие от ксеноса, капитан не был склонен к излишней жестокости. Он не стал медлить и всем своим весом налег на эфес меча, разбил капсулу и погружал лезвие в плоть врага, пока оно вместе с фонтаном багровой крови не вышло из спины.

Йоргалл рухнул с оглушительным треском, увлекая за собой немало стоящих поблизости деревьев. Полумертвые зародыши с писком вывалились из яиц и были встречены огнем болтеров Гвардии Смерти и ищеек.

Выдернув меч, Гарро бросился на землю, чтобы переждать последние удары извивающихся в агонии щупалец. Ничем не удерживаемая ноша киборга, завернутая в серый муслин, подкатилась к ногам капитана. Гарро опустился на колени и острием меча осторожно отодвинул ткань.

Внутри оказался нерожденный йоргалл. Самым удивительным в этом трехногом зародыше было даже не отсутствие каких-либо механических

устройств, а его необычная мутация. Два ксеноса каким-то образом срослись во время развития в одно уродливое существо. В отличие от овальных голов, типичных для его рода, существо имело огромный череп с четырьмя хорошо различимыми полушариями. Руки и ноги тотчас протянулись навстречу Гарро, мутные глаза повернулись и замерли, уставившись в его сторону.

Внезапно воздух вокруг изменился. Капитан кожей ощутил, что атмосфера стала густой и скользкой, резко запахло озоном. Он уже испытывал такое же чувство на других полях сражений, в других войнах на благо человечества. Разум Гарро выдал одно лишь слово, и он понял, зачем сюда пришли Сестры Безмолвия.

Псайкер!

Гарро широко размахнулся мечом, готовый отделить уродливую голову от тела зародыша.

— Стой!

Слово окатило его ледяной волной, и руки как будто онемели. Озоновая пелена

обволакивала, затемняла разум и вытесняла мысли точно так же, как — совсем недавно — удушающие объятия киборга. Существо проникло в разум Гарро так легко, словно читало книгу.

— Гвардеец Смерти, — довольным шепотом шелестело существо. — Такой уверенный в своей правоте, ты так боишься увидеть трещину в своей вере.

Гарро попытался завершить удар, но чувствовал себя связанным, пойманным, как муха в куске янтаря.

— Скоро настанет конец. Мы видим завтрашний день. И ты тоже увидишь. Все, чему ты поклоняешься, рассеется. Все...

Туловище мутанта взорвалось кровавым месивом и осколками костей от единственного болтерного снаряда, оставившего в нем отверстие величиной с кулак. Пелена неожиданно спала, и Гарро изумленно моргнул, словно пробуждаясь от глубокого сна. Обернувшись, он увидел за своей спиной Амендеру Кендел с еще дымящимся оружием. Сквозь прорезь в шлеме на него внимательно смотрели

темные глаза Сестры. Капитан медленно поднялся и повторил ее жест, увиденный на берегу озера, — сначала пальцами в бронированной перчатке дотронулся до груди, потом до лба.

До него донесся поднявшийся в инкубационном лесу шум — визг и свист с каждой секундой становились громче. Негармоничные звуки резали уши. Это было погребальное завывание, плач тех, кто оставался в яйцах.

— Смотрите! — закричал Хакур. — Смотрите на деревья! Все пришло в движение!

Все яйца в поле зрения Гарро начали дрожать и раскачиваться. Это йоргалльские зародыши пытались вырваться из своего заключения и убежать. Уголком глаза Гарро заметил, что Кендел отдала приказ своим подчиненным собрать в кольчужный мешок останки убитого мутанта. Затем она перевела взгляд на Гарро и кивнула. Возможно, Войен был прав. Вероятно, киборг был охранником детеныша-псайкера, а теперь он погиб, и его сородичей охватила ярость.

Повсюду с деревьев падали струйки желтка. Кендел сделала несколько отрывочных жестов, и Сестры принялись действовать. Они активировали огнеметы и направили их на кроны деревьев. Гарро уловил смысл в их намерениях и отдал приказ по вокс-каналу:

— Применить гранаты и взрывчатку. Берите пример с Сестер Безмолвия. Уничтожить все деревья.

Волокнистая ткань стволов оказалась сухой и прекрасно горела. Через несколько мгновений весь лес ксеносов был объят огнем, серые шары кипели и лопались от жара. Множество модифицированных детенышей попадали на землю и были тщательно уничтожены.

Гарро наблюдал, как ревет и бушует голубоватое пламя, как гибнут дремлющие и не рожденные обитатели мира-корабля. По всему цилиндру Гвардейцы Смерти уничтожали йоргаллов, доказывая лживость последних слов мутанта.

— Ложь, — вслух произнес Гарро, глядя на поднимающиеся клубы ядовитого дыма.

«ЛЭРИЯ ГЛОРИС» ОТРАВЛЕННЫЙ КУБОК ПОДВЕРГНУТ ДОПРОСУ

После разгрома врага корабли Гвардии Смерти перегруппировались и подвели итоги сражения. Заградительная флотилия йоргаллов превратилась в облако из кристаллизовавшихся газов, обломков судов и трупов. Некоторые из каплевидных кораблей все еще оставались почти целыми, но атомные заряды настигали их один за другим и превращали в ослепительные шары радиоактивной плазмы. Меньше чем за стандартные сутки Терры не осталось ничего, что напоминало бы врага, с которым Гвардия Смерти столкнулась накануне.

Среди обломков мелькали штурмкатера в поисках космодесантников, которых вынесло в открытый космос во время абордажных

операций. Те, кого смогут найти, будут похоронены как герои, но только после того, как из их тел будут извлечены железы генокода. Драгоценные органы мертвецов, строители плоти, снова будут служить Легиону. Когда наступит следующий период набора воинов, железы имплантируют новичкам для умножения сил. Время от времени случались и счастливые находки, когда внутри доспехов, под убаюкивающее гудение мембран, дремал в анабиозе живой боевой брат, но такие случаи были чрезвычайно редки.

Ниже места сбора флотилии Гвардии Смерти, чьи корабли медленно кружили, словно хищники над добычей, цилиндр йоргаллов выполнял последний поворот по направлению к эклиптической плоскости системы Йоты Хорологии. Следом за ним, как за кометой, тянулся слабо светящийся шлейф из разбитых солнечных панелей и вылетевших обломков. Основные плазменные двигатели с трудом справлялись с колоссальной массой мира-бутылки и напряженно перемигивались.

От имени механикумов с борта «Призрака Смерти» было составлено прошение, в котором они умоляли Мортариона дать несколько дней на изучение технологий чужаков. Примарх, пользуясь своей властью, отказал. Смысл приказа Малкадора — а следовательно, самого Императора — был совершенно ясен: вторгнувшиеся в этот сектор йоргаллы должны быть уничтожены. Командир Гвардии Смерти не видел причин отступать от приказа. Ничего, что имело отношение к чужакам, не должно сохраниться.

И все же...

Натаниэль Гарро наблюдал за передвижениями кораблей с галереи, расположенной над главной посадочной палубой. Над ним за толстым бронированным стеклом темнел космос, внизу сквозь латунные рамы и декоративные решетки простатривалась вся посадочная платформа. Его взгляд рассеянно скользнул сверху вниз.

Внизу, среди стройных штурмкатеров и тяжелых «Громовых

ястребов», стоял один-единственный пассажирский челнок, напоминавший своими очертаниями лебедя. Широко распростертые черные крылья поблескивали позолотой отделки. В стае серых и белых хищников он был единственным ярким пятном.

После того как все приметы йоргалльского мира в этой части космоса будут окончательно уничтожены, на челноке сохранится единственное материальное свидетельство проведенной операции. Интересно, какие еще приказы, полученные Сестрами, не согласуются с распоряжениями примарха? Но если они выполняли волю Императора, это ведь нельзя считать пренебрежительным отношением к приказам Мортариона? Нельзя рассматривать их поступок как неповиновение. Гарро никогда не слышал о таких случаях и даже не мог себе представить ситуацию, когда приказы примархов не совпадали с волей Императора.

Мягкое шипение гидравлики оповестило об открытии входного люка на

галерею, и Гарро обернулся посмотреть, кто нарушает один из нечастых моментов его уединения после битвы. Но при появлении в пустынной гулкой колоннаде двух фигур на его лице появилась улыбка. Вошедшую Атендеру Кендел и ее спутницу — молодую девушку в более скромном, чем у ищейки, костюме — он приветствовал легким поклоном.

Кендел выглядела так же, как, по мнению Гарро, он сам выглядел в ее глазах: только что из боя, изможденная, но довольная благополучным завершением операции.

— Сестра, — заговорил Гарро, — надеюсь, прошедший день принес вам удовлетворение?

Женщина сделала несколько жестов, и ее спутница заговорила:

— Рада видеть вас, боевой капитан Гарро. Задание Империума было выполнено в силу наших возможностей.

Натаниэль удивленно приподнял брови и посмотрел на девушку. Теперь он рассмотрел ее более отчетливо. На ней, в отличие от Кендел, не было ни брони, ни

оружия.

— Простите, но, насколько мне известно, Сестры Безмолвия никогда не разговаривают.

Девушка кивнула и ответила менее официально:

— Это действительно так, господин. Никто из Сестер, давших Обет Спокойствия, не произносит ни слова до самой смерти. Я всего лишь послушница, капитан. Мне только предстоит дать обет, а пока я могу с вами разговаривать. Сестры-в-ожидании, вроде меня, служат Ордену в тех случаях, когда необходимы переговоры с посторонними.

— Вот как, — кивнул Гарро. — Тогда могу я спросить твою госпожу, что привело ее ко мне?

Кендел снова начала жестикулировать, и девушка переводила ее жесты в прежней официальной манере.

— Перед тем как мы покинем «Стойкость», я хотела бы поговорить о той ситуации, которая возникла на борту йоргалльского цилиндра. Император пожелал, чтобы ни вы, ни ваши люди ни с

кем не обсуждали это дело.

Капитану все стало ясно. Конечно, зачем бы Кендел убивать йоргалльского псайкера выстрелом в грудь, когда можно было выстрелить в голову? Да для того, чтобы сохранить секреты, таившиеся в этом уродливом черепе. Он мысленно кивнул. Великие замыслы Повелителя Человечества в постижении царства эфира никоим образом не касались его, простого офицера. И если для этого Императору потребовался труп мутанта-ксеноса, Натаниэль Гарро не собирался препятствовать Его планам.

— Я позабочусь об этом. У Императора свои задачи, а у нас — свои. Мои люди не будут обсуждать этот случай.

Сестра Безмолвия подошла ближе и пристально посмотрела ему в лицо. Она что-то показала на пальцах своей помощнице, но девушка засомневалась и перед тем, как передать ее слова, о чем-то спросила свою госпожу.

— Сестра Амендера спрашивает... Она хотела бы узнать, не разговаривал ли с

вами этот младенец?

— У него же не было рта, — неожиданно торопливо ответил Гарро.

Кендел приложила палец к губам и покачала головой. Затем перевела руку к виску.

Натаниэль взглянул на свои руки. На них все еще виднелись брызги йоргалльской крови.

— На мне не осталось никакой скверны, — настаивал он. — Это существо не смогло меня заразить.

— Он разговаривал с вами? — прозвучал тот же вопрос.

Прежде чем капитан ответил, прошло несколько мгновений.

— Он знал, кто я такой. Он сказал, что видит завтрашний день. И что все, чему я поклоняюсь, погибнет. — Гарро усмехнулся. — Но я — космодесантник. Я не поклоняюсь ничему. Я не чту ложных богов, только реальность Имперских истин.

Его ответ, похоже, удовлетворил сестру Амендеру. Она вежливо кивнула.

— В вашей верности, как и в верности

остальных Гвардейцев Смерти, никто не сомневался, капитан. Благодарю вас за честные ответы,— перевела послушница.— Мне стало ясно, что это существо старалось отвлечь вас от ваших намерений. Вы правильно поступили, сопротивляясь его попыткам.

Рыцарь Забвения сотворила знамение аквилы и поклонилась. Девушка повторила ее движения.

— Моя госпожа от имени Сестер Безмолвия выражает свое восхищение и благодарит вас и воинов вашей роты. Ваши имена будут упомянуты в докладе для Сигиллайта в связи с выполнением задания Терры.

— Для нас это большая честь, — ответил Гарро. — Если мне будет позволено, я хотел бы узнать о состоянии Ноль-Девы, той, что во время боя лишилась шлема.

Послушница кивнула:

— Ах да, сестра Фессалия. Ее раны довольно тяжелы, но она обязательно поправится. Наши медики на борту «Аэриа Глорис» успешно выбрали метод лечения. И

они признают, что брат Войен спас ей жизнь.

— «Аэриа Глорис», — повторил Гарро. — Я не знаю такого корабля. Он состоит в нашей флотилии?

На губах Кендел появилась улыбка, и Сестра что-то показала послушнице.

— Нет, капитан. Он состоит в моей флотилии. Посмотрите сами.

Сестра показала на стеклянный купол, и Гарро взглянул в указанном направлении.

Перед носовой частью «Стойкости», между кормой соседнего боевого корабля и светом далекого йотанского солнца как будто двигалась часть бездны. Тогда как обычные суда имперских флотилий всегда передвигались с вымпелами и сигнальными огнями, обозначавшими длину корпуса, этот корабль, «Аэриа Глорис», шел в абсолютной темноте. Судно появлялось из межзвездных глубин, как океанский хищник поднимается к поверхности ночного моря.

Гарро еще не приходилось видеть Черный Корабль. Это было главное судно Сестер Безмолвия, и оно носило их по всей

Галактике, из конца в конец, куда с исследовательскими миссиями их посылал Император. Кроме основных деталей корпуса в темноте трудно было рассмотреть что-либо еще. Силуэт боевого крейсера, очерченный сиянием Йоты Хорологии, показывал, что размер судна не уступает крупному боевому кораблю Гвардии Смерти, «Неукротимому духу». В отличие от других имперских кораблей, на нем не было похожего на плуг лезвия и носовая часть имела плавные очертания. Единственный узкий, словно клинок, парус стоял под кормой, а на нем мерцал символ аквилы, вырезанный из вулканического стекла. Если «Стойкость» и другие корабли флотилии Гвардии Смерти можно было назвать мечами, карающими врагов Терры, то «Аэриа Глорис» подошло бы сравнение с молотом ведьм.

— Впечатляюще, — только и смог произнести Гарро.

Неожиданно для себя капитан подумал, что было бы интересно посетить палубы этого корабля, хотя таившиеся в

нем секреты его одновременно притягивали и отпугивали.

Сестра Амендера снова поклонилась и кивнула послушнице.

— Нам пора идти, уважаемый капитан, — сказала девушка. — К концу дня предстоит осуществить переход к Луне, а варп становится неспокойным.

— Счастливого пути, сестры, — попрощался Гарро, не в силах оторвать взгляда от темного силуэта корабля.

Калеб вез тележку по оружейной палубе, стараясь держаться как можно ближе к стене узкого прохода. Поперек тележки лежал болтер его господина, обычно бывший в безукоризненном состоянии, но получивший немало царапин во время операции на корабле йорганлов. Обязанностью Калеба, как денщика Гарро, было доставить оружие сервиторам-оружейникам и проследить, чтобы болтер как можно скорее снова приобрел безупречный вид. Калеб не хотел подводить своего господина.

Ему предстояло пройти мимо

нескольких групп воинов Гвардии Смерти, которые разоружались и обменивались впечатлениями, людей из роты Тетрера, занятых обсуждением трудного момента во время абордажа, и космодесантников Тифона, все еще пребывавших в весело-агрессивном возбуждении. На другом конце зала он заметил Хакура, беседовавшего с Децием, — молодой воин вспоминал прошедшее сражение с энтузиазмом, которого ветеран явно не разделял.

Космодесантники XIV Легиона не имели привычки шумно отмечать свои победы — такие церемонии, как слышал Калеб, были более характерны для Космических Волков и Пожирателей Миров, — но они праздновали по-своему, похваляясь достигнутыми успехами и отдавая дань погибшим во время операции.

Гвардейцы Смерти поддерживали образ, охотно принимаемый другими Легионами: грубых, безжалостных и жестокосердных солдат, но в характерах этих воинов имелось гораздо больше нюансов. Космодесантники Гвардии Смерти не считали военное дело спортом,

и это было правдой, но они не были и такими суровыми и угрюмыми, какими представлялись в глазах остальных.

Исходя из услышанных историй о стоицизме и бесстрастности Ультрамаринов и Имперских Кулаков, Калеб мог бы назвать Гвардейцев Смерти чуть ли не своевольными и буйными вояками.

На повороте вокруг колонны ход размышлений Калеба нарушил резкий смех человека, стоявшего прямо перед ним. Денщик заколебался. На пути стоял командор Грульгор, спокойно и негромко беседовавший с космодесантником из Второй роты. Два воина хлопнули бронированными перчатками в крепком рукопожатии, и, несмотря на тусклое освещение, Калеб заметил, как бронзовый значок в форме диска, только что находившийся в пальцах Грульгора, перекочевал в ладонь его собеседника.

Денщик тотчас понял, что стал свидетелем глубоко личного момента, который был предназначен исключительно для самих космодесантников. Он увидел

нечто такое, что простому слуге видеть не полагалось. Но спрятаться было совершенно негде, а если бы он стал разворачиваться, стук колес тележки выдал бы его присутствие. Сам того не желая, Калеб вдруг кашлянул, и за этим очень тихим звуком последовала полнейшая тишина. Командор, заметив денщика, замолчал на полуслове.

Калеб смотрел в пол прямо перед собой и не мог видеть выражения полнейшего презрения, появившегося на лице Грульгора.

— Маленький слуга Гарро, — произнес командор. — Ты что, подслушиваешь?

Он шагнул навстречу денщику, и вопреки своему желанию Калеб попятился. Грульгор заговорил тоном учителя, читающего нотацию нерадивому студиозусу:

— Брат Мокир, тебе известно, кто это?

Второй космодесантник окинул Калеба равнодушным взглядом:

— Это не сервитор, командор, для этого в нем слишком мало металла и

поршней. Он напоминает человека.

Грульгор тряхнул головой:

— Нет, это не человек. Это денщик. — Последнее слово он настолько выделил, что оно прозвучало оскорблением. — Удручающий пустячок, остаток пыльного прошлого. — Командор вытянул руку в направлении Калеба. — Посмотри, Мокир, посмотри на этого неудачника.

Калеб наконец обрел голос:

— Господин, прошу вас... Мне надо выполнить задание...

На его слова никто не обратил внимания.

— До того как наш примарх влил свежую кровь в Легион, существовало множество обрядов и традиций, крепко связывающих космодесантников. Большая часть этих узлов уже разрублена.— Лицо Грульгора помрачнело. — Но некоторые еще остаются, благодаря консерватизму людей, которые остались верны старым заблуждениям.

— Капитан Гарро, — кивнул Мокир.

— Да, Гарро. — Грульгор не унимался. — Он позволяет чувствам затуманивать

свой разум. Да, он отличный воин, в этом я могу отдать ему должное, но наш брат Натаниэль слишком старомоден, слишком привязан к своим терранским корням. — Космодесантник навис над Калебом и понизил голос. — Или я не прав в своих суждениях? Может, Гарро держит тебя не из приверженности традициям, а как напоминание? Как живой пример того, во что превратится каждый, кто не оправдает доверие Легиона?

— Прошу вас... — пробормотал слуга, вцепившись в поручни тележки так, что побелели суставы пальцев.

— Я не понимаю, — вмешался совершенно сбитый с толку Мокир. — Почему ты назвал этого слугу неудачником?

— А... — протянул Грульгор, отводя взгляд от Калеба. — При благоприятном повороте судьбы этот доходяга мог бы с полным правом разгуливать среди космодесантников. Он мог бы стоять на твоем месте, носить светлые доспехи и оружие во славу Империума. Когда-то наш приятель, как и все мы, был претендентом

в Четырнадцатый Легион. Только он из-за своей собственной слабости не прошел обряда великого посвящения. — Командор задумчиво постучал пальцем по подбородку. — Скажи-ка, слуга, на чем ты сломался? На черных равнинах? Или в туннеле ядов?

Голос Калеба упал до шепота.

— В колючем саду, господин.

Давние ненавистные воспоминания, ничуть не потускневшие с течением времени, всплыли снова. Денщик не удержался от дрожи, припомнив, как острые ядовитые колючки рвали его незащищенную кожу, как кровь залила все тело. Он вспомнил боль и, что еще хуже, стыд, когда ноги отказались ему служить. Он словно снова упал в густую коричневую грязь и зарыдал, поняв, что навсегда лишился шанса стать Гвардейцем Смерти.

— Колючий сад, ну конечно. — Грульгор стукнул по своему забралу. — На этом суровом испытании многие истекли кровью. Но ты сумел прожить до сих пор.

Мокир удивленно приподнял бровь:

— Командор, ты хочешь сказать, что этот... человек был соискателем? Но всех, кто не прошел испытания, уничтожают!

— Почти всех, — поправил его тот. — Многие погибают от ран или отравления ядами за семь дней испытания, но некоторые выживают. Даже эти чаще всего выбирают Императорское Упокоение, лишь бы не возвращаться с позором в свои кланы. — Грульгор сурово взглянул на Калеба. — Но не все. Кое у кого не хватает силы воли даже на этот шаг. — Он снова повернулся к Мокиру и насмешливо фыркнул: — В некоторых Легионах извлекают выгоду даже из таких отбросов, хотя это и не в обычаях Гвардии Смерти. И все же Гарро воспользовался старинным правом и спас этого слабака от его собственных слабостей. Он взял его к себе. — Грульгор снова хмыкнул: — Какое благородство!

Калеб нашел в себе силы возразить.

— Я имею право служить, — сказал он.

— Вот как?! — рыкнул космодесантник. — Ты осмеливаешься указывать нам на наши ошибки? Нам,

избранникам Мортариона? Это оскорбление. Пока мы сражаемся за будущее своего народа, ты притворяешься одним из нас, цепляешься за полы наших плащей, полируешь оружие и считаешь себя достойным нашей компании? — Он прижал тележку Калеба к стене. — Ты крадешься по темным закоулкам. Ты шпионишь для Гарро. Ты — ничтожество! — Раздражение Грульгора зажгло его глаза огнем. — Если бы я был Первым капитаном, бессмысленные обычаи, сохранившие тебе жизнь, давно были бы искоренены!

— Что я слышу! — раздался еще один голос. — Командор Второй роты недоволен своим почетным званием?

— Апотекарий Войен. — Грульгор сдержанным кивком приветствовал подошедшего.— К сожалению, слишком многое вызывает у меня недовольство.

— В этом отношении жизнь всегда бросает нам вызов, — с напускной веселостью сказал Войен, искоса поглядывая на Калеба.

— Это верно, — согласился командор. —

– Что привело тебя ко мне, брат?

– Только то, что я хотел бы понять, почему ты задерживаешь денщика моего капитана, исполняющего свой долг. Боевой капитан вскоре вернется и захочет узнать, почему не выполнены его приказы.

Калеб отчетливо видел, как в ответ на безрассудно смелое высказывание апотекария дернулась челюсть Грульгора. Он ожидал, что старший по званию, Грульгор, сурово отчитает Войена, но напряженное мгновение миновало, как миновал и тот непонятный момент, свидетелем которого он стал не по своей воле.

С преувеличенной вежливостью Грульгор освободил дорогу Калебу.

– Слуга может идти по своим делам, – сказал он и с этим оставил их вдвоем, позвав за собой Мокира.

Калеб проводил их взглядом и снова уловил блеск бронзы, когда космодесантник прятал похожий на монету предмет в карманчик на поясе доспехов.

Он судорожно вздохнул и поклонился Войену.

— Благодарю вас, господин. Должен признаться, я не понимаю, почему командор испытывает ко мне такую ненависть.

Денщик продолжал свой путь, и апотекарий зашагал с ним рядом.

— Игнатий Грульгор ненавидит всех и вся, Калеб. Ты не должен воспринимать это как что-то личное.

— И все же то, что он говорит... совпадает с моими собственными мыслями.

— Вот как? Тогда ответь на мой вопрос. Неужели ты думаешь, что Натаниэль Гарро, командир великой Седьмой роты, считает твое присутствие оскорбительным? Разве этот благородный воин мог допустить подобные мысли?

Калеб покачал головой.

Войен положил свою огромную руку на плечо денщика.

— Ты никогда не сможешь стать одним из нас, от этого никуда не деться, но, несмотря ни на что, ты все же приносишь пользу Легиону.

— Но Грульгор был прав, — пробормотал Калеб. — Временами я действительно шпионю. Я хожу по всему кораблю, и меня почти никто не замечает, но я вижу и слышу. А потом рассказываю своему капитану о настроениях в Легионе.

Выражение лица апотекария осталось бесстрастным.

— Хороший командир всегда должен быть хорошо проинформирован. Это не имеет никакого отношения к заговорам и тайнам, о которых шла речь. Это просто доклады о разговорах и настроениях. Тебе ни о чем не стоит беспокоиться.

Они подошли к мастерской, где уже поджидали сервиторы-оружейники, и денщик передал им болтер капитана. Калеб ощущал, как внутри него нарастает напряжение, он просто должен был с кем-нибудь поговорить. Апотекарий, казалось, тоже это почувствовал и повел его в уединенное местечко неподалеку от обзорной площадки.

— Дело не только в этом. Я кое-что видел. — Калеб говорил очень тихо, чтобы

не услышал никто другой.— Иногда в помещениях корабля, куда редко заглядывают прислужники, проходят тайные собрания, господин. Секретные встречи людей в надвинутых капюшонах, но, судя по росту, они могут быть только вашими боевыми братьями.

Войен все так же сохранял спокойствие:

— Ты говоришь о собраниях лож?

Калеб поразился откровенности, с которой апотекарий рассуждал с ним о подобных вещах. О тайных собраниях внутри Легионов Космодесантников не было широко известно во внешнем мире, и уж конечно, об этом не надлежало знать простому слуге вроде Калеба.

— Я слышал, что шептали люди. — Денщик сложил перед собой руки. Ладони уже вспотели. Внутренний голос убеждал его больше ничего не говорить, но он уже не мог остановиться. Калеб жаждал выпустить слова на волю, хотел от них освободиться. — Вот и сейчас я видел, как командир Грульгор передал брату Мокиру медальон. Я видел такой среди вещей

сержанта Рафима, погибшего на Лунах Каринеи. — Калеб беспокойно облизнул губы. — Это бронзовый диск с рельефным изображением черепа и звезды нашего Легиона, господин.

— И как ты думаешь, что это такое?

— Значок, сэр? Значок принадлежности к этим секретным группировкам?

Космодесантник окинул его долгим пристальным взглядом.

— И ты считаешь, что эти собрания могут угрожать единству Гвардии Смерти, не так ли? Что в их основе лежит подстрекательство к мятежу?

— А как же иначе? — прошипел Калеб. — Секретность — враг истины. А Император и его воины стоят за правду! Если люди вынуждены прятаться в тени...

Он замолчал.

Войен позволил себе улыбнуться.

— Калеб, ты уважаешь капитана Гарро. Мы все преклоняемся перед могуществом нашего примарха. Неужели ты можешь допустить, что столь великие люди будут равнодушно терпеть,

наблюдая, как неповиновение пускает корни в их Легионе?

Апотекарий снова положил руку на плечо денщика, и Калеб уловил в этом жесте мимолетное давление. Прикосновение керамитовой брони к его плоти вызвало страх.

— То, что ты видел издалека, и отрывочные слова, что донеслись до твоих ушей, не стоят внимания боевого капитана. Поверь, я говорю тебе правду.

— Но... — У Калеба внезапно пересохло в горле. — Но откуда вам это все известно?

Улыбка исчезла с лица Войена.

— Я не могу сказать.

Среди своих боевых братьев, еще не снявших доспехи, Гарро выглядел внушительно даже в обычной одежде. В отведенной Седьмой роте дальней секции оружейного зала — длинного железного помещения, он переходил от одного космодесантника к другому, то одобрительно улыбаясь, то сочувственно молча рядом с воинами, потерявшими в

бою с йоргаллами близких друзей. Решив сделать мягкое замечание Децию, капитан подошел к молодому воину, занятому чисткой энергетического кулака при помощи лоскута толстой ткани.

— Тактические планы сражений в тире-бутылке не предусматривали рукопашного боя, Солун, — сказал он. — Тебе не напрасно дан болтер.

— Капитан, если это тебя успокоит, я уже выслушал лекцию на эту тему от брата Сендека. Он долго и подробно описывал все мои ошибки и нарушения правил вторжения.

— Понятно. — Гарро сел на скамью рядом с Децием. — И что ты ему ответил?

Молодой воин усмехнулся:

— Я сказал, что, невзирая на все нарушения, мы оба остались живы, а истинной мерой успеха является победа.

— Вот как?

— Конечно! — Деций продолжал со всей тщательностью полировать энергетический кулак. — В войне, кроме всего прочего, имеет смысл только

конечный результат. Если нет победы... — Он помолчал, подыскивая слова. — Значит, нет и смысла.

Сидящий неподалеку Андус Хакур поскреб щетинистый седой подбородок.

— Какой тактический постулат из уст щенка. Боюсь, у меня от удивления закружится голова.

Глаза Децируса сверкнули от насмешки ветерана, но Гарро, негромко рассмеявшись, перехватил инициативу:

— Солун, ты должен простить Андуса. В его возрасте острый язык — это единственное оружие, которым он владеет с большим мастерством.

Хакур в притворном испуге схватился за грудь:

— Ой! Стрела прямо в сердце, да еще от моего капитана! Какое несчастье!

Гарро поддержал его улыбкой, но за напускной веселостью в глазах старого друга рассмотрел неподдельную боль. В мире-бутылке Хакур потерял нескольких воинов из своего отделения, и рана, нанесенная утратой, еще не затянулась.

— Мы все превосходно сражались

сегодня, — произнес капитан слова, идущие от самого сердца. — Гвардия Смерти в очередной раз показала, что является отличным инструментом, утверждающим волю Императора на просторах Галактики.

Никто из космодесантников не ответил. Все внезапно замолчали и смотрели куда-то за спину Гарро. Едва он обернулся, чтобы узнать, в чем дело, воины Седьмой роты опустились на колени.

— Мой боевой капитан.

Гарро с тревогой понял, что даже не слышал, как подошел примарх. Как и в зале собраний перед операцией, Мортарион обнаружил свое присутствие только тогда, когда сам этого захотел.

Гарро низко поклонился Повелителю Смерти, мельком заметив рядом с примархом Тифона и сервитора, полускрытого складками накидки Первого капитана.

— Мой господин, — приветствовал он командора.

На лице Мортариона появилась невозмутимая улыбка, заметная даже на

верхней части лица, не закрытой дыхательным воротом.

— Сестры Безмолвия покинули нас. Они высоко оценили помощь Седьмой роты.

Гарро осмелился немного поднять глаза. Примарх, как и сам капитан, сбросил бронзово-стальные доспехи и поверх более легкого комплекта надел обычный костюм. Но даже в этом простом одеянии не узнать его было невозможно. Высокая сухощавая фигура, словно свитая из стальных мускулов, и в простых ботинках превосходила ростом даже Первого капитана, не снявшего доспехи терминатора.

И конечно, при нем был его жнец. Тяжелое черное лезвие оружия за спиной осеняло голову примарха темной молнией.

— Натаниэль, поднимись, пожалуйста. Становится утомительно все время смотреть на своих людей сверху вниз.

Гарро выпрямился во весь рост и заглянул в янтарные глаза примарха, едва сдерживаясь, чтобы не отступить. Мортарион, в свою очередь, прожег его

пристальным взглядом, и капитану на миг показалось, что длинные тонкие пальцы Мортариона вынули его сердце и теперь взвешивают и оценивают.

— Тифон, тебе стоит держаться начеку, — сказал Повелитель Смерти. — Этот воин когда-нибудь может занять твое место.

Тифон, как обычно мрачный, только угрюмо усмехнулся. Перед Первым капитаном, примархом и стоявшими по бокам Часовыми Смерти Гарро чувствовал себя как в глубоком колодце. Любой обычный человек, окажись он на его месте, не выдержал бы столь пристального внимания.

— Господин, — заговорил Гарро, — что может сделать для вас Седьмая рота?

Мортарион поманил его рукой.

— Ее капитан может выйти вперед, Гарро. Он заслужил награду.

Натаниэль, обменявшись быстрым взглядом с Хакуром, выполнил приказ. В голове всплыли слова, произнесенные на берегу химического озера. Мы не ищем славы и почестей. Гарро ничуть не

сомневался, что ветеран доволен таким поворотом событий.

— Сэр, — начал он, — я не заслуживаю особого...

— Неужели ты собираешься отказаться, капитан? — предостерег его Мортарион. — Ложная скромность не украшает воина.

— Я простой слуга Императора, — вымолвил Гарро. — Мне достаточно этой чести.

Мортарион жестом подозвал к себе сервитора, и Гарро увидел, что у него в руках уставленный кубками и графинами поднос.

— Тогда, может, ты окажешь честь и выпьешь со мной?

Гарро оцепенел, узнав резные графины и налитые в них жидкости.

— Конечно... Конечно, мой господин.

Говорили, что нет такого сильного яда, нет такой мощной отравы или инфекции, которая могла бы одолеть Гвардейца Смерти. С самого дня основания XIV Легиону приходилось следовать за Императором и сражаться в самых

враждебных мирах, в химических облаках и кислотных потоках, где не мог выжить ни один обычный человек. И Барбарус, приемный мир Мортариона и базовая планета Легиона, немало этому способствовал. Как сам примарх, так и его Гвардейцы Смерти были неподвластны никаким вредным воздействиям.

Еще будучи неофитами, космодесантники закаляли свои организмы, придерживаясь строго установленного порядка, добровольно подвергая себя воздействию химических реагентов, отравляющих веществ, смертельных вирусов и инфекций из тысяч различных миров. Они могли противостоять всем опасностям. Это помогло им вырвать победу на душной, пораженной грибком Урссе, рассеять рои шершней на Огре IV, и потому их послали сражаться против дышащих хлором йоргаллов.

Сервитор проворно смешал и налил темную жидкость в кубки. Ноздри Гарро уловили запахи химикатов: дистиллят пурпурного нервно-паралитического яда,

одну из разновидностей яда пчел-
меченосцев и другие, не столь узнаваемые
составляющие. Даже в окружении
Мортариона никто из космодесантников
не осмеливался назвать этот процесс
ритуалом. Слово вызывало в воображении
мысли о примитивных идолах и очищении
от проклятий, несовместимые с
Имперскими Истинами. Просто таков был
обычай Гвардии Смерти, сохранившийся,
несмотря на все нападки людей вроде
Игнатия Грульгора. Кубки принадлежали
Мортариону, и в каждом сражении, в
котором примарх лично выходил на поле
боя, он выбирал воина, с которым по
окончании битвы разделял порцию яда.

Сервитор предложил поднос
примарху, и тот взял бокал для себя,
второй протянул Гарро, а третий —
Тифону. Затем Мортарион поднял свой
кубок и произнес тост:

— Против смерти.

С этими словами он плавным
движением кисти поднес бокал ко рту и
осушил до дна. Тифон злобно усмехнулся и,
повторив тост, тоже выпил свой кубок.

Гарро заметил, как краска бросилась в лицо Первому капитану, но Тифон больше ничем не выдал своих страданий. Натаниэль вдохнул запах предложенной жидкости, и его датчики забили тревогу. Имплантированные органы носоглотки восстали даже против одного запаха напитка. Но отказ был бы расценен как признак слабости, а Натаниэль Гарро никогда бы не позволил обвинить себя в недостатке решимости.

— Против смерти, — сказал он.

Одним глотком капитан выпил все содержимое и поставил перевернутый кубок на поднос. Среди воинов Седьмой роты послышался одобрительный ропот, но Гарро его едва слышал. Кровь мгновенно застучала в ушах, непереносимый жар сжигал горло и пищевод, мощные системы организма космодесантника заработали в полную силу, стараясь нейтрализовать принятую отраву. Децимус наблюдал за ним с восторгом и наверняка мечтал о том дне, когда кубок окажется в его руке, а не в руке Гарро.

Улыбка Мортариона стала немного

шире:

— Редкий и прекрасный напиток, ты не находишь?

Объятая пламенем грудь лишила Гарро дара речи, и он только кивнул в ответ. Примарх рассмеялся низким довольным смехом. Судя по произведенному эффекту, можно было подумать, что в его кубке была простая вода. Мортарион опустил руку на спину боевому капитану.

— Пойдем, Натаниэль. Давай проветримся.

Как только они дошли до пандуса, ведущего на большую бронированную галерею над оружейной палубой, Тифон поклонился своему господину, принес извинения и направился к нишам, где занимал помещение вместе с командором Грульгором и Второй ротой. Гарро, оглянувшись через плечо, отметил, что Часовые Смерти следуют за ними по пятам, двигаясь с такой отточенной плавностью, что их можно было принять за механизмы.

— Не беспокойся, Натаниэль, — сказал

ему Мортарион. — Я пока еще не намерен сменить своих телохранителей и не собираюсь включать тебя в число Часовых Смерти.

— Как вам будет угодно, господин, — ответил Гарро, вновь обретя способность пользоваться голосовыми связками.

— Я знаю, ты не одобряешь таких вещей, как отравленная чаша, но ты должен понимать, что почести и похвалы в определенных случаях необходимы. — Мортарион задумчиво кивнул. — Воины должны знать, что их ценят. Награды... Они должны получать награды из рук высших по званию и в правильно выбранный момент. Без этого даже самые преданные люди рано или поздно начнут сомневаться в своей значимости.

В голосе примарха проскользнул оттенок меланхолии, но так быстро, что Гарро решил, будто это ему только показалось.

Мортарион подвел его к ограждению галереи, и они оба стали смотреть на собравшихся внизу воинов. Хотя «Стойкость» была не настолько большой,

чтобы вместить в себя всю Гвардию Смерти, внизу, частично или полностью, присутствовали представители почти всех семи рот Легиона. Гарро встретился взглядом с Уллисом Темтером, и приятель ему отсалютовал. Гарро кивнул в ответ.

— Натаниэль, тебя в Легионе уважают, — продолжал примарх. — Ни один из капитанов не может не признать твое мастерство в бою. — Он снова слегка улыбнулся. — Даже командор Грульгор, хоть и делает это весьма неохотно.

— Благодарю вас, господин.

— И люди. Люди тебе доверяют. Они ищут в тебе силу духа и способность вести за собой, и ты даешь им все это.

— Я выполняю лишь то, что приказывает мне Император, сэр.

Гарро смущенно поежился. Встреча с господином один на один радовала его, но в равной мере и волновала. Они были не на поле боя, где Гарро знал, чего от него ждут. Сейчас, разговаривая с сыном самого Императора, он словно оказался в безвоздушном пространстве.

Если Мортарион и чувствовал его беспокойство, он этого никак не показывал.

— Мне очень важно, чтобы люди Легиона были одним целым. Так же как для моего брата Хоруса важно объединить всех космодесантников.

— Воитель,— выдохнул Гарро.

На борту «Стойкости» одно время ходили слухи, что часть флотилии Гвардии Смерти после уничтожения йоргаллов будет отослана для выполнения нового задания. Больше всего разговоров было вокруг возможного соединения с Шестьдесят Третьей экспедицией Великого Крестового Похода, которой командовал лично избранный сын Императора Воитель Хорус. Теперь Гарро понял, что это были не просто слухи. В прошлом ему приходилось сражаться бок о бок с воинами XVI Легиона Хоруса, и он не испытывал ничего, кроме восхищения, к таким людям, как Малогарст, Гарвель Локен и Тарик Торгаддон.

— В прошлом я служил вместе с Лунными Волками, господин.

— Они сменили название и теперь

зовутся Сынами Хоруса, — мягко поправил его Мортарион, — так же, как Гвардия Смерти сменила Сумеречных Рейдеров. Мой брат возлагает на наш Легион большие надежды, капитан. Грядущая битва станет испытанием для всех нас, начиная с Воителя и заканчивая последним денщиком.

— Я готов.

Примарх кивнул:

— Я в этом и не сомневался, но одной готовности недостаточно, Натаниэль. — Его пальцы стиснули железную балюстраду. — Гвардия Смерти должна быть единой. У нас должна быть одна общая цель, иначе мы проиграем.

Тревога Гарро усилилась, и он подумал, что последействие содержимого кубка еще не совсем нейтрализовано.

— Я... Я не уверен, что понимаю вас, господин.

— Наши воины, как высшие офицеры, так и рядовые, образуют единый воинский строй, но важно, чтобы у них была возможность общаться, игнорируя барьеры, созданные званиями. Они должны говорить

и думать совершенно свободно.

Внезапно так долго отсутствовавшее понимание со всей холодной откровенностью прояснило мозг Гарро.

— Мой господин имеет в виду ложи.

— Мне говорили, что ты всегда избегал членства в ложах. Почему, Натаниэль?

Капитан уставился в металлические пластины под ногами.

— Вы приказываете мне вступить, сэр?

— Я могу повлиять на работу лож не больше, чем на движение звезд, — откровенно признал Мортарион. — Нет, капитан, я тебе не приказываю. Я только спрашиваю: почему. Объясни мне.

Прежде чем ответить, Гарро долго молчал.

— Сэр, мы — космодесантники, — наконец заговорил он. — Повелитель Человечества определил наш путь и приказал собрать утраченные фрагменты человеческой расы под крылом Империума, просветить заблудших, наказать падших и

уничтожить агрессоров. Мы можем выполнить его приказ только в том случае, если правда на нашей стороне. Если мы будем действовать открыто, в лучах истины, тогда, не сомневаюсь, мы, в конце концов, изгоним ложных богов и идолов... Но мы не сможем проповедовать светские истины, если часть из них скрыта, даже их малейшая часть. Только Император может указать нам путь вперед. — Он порывисто вздохнул, чувствуя на себе пристальный немигающий взгляд примарха. — Эти ложи, как бы они ни были хороши, основываются на принципах скрытности, и я не хочу стать их частью.

Мортарион принял его слова осторожным кивком.

— А как же твои боевые братья, которые думают иначе?

— Это их выбор, господин. Я не могу сделать его вместо них.

Примарх подошел ближе.

— Спасибо за откровенность, боевой капитан. Я ничего другого и не ожидал. — Он немного помолчал. — У меня есть еще одно поручение для тебя. И на этот раз,

боюсь, что это действительно приказ.

— Сэр?

Гарро ощутил в груди непонятный трепет.

— Как только здесь все будет закончено, флотилия отправится в систему Истваана, на встречу с «Духом мщения», флагманским кораблем Воителя. Хорус собирает военный совет с представителями Пожирателей Миров и Детьми Императора. Для этого визита мне потребуется советник. Первый капитан Тифон будет занят в другом месте, так что для сопровождения я выбрал тебя.

Гарро не мог произнести ни слова. Такой почет для боевого капитана был беспрецедентным, и при мысли о новом поручении у него сжималась грудь. Стоять и разговаривать с Мортарионом уже многого стоило, но сопровождать его на совещание сыновей Императора, созываемое Воителем...

Это было бы просто великолепно.

ДВА ЛИЦА
ВОПЛЬ В ТЕМНОТЕ
СОБРАНИЕ ЛЕГЕНД

Гибкий, словно лоскут ткани, пиктэкран свисал с карниза оружейного зала, наподобие гобелена. Кабели, тянувшиеся из блестящих бронзой гнезд, были подключены к общей корабельной сети и обеспечивали передачу изображения. Сигнал поступал в режиме прямой трансляции и лишь слегка искажался из-за интерференции звезд Хорологии. Задержка изображения на несколько секунд по сравнению с реальными событиями, обусловленная релятивистским эффектом, не имела значения для собравшихся перед экраном космодесантников.

В данный момент передача шла с наружных сканирующих пиктеров, установленных на носовой панели «Жала Барбаруса», небольшого фрегата, выбранного для сопровождения

йоргалльского мира-корабля в последний путь. Самые лучшие кадры этого репортажа, несомненно, будут отобраны для вдохновляющей хроники и разосланы по всем кораблям Имперского флота.

Двигатели мира-корабля через наружные сопла выбрасывали красные языки пламени, и каждый из них был длиннее корпуса «Жала». На краях экрана еще можно было рассмотреть челноки и «Громовых ястребов», покинувших йоргалльский корабль с последними отделениями Имперских сил. Пикт-камеры повернулись, сопровождая уходящий корабль, и тотчас активировались защитные фильтры, поскольку в поле зрения попало местное солнце.

Мир-корабль удалялся, набирая скорость с каждой секундой. Контроль над силовыми системами, перехваченный Гвардейцами Смерти Второй роты, был успешно освоен механикумами. «Жало Барбаруса» шло следом за миром-бутылкой, направляя его движение по курсу на солнце и держась на значительном расстоянии. Едва отливающий

перламутром корабль йоргаллов вошел в невидимую хромосферу звезды, вокруг его корпуса возникли мерцающие кольца электромагнитного поля, а уцелевшие на корме солнечные батареи погибли. Они обуглились, почернели и стали сворачиваться, как сворачиваются крылышки насекомого, неосторожно подлетевшего к пламени свечи. Мир-корабль падал все быстрее и быстрее, погружаясь в раскаленную плазму фотосферического слоя. Металл начал плавиться, и по корпусу протянулись потеки длиной в целый километр, затем обнажился каркас, но и он быстро стал мягким, а затем потек. Наконец корабль чужаков нырнул в пылающий коронарный протуберанец и навсегда исчез в горниле звезды.

— Конец, — пробормотал брат Мокир. — Остались пепел и пыль, как и от всех врагов Гвардии Смерти. Подходящий финал для агрессивных ксеносов.

Воины Второй роты отозвались одобрительным гулом.

Это они заставили мир-корабль

нырнуть в солнце после того, как, проливая кровь и изрытая огонь, сломили упорное сопротивление йоргаллов. И они по праву стали первыми свидетелями финального путешествия корабля ксеносов.

— Интересно, сколько выживших осталось на борту? — спросил сержант, не отрывая взгляда от волнующейся поверхности звезды.

— Ни одного, — бросил Мокир и обернулся к капитану роты: — Отличная победа, не правда ли, командор?

— Отличная победа, — сердито повторил Грульгор.— Но недостаточно отличная.

Он мрачно посмотрел наверх, где на галерее Гарро разговаривал с примархом.

— Уйми свой нрав, Игнатий. Или, по крайней мере, постарайся не показывать его, словно медаль на груди.

Тифон подошел ближе сквозь толпу почтительно расступившихся солдат.

— Извини, Первый капитан, — ответил Грульгор. — Ты правильно подметил, это все мой характер, но он не может смириться с тем, что

награждают недостойного.

Тифон приподнял бровь:

— Ты ставишь под сомнение выбор примарха? Осторожнее, командор, от твоих речей попахивает мятежом.

Он отвел приятеля в сторону, чтобы разговор не услышали посторонние.

— Гарро спасает женщин и убивает младенцев и за это удостаивается чаши примарха? Неужели Легион пал так низко, что подобное поведение заслуживает награды?

Первый капитан проигнорировал вопрос и вместо этого задал свой:

— Скажи, почему ты с такой злобой относишься к Натаниэлю Гарро? Он такой же Гвардеец Смерти, как ты или я, разве нет? Он — боевой капитан, твой брат-космодесантник.

— Добропорядочный Гарро! — Насмешка Грульгора сочилась ядом. — Он недостоин Гвардии Смерти! Этот надменный зазнайка вечно задирает нос! Он считает, что лучше всех в Легионе, и слишком горд, чтобы снизойти до нас!

— Нас? — переспросил Тифон,

подталкивая командора к дальнейшим откровениям.

— Мы — сыны Барбаруса, Калас. Ты, я и люди вроде Уджиоя и Холгоарга! Гвардейцы Смерти, рожденные в нашем ужасном родном мире. Гарро — терранец, он родился на Земле. Он носит это звание, словно священное отличие, и считает, что лучше других, поскольку сражался за Легион до того, как тот был отдан под командование Мортариона. — Грульгор тряхнул головой. — Он изливает презрение на мою роту, на наше братство и товарищество нашей ложи. Он слишком высокомерен, чтобы общаться с остальными без чинов и званий, и знаешь почему? Из-за своего происхождения! Если бы он не был отмечен Императором этой проклятой кирасой с орлом, я бы не позволил ему прикоснуться даже к краю моего плаща!

— Тетемер тоже происходит с Терры, и Хурон-Фал, и Соррак, и еще множество других, — спокойно заметил капитан. — Ты и к ним относишься так же, Игнатий?

— Никто из них не прикован к старым обычаям, словно цепями. Никто из них не считает себя выше остальных только из-за места своего рождения! — Грульгор прищурил глаза. — Гарро ведет себя так, словно имеет право меня осуждать. Я не потерплю такого высокомерия от человека, выросшего в изобилии еды и воды, тогда как мой клан сражался за каждый глоток чистого воздуха!

— Но разве сам Мортарион не терранец? — хитро улыбаясь, спросил Тифон, снова подогревая ярость Грульгора.

— Место рождения примарха — Барбарус, — решительно заявил командор, проглотив наживку. — Он всегда был и остается одним из нас. Этот Легион принадлежит в первую очередь Повелителю Смерти, а во вторую — Императору. Гарро следовало бы помнить об этом, а не присваивать незаслуженную награду.

— Смело сказано, — заметил Тифон. — Но, боюсь, тебе грозит еще большее разочарование. Наш командир и повелитель не только наградил сегодня

капитана Гарро чашей, но и выбрал его в качестве сопровождающего на военный совет в следующем пункте назначения.

Бледное лицо Грульгора вспыхнуло багрянцем.

— Ты надо мной насмехаешься, Тифон? Тебе доставляет удовольствие оказывать предпочтение Гарро передо мной?

Тифон стиснул челюсти.

— Следи за своими словами, командор. Не забывай, с кем ты разговариваешь. — Он оглянулся по сторонам. — Ты — истинный Гвардеец Смерти, Грульгор, отличный инструмент, грозный и безотказный, и ты верен своему примарху.

— Никогда в этом не сомневайся,— проворчал Грульгор,— или я не посмотрю, что ты Первый капитан, и снесу тебе голову.

Его собеседник был явно доволен угрозой.

— Я бы никогда не осмелился на такое, но я должен тебя спросить: как далеко ты можешь зайти в своей верности Мортариону?

— До ворот преисподней и даже дальше, если он прикажет, — последовал быстрый и решительный ответ.

Тифон окинул командора пристальным взглядом.

— Даже если его приказ не совпадет с приказами высших властей?

— Это Сигиллайта, что ли? — пренебрежительно бросил Грульгор. — Или этих бездельников, что заполонили Совет Терры?

— Еще более высоких.

Командор мрачно рассмеялся:

— Сначала Повелитель Смерти, потом Император. Я так сказал, и это то, что я думаю. Если из-за этого я становлюсь хуже, чем Гарро, пусть так и будет.

— Напротив, — кивнул Тифон. — Это делает тебя более ценным союзником. Скоро придут в движение великие силы, Игнатий, и, когда наступит такой момент, понадобятся люди твоего калибра.

Грульгор с отвращением глянул на галерею:

— А как насчет него?

Тифон пожал плечами, что было необычным жестом для воина в полных доспехах.

— Натаниэль Гарро отличный солдат и руководитель, пользуется уважением в нашем и в других Легионах. Присутствие при примархе, как ты говоришь, надменного терранца сыграет свою роль, когда настанет время принимать решение.

Грульгор фыркнул:

— У Гарро в спине железный прут. Он скорее сломается, чем встанет на колени перед кем бы то ни было, кроме власти Терры.

— Тем более примарху стоит хорошенько за ним приглядывать. — Грубый голос Тифона понизился до хриплого шепота. — Однако в твоей точке зрения есть определенный смысл, Игнатий. Когда придет момент выбора и Гарро откажется встать в строй...

— Тебе может понадобиться отличный и безотказный инструмент.

Последовал короткий кивок:

— Точно.

Командор блеснул зубами в хищной усмешке.

— Благодарю тебя, Первый капитан,— произнес он в полный голос. — Беседа с тобой исправила мое дурное настроение.

«Стойкость» во главе флотилии Гвардии Смерти вырвалась из безумной ярости варпа и снова оказалась в реальном пространстве, прямо перед открытой стороной каре, образованного кораблями Шестьдесят Третьей экспедиции. Гарро, снова в полных боевых доспехах и парадной кирасе, стоял сбоку и чуть сзади от примарха, а Мортарион внимательно осматривал войско Воителя из окна зала собраний. Командир Гарро, прижав руку к бронированному стеклу иллюминатора, образующего правый глаз гигантского черепа на носу корабля, как обычно, находился под охраной Часовых Смерти, затерших поблизости.

— Мой брат решил нас удивить,— произнес Мортарион, словно бы самому себе. — Сыны Хоруса и впрямь собрали здесь

значительные силы.

Гарро не мог не признать, что редко видел подобное зрелище, по крайней мере, с тех пор, как Император отказался от личного руководства Великим Крестовым Походом. В темноте перед ним стояло множество кораблей разных типов и тоннажности, а пространство между ними кишело вспомогательными судами, челноками и истребителями, несущими патрульную службу. Стреловидная колонна серо-зеленых кораблей Гвардии Смерти плавно скользнула точно на предназначенное ей место. С правого борта, за носом флагмана Тифона, Гарро заметил позолоченный пурпур крейсера III Легиона Детей Императора, а немного выше, на следующем уровне, стоял голубой с красным корабль XII Легиона Пожирателей Миров.

Но больше всего приковывал его внимание и удерживал взгляд парящий над всеми остальными огромный боевой корабль в окружении пустоты, лишь позади него стояла стена изящных перехватчиков класса «Ворон». «Дух

щения» Воителя, казавшийся монолитным железным слитком, излучал силу и уверенность. Даже на таком расстоянии Гарро смог рассмотреть сотни пушечных стволов и ровные ряды массивных многокамерных орудий, каждое из которых было вдвое длиннее «Стойкости». Там, где у корабля Гвардии Смерти красовалась эмблема из черепа и звезды, на флагмане Хоруса виднелся массивный золотой круг, обведенный тонким эллипсом, — глаз самого Воителя, немигающий и всегда открытый, видящий все, что происходит вокруг. Вскоре Гарро предстояло ступить на борт этого судна и поддержать честь своей роты.

Сигнальные огоньки на панели под иллюминаторами мигнули и изменили цвет, показывая, что «Стойкость» остановилась. Гарро посмотрел на своего примарха:

— Мой господин, штурмкатер на пусковой палубе готов. Мы можем отправляться по приглашению Воителя, как только вы прикажете.

Мортарион кивнул, но остался на

месте и продолжал наблюдать, ничего не говоря.

Спустя некоторое время Гарро был вынужден заговорить снова:

— Господин, разве нам не приказано явиться к Воителю сразу по прибытии?

Примарх, усмехнувшись, сверкнул зубами:

— Ах, капитан, с полей сражений мы перенеслись в область политики. Было бы невежливо появиться так скоро. Мы представляем четырнадцатый Легион и должны уважать собрание наших братьев. Сначала должны появиться Дети Императора и Пожиратели Миров, иначе я могу возбудить недовольство своих братьев.

— Мы — Гвардия Смерти! — выпалил Гарро. — Никто не смеет относиться к нам неуважительно!

Улыбка Мортариона стала еще шире.

— Конечно, — согласился он. — Но ты должен понимать, что иногда тактичнее позволить своим друзьям думать, что это не так.

— Я... не вижу в этом смысла,

господин, — признался Гарро.

Примарх отвернулся от иллюминатора.

— Тогда смотри и учись, Натаниэль.

В спартанской обстановке штурмкатера Гарро снова ощутил себя чуть ли не карликом по сравнению с примархом. Мортарион сел через проход от него, наклонился вперед, и его голова оказалась всего в нескольких дюймах от головы Натаниэля. Повелитель Смерти говорил почти отеческим тоном. Пока маленький корабль пересекал бездну между «Стойкостью» и «Духом мщения», Гарро внимательно слушал, ловя каждое слово.

— Нам предстоит сыграть важную роль в ходе военного совета, — сказал Мортарион. — Те сведения, что ты держишь в руке, представляют собой горящий фитиль, способный взорвать всю систему Истваана. — (При этих словах Гарро приоткрыл ладонь и посмотрел на толстую бобину проволоки, хранящей информацию.) — Мы взяли на себя ответственность передать известие о

предательстве Воителю, поскольку именно наши боевые братья обнаружили предупреждение об измене Истваана.

Гарро все так же смотрел на бобину. Она казалась совершенно безвредной, и трудно было представить, что она хранит в себе потенциал колоссального взрыва. Такой маленький предмет мог служить оправданием для уничтожения целого мира. До отлета со «Стойкости» примарх показал Гарро с пикт-экрана запись, хранящуюся на бобине, и увиденные картины вызвали в душе капитана холод, который не рассеялся до сих пор.

Свежие воспоминания вновь всплыли перед его мысленным взором. Гарро видел искаженное ужасом лицо женщины, появившееся из голопроектора зала собраний; тени, словно мифические призраки, притаились по углам и грозили наброситься на живых. Женщина была младшим офицером армии, майором, — по крайней мере, на ней была соответствующая форма. Гарро заметил также каменные стены и пляшущие на них тени от единственной химической свечи.

Лицо женщины блестело от испарины, тонкий язычок свечи дрожал в испуганных зеленых глазах. Когда она заговорила, по голосу стало понятно, что она сломлена страхом, который не под силу перенести ни одному смертному.

— Это революция, — начала она, выплевывая слова, словно отчаянные мольбы. Дальше ее сообщение стало не совсем разборчивым, но можно было разобрать слова «подавление» и «суеверие», понять, что речь идет о вещах, в реальность которых никогда не верили солдаты. — Праал лишился рассудка, — сказала она напоследок, — и с ним теперь Девы Битвы.

Гарро нахмурил брови, услышав незнакомые имена, и примарх остановил воспроизведение, чтобы дать разъяснения.

— Благородный барон Вардус Праал был уполномочен Императором управлять главным миром системы Истваан от имени Терры.

— Он... она сказала, что губернатор целого мира нарушил закон Терры и бросил все ради каких-то язычников и

идолопоклонников? — Гарро недоуменно заморгал. Мысль об измене такого важного представителя Империума казалась ему невероятной. — Почему? Какое безумие толкнуло его на этот шаг?

— Вот это мы и должны узнать по приказу моего брата Хоруса, — протянул Мортарион.

Космодесантник снова посмотрел на лицо женщины, немного размытое, поскольку она повернулась к чему-то, что не попало в объектив пиктера.

— Еще одно имя — «Дева Битвы». Оно мне незнакомо, господин.

Он подумал, что это сочетание обозначает какое-то разговорное понятие, возможно, почетное звание.

— Согласно отчетам Двадцать Седьмой экспедиции, приведшей этот мир к Согласию лет десять назад, название фигурировало в местных мифах и означало фантастических воинов-шаманов. Кроме легенд, не было обнаружено никаких подтверждений их реальности.

Командир Гарро осторожно

прикоснулся тонким пальцем к панели управления голопроектора, и воспроизведение записи продолжилось.

Женщина с неожиданной яростью выхватила тяжелый короткоствольный пистолет и выстрелила в кого-то за пределами изображения. Затем ее лицо снова заполнило экран, и голопроектор отчетливо передал овладевший ею ужас.

— Пришлите кого-нибудь, — взмолилась она. — Остановите это...

И тогда раздался вопль.

Откровенная противоестественность звука, его явно чужеродное происхождение настолько поразили Гарро, что пальцы сами собой напряглись в поисках отсутствующего спускового крючка. Звуковая волна отшвырнула женщину, сбила настройки пиктера, и на экране голопроектора пронеслись отдельные фрагменты изображения. Натаниэль увидел кровь, осколки камней, обрывки кожи, а потом осталась только темнота.

— С тех пор с Истваана не получено ни одного известия, — негромко произнес Мортарион, давая Гарро возможность

осмыслить увиденное. — Ни вокс-донесений, ни пикт-отчетов, ни астропатических посланий.

Боевой капитан напряженно кивнул. Вопль вонзился в него, словно кинжал, и его эхо все еще отдавалось в сердце. Гарро стряхнул с себя странное оцепенение и снова повернулся к своему сюзерену. Мортарион объяснил, что команда «Сияющей долины», грузового судна, поставляющего припасы для XIV Легиона, обнаружила послание совершенно случайно, когда запеленговала сигнал бедствия. На корабле возникли опасные флуктуации поля Геллера, и корабль, следующий к Арктурану, где находилась Шестая рота, был вынужден выйти из Иттатериума для срочного ремонта.

Вот тогда-то, дрейфуя в космосе в окрестностях системы Истваана, экипаж и наткнулся на отчаянное послание. Техноадепты, проанализировав уровень снижения энергетического потока, настройки излучения и другие факторы, пришли к выводу, что сообщение было послано в эфир уже более двух лет назад.

Гарро вспомнил только что увиденное лицо офицера и задумался о судьбе этой женщины. Последние моменты ее жизни теперь были запечатлены навеки, тогда как ее кости гнили где-то в чужом мире.

— А экипаж «Долины» не обнаружил больше ничего важного, господин? — спросил он. — Возможно, людей с этого корабля надо было хорошенько расспросить...

Мортарион посмотрел по сторонам, потом снова на Гарро.

— Во время операции на Арктуране с «Сияющей долиной» произошел несчастный случай. Корабль погиб вместе со всей командой. К счастью, запись была передана на «Терминус Эст» до этого неприятного происшествия.

В голосе примарха появились стальные нотки, означавшие конец разговора, и Гарро счел за лучшее прекратить расспросы.

Повелитель Смерти вложил бобину в руку боевого капитана:

— Сохрани это для меня, Натаниэль. И помни: смотри и учись.

Внутри «Дух мщения» производил не менее сильное впечатление, чем снаружи. Открытое пространство посадочной палубы было настолько большим, что, по мнению Гарро, здесь мог бы поместиться небольшой космический корабль, и еще осталось бы свободное место. Воины почетного караула по старинной военной традиции вместо скрещенных в знамении аквилы ладоней отсалютовали звучным ударом кулака по груди.

Боевой капитан занял место позади Мортариона и Часовых Смерти, а за ним выстроился отряд космодесантников из Первой роты Тифона. Как только делегация XIV Легиона двинулась по палубе флагманского корабля Воителя, их синхронные шаги громом раздались по всему помещению. Гарро не мог удержаться, чтобы не взглянуть по сторонам и как можно подробнее рассмотреть крейсер Хоруса, стараясь запомнить все детали. На стапелях он увидел другие штурмкатера — их заправляли топливом для обратного

полета; один был украшен разверстой клыкастой пастью Пожирателей Миров, а второй сверкал царственным пурпуром и золотыми крыльями Детей Императора.

— Мой брат Фулгрим не удостоил нас своим присутствием, — с плохо замаскированным сарказмом пробормотал Мортарион, окидывая равнодушным взглядом пурпурный штурмкатер. — Это как раз в его духе.

Гарро всмотрелся внимательнее и тогда увидел, что на корабле не было вымпелов, свидетельствующих о присутствии на борту примарха. Затем он вспомнил, что не видел в общем строю и «Огненной птицы», штурмового корабля Фулгрима.

Капитан решил, что такой поступок относится к области политики, о которой говорил его господин, и помрачнел. Он всегда верил в нерушимое братство примархов, поскольку считал персон столь высокого статуса недосягаемыми для таких низких чувств, как ревность и соперничество, но теперь понял, насколько наивно это рассуждение. Воины-

космодесантники, вроде Гарро и Грульгора, тоже во многом превосходили обычных людей, и все же они не соглашались по многим вопросам и спорили чаще, чем хотелось бы. Что же удивительного в том, что примархи, стоящие так же выше космодесантников, как те стоят выше простых смертных, подвержены тем же разногласиям?

Возможно, это и к лучшему, подумал Гарро. Если бы примархи вознеслись до уровня богов, они могли бы забыть о существовании Империума Человечества и о своем долге служить Императору ради блага простых людей.

В сопровождении молчаливых Сынов Хоруса отряд Гвардии Смерти подошел к пневмопоезду, который должен был поднять Мортариона к верхнему носовому отсеку, где находился Совет Луперкаля. Гарро позволил себе посмотреть наверх, где простиралась целая сеть подъемников и оружейных поддонов, окруженных мостками для сервиторов и членов экипажа. Для функционирующего корабля, готовящегося к крупному сражению, там

было на удивление безлюдно. Боевой капитан ожидал увидеть десятки людей, взобравшихся на галереи, чтобы посмотреть на прибытие примархов. Одновременная встреча представителей даже не двух, а трех Легионов сразу была редким событием даже для такого прославленного корабля, как флагман Воителя. Он присмотрелся внимательнее, надеясь увидеть людей из Легиона Хоруса, наблюдающих за процессией, но разглядел только горстку палубных рабочих — и больше никого. При других обстоятельствах, если бы военный совет проходил на «Стойкости», Гарро был уверен, что посмотреть на гостей вышел бы каждый свободный от службы космодесантник.

— Тебя что-то тревожит, Натаниэль?

Примарх остановился у пневтопоезда и окинул капитана изучающим взглядом.

Гарро набрал в грудь воздуха, и назойливые мысли тотчас оформились в вопрос:

— Господин, мне говорили, что в

составе Шестьдесят Третьей экспедиции значительный контингент летописцев. Странно, что в такой важный день ни одного из них нет поблизости, чтобы описать событие. — Он обвел взмахом руки пустые галереи.

Мортарион приподнял светлую бровь:

— Капитан, неужели ты беспокоишься, что твоя героическая личность будет неверно отображена в каком-нибудь поэтическом опусе? Что твое имя будет написано неправильно или будет причинен какой-то другой ущерб твоему образу?

— Нет, мой господин, но я ожидал, что они будут рады запечатлеть столь значительный момент, как это собрание. Разве не в этом состоит их задача?

Примарх нахмурился. Эдикт Императора, предписывающий направить во флотилии армию художников, скульпторов, композиторов, поэтов и других творческих личностей, не нашел положительного отклика у его сыновей. Несмотря на нажим чиновников с Терры, утверждающих, что подвиги

космодесантников должны быть увековечены для будущих поколений, лишь несколько Легионов согласилось терпеть присутствие гражданских лиц. Сам Гарро питал к этой идее глубочайшее равнодушие, но абстрактно понимал неоценимое значение описания их миссии для грядущих поколений людей. Однако командир Гвардии Смерти со своей стороны позаботился, чтобы корабли XIV Легиона были заняты в самых далеких уголках, недоступных для делегаций летописцев, ставших уже привычными в крупных экспедиционных частях.

Мортарион, как и его Легион, был крайне замкнутым и скрытным по отношению к тем, кого он не уважал. Повелитель Смерти относился к летописцам немногим лучше, чем к нежеланным самозванцам.

— Гарро, — отвечал он, — эти банды писцов с испачканными чернилами пальцами и салонных интеллигентов находятся здесь, но их передвижение по кораблю ограничено. Воитель проинформировал меня, что здесь не так

давно произошел... несчастный случай. Несколько летописцев проникли в места для них небезопасные — и в результате погибли. А потому был установлен контроль за их действиями, конечно, ради их собственной безопасности.

— Понимаю, — кивнул капитан. — Для их блага.

— Верно. — Мортарион зашел в вагон. — В конце концов, все, о чем мы сегодня будем говорить, будет записано. Для этого вовсе не обязательно приглашать писцов или резчиков по камню. История сама нас увековечит.

Гарро, поднимаясь по трапу, в последний раз окинул взглядом пустынный ангар, и его внимание привлекло легкое движение. Лишь на одно мгновение он увидел чью-то фигуру, но встроенные в его зрительные органы имплантаты позволили мозгу Натаниэля реконструировать каждую грань мелькнувшего образа. Это был пожилой человек в одежде летописца самого высокого ранга, совершенно неуместный среди стальных конструкций и рельсовых

путей посадочной палубы. Он двигался быстро и крадучись, старался держаться в тени, направляясь куда-то явно с опаской. В одной руке итератор держал сложенную бумагу, возможно пропуск или разрешение. Старик тяжело дышал и, как только Гарро его заметил, тотчас нырнул вниз по лесенке, исчезавшей в глубинах военного корабля.

Гвардеец Смерти поморщился и зашел в поезд. Любопытный инцидент лишь усилил ощущение неловкости, охватившее его в первый же момент пребывания на «Духе мщения».

Какое чувство могло вызвать место, названное Советом Луперкаля? В этом названии заключалось непомерное высокомерие. Казалось, оно сквозит и в устешках Сынов Хоруса, будто огромный зал претендовал на соперничество с великим Советом Императора на далекой Терре. Гарро прошел на отведенное ему место, но грудь под парадной кирасой все так же сжимало неприятное ощущение неизвестности. Он не знал, что ждет его

впереди. Боевой капитан лишь один раз видел Воителя во плоти, но это было давно, когда во время празднования победы на Улланоре он вел Седьмую роту на парадный смотр.

А теперь Воитель сидел в этом зале, на черном троне, поднятом на помост над остальными людьми, под множеством мрачных, незнакомых знамен. Гарро понимал, что в помещении собралось немало народу, но все остальные лишь служили фоном и отражали лучи сиятельного Хоруса. В ногах Гарро что-то засвербело, словно мускульная память приказывала ему опуститься на колени.

Воитель. Он до последней капли соответствовал своему титулу. Хорус был воплощением идеала космодесантника, ожившей статуей на троне, прекрасным и могущественным, излучавшим непреодолимую мощь. Одеяние, отороченное шнурами из белого золота и меди, струилось вокруг него и каскадом спадало на базальтовые ступени трона. Надетые на Хорусе доспехи Гарро видел лишь на иллюстрациях

произведений искусства — покрытые чеканкой пластины из гибкой стали, украшенные изумрудами и черными алмазами.

Некоторые части экипировки Хоруса напоминали элементы старых доспехов модели «Марк III — Железная Броня» и более современные, «Марк IV — Максимус», а остальные были значительно более усовершенствованными, чем что-либо используемое Гвардией Смерти. Странный пистолет, на вид изготовленный из стекла, выглядывал из набедренной кобуры, сделанной из кожи какого-то животного. Вдобавок ко всему казалось, что Хорус едва замечает сковавшие его керамит и сталь и способен сбросить доспехи одним могучим движением.

Всем своим видом Воитель, даже в спокойном состоянии, напоминал сверхновую звезду, готовую в любое мгновение взорваться.

На его груди сиял змеиный зрачок Хоруса, собирающий свет плавающих в воздухе осветительных шаров. Натаниэлю

потребовалось почти физическое усилие, чтобы отвести взгляд и совладать со своими эмоциями. Сейчас не время предаваться восторгу и благоговению, нельзя уподобляться неопытному новичку. Смотри и учись, сказал ему Мортарион, и Гарро был полон решимости выполнить приказ господина.

Его взгляд встретился со взглядом другого космодесантника, одного из тех, кто стоял на возвышении в новых зеленых доспехах переименованного Легиона Хоруса, и Гарро приветствовал Гарвеля Локена коротким кивком. Когда-то давно, во время изгнания орков, посягнувших на Крипт, Гарро оказался в одном бункере с Локеном и его воинами. Гвардия Смерти целую неделю сражалась бок о бок с Лунными Волками на замерзших равнинах, орошая голубой лед темной кровью ксеносов.

Локен в ответ слегка улыбнулся, и его отклик немного уменьшил напряженность Натаниэля. Кроме Гарвеля на возвышении стояли и другие члены ближнего окружения Хоруса, братья Морниваля —

Торгаддон, Аксиманд и Абаддон. При взгляде на них Гарро пришла в голову странная мысль. Все четверо вели себя довольно сдержанно, но не настолько, чтобы Натаниэль не смог понять ситуацию. Четыре капитана разделились: Локен и Торгаддон стояли по одну сторону от трона, Аксиманд и Абаддон — по другую. Гарро увидел признаки раскола в том, что они не смотрели друг на друга и не устраивали дружеских перепалок, что, по мнению Натаниэля, было отличительным признаком Легиона Воителя. Неужели Сыны Хоруса теперь испытывали друг к другу вражду? Космодесантник оставил этот вопрос, чтобы поразмыслить над ним позже.

Его примарх был абсолютно прав, когда подметил отсутствие на совете командующего Детьми Императора. Вместо него явился старший офицер. Гарро знал его по личной встрече в одном из сражений, где его далеко не лестная репутация только подтвердилась. Лорд-командир Эйдолон и его воины были так роскошно одеты, что Гвардейцы Смерти в

своих серо-зеленых доспехах по сравнению с ними выглядели совсем неказисто. Дети Императора были известны как франты — вместо того чтобы стремиться к сражениям, они заботились о своем внешнем виде и блеске оружия. И все же страшный молот в руках Эйдолона и мечи его воинов свидетельствовали о незаурядном мастерстве в боях. Но Гарро все равно считал, что космодесантники одеты чересчур роскошно для такого случая.

Еще один из присутствующих на совете выглядел почти так же внушительно, как и сам Хорус. Гарро даже поймал себя на том, что сравнивает между собой примарха Пожирателей Миров со своим господином, пока двое братьев обмениваются равнодушными взглядами. Высокий и стройный Мортарион был по-волчьи поджарым, тогда как Ангрон казался массивным и ширококостным. Бледные цвета одеяния и облика Повелителя Смерти занимали крайнее место в спектре красок по сравнению с ярким пятном напряженного

лица Красного Ангела и его пронзительными глубоко посаженными глазами, окруженными сеткой шрамов. От одного присутствия Ангрона по залу расходились волны неудержимой ярости.

Насколько вид Мортариона безмолвно напоминал о неотвратимой смерти, настолько его брат-примарх был живым воплощением жестокости и агрессии. Широкоплечий повелитель Пожирателей Миров в бронзовых доспехах и черненом кольчужном плаще, от которого в воздухе распространялся запах застарелой крови, излучал опасность. Рядом с ним выстроился отряд избранных воинов, которыми командовал космодесантник, знакомый Гарро только по рассказам, — Кхарн, капитан Восьмой роты. В отличие от Эйдолона, известного своим бахвальством, имя Кхарна стало синонимом беспощадности в сражении. О его жестокости ходили такие красочные слухи, что даже привычные к ядам воины Мортариона ощущали неприятные позывы в желудке.

При первых же звуках голоса Хоруса

Гарро замер, и слова Воителя полностью завладели его вниманием.

— Ну вот, Мортарион прибыл, и теперь мы все в сборе.

Воитель поднялся с трона, и Гарро снова пришлось бороться с желанием преклонить колени. Рядом с Натаниэлем лишенный рта сервитор прикоснулся к органам управления в затененной нише, и осветительные шары погасли, а вместо них заработал голопроектор. Гарро еще накануне просмотрел по приказу Мортариона несколько пикт-отчетов и теперь без труда узнал Истваан III, хотя снимки были сделаны с большого расстояния, а часть изображений пострадала от лучей ближайшего спутника — Белой Луны. Перед ним был мир, где пустило корни вероломное предательство Вардуса Праала.

Хорус говорил очень энергично, и каждое слово доносилось до самых дальних уголков зала. Он повторил все, что Гарро узнал от Мортариона в штурмкатере, и добавил, что несколько лет назад примарх Коракс и его Гвардия Воронов оставили

Истваан в полном порядке и на пути к Имперским Истинам.

— Должны ли мы предположить, что истина не прижилась? — полным сардонической иронии голосом прервал Воителя Эйдолон, за что был удостоен презрительного взгляда.

Похоже, никудышные манеры лорд-командира ничуть не изменились с тех пор, как Гарро видел его в последний раз. Хорус больше не стал обращать внимание на дерзкого космодесантника, а жестом пригласил Мортариона продолжать доклад и перейти к обнаруженному сигналу бедствия. Натаниэль понял свою задачу и передал бобину с информацией ожидавшему сервитору, после чего тот осторожно вставил устройство в приемник голопроектора.

Началось воспроизведение сообщения для собравшихся воинов. Вместо того чтобы во второй раз просматривать запись, Гарро медленно обводил взглядом своих братьев-космодесантников, надеясь увидеть их реакцию на сообщение охваченной паникой женщины. Кхарн своей

невозмутимостью копировал поведение Ангрона, и уголки его губ изогнулись в слабом намеке на усмешку. Лицо Эйдолона сохраняло высокомерное выражение, очевидно обусловленное недовольством низким качеством изображения. Лицо Хоруса оставалось непроницаемым, как у статуи. Страшная сцена подействовала только на Торгаддона и Локена, но последнего явно затронула сильнее. Когда настала очередь ужасного вопля, Гарро постарался отвлечься, но все же ощутил острый приступ отвращения. Он не переставал наблюдать за Локеном и заметил, что Сын Хоруса вздрогнул точно так же, как и он сам на борту «Стойкости». Гарро открыто разделял страдание друга. Это мрачное послание несло в себе не только мольбу о помощи, призыв к космодесантникам защитить невинных. Его смысл был гораздо более глубоким и зловещим. Запись с Истваана извещала о двуличности и скверне, о том, что люди Империума вернулись на темную тропу невежества, и сделали это по доброй воле.

Одна мысль о возможной измене вызывала у Гвардейца Смерти непреодолимое отвращение. На Истваане им придется сойтись в битве не с ксеносами, не с преступниками или просто с глупыми людьми, слепыми к свету Имперских Истин. Их врагами станут их товарищи, недавно состоявшие на службе Императору. Они будут сражаться против обманутых людей, против перебежчиков и дезертиров, против предателей. Отвращение Гарро, раскалившись до предела, превратилось в праведный гнев.

Гарро очнулся от своих размышлений в тот момент, когда Воитель показал им город Хорал, где располагались правительство третьей планеты системы и источник сигнала. В атаке на обиталище Вардуса Праала во дворце Регента будут участвовать огромные силы всех четырех Легионов, отряды армии и военные машины — «титаны». Натаниэль слушал предельно внимательно и все подробности запечатлевал в своей памяти. Упоминание имени примарха еще сильнее привлекло его внимание.

— Тебе поручаю вступить в сражение с главными силами армии города Хорала, — сказал Хорус, обращаясь к Мортариону.

Боевой капитан не смог удержаться от улыбки, когда, после оглашения Хорусом всех приказов, выступил Мортарион.

— Я принимаю этот вызов, Воитель. Мой Легион привык сражаться в подобных условиях.

Перед тем как осуществить главную атаку на Хорал, предстояло провести еще одну операцию. Целью рейда были передатчики на Истваан Экстремисе, крайней планете звездной системы, где располагался основной узел сенсорной связи. Ослепленные таким образом защитники Хорала будут знать только то, что грядет возмездие. Но откуда и когда оно обрушится на их мир, определить не смогут.

— Эге, — потихоньку прошептал Гарро, вглядываясь в изображение голопроектора, демонстрирующее городской комплекс.

Город Хорал станет не простым

полем битвы, но именно к этому Натаниэль и стремился.

Оставшаяся часть операции была расписана довольно быстро. Детям Императора и Пожирателям Миров предстояло проникнуть во дворец, а Легион Воителя на востоке от города должен был атаковать важный религиозный комплекс под названием храм Искушения. В голове Гарро постоянно крутились странные названия.

Храм Искушения... Девы Битвы...

Незваные чуждые фразы снова вызвали ощущение напряжения и холодное предчувствие, которое никак не желало проходить.

ВЫБОР СДЕЛАН
ПРЕДЗНАМЕНОВАНИЯ
ЭКСТРЕМИС

Сквозь шум и грохот посадочной палубы Натаниэль услышал, что кто-то окликнул его по имени. Обернувшись, он увидел салютующего ему космодесантника в сияющей пурпурной форме. Гарро нерешительно оглянулся в надежде, что не нарушил протокола, выйдя из строя. Под раскинутыми крыльями спусковых салазок штурмкатера он увидел своего примарха и командующего Пожирателей Миров, склонившихся друг к другу в приватной и, видимо, секретной беседе. Натаниэль понял, что у него есть несколько мгновений, пока он снова не понадобится своему господину.

Воин из Легиона Детей Императора подошел ближе, и Гарро удивленно прищурился. Во время встречи ни лорд-командир Эйдолон, ни кто-либо из его

людей не проявили никакого интереса к боевому капитану, и вот теперь один из них окликает его по имени. Он не успел рассмотреть значки на доспехах, но был уверен, что не встречал этого воина в Совете Луперкаля.

— Эй, Гвардеец Смерти, — раздался голос из-за забрала шлема. — Неужели ты так медленно соображаешь, что не узнаешь своих близких?

Космодесантник подошел ближе и снял шлем, и Гарро ощутил, что его рот впервые за несколько дней растягивается в улыбке.

— Клятва на крови! Саул Тарвиц, ты еще жив? Я не мог тебя узнать под всей этой мишурой.

Подошедший воин кивнул, и длинные, до плеч, волосы рассыпались по благородному лицу, отмеченному только бронзовой пластиной над бровью.

— Должен тебя поправить: Первый капитан Тарвиц, Натаниэль. С тех пор как мы в последний раз виделись, я немного продвинулся по службе.

Космодесантники пожали запястья, и

локтевые пластины доспехов звонко стукнулись. На каждой имелся выцарапанный ножом небольшой орел — знак того, что они обязаны друг другу жизнью.

— Вижу, вижу. — Теперь Гарро рассмотрел филигранный значок на плече доспехов, подтверждавший новое звание Тарвица. — Ты заслужил это звание, брат.

За исключением Гвардейцев Смерти, Гарро мало к кому так обращался, но Тарвиц был одним из этих немногих. Дружбу Натаниэля он заслужил во время Преаксорской кампании, когда Тарвиц доказал: несмотря на то что космодесантники Фулгрима считались самоуверенными задаваками, в рядах Детей Императора есть воины, верные идеалам Империума.

— Я так и надеялся, что мы здесь встретимся.

Тарвиц кивнул:

— Мы не только встретились, дружище. Наши роты входят в состав штурмгруппы по уничтожению станции связи.

— Да, конечно.

Гарро был в курсе, что Первая рота III Легиона должна сражаться рядом с его Седьмой, но теперь, узнав, что там будет Саул Тарвиц, почувствовал, что его уверенность окрепла.

— Значит, Эйдолон предоставил командование тебе?

Тарвиц с трудом скрыл усмешку.

— Нет, он все время будет рядом со мной. Он не из тех, кто согласится упустить хотя бы частичку славы. Я уверен, он постоянно будет меня подгонять, чтобы Гвардия Смерти не успела уничтожить всех противников.

Улыбка Гарро почти исчезла.

— Я рад видеть тебя, названый братец, — произнес он с неожиданно большим чувством.

Тарвиц насторожился:

— Натаниэль, мне знаком этот взгляд. Что тебя беспокоит?

Гарро покачал головой:

— Ничего. Правда, ничего. Я здорово устал, и все это... немного подавляет. — Он обвел жестом палубу.

Второй офицер взглянул на примархов, все еще занятых разговором.

— Да, я тебя понимаю. — Он подмигнул. — Скажи, а это правда, что Воитель способен одним взглядом остановить твое сердце?

— Он производит неизгладимое впечатление, в этом можешь не сомневаться, — согласился Гарро. — Но чего еще можно ожидать от избранника Императора? — Затем немного нерешительно задал свой вопрос: — Меня немного удивляет, что тебя не было в почетном карауле. Разве твой новый ранг не дает тебе на это права?

— Я не пользуюсь благосклонностью Эйдолона, — ответил Тарвиц. — Кроме того, он никогда не позволит, чтобы внимание Воителя было обращено на другого офицера.

Гарро недовольно хмыкнул:

— Если он загордится сверх всякой меры, можешь попросить его рассказать, как Ангрон отчитал его за дерзость и Воитель отнесся к этому выговору одобрительно.

Тарвиц рассмеялся:

— Боюсь, эта часть истории никогда не будет рассказана.

— Конечно нет. — Гарро оглянулся на Мортариона и увидел, что Повелитель Смерти слегка поклонился Пожирателю Миров. — Мне кажется, нам пора. Встретимся на поле боя.

— Встретимся на поле боя, Натаниэль.

— Передай Эйдолону, что, если он вежливо попросит, мы постараемся оставить ему немного славы.

Боевой капитан отсалютовал другу и вслед за своим господином поднялся на борт штурмкатера.

— Неужели ты думаешь, что в самом деле сможешь его победить? — спросил Раль, потирая указательным пальцем подбородок.

Децимус даже не поднял головы.

— Это такая же битва, как и все остальные, и я намерен ее выиграть.

Раль обернулся к ожидавшему Сендеку, сосредоточенному и готовому к

игре.

— Он собирается тебя разгромить. — Космодесантник склонился над ареной сражения. — Смотри, твоему магистру угрожает его кастелян. Твой дракон под обстрелом его пушек, и...

— Если тебе хочется сыграть, можешь подождать, пока я разобью Сендека, — бросил Децимус. — А до тех пор смотри, если хочешь, но молча. Мне надо подумать.

— Вот поэтому ты и проиграешь, — ответил Раль.

— Пир, дай им доиграть, — вмешался Хакур и потянул Раля от игрового столика, подальше от сердитого взгляда молодого космодесантника. — Не отвлекай их.

Раль подчинился старшему воину и отошел.

— Хочешь заключить пари на результат?

— Мне бы не хотелось опять у тебя выигрывать.

Раль усмехнулся:

— Солун проиграет, Андус, я это вижу

так же ясно, как твое лицо.

Хакур ответил ему улыбкой:

— Вот как? Что ж, может, я и не так красив, как ты, зато у меня больше мудрости. И вот что я тебе скажу: Солун Децинус не так глуп, как ты считаешь.

— Я никогда и не говорил, что он глуп, — настаивал Раль. — Но Сендек — мыслитель, а в цареубийстве необходимо думать. Я видел, во что Солун превращает тренировочную камеру. Сила этого парня в его кулаках.

Андус насмешливо фыркнул:

— Не стоит его недооценивать. Боевой капитан не взял бы его к себе, если бы он был глупцом.

Ветеран посмотрел на стол, где Децинус только что двинул своего солдата и взял одного из итераторов Сендека.

— Он молод, против этого я не могу возразить, но обладает большим потенциалом. Мне приходилось видеть таких парней и раньше. Если оставить его без должного руководства, он может свернуть на неверную тропу и погибнуть. Но если отнестись к нему с заботой и

осторожностью, он превратится в боевого брата, достойного в один из дней занять должность боевого капитана.

Раль удивленно моргнул.

— А я считал, что ты его недолюбливаешь.

— Почему? Из-за моих постоянных придирок? Так я придираюсь ко всем, в этом часть моего обаяния. — Андус наклонился к собеседнику и заговорил тише: — Конечно, если ты передашь ему хоть слово из этого разговора, я буду все отрицать, а потом переломаю тебе ноги.

Послышался резкий удар дерева по дереву, и Раль, оглянувшись, увидел, что Сендек опрокинул свою императрицу на доску, признавая поражение. На лице Децуса расцвела широкая улыбка:

— Отлично сыграно, брат. Ты — достойный противник.

— Видишь? — спросил Хакур.

— А, он просто позволил ему выиграть, — нехотя отозвался Раль. — Это всего лишь акт милосердия.

— К милосердию прибегают неуверенные в себе,— вступил в разговор

вошедший в тренировочный отсек Войен, с напыщенной серьезностью произнося одну из боевых аксиом.— Кто просит милосердия? — спросил он, сбрасывая с головы капюшон повседневного одеяния.

Андус кивнул на своего собеседника:

— Оно необходимо брату Ралю. Он уже в который раз ошибся, и это его сильно огорчило.

Раль, начиная сердиться не на шутку, оскалил зубы:

— Берегись, старик.

Хакур в притворном испуге закатил глаза.

— Ну а как ты, Мерик? Где ты был?

Вопрос был задан мимоходом, но Раль заметил искры напряженности в глазах апотекария.

— Занимался своим делом, Андус, и больше ничего.— Войен быстро постарался отвести разговор от своей персоны.— А ты, Пир, надеюсь, готов к предстоящей битве? Насколько я помню, счет еще в мою пользу, не так ли?

Тот кивнул.

Раль и Войен постоянно

соревновались, кто из них первым убьет противника в начале каждой операции.

— Но считаем только воинов, помнишь? А то в прошлый раз это был сервитор.

— Сервитор-стрелок, — поправил его Войен. — И он наверняка бы меня подстрелил, если бы я ему позволил. — Он огляделся по сторонам. — Я думаю, что нам выпадет отличный шанс прощупать оборону Истваана. Операция будет проводиться по этапам, и сначала предстоит высадиться и разгромить станцию связи в удаленном мире. А потом последует полномасштабная атака на планету.

Хакур скривил губы:

— А ты неплохо проинформирован. Капитан Гарро еще не вернулся с корабля Воителя, а тебе уже известны все детали миссии.

Войен заколебался:

— Ну, это общеизвестное положение.

Тон его голоса изменился, стал более настороженным.

— Вот как? — Раль почувствовал

что-то неладное. — А кто тебе сказал, брат?

— Какая разница? — раздраженно бросил апотекарий. — Информация поступила, и я решил поделиться с вами, но если вы предпочитаете оставаться в неведении...

— Об этом никто не говорил, — прервал его Андус. — Давай, Мерик, расскажи, откуда ты это узнал. От какого-то раненого в лазарете, под действием болеутоляющих средств, или от болтливого астропата?

Раль заметил, что все воины в комнате замолчали и прислушиваются к их перепалке. Даже денщик Гарро поднял голову в своем углу. Войен заметил интерес Калеба и метнул в него ледяной взгляд.

— Брат, я задал тебе вопрос, — произнес Хакур, и на этот раз в его голосе прозвучал металл, как на поле боя, когда сержант отдавал приказы и не сомневался в их исполнении.

У Войена напряглась челюсть.

— Я не могу сказать.

Апотекарий обошел ветерана и сделал несколько шагов к своей нише. Хакур остановил Войена, схватив его за руку.

— А что это у тебя в руке?

— Ничего, что было бы тебе интересно, сержант.

Ветеран-сержант был, по меньшей мере, вдвое старше апотекария, но за долгие годы службы боевой опыт Хакура нисколько не потускнел. Он легко повернул руку Войена и нажал на нервное окончание, так что пальцы разжались сами собой и на ладони открылась потертая медная монета.

— Что это? — негромко, но требовательно спросил Хакур.

— Ты и сам знаешь! — бросил в ответ Войен. — Не строй из себя глупца!

На тусклом металлическом диске виднелся символ Легиона.

— Знак лжи, — выдохнул Раль. — Ты состоишь в ложе? И давно?

— Я не могу сказать! — ответил Войен, стряхнул руку Хакура и шагнул к своей комнате, где хранились

немногочисленные личные вещи. — Не спрашивай меня ни о чем!

— Тебе известно мнение боевого капитана о подобных вещах, — сказал Андус. — Он отвергает любые тайные сборища...

— Он отвергает, — прервал его Мерик. — Он, а не я. Если капитан Гарро отказывается вступить в братство ложи, то это его выбор, и твой тоже, раз уж ты во всем ему подражаешь. А я не отказываюсь. Я — член ложи. — Он резко вздохнул. — Ну вот. Все сказано.

Децимус вскочил на ноги.

— Мы все принадлежим к Седьмой роте, — крикнул он. — И капитан тоже! Гарро подает нам пример, которому мы должны следовать без всяких вопросов!

— Если бы он нашел время выслушать, он бы все понял. — Мерик покачал головой и снова показал значок. — Вы должны понять, что это не какое-то секретное общество, это место, где люди могут свободно встречаться и разговаривать.

— Похоже, что так, — проворчал Сендек. — Из того, что ты недавно

рассказал, выходит, что в ложе свободно передается даже самая секретная информация.

Войен сердито тряхнул головой:

— Все совершенно не так. Не искажайте мои слова.

— Ты должен выйти из ложи, Мерик, — сказал Хакур. — Поклянись нам, и мы больше не будем разговаривать на эту тему.

— Нет. — Он крепко сжал монету. — Вы все меня знаете. Мы боевые братья! Я лечил каждого из вас и некоторым даже спас жизнь. Я, Мерик Войен, ваш друг и товарищ по оружию. Неужели вы допускаете, что я мог бы принять участие в мятеже? — Он коротко рассмеялся. — Поверьте, если бы вы видели лица присутствующих там людей, вы бы поняли, что это вы вместе с Гарро остались в меньшинстве!

— Что делают Грульгор и Тифон в своих ротах, нас не касается, — заметил Децимус.

— И остальные тоже! — парировал Войен. — Я далеко не единственный

представитель Седьмой роты в сообществе!

— Нет! — не поверил Хакур.

— Я бы никогда не стал тебе лгать, и если после такого разговора вы считаете меня недостойным... — После долгой паузы он подавленно опустил голову. — Значит, наше братство не настолько крепкое, как я думал.

Когда Войен снова поднял взгляд, в комнате появился кое-кто еще.

Резким от гнева голосом капитан Гарро бросил единственную команду:

— Освободите помещение!

Когда они остались одни и Калеб закрыл за собой дверь, тяжелый взгляд Гарро уперся в лицо подчиненного. Руки капитана в бронированных перчатках сжались в кулаки.

— Я не слышал, как ты вошел, — пробормотал Войен. — Как много ты успел услышать?

— Можешь не оправдываться, — ответил Гарро. — Я немного постоял в коридоре, прежде чем войти.

— Ха! — сухо рассмеялся апотекарий. — А я думал, что шпионит только твой денщик.

— Калеб рассказывает мне только то, что сочтет нужным. Я ничего ему не поручал.

— Значит, мы с ним похожи.

Гарро отвернулся.

— Ты говорил, что вступил в ложу, исходя из своих принципов. Это так?

— Да. Я старший апотекарий Седьмой роты, и мой долг знать истинные чувства состоящих в ней воинов. Иногда случаются ситуации, о которых люди скорее расскажут товарищам по ложе, чем апотекарию. — Войен говорил, уставившись в пол. — Должен ли я понимать, что в свете открывшихся фактов ты будешь настаивать на моем переводе в другую роту?

Какая-то часть Гарро была готова взорваться от гнева, но на самом деле он чувствовал лишь разочарование.

— Я всегда сторонился лож, а теперь узнаю, что один из самых доверенных моих друзей стал членом сообщества. Это

ставит под сомнение мою проницательность и дальновидность.

— Нет! — воскликнул Войен. — Господин, поверь мне, я вступил в ложу не ради того, чтобы тебя подвести! Этот шаг был продиктован... личным выбором Мерика Войена.

Гарро долго молчал.

— Мы стали братьями за долгие десятилетия, проведенные в бесконечных битвах. Ты прекрасный воин и еще лучший апотекарий. В противном случае я бы не взял тебя к себе в роту. Но это... ты скрывал от всех нас, а значит, мало ценил нашу дружбу. Если ты решишь остаться под моим командованием, Мерик, тебе будет нелегко снова заслужить утраченное сегодня доверие. — Капитан посмотрел апотекарию в глаза. — Можешь оставаться, можешь уходить. Мерик Войен волен выбирать.

— Если я предпочту остаться, будет ли разрыв с ложей твоим условием, господин?

Капитан покачал головой:

— Я не стану тебя ни к чему

принуждать. Ты все еще остаешься моим боевым братом, даже если твое мнение не всегда совпадает с моим. — Гарро шагнул вперед и протянул Войену руку. — Но я хочу попросить тебя об одном. Обещай, что если ложа когда-нибудь станет принуждать отвернуться от Императора Человечества, ты уничтожишь этот значок и порвешь с ними.

Апотекарий пожал протянутую руку.

— Я клянусь, господин. Клянусь самой Террой.

Разобравшись с этим делом, Гарро собрал своих людей и рассказал о задачах, поставленных Воителем. Никто из воинов, по примеру своего командира, не сказал Войену ни одного резкого слова, но апотекарий все время молчал и казался задумчивым. Никто не спрашивал, почему Войен остается с ними, но в глазах Децируса, Раля и остальных Гарро читал недоумение.

Когда все было закончено, Гарро оставил доспехи на попечение Калеба и начал мысленный совет с самим собой. За

короткое время произошло слишком много событий. Казалось, совсем недавно он планировал атаку на мир-корабль йоргаллов, а теперь легионы космодесантников готовились нанести первый удар по Экстремису Истваана, а в роте самого Гарро обнаружились разногласия.

Правильно ли было позволить Войену остаться? Мысли Гарро вернулись к разговору с Мортарионом перед военным советом, где также затрагивался вопрос о ложах. Капитан сознавал, что не может окончательно разобраться в своих чувствах, и это его беспокоило. Временами ему начинало казаться, что не стоило так строго придерживаться консервативного курса и блюсти старые традиции Легиона. С течением времени многое изменилось.

Да, перемены происходили. Здесь, на «Стойкости», этот процесс шел медленно, но обостренные чувства замечали изменения, которые на борту корабля Воителя проявились более отчетливо. В голове, словно далекие грозовые тучи,

накапливались неприятные мысли. Гарро не мог избавиться от ощущения, что впереди поджидает нечто зловещее, оно только накапливает силы и выбирает подходящий момент.

И Гарро по старой привычке поступил так, как поступал всякий раз, когда хотел очистить мысли и подготовиться к грядущему сражению. На самом верху корпуса «Стойкости» находился овальный выступ корабельной обсерватории. Пункт наблюдения был вынесен на тот случай, если возникнет необходимость следить за звездами в случае отказа судовых регистраторов. Кроме того, сооружение выполняло и чисто декоративную функцию, хотя лишь немногие из Гвардии Смерти рассматривали обсерваторию в таком тривиальном ракурсе.

Гарро притушил все осветительные шары и уселся перед контрольной панелью. Кресло оператора отклонилось назад и вернулось обратно, слегка покачиваясь на гидравлических опорах. Вскоре боевой капитан занял положение, позволявшее без помех обозревать все звездное

пространство.

В нижней части сияло бело-голубое солнце Истваана, приглушенное локализованной поляризацией и усиленным бронестеклом. Гарро отвел от него взгляд и погрузился в черноту. Напряжение стало постепенно покидать его мышцы. Капитан словно плыл по океану звезд, окруженный стеклянным пузырем обсерватории. Рядом, в космической бездне, поблескивали серебром корпуса кораблей, и уже не в первый раз он попытался представить, где находится его родной мир.

Официально родиной XIV Легиона считался окутанный тучами Барбарус, находившийся на краю Готического сектора. Большинство Гвардейцев Смерти, такие как Грульгор и Тифон, Децимус и Сендек, даже Калеб, родились в этом неспокойном мире. Гарро научился ценить и уважать эту планету и ее испытующую природу, но домом она ему так и не стала.

Гарро родился на Терре и был призван в Легион еще до того, как люди узнали о существовании Барбаруса. В те времена

XIV Легион носил другое название, и у них не было примархов, только один Император. Воспоминания вызывали у Гарро гордость. Они назывались Сумеречными Рейдерами и были известны своей отличительной тактикой атаковать врага сразу после заката. Тогда на их доспехах не было зеленого цвета Гвардии Смерти. Сумеречные Рейдеры носили светлую броню цвета старого мрамора, но правая рука и плечи были окрашены в темно-багряный. Символика доспехов показывала врагам их сущность — это правая рука Императора, неутомимая и непреклонная. В час, когда солнце поднималось из-за горизонта, многие противники бросали оружие, лишь бы не сражаться с ними.

Но все переменилось. Когда сыновья-клоны Императора были похищены и рассеяны по всей Галактике, Сумеречные Рейдеры вместе с братскими Легионами и своим повелителем отправились в Великий Крестовый Поход, который положил начало Империуму. И Гарро был там, но с тех пор прошло не одно

столетие.

Казалось, что все это было не так уж давно, но часы Терры отсчитали множество лет, проведенных в смятении варпа, в криогенном стазисе и странствиях по Галактике с околосветовой скоростью. Гарро оставался рядом с Императором в его странствиях в поисках сыновей — Сангвиния, Ферруса, Жиллимана, Магнуса и других. При каждом воссоединении Повелитель Человечества даровал обретенным сыновьям командование войсками, созданными по их образу и подобию. Когда, наконец, Император посетил Барбарус и обнаружил сына — мрачного воина, возглавившего свой народ, он разместил там XIV Легион.

На Барбарусе, где оказался Мортарион после хаотического странствия по варпу, мальчик-примарх нашел мир, в котором людской род был угнетен кланом воинов-мутантов. Он вырос, объявил им войну и освободил соплеменников, создав собственную армию преданных солдат, с которой отправился к

смертоносным вершинам, где скрывались бежавшие мутанты. Вот этих солдат Мортарион и назвал Гвардией Смерти.

Так получилось, что, когда Император и Мортарион встретились и разбили силы темных мутантов, а Барбарус стал свободен, примарх присоединился к отцу в Крестовом Походе во главе XIV Легиона. В честь того события первые слова Мортариона, обращенные к армии, были высечены на гранитной арке над переходным шлюзом боевой баржи «Жатва Смерти». По приказу Императора Мортарион взял с собой элиту своей армии с Барбаруса, к которой присоединились сотни воинов Легиона. Там Гарро, тогда еще рядовой космодесантник, впервые услышал своего примарха.

— Вы — мои непревзойденные клинки, — сказал он тогда. — Вы — Гвардия Смерти.

Эти слова положили конец существованию Сумеречных Рейдеров. Все изменилось.

В день коронации Мортариона в

качестве примарха большая часть воинов XIV Легиона были соплеменниками Гарро — уроженцами Терры или близлежащих миров сегментума Солар, но их число постепенно сокращалось, поскольку все рекруты для Гвардии Смерти набирались только с Барбаруса. Теперь, когда тридцать первое тысячелетие перевалило за середину, в Легионе оставалась лишь горсточка уроженцев Терры.

В моменты меланхолии Гарро представлял себе, что наступит день, когда в Легионе не останется никого из его соплеменников и традиции Сумеречных Рейдеров исчезнут окончательно. Он боялся этого момента, поскольку со смертью терранцев умрет и какая-то часть благородного Легиона.

Память — любопытная вещь. В некоторых случаях отрывочные воспоминания далекого прошлого Гарро были отчетливее, чем картины сражений, произошедших лишь несколько месяцев назад и оставивших след лишь в специальных ячейках памяти, вживленных в головной мозг. Он помнил себя

мальчиком в Альбин, перед воинским мемориалом, относящимся к десятому тысячелетию. Огромная арка из белого камня возвышалась над скульптурами воинов, выполненными из темного металла, отполированными временем, но затем покрытыми защитным слоем из синтетических алмазов. И еще он помнил ночь на Барбарусе, когда с вершины одного из высочайших пиков наблюдал за небом. На один короткий миг тучи разошлись, и глаза Натаниэля, как и сейчас, под куполом обсерватории, отыскали в беспросветной тьме одинокий огонек.

Сейчас, как и тогда, он смотрел на далекую звезду и спрашивал себя, не его ли это дом. Мог ли Император в своей непостижимой власти обратить на него мельчайшую долю своих возвышенных мыслей? Или это было тщеславием со стороны Гарро — надеяться на даже мимолетное внимание Повелителя Человечества?

В следующее мгновение у Натаниэля перехватило дыхание — звезда, за которой он наблюдал, ярко вспыхнула и исчезла,

пропав навсегда. Погасшая звезда канула в бездну, оставив в душе Натаниэля темную пелену.

Децимус повернул руку ладонью вверх и поймал одну из порхающих вокруг крупных медленных снежинок. При низкой силе притяжения на Истваан Экстремисе сухие хлопья азотного льда неспешно падали на однообразную, различных оттенков серого цвета поверхность. Короткая самодовольная усмешка пробежала по его лицу, и пальцы сжались. Отделанный зеленой эмалью энергетический кулак полностью повторял форму правой руки, но был гораздо больше и неизмеримо сильнее, о чем напоминали беспрестанные искорки на его поверхности. Децимус для разминки пошевелил пальцами. Он настолько мастерски владел этим оружием, что с одинаковой легкостью мог сорвать цветок и расколоть череп.

На лишенном жизни шарике, состоящем из камня и льда, не было никаких признаков фауны. Но имелось достаточно голов, которые предстояло

сокрушить. Определенно. При этой мысли улыбка Децируса превратилась в дерзкую усмешку. Он оглянулся через плечо на испещренное кратерами плато западного подхода к цели. Гвардия Смерти притаилась, используя каждую складку местности. Воины, готовые к атаке, в полном молчании ждали сигнала. Светлые доспехи как нельзя лучше подходили к этой серой местности, и маскировку нарушали только зеленые полосы на плечах и нагрудниках доспехов.

Оправдывая название Легиона, они ждали очень тихо. Децирус заметил блеск позолоты. Капитан Гарро что-то говорил, приблизив свой шлем к шлему сержанта Хакура. Ветеран, в свою очередь, повернулся и шепотом передал приказ Ралю, тот — своему соседу, и так далее, по всей цепи.

Седьмая рота не пользовалась вокс-связью с тех пор, как «Громовые ястребы» высадили космодесантников за горизонтом астероида, вне пределов досягаемости датчиков на башнях станции. Они общались при помощи приглушенных

голосовых команд и боевых жестов и с величайшей осторожностью подобрались к защитной стене, окружавшей вражеский комплекс с запада. Все это было затеяно, чтобы обратить внимание защитников только в одну сторону, откуда приближались ярко одетые Дети Императора. Теперь они вышли на исходную позицию, и часы ожидания, как казалось Децицусу, заканчивались. Скоро должна последовать атака.

Сендек наклонился к нему и зашептал прямо в аудио-приемник:

— Готовься. Скоро поступит приказ.

Децицус понимающе кивнул и передал команду своему соседу — воину с ракетной установкой на плече, похожей на голову кобры. Звук в разреженной атмосфере Экстремиса распространялся не слишком хорошо, но на подступах к комплексу мятежников с другой стороны поднялся такой шум, что его отголоски докатились и до Гвардии Смерти. Децицус разобрал частые очереди болтеров и отдельное буханье зарядов взрывчатки. От этого шума его ладони покрылись испариной.

Но вот он услышал, что капитан Гарро нарушил молчание на общем вокс-канале:

— Седьмая. Мы на месте.

Голос боевого капитана звучал мрачно и напряженно. Командир Децуса сильно изменился с тех пор, как вернулся с «Духа мщения», и Солун в который уже раз задумался, что могло произойти на корабле Воителя. А потом еще эта неприятность с Войеном... Он постарался прогнать неуместные мысли.

Через усиливающие окуляры зрительной системы Децус мог наблюдать за западной стеной и различить метавшиеся на ней фигуры в черном. Они бегали из стороны в сторону, не зная, куда им податься. Атака Детей Императора сделала свое дело и замкнула на себя все усилия защитников.

— Они хоть на что-то годятся, — самому себе пробормотал Децус, всегда считавший воинов III Легиона большими эгоистами по сравнению с другими космодесантниками.

На главном канале связи опять

послышался голос, и единственное слово звенело ликованием битвы.

— Вперед! — воскликнул Эйдолон, и Гвардейцы Смерти, все как один, покинули свое укрытие и неудержимой лавиной ринулись в атаку.

— Ура, Седьмая! — раздался крик, и Децимус повторил призыв, снова и снова слыша его по всей цепи.

Воины XIV Легиона слишком долго соблюдали тишину.

Часовые на стене уже превратились в окровавленные останки — болтерные снаряды на средней дистанции разрывали их тела и сбрасывали на каменный пол. Над головой Децимуса просвистел залп малокалиберных ракет, нацеленный в тот участок стены, где ауспекс показал наименьшую толщину. У подножия барьера космодесантники внезапно заметили какое-то движение. Это высунулись наружу дула самонаводящихся орудий, снабженных лазерными излучателями. Навстречу атакующим устремились тончайшие нити багровых лучей, и к ним присоединились овальные снаряды

артиллерии. Лазер оставлял царапины на керамите, а нескольким воинам лучи ударили прямо в лицо и ослепили.

Защитникам не удалось даже замедлить продвижение Гвардии Смерти. Сейчас, когда в них взыграла кровь, это было попросту невозможно. Ноги в бронированных сапогах крушили камни и глыбы замерзшего газа, болтерная стрельба сотрясала разреженный воздух. Децимус выпустил всю обойму в амбразуру ближайшего блиндажа и, не сбившись с шага, на ходу перезарядил болтер. Из амбразуры до него долетел сдавленный крик.

Боевой брат с ракетной установкой все еще был рядом с ним, на его доспехах остался уродливый след от ожога, но в целом он не пострадал. Выбрав цель, космодесантник опустился на одно колено, в следующий момент защелкал карусельный механизм и в бункер понесся залп из четырех ракет. Снаряды угодили точно в цель и вскрыли укрепление, так что пламя внутренних взрывов вырвалось наружу. Невероятно, но из дымящихся руин

выскочили закопченные фигуры, некоторые в горящей одежде и все — размахивая оружием.

Очередью от бедра Децимус уничтожил несколько защитников, а затем рванулся вперед, намереваясь покончить с оставшимися врагами в рукопашном бою. Он сильно толкнул одного из них в грудь, и энергетический кулак отбросил тело на камни стены. От удара в кладке образовалась щербина, а труп врага упал к ногам Децимуса, словно тряпичная кукла.

Слуха космодесантника коснулся какой-то шипящий шум, и Децимус нагнулся рассмотреть его источник. При ударе его противник потерял ушную вокс-капсулу, и теперь она валялась рядом в пыли. Децимус поднял ее и прислушался. Оттуда раздался резкий свист, негармоничная последовательность аккордов, то понижавшихся, то повышавшихся. Космодесантник бросил капсулу, выпрямился и огляделся.

Все бункеры вокруг были уже разгромлены или горели. Носком ноги он

перевернул тело убитого. Уже раздувшееся лицо глянуло на него открытым глазом, видневшимся сквозь разбитую красную линзу прицела.

— Ты у меня сегодня не последний, — бросил мертвецу Децимус.

— Всем отойти на безопасную дистанцию, — раздался крик Гарро. — Сейчас будет взрыв!

Космодесантник с ракетной установкой хлопнул Солуна по плечу:

— Пошли, брат. Они собираются взорвать стену.

Децимус отбежал на сотню метров назад, где уже выстроились остальные космодесантники. За ним по пятам подскочил Толлен Сендек, держа в руке саперный пусковой механизм.

— Готово! — доложил он. Шлем Гарро качнулся.

— Запускай!

Сендек ударил по единственной кнопке, и сначала Децимус услышал пронзительный свист, в следующую секунду воздух разорвал грохот, и большой участок стены превратился в щебенку и пыль.

— Вперед! На штурм! — Гарро выхватил свой меч и взмахнул им, рассекая воздух. — За Мортариона и Терру!

Децимус, держась возле капитана, нырнул в облака поднявшейся от взрыва пыли, и оптика шлема автоматически отобразила на стандартном визуальном дисплее окружающее пространство в виде зернистых штрихов схемы. Вопреки традиционной боевой доктрине, Сендек вместо обычных подрывных зарядов применил мощные устройства, предназначенные для разрушения корабельных корпусов. Возникший в результате взрыва перепад давления в атмосфере — даже такой тонкой, как на Экстремисе,— снес часть западной стены и слегка затронул даже стоящее за ней здание. Децимусу не надо было всматриваться в пролом, чтобы увидеть цель. Еще за время полета со «Стойкости» он ввел в память все данные и теперь прекрасно представлял себе немного сплющенный купол в лесу странных, похожих на трубы башен.

Под ногами захрустели кости убитых

при взрыве стены. Вокруг космодесантников поднимались ряды искореженных арматурных прутьев с оставшимися комками бетона, напоминавшими запылившиеся жемчужины. Гарро приготовил меч, чтобы прорубить себе путь.

— Нет, господин,— подошел к нему Децимус. — Дай-ка я попробую.

Он нанес четыре удара энергетическим кулаком по бетону, и с последним ударом участок преграды рухнул, открыв достаточно большой проем. Децимус довольно ухмыльнулся — не в каждой битве удается пробить кулаком стену здания.

Гвардия Смерти устремилась в образовавшуюся брешь, и фигуры в светлых доспехах рассыпались по всему помещению. В клубах дыма и пыли, словно обезумевшие муравьи, метались защитники в черных балахонах, а за ними... Децимус несколько раз моргнул, окидывая взглядом необычное сооружение, доминировавшее во внутреннем пространстве. На коротком совещании перед боем космодесантникам

было сказано, что внутри здания находится стандартная Имперская станция наблюдения, возможно претерпевшая некоторые изменения за последние годы, и больше ничего. Децимус ожидал, что, проникнув в здание, они обнаружат ряды регистраторов, мониторов и тому подобного оборудования. Реальность еще никогда так сильно не опровергала полученных сведений.

Внутри купола были удалены все перекрытия, объединив все уровни в одно огромное пространство. В середине окутанного дымом зала стояло сооружение, по всей видимости построенное из камней, но не из местной серой разновидности глыб с прожилками слюды. Это была грубо выполненная ступенчатая пирамида из разных видов минералов, поражавших своим разноцветьем. Очевидно, камни доставили сюда с других планет, но зачем? Какая причина могла заставить прилагать подобные усилия в столь отдаленном месте, где пирамиду могли видеть лишь несколько сотен мятежников?

Внутренние поверхности здания были украшены давно забытыми узорами из линий и окружностей, создававших впечатление глубины и движения. И еще здесь присутствовал свет и звук — тот же самый негармоничный шум, который Децимус слышал в вокс-капсуле убитого защитника. Они неслись с самого верха пирамиды, скатываясь по крутым склонам медленными грозными валами. Над вершиной сооружения парила фигура. Красные лучи лазера замелькали вокруг головы Децимуса и отвлекли его внимание от пирамиды, вернув к разгоревшейся битве. Гвардия Смерти бросила в бой немалые силы, но численность собравшихся в главном зале изменников была намного больше. На вокс-канале раздался дрожащий от ярости голос Раля:

— Большой численный перевес и ожесточенное сопротивление!

Первого же врага Децимус убил сильным ударом кулака, и тело, отлетев, рухнуло в толпу его товарищей, так что многие попадали на пол. Капитан Гарро прорубался сквозь ряды истваанцев, его

Вольнолюбец блестел от крови защитников, а болтер в другой руке с грохотом посылал в противников убийственные снаряды. Солун ускорил шаги и встал рядом с командиром, к ним подтянулись Раль и Сендек. Хакур со своим отделением прикрывал с флангов, и весь отряд стал продвигаться к подножию загадочного сооружения. Децимус смеялся на ходу — ликование битвы уже бушевало в его крови; болтерная очередь с близкого расстояния уничтожила сразу десяток врагов, и их кровь оросила доспехи. Гвардейцы Смерти уже пробились к самому подножию пирамиды, как вдруг все здание загудело от взрывов и несколько бронированных дверей с жалобным скрипом упало внутрь. Мощные гиганты в пурпурных с золотом доспехах мгновенно ворвались в зал и бросились на одетых в черное защитников.

— Ребята Фулгрима решили почтить нас своим присутствием,— оскалив зубы, бросил Гарро.— Нельзя, чтобы Эйдолон потом хвастался, что взобрался на эту гору раньше Гвардии Смерти!

Мгновенного замешательства защитников, вызванного появлением новых противников, хватило, чтобы обнаружить брешь в их рядах, и боевой капитан быстро собрал Седьмую роту и повел ее вверх по неровной стене пирамиды.

Взгляд Децируса все дальше поднимался по склону небольшой горы, пока снова не остановился на вершине. Да, теперь он видел совершенно ясно. Женщина все еще была там, и каким-то образом она парила в воздухе, окутанная потоками света. Лучи обвивали и поддерживали ее мерцающую фигуру, и каждая солнечно-яркая вспышка сопровождалась новым звуком, новым визгом и ужасным шумом, от которого болели барабанные перепонки.

— Кровавая клятва! — закричал он, едва преодолевая непереносимый шум. — Кто это, во имя Терры?!

Гарро обернулся через плечо и словно выплюнул имя:

— Дева Битвы.

НА ГРАНИ
ТРИАДА ЧЕРЕПОВ
НОВЫЕ ПРИКАЗЫ

Гарро осторожно посмотрел вниз по склону и увидел, что под ним разгорелась яростная битва. По всему залу множество людей были заняты лишь тем, что убивали друг друга. Толпы людей в черных капюшонах бросались на светлые и пурпурные островки космодесантников, лазерные орудия испускали непрерывные красные вспышки, и им вторили желтые взрывы болтерных снарядов. Дети Императора уже прорвались к подножию пирамиды и начали подъем по той тропе, которую тяжелыми бронированными сапогами проложили воины Гарро. Каждый шаг сопровождался осыпанием пыли и мелких камней, и странное сооружение резонировало с мучительно резким пением Девы Битвы.

Капитан прижался к стене, впился

защищенными перчаткой пальцами в едва заметные выбоины и еще немного подтянулся наверх. За время подъема ему уже попались красный гранит, хрупкие фрагменты известняка и неожиданные осколки каких-то статуй. В этой мешанине глыб было невозможно определить ни замысла, ни вообще какого-нибудь порядка. Они уже поднялись близко к стоящей наверху женщине, и космодесантник смутно слышал голоса на вокс-канале, но непрерывные оглушительные крики врага забивали их, превращая в неразборчивое бормотание. Дева Битвы совсем не двигалась, лишь странные разноцветные блики скользили вокруг нее и медленно опускались, как те крупные снежинки, которые падали на каменистое плато. Она прижала руки к груди, запрокинула голову и посылала свою песнь к потолку здания. Пение казалось бесконечным, в нем не было пауз для дыхания, не было ритма, ничем не связанные ноты следовали одна за другой и сводили на нет все попытки Гарро сохранить ясность мысли. Ни одно

человеческое горло не было способно воспроизвести эти звуки, ни одни легкие не выдержали бы такого длительного пения. Неведомая сила песни дрожала и плыла в воздухе, пронзая ткань реальности. Верхняя часть купола покрылась рябью, словно вода, и начала деформироваться.

Нехотя, словно от скуки, а не из кровожадной жестокости, женщина тряхнула запястьем, и по граням пирамиды покатились вниз мерцающие кольца энергетической волны. Блики окутали Раля, подняли с каменной поверхности, ненадолго подвесив в воздухе. Внезапно над ним взвилось облако пепла, а доспехи сморщились и стялись, как будто были сделаны из бумаги. Раль успел испустить сдавленный крик, оборванный сухим треском взорвавшихся костей. В следующее мгновение исковерканные останки космодесантника полетели в толпу сражавшихся у подножия воинов. Увидев гибель своего боевого брата, Гарро зарычал от ярости и рванулся вверх.

Почти неожиданно он оказался на

вершине, уронил болтер, оставив его висеть у бедра на перевязи, и выхватил меч. Боевой капитан обеими руками сжал рукоять Вольнолюбца и направил клинок на Деву Битвы. Боковым зрением он видел, что Децимус прикрывает его стрельбой из болтера и страдальчески морщится, когда снаряды, отраженные непроницаемой стеной звука, рикошетом разлетаются в разные стороны.

Дева Битвы перевела взгляд на Гарро. Его атака затронула ее чувства, и на лице женщины вспыхнуло возмущение. Боевой капитан увидел, как она вздрогнула и повернулась, так что пряди длинных волос мазнули по щекам. Но пение не прекращалось. Гнев на равнодушного убийцу его подчиненного придал сил Гарро, его меч ударил в песенный щит, и при этом раздался звук, как будто лезвие проскребло по стеклу. Предводительница мятежников легко подхватила новый звук и вплела его в свою песню, так что образовался безумный хор.

Внезапно на Гарро словно сошло озарение, и он понял природу врага. Деву

Битвы невозможно уничтожить энергией тепла или света. Ее может убить только открытый звук.

Из ужасной мелодии, заполнявшей весь купол здания, Дева Битвы вытянула одну протяжную ноту и свила ее в тугой сверкающий узел резонанса. Гарро угадал грозящий удар и отбросил Децируса в сторону, стараясь оттолкнуть как можно дальше от врага. Волна рванулась со скоростью звука, акустический взрыв разорвал воздух и превратил в кольца белого пара, а Гарро ощутил ярость Девы Битвы в ударе молота-гимна.

Оглушение. Падение. Боль.

Мысли Децируса от удара смешались, и теперь остались лишь простейшие реакции, едва способные преодолевать обрушившуюся на него боль. Купол над ним завертелся, грубая поверхность пирамиды рванулась навстречу и ударила, а он все продолжал падать. Энергетический кулак разжался и всей ладонью ударился о выступающий обломок древней горгульи, и тогда пальцы со щелчком сомкнулись.

Каменная фигура трещала и крошилась, но выдержала, остановив беспорядочное падение. Голова гудела, словно тревожный колокол, глаза были словно занавешены плотным туманом. Децимус молча выругался на языке Барбаруса и встал на ноги. Встроенная система предупреждения доложила о контузиях и мелких переломах нескольких костей, но не выявила ничего серьезного. Гарро... Капитан Гарро спас ему жизнь, сбросив перед самой атакой Девы Битвы.

В голове мелькнула вспышка беспокойства, настолько близкая к панике, насколько это возможно для космодесантника. Где же он? Где боевой капитан? Децимус выпрямился, обрадовался, обнаружив свой болтер на обмотавшейся вокруг запястья портупее, и отбил неуклюжую атаку одного из истваанцев. Обогнув выступ пирамиды, он увидел своего командира. Мраморно-серые доспехи Гарро были обильно залиты кровью космодесантника. Над ним склонился один из Детей Императора — Тарвиц, как припомнил Децимус. Гарро когда-то

рассказывал о нем и отзывался очень хорошо. И все же при мысли о том, что воин III Легиона первым пришел на помощь Гвардейцу Смерти, грудь Децимуса пронзила стрела оскорбленной гордости. Не важно, что они побратимы.

Децимус снова стал взбираться на пирамиду, стараясь не обращать внимания на резкую боль трущихся обломков костей. Подойдя ближе, он уловил обрывок разговора двух капитанов.

— Держись, брат, — сказал Тарвиц.

— Только убей ее, — выдохнул Гарро и закашлялся, сплевывая кровь.

Удар Девы Битвы расколол его шлем, и капитан остался с обнаженной головой.

— Я позабочусь о нем, — вмешался подошедший Децимус. — Теперь он будет в безопасности.

Тарвиц коротко кивнул ему и начал подниматься к вершине.

Космодесантник повернулся к своему командиру, и от запаха свежей крови его замутило. Этот запах он хорошо знал и ненавидел. Следы падения виднелись и на доспехе Гарро, и на его руке, кроме того,

где-то наверху он потерял свой болтер. Но вторая, уцелевшая рука боевого капитана с мрачной решимостью сжимала рукоять Вольнолюбца, словно это был его талисман. Острые осколки гранита и обсидиана местами пробили керамитовое покрытие доспехов, и вокруг них выступили капли аварийного восстановителя, но больше всего пострадала нога.

Прикрытое щитком шлема лицо Децируса помрачнело, и он был благодарен, что капитан не может видеть его выражения. Почти у самого бедра правая нога командира превратилась во влажное месиво обрывков кожи, обгоревших костей и почерневших мышц. Только нейрохимические реагенты и противошоковые средства, вырабатываемые вживленной в шею железой, позволяли Гарро сохранять сознание.

Представив себе, какую боль должен испытывать капитан, Децирус едва не задохнулся. Дева Битвы не просто вывернула или сломала ему ногу. Ее

звуковой удар полностью раздробил конечность.

— Как я выгляжу, брат? — спросил капитан. — Наверно, не так хорошо, как Дети Императора.

— Все не так уж плохо.

Гарро, морщась от боли, усмехнулся:

— Парень, ты совсем не умеешь врать. — Он поманил космодесантника рукой. — Помоги мне подняться. Саул закончит то, что мы начали.

— Ты не в том состоянии, чтобы сражаться, — возразил Децимус.

Гарро, вцепившись в его руку, подтянулся.

— Проклятье, Децимус! Пока Гвардеец Смерти может дышать, он в состоянии драться! — Качнувшись от боли, он огляделся вокруг.— Где этот проклятый болтер?

— Потерян, сэр, — ответил Децимус, помогая ему спуститься.

— Милостивая Терра! Тогда помоги мне занять положение для боя, и я начну крошить этих глупцов мечом!

Оставляя за собой кровавый след, они

спустились со ступеней пирамиды на пол и снова окунулись в сумятоху сражения. Децимус услышал, что песня Девы Битвы наверху изменила тональность, но в данный момент все его внимание было поглощено рукопашным боем. Он стал опорой для капитана. Децимус широко расставил ноги, уперся покрепче и противостоял волнам атак, отстреливая черные фигуры очередями болтера в одной руке, а второй настигал тех, кто осмеливался подобраться ближе. Гарро прислонился к нему спиной, придерживался раненой рукой, но здоровая рука с мечом описывала смертоносные дуги. Под их ногами уже собралась лужица, в которой кровь капитана смешалась с кровью иствааанских мятежников.

Децимус по вокс-каналу потребовал медицинскую помощь, но в ответ услышал только треск помех. Вероятнее всего, вокс-передатчик был поврежден при падении, а голос, даже на пределе возможности, не мог преодолеть звуковой барьер, созданный Девой Битвы. Спустя некоторое время Гарро осел на пол;

неимоверные усилия и потеря крови сломили даже организм космодесантника. Децимус помог боевому капитану перебраться к стене пирамиды.

— Господин, возьми вот это. — Он положил на колени Гарро свой болтер и запасной магазин.

— Куда ты собрался? — невнятно спросил Гарро, с трудом фокусируя взгляд.

— Я сейчас вернусь, капитан.

Децимус развернулся и бросился в самую гущу, пробивая своим энергетическим кулаком дорогу в рядах мятежников. Исковерканные тела иствааанских повстанцев в черных капюшонах разлетались от его ударов, а Децимус не останавливался. Враги расступались перед ним, словно вода, а за его спиной снова заполняли пробитые бреши.

Наконец Децимус отыскал нужный силуэт и заорал во всю силу легких:

— Войен! Ты меня слышишь?

Апотекарий Гвардии Смерти поднял голову — он склонился над павшим братом, чье тело было рассечено лучом лазера на

две половины.

— Ему я уже ничем не могу помочь, — мрачно произнес он.

— Император знает его имя, — торопливо крикнул Децимус. — И если ты сейчас же не пойдешь со мной, имя капитана тоже будет в этом почетном списке!

— Гарро? — Войен рывком поднялся на ноги. — Показывай дорогу, парень, быстрее! Капитан Седьмой не погибнет, если это в моих силах.

Они устремились обратно, с боем прорываясь через толпы сражавшихся людей.

— Сюда! — крикнул Децимус.

— Он все еще остается моим командиром, — раздраженно говорил Войен. — Ты понимаешь? Не важно, что было сказано и что сделано, — это ничего не меняет. Ты понимаешь, Децимус?

— Кого ты стараешься убедить, Войен? Меня или себя? — Солун сердито оглянулся. — В настоящий момент меня не интересуют ни ты, ни твоя окаянная ложа. Только спаси...

Остальные слова Гвардейца Смерти потонули в финальном душераздирающем вопле сверху. Все, кто мог, инстинктивно зажали уши ладонями, чтобы не слышать последней, предсмертной ноты Девы Битвы. Подняв голову, Децимус увидел на вершине пирамиды две фигуры в пурпурных доспехах, увидел, как разрубленная фигура в воздушном одеянии упала и, кувыркаясь, покатилась по крутому склону.

— Эйдолон! — закричали рядом космодесантники.— Эйдолон ее убил! Разбойница мертва!

Продолговатый предмет со светлым хвостом пролетел в воздухе, и Децимус поймал его на лету. Перевернув добычу, он обнаружил, что это человеческая голова.

— Дева Битвы, — произнес он, держа женскую голову за пучок светлых волос.

Шея жертвы была рассечена одним мастерским ударом. Он поморщился и швырнул голову Детям Императора, а потом бросился дальше, не обращая внимания на победные крики. Защитники в черных капюшонах, все как один, прекратили сражение. Некоторые

попадали на колени и стонали, раскачиваясь взад и вперед, или, уронив голову на руки, оплакивали неожиданный конец своей драгоценной песни. Другие остались стоять, но оглядывались по сторонам, словно потерявшиеся дети.

— С дороги! Прочь с дороги, мятежные скоты! — кричал Децимус, проталкиваясь сквозь толпу рыдающих противников.

Он стал разбрасывать их своим кулаком, и истваанцы валились, словно колосья под косой жнеца. Остальные Астартес последовали его примеру, и кровавая бойня продолжилась. Приказ Воителя запрещал брать пленных.

К тому времени, когда они добрались до подножия пирамиды, смертельно бледный и недвижимый Гарро лежал на полу. Над ним стоял на коленях хмурый апотекарий III Легиона.

Расстроенный Войен метнул на него тяжелый взгляд.

— Отойди. Не трогай его!

— Я спас ему жизнь, Гвардеец Смерти, — последовал сердитый ответ. — Ты должен бы меня поблагодарить. Я

сделал за тебя твою работу.

Войен в гневе сжал кулаки, но Децимус его остановил.

— Брат, — обратился он к апотекарию. — Мы тебе благодарны. Он выживет?

— Доставьте его в лазарет в течение часа, и он вскоре снова будет готов сражаться.

— Мы обязательно так и сделаем. — Молодой Астартес отдал честь по старинному воинскому обычаю. — Я Децимус, Седьмая рота. Мы перед тобой в долгу.

Апотекарий слегка улыбнулся Войену:

— Фабий, апотекарий Детей Императора. Считайте мою заботу о капитане дружеской услугой.

Космодесантник ушел, но слова Войена еще сочились ядом:

— Невежественный щенок. Как он осмелился...

— Войен, — остановил его Децимус. — Помоги мне его перенести.

Падение Гарро продолжалось целую

вечность.

Бездна вокруг него казалась теплой и вязкой. Это был океан жидкого чистого масла, глубокий, как память, и Гарро не мог сказать, есть ли у него берега. Он погрузился в этот океан, теплота окутала его тончайшими нитями, проникла внутрь через рот и нос, заполнила горло и легкие, потянула вниз. Все ниже и ниже, в самую глубину. И он падал, падал и продолжает падать.

Он смутно догадывался о своих ранах. Датчики показывали затемненные участки тела, нервные узлы почернели и затолкли, и лишь недремлющие устройства организма космодесантника поддерживали его жизнь.

— Мои раны никогда не заживут, — произнес он вслух, и слова, отвердевая, потянулись следом.

Зачем он это сказал? Откуда появилась такая мысль? Гарро размышлял со слоновьей медлительностью и пытался подогнать мысли, но они отказывались повиноваться и оставались огромными и холодными на ощупь, словно горные

ледники.

Транс. Часть мозга еще снабжала его небольшими фрагментами данных. Да, конечно. Его тело закрылось в своих границах и запечаталось изнутри. Все заботы и внешние раздражители забыты, пока имплантаты работают на полную мощность, чтобы остановить надвигающуюся смерть. Космодесантник погрузился в своего рода стазис. Но не тот, искусственно вызванный, когда тело охлаждается, когда в кровеносную систему впрыскиваются предотвращающие кристаллизацию вещества и организм легче переносит длительное межзвездное путешествие. В его случае это было забытье тяжелораненого, почти убитого человека.

Странно было все это сознавать и в то же время словно видеть со стороны. Но такова была функция тормозящего центра, имплантированного в мозг. Он отключал отдельные участки мозжечка, как сервитор выключает лампы в неиспользуемом помещении. Гарро уже был здесь, во время Пасифайского мятежа,

после того как в результате безнадежной атаки на «Смелость» часть корпуса боевой баржи была вырвана и сотни незащищенных людей вылетели в космос. Тогда он выжил, очнувшись через несколько месяцев потерянного времени и с новыми шрамами на теле.

А выживет ли теперь? Гарро попытался собраться с мыслями и вспомнить последние моменты перед потерей сознания, но отыскал в памяти лишь отрывочные образы и вспышки жестокой боли. Тарвиц. Да, Саул Тарвиц был там, и еще этот парень, Децимус. А раньше... До того было только гудящее эхо белого шума и боль, от которой замирало сердце. Он позволил себе падать дальше, и пелена агонии немного прояснилась. Сумеет ли он пройти через это? Гарро узнает только тогда, когда что-нибудь произойдет. В противном случае он будет падать, все глубже и глубже погружаться в этот океан, и капитан Седьмой роты станет еще одной утраченной душой, превратится в стальной череп размером с ноготь, чтобы украсить железную Стену

Памяти на Барбарусе.

Он понял, что не хочет больше сражаться. Здесь, в этом небытии, замкнувшись в себе, он просто был. Тянул время, ждал, исцелялся. Так было после Пасифаи, так должно быть сейчас.

Так должно быть.

Но он знал, что на этот раз что-то по-другому, знал, хотя мысль все время ускользала. Сокрушительная боль, настигшая его там, в зале... Он никогда не испытывал ничего подобного. Сотни лет непрерывных сражений не подготовили его к жестокому поцелую Девы Битвы. Теперь, когда было уже слишком поздно, Гарро осознал, что с таким врагом, как она, ему еще не приходилось сталкиваться. Откуда происходила ее сила, какую форму они принимала?.. Все это оказалось для него в новинку, хотя космодесантник давно считал, что Вселенная уже ничем не может его удивить. Что ж, это избавит его от излишней самоуверенности.

Боевой капитан в какой-то степени был рад такому развитию событий. То, что после столкновения с Девой Битвы он

смог выжить и впасть в состояние стазиса, казалось невероятным. Другие Гвардейцы Смерти и Дети Императора не смогли пережить ее ударов. Он вспомнил несчастного Раля и его опустевшие доспехи, летящие вниз, словно консервная банка. Бедняга больше никогда не будет ни играть, ни заключать пари. Многие боевые братья погибли, а Гарро уцелел — и до сих пор цеплялся за жизнь.

— Почему? — удивлялся он. — Почему я, а не они? Почему Натаниэль Гарро, а не Пир Раль? Кто сделал этот выбор? Какие весы определяют переход от жизни к смерти?

Вопросы цеплялись за космодесантника, тянули его в разные стороны, погружали все глубже. Как глупо задавать бессмысленные вопросы равнодушной Вселенной. Какие весы? Нет никаких весов, нет вершителя судеб! Рассуждать о подобных понятиях, верить, что человеческая жизнь подобна механизму в ловких пальцах божества, значит уподобляться варварскому идолопоклонству. Нет. Есть только одна

истина, Имперская Истина. Звезды вращаются по своим орбитам, люди живут и умирают без всякого расчета какого-то создателя. Нет никаких богов, нет никаких «до» и «после», нет другого будущего, кроме того, что создают сами люди. Гарро и его соплеменники просто есть.

И все же...

В этом царстве мертвого сна, где все казалось далеким, но одновременно более отчетливым, случались мгновения, когда Натаниэль Гарро испытывал чье-то давление. На самой границе сознания он замечал отблески сияния, доносившиеся за миллионы световых лет, смутные признаки участия интеллекта, намного превосходящего его собственный. Холодная логика говорила, что он принимал желаемое за действительное, что это всего лишь отклики грубой животной составляющей его мозга. Но Гарро никак не мог отделаться от ощущения, от надежды, что на него действует воля какой-то великой личности. Если уж он не умер, возможно, он спасен. Эта мысль

казалась несерьезной и опасной.

— Его рука касается каждого из нас, и все мы поклоняемся Ему.

Кто произнес эти слова? Сам Гарро или кто-то другой? Они звучали таинственно и ново и доносились откуда-то издалека.

— Он ведет нас, учит нас, убеждает нас стать сильнее, чем мы есть, — продолжал бесцветный голос. — Но больше всего Император нас защищает.

Слова раздражали Натаниэля. Они заставляли его метаться и поворачиваться в густом море, лишали спокойствия. Он со всех сторон чувствовал приближение темных бурь, зарождавшихся в неизмеримых глубинах, их картины возникали в мыслях, но через чьи-то чужие глаза, через не принадлежащую ему душу, яркую, словно далекий ангел, но одинокую, как единственная свеча в лучах слепящего солнца. Черные тучи неуправляемых эмоций волновали и скручивали варп, вырывались в космос, искали лазейку, чтобы проникнуть в душу. Штормовой фронт надвигался, неумолимо и неуклонно.

Гарро хотел отвернуться, но в своем падении не мог отыскать места, чтобы укрыться от бури. Он хотел подняться и сразиться с ней, но у него не было ни рук, ни лица, не было тела.

Во вздымающихся и опадающих грачных волнах мелькали какие-то тени, смутно знакомые цепочки символов, увиденных на стенах крепости Истваан Экстремис, еще какие-то образы навели на воспоминания о грозных и незнакомых знаменах Совета Луперкаля. Но чаще и отчетливее всего повторялась тройная икона, возникавшая повсюду, куда бы он ни обратил свой мысленный взгляд: триада черепов, пирамида из оскаленных лиц, три черных диска, три кровоточащие раны и разные другие варианты, но все время в одном и том же порядке.

— Император защитит, — сказала женщина, и Гарро ощутил на своей щеке ее руку, соленый привкус проливших слез на ее губах.

Слова пришли откуда-то издалека, тянули за собой, вытаскивали из тумана надвигающихся штормов.

Натаниэль начал подниматься, все быстрее и быстрее, окружавшее тепло сменилось прохладой, боль сконцентрировалась в животе и ноге. Там была... женщина, с короткой стрижкой, в накидке и...

Пробуждение было мучительным.

— Око Терры! — выдохнул Калеб. — Он жив! Капитан жив!

— Я должен его видеть, — твердо сказал Темтер.

Сержант Хакур нахмурился:

— Господин, мой капитан еще не в том состоянии...

Темтер прервал его, подняв руку:

— Хакур, старый клинок, при всем почтении к твоей долгой службе и подвигам я должен указать на твое неуважение к моему рангу. И не принимай мои слова как просьбу. Уйди с дороги, сержант.

Хакур коротко поклонился:

— Конечно, капитан. Я немного забылся.

Темтер обогнул сержанта и

целеустремленно прошел в лазарет «Стойкости» третьей ступени, кивком приветствуя воинов своей роты, еще не оправившихся от ран после сражения на йоргалльском мире-корабле. Многим уже не суждено вернуть статус солдата, и они будут влачить бесславное существование в составе постоянно действующей корабельной команды или вернутся на Барбарус доживать свои дни командирами-инструкторами в отделениях рекрутов. Уллис Темтер надеялся, что эта участь не постигнет Гарро. В тот день, когда боевой капитан покинет строй воинов, его дух будет сломлен.

Миновав кордон медиков, он вошел в отдельную палату, где обнаружил капитана Гарро на опорном кресле, в окружении латунных механизмов и стеклянных сосудов, откуда в узлы имплантированного панциря Натаниэля потихоньку капала какая-то жидкость. При появлении Темтера денщик Гарро вскочил и затер с удивленным видом. Не переставая испуганно моргать водянистыми глазами, Калеб поспешно

прижал к груди руку со скомканными исписанными листками. Тетер тотчас понял, что застал денщика за каким-то неподобающим занятием, но решил не вмешиваться.

— Он что-нибудь говорил?

Калеб кивнул, засовывая бумаги во внутренний карман куртки.

— Да, сэр. Пока он лежит здесь, капитан несколько раз разговаривал. Я не смог понять, о чем шла речь, но разобрал несколько имен, и чаще всего это было имя Императора. — Денщик явно был встревожен. — С тех пор как он впал в исцеляющую кому, он не общался ни с кем, кроме медиков и меня.

Тетер перевел взгляд на Гарро и наклонился.

— Натаниэль? Натаниэль, старый глупец. Ты тут спишь, а Крестовый Поход продолжается, ты не забыл?

Он предпочел насмешки, чтобы не показать собственного беспокойства. Но когда веки Гарро дрогнули, а потом глаза открылись и остановились на его лице, улыбка Тетера стала искренней.

— Уллис, ты что, не можешь без меня выдержать сражение?

— Ха! — воскликнул Сететер. — Твои раны ничуть не притупили твоего языка. — Он положил руку на плечо Гарро. — Тебе весточка от этого задаваки, Саула Тарвица. Он вернулся на «Андроникус», но хотел поблагодарить за умиротворение Девы Битвы, что ему очень помогло.

Капитан довольно хмыкнул, но ничего не ответил.

— Твои парни сильно встревожились, — продолжал Сететер. — Я слышал, Хакур высказывал опасения, что ему придется примерить твой парадный панцирь.

— Я еще сам в нем похожу, как только эти костоломы позволят мне встать. — Гарро поморщился от нового приступа боли. — Я бы скорее поправился, если бы мог ходить.

Сететер оглянулся на медицинское оборудование, над которым молча стоял Войен, потом сделал глубокий вдох.

— Как нога, Натаниэль?

Гарро опустил взгляд и слегка побледнел. Правая нога казалась уродливой

и сильно отличалась от его собственной. Вместо крепких выпуклых мышц и сухожилий появилась конструкция из закаленной стали с полированными бронзовыми пластинами, имитировавшими форму бедра и колена. Аугметическая нога обладала отличными качествами, но смотреть на нее было все равно неприятно. На лице Гарро отразились противоречивые мысли.

— Она подойдет. Хирурги меня заверили, что сращивание нервов прошло без всяких осложнений. Если верить брату Войену, со временем я перестану обращать на нее внимание.

Теметер уловил в голосе приятеля нотки недоверия, но предпочел не заострять на этом внимания.

— Вот теперь я узнаю прежнего боевого капитана. Кто еще смог бы, оставив на поле боя порядочный кусок своего тела, стиснуть зубы и вернуться в строй, чтобы взять реванш?

Гарро слегка улыбнулся, и его голос окреп.

— Я надеюсь, что скоро так и

произойдет. Брат, расскажи, что я пропустил, пока лежал в лазарете? Или я проспал умиротворение Исстваана и весь Крестовый Поход?

— Едва ли. — Теметер пытался сохранить прежний насмешливый тон, несмотря на то что Гарро затронул серьезную тему. — Мортарион получил новые приказы от Воителя. Сейчас вся флотилия закрепилась на высокой орбите. Все орбитальные станции мятежников и все обнаруженные корабли уничтожены эскадрильями «Воронов». Небеса принадлежат Хорусу.

— А атака на город Хорал? Раз уж ты пришел, я думаю, она еще впереди.

— До атаки осталось недолго, брат. Воитель лично выбрал людей, которые войдут в состав штурмгруппы против сил Вардуса Праала.

Гарро слегка нахмурился:

— Хорус комплектует отряды? Это... нетипично. Обычно этим занимается примарх Легиона.

— Это Воитель,— с оттенком гордости в голосе ответил Теметер.—

Нетипичное поведение — его привилегия.

Гарро кивнул:

— Он выбрал твою роту, не так ли? Неудивительно, что ты так рад. — Капитан улыбнулся. — С нетерпением жду того дня, когда мы опять будем сражаться бок о бок, как на йоргалльском корабле.

Наступил самый неприятный момент. Как ни старался Телемер скрыть свои чувства, он понял, что ему это не удалось, и Гарро насторожился. В улыбке капитана мелькнуло беспокойство:

— Что-то не так?

— Натаниэль, — вздохнул Телемер. — Я решил, что лучше сам расскажу тебе обо всем, пока Грульгор не устроил целый спектакль. Апотекарии не подтвердили, что ты полностью исцелился, а потому тебя отстранили от боевых действий. Твоя команда остается в ограниченном боевом резерве.

— Ограниченный. — Гарро выплюнул слово и окинул Войена сердитым взглядом, отчего тот мгновенно развернулся и убрался восвояси. — Так теперь я считаюсь ограниченным?

— Не мели чепухи! — огрызнулся Гемегер, стараясь как можно скорее погасить гнев Гарро. — И не сваливай на Войена. Он выполняет свой долг перед Легионом и тобой. Если ты сейчас попытаешься бросить Седьмую роту в бой, то рискуешь подвести своих братьев, а Гвардия Смерти не может на это пойти. Ты не попадешь на Истваан III, Натаниэль. Это прямой приказ Первого капитана Тифона.

— Калас Тифон пусть поцелует эфес моего меча, — крикнул Гарро, и Гемегер заметил, как съежился его денщик, услышав оскорбление из уст обычно сдержанного капитана. — Уберите с меня эти побрякушки,— продолжал тот, отодвигая медицинские приборы и сосуды.

— Натаниэль, подожди.

Рыча от усилий, Гарро выбрался из опорного кресла, встал на естественную и металлическую ноги и сделал несколько неуверенных шагов.

— Если я могу двигаться, значит, могу и сражаться. Я пойду к Тифону и все скажу ему прямо в лицо.

Гарро оттолкнулся и вышел из палаты, с каждым шагом сердито преодолевая хромоту.

Калеб наблюдал, как его господин слез со своего ложа и ушел, сверкая сталью и медью ноги, а еще ярче — сердитым взглядом. Оставшись один в маленькой комнатке, он вытащил засунутые в карман листки и бережно разгладил на жестком матраце опорного кресла. Затем денщик с величайшей осторожностью достал из-под одежды висящий на цепочке маленький образок, вырезанный из гильзы болтерного снаряда. Примитивный амулет был грубоватым, но в нем чувствовалось старание, которое можно было объяснить лишь преданным поклонением. При хорошем освещении штрихи и точки гравировки складывались в величественную фигуру, стоящую в лучах восходящего солнца. Калеб положил иконку поверх бумаг и сложил ладони.

Теперь он был убежден, хотя мысль о доказательствах веры и могла показаться смешной. Пока его благородный господин

метался между жизнью и смертью, Калеб ни на секунду не отходил от капитана Гарро и приглушенным шепотом читал строки с уже изрядно потрепанных листков.

«Его рука касается каждого из нас, и все мы поклоняемся Ему. Он ведет нас, учит нас, убеждает нас стать сильнее, чем мы есть. Но больше всего Император нас защищает».

Безусловно, Император защитил Натаниэля Гарро. Он ответил на мольбы Калеба и спас жизнь его господина, показал Гвардейцу Смерти путь из трясины. Теперь денщик был твердо уверен в том, о чем раньше лишь догадывался. Великий замысел охватывает и Гарро. Космодесантник выжил не по воле случая, а по желанию Повелителя Человечества. Настанет момент, — а денщик инстинктивно знал, что ждать осталось недолго, — и Гарро предстоит выполнить задание, которое под силу только ему. И задача Калеба — в этот момент осветить путь своему господину.

Денщик понимал, что откровенный

разговор на эту тему с его господином не приведет ни к чему хорошему. До сих пор он таил свои убеждения ото всех, ибо время откровений еще не пришло, но многое понимал. Он верил, что Гарро постепенно поворачивает на тот путь, по которому шел Калеб, путь, который ведет к Терре и единственному истинному божеству во всей Вселенной — к Богу-Императору.

Убедившись, что никто не сможет ему помешать, денщик стал молиться, положив открытые ладони на страницы «Божественного Откровения», учения Церкви Святого Императора.

Лицо Гарро окаменело от сдерживаемого гнева, но каждый раз, когда новая нога заставляла его хромать, он ощущал приступ ярости. Мельчайшим гироскопам механической конечности требовалось время, чтобы настроиться на его движения и кинетику тела, а до тех пор он будет оставаться хромым. И все же он понял, что может ходить. Унизительной необходимости

пользоваться тростью или какой-либо другой подпоркой он бы не вынес.

Теметер не отставал от капитана. Командир Четвертой роты отказался от попыток переубедить его и заставить вернуться в изолятор и просто шел рядом. Лицо Теметера выражало крайнее изумление. Ему еще никогда не приходилось видеть Гарро в такой ярости.

Они добрались до командного отсека «Стойкости» — нескольких связанных между собой личных помещений и залов, которые Мортарион выбрал для себя на то время, пока он находится на борту, и оказались в небольшой приемной. Перед ними в том же направлении и явно к той же цели стремился еще один Гвардеец Смерти, и, к своему неудовольствию, Гарро узнал Игнатия Грульгора. Командор Второй роты обернулся на стук металлической конечности по мраморным плитам и окинул Гарро высокомерно оценивающим взглядом.

— Так, значит, ты не умер.

Грульгор скрестил руки на груди и вздернул подбородок. Он все еще не снял

боевых доспехов, тогда как Гарро был в обычном одеянии.

— Надеюсь, что ты не очень разочарован, — ответил капитан.

— Ну что ты, как ты мог такое подумать, — солгал командор. — Но скажи, в твоем ослабленном состоянии, не безопаснее ли было бы оставаться на лазаретной койке? Ты так тяжело ранен...

— Помолчи хотя бы раз в жизни, — рассердился Тететер.

Грульгор потрачнел:

— Следи за своими словами, капитан.

Гарро жестом остановил приятеля.

— Я не намерен тратить с тобой время на пререкания, Грульгор. Я хочу обратиться лично к примарху.

Гарро направился к двери.

— А вот тут ты опоздал, — последовал ответ. — Да и вряд ли Повелитель Смерти стал бы прислушиваться к словам калеки. Мортариона нет на борту «Стойкости». Он снова с Воителем, на совещании по делам Крестового Похода.

— Тогда я поговорю с Тифоном.

Грульгор ухмыльнулся:

— Тебе придется подождать своей очереди. Он вызвал меня всего минуту назад.

— Посмотрим, кому придется ждать, — отрезал Гарро и распахнул дверь кабинета.

Первый капитан Тифон резко поднял голову от разложенных на столе боевых карт. Громоздкий силуэт облаченного в боевые доспехи космодесантника четко вырисовывался на фоне широкого иллюминатора, выходящего на верхнюю часть корпуса корабля.

— Гарро?

Казалось, что он очень удивился, увидев, что боевой капитан снова может ходить.

— Сэр, — ответил Натаниэль, — капитан Тететер информировал меня, что мой боевой статус еще не восстановлен.

Тифон едва заметным жестом приказал Грульгору не вмешиваться и ждать.

— Это действительно так.

Апотекарии говорят...

— Меня это в данный момент не интересует, — прервал его Гарро, игнорируя правила протокола. — Я прошу, чтобы мое командирское отделение немедленно было включено в состав штурмовой группы!

Тифон и Грульгор обменялись молниеносными, почти неуловимыми взглядами, затем Тифон заговорил снова:

— Капитан Темемер, а ты здесь зачем?

Темемер, сбитый с толку прямым вопросом, нерешительно помедлил.

— Я пришел с капитаном Гарро. Для... поддержки.

Тифон размашисто указал на Гарро:

— Разве боевой капитан нуждается в поддержке? Он сам может держаться на двух ногах. — Калас отрывисто кивнул на дверь. — Ты свободен. Возвращайся к своей роте и готовься к высадке.

Капитан Четвертой роты хмуро отсалютовал, еще раз взглянул в лицо Гарро и вышел из кабинета. Едва дверь за ним закрылась, Натаниэль снова

встретился взглядом с Тифоном.

— Первый капитан, я жду твоего ответа.

— Твоя просьба отклонена.

— Почему? — возмутился Гарро. — Я могу вести роту! На Истваан Экстремисе я продолжал сражаться даже после того, как у меня оторвало ногу. Так почему же я не могу завершить разгром врагов Императора с этим металлическим костылем, привинченным к моему телу?

Тифон сердито прищурил свои янтарно-желтые глаза;

— Гарро, если бы это зависело от меня, я бы позволил тебе участвовать в десанте. Я бы с радостью разрешил тебе доковылять до зоны военных действий и выжить или умереть, в зависимости от твоей собственной смелости и умения. Но приказ поступил от нашего господина. Мортарион сам так распорядился, капитан. Неужели ты осмелишься оспаривать решение нашего примарха?

— Если бы он был здесь, да, я бы осмелился.

— Тогда бы ты услышал то же самое,

только из его уст. Если бы прошло больше времени и твои раны как следует зажили, тогда — может быть. Но не сейчас.

Грульгор не смог удержаться от возможности повернуть нож:

— Терранец, я прихвачу немного славы и для тебя.

— Нет, капитан Грульгор, не прихватишь. Я решил, что ты на время операции на Истваане III тоже останешься в составе орбитальной флотилии.

Командор с трудом сумел подавить взрыв гнева:

— Что?! Почему, господин? Гарро хоть ранен, а я в полной боевой готовности, и...

Тифон не дал ему договорить:

— Я вызвал тебя для того, чтобы до отлета на «Терминус Эст» лично отдать приказ и проинструктировать. И собирался послать гонца с приказами для капитана Гарро, но, раз уж он явился ко мне лично, не вижу причин, почему бы не проинформировать вас обоих сразу.

Первый капитан вышел из-за стола и

принял официальный вид:

— На основании планов сражения, составленных его превосходительством Воителем и нашим верховным лордом Мортарионом, было решено, что вы оба со своими командирскими отделениями останетесь на боевом дежурстве на борту имперского корабля. В ваши задачи входит наблюдение. Остальные воины ваших рот остаются в резерве. Во время атаки на город Хорал Истваана III вам надлежит быть готовыми к поддержке операции десантирования на случай необходимости быстрого реагирования.

К Гарро подошел сервитор и вручил ему электронный планшет с деталями официального боевого приказа.

— Реагирования на что? — не унимался Грульгор. — У Праала не осталось ни одного летательного аппарата! Мы их всех уничтожили!

— Кто из нас будет назначен оперативным командующим? — негромко спросил стиравшийся Гарро, просматривая содержимое записей.

— Эта ответственность возложена в

равной мере на вас обоих, — ответил Тифон.

Гарро чувствовал свое поражение и тщетность дальнейших споров, но некоторое утешение находил в том, что не придется сталкиваться с Тифоном и терпеть его высокомерные приказы, обращенные к командному отделению своей роты. Костер негодования к этому моменту успел прогореть, и привычная сдержанность и готовность подчиниться приказу быстро вступили в свои права. Если Мортарион так решил, какое он имеет право возражать? Натаниэль сдержал горестный вздох.

— Первый капитан, я благодарен тебе за разъяснения. С твоего позволения, я хотел бы вернуться к своим людям и довести до их сведения приказ о новом задании.

— Ты свободен, капитан Гарро, — кивнул Тифон.

Натаниэль Гарро, повернувшись, вышел, и лишь постукивание его стальной ноги выражало оставшееся неудовлетворение.

Грульгор тоже собрался уходить, но Тифон покачал головой.

— Подожди, Игнатий.— Как только Гарро покинул кабинет, он подошел к командиру вплотную. — Брат, я знаю, что ты считаешь, будто тобой пренебрегли, но поверь, это совсем не так.

— Вот как? — недоверчиво переспросил Грульгор. — Предстоит ключевая битва, а ты приказываешь мне наблюдать за ней с орбиты, запираешь в жестяной банке с бандой матросов, да еще в компании Гарро, изображающего из себя раненого мученика. Скажи, в чем же для меня заключается великая честь этого задания?

Тифон проигнорировал нескрываемый сарказм:

— Я уже говорил тебе о стремлении нашего господина привести Гарро под знамена Воителя против Терры, но нам обоим известно, что терранец не способен измениться. Он слишком предан Императору.

Грульгор нахмурил брови:

— Истваан III... Это и есть поворотный момент? — Тифон ничего не ответил и продолжал молча за ним наблюдать.— Возможно...— Грульгор медленно кивнул, разбираясь в своих мыслях. — Кажется, замысел становится ясен: необычный метод составления штурмовой группы, выбор отдельных подразделений вместо полного состава рот Легионов. Можно подумать, что господин Хорус решил изолировать некоторый контингент войск, не согласных с его убеждениями.

Тифон кивнул:

— Когда, как ты выразился, поворотный момент настанет, тебе предстоит выполнить для Хоруса еще одно задание. — Он понизил голос почти до шепота. — Несмотря на благосклонность и снисхождение Мортариона по отношению к Гарро, я уверен, что капитан попытается предать нашего господина и Воителя.

Грульгор кивнул в ответ, впервые постигая истинное положение вещей:

— Я не позволю этому произойти.

Стоя посреди оружейного зала, Гарро повторил слова Тифона. Он постарался избавиться от образа приближавшихся штормовых туч и надвигающейся угрозы, от ощущения грандиозных махинаций, творившихся вне поля его зрения. Все это Гарро оставил на потом и разговаривал со своими людьми как их боевой брат и командир, подготавливая воинов к предстоящей битве. Космодесантники разразились недовольными возгласами, но Хакур немедленно заставил их утихнуть, и все отделения дружно занялись подготовкой к передислокации на новый пост.

— Сэр, а этот корабль, — спросил Сендек, — тот, куда нас посылают, о нем что-нибудь известно?

— Это фрегат, — ответил Гарро, — под названием «Эйзенштейн».

ТРУДНОЕ ПРИЗЕМЛЕНИЕ «ИСТРЕБИТЕЛЬ ЖИЗНИ» РЕШЕНИЕ

В операции возвращения мира к Согласию Гвардейцы Смерти удостоились чести первыми ступить на поверхность Истваана III. При мысли о том, что он и его люди составляют наконечник копья штурмгруппы, сердце Уллиса Телетера переполнялось воинственной гордостью. Десантная капсула капитана с глухим стуком ударилась в плоскую поверхность земли, прилегающую к линии окопов города Хорала. Затем удары стали непрерывно следовать один за другим, и сотни следующих десантных капсул прочертили небо огненными штрихами, а затем вонзились в почву, погружаясь почти наполовину.

Тысячи воинов всех рангов и званий, пылая холодной яростью, начали

вторжение. Каждый космодесантник испытывал праведный гнев по отношению к мятежникам, и Гвардейцы Смерти были лишь небольшой частью многочисленной армии, вместе с боевыми машинами направленной на подавление бунта.

Корпус капсулы Темемера раскрылся на пироболтах, и капитан сделал первый вдох истваанского воздуха, чтобы позвать воинов за собой.

— За Терру и Мортариона!

Темемер вывел своих солдат из неглубокого кратера, образованного при посадке, и тотчас открыл огонь, послав трассирующую очередь в первую же группу изменников, попавших в поле зрения.

Вардус Праал прекрасно подготовился к обороне. По его приказу лес, когда-то стоявший вокруг, был вырублен, и после постройки окопов, туннелей и невысоких бункеров вся местность превратилась в одну простреливаемую зону. Дальше, на расстоянии нескольких километров, виднелись окраины самого Хорала. Строения искрились и сверкали в холодном голубоватом свете полуденного солнца. В

небе над башнями дворца Регента и храма Искушения Тететер заметил такие же огненные штрихи: там спускались десантные капсулы Пожирателей Миров, Детей Императора и Сынов Хоруса.

Он не удержался от улыбки. Очень скоро Гвардия Смерти присоединится к ним, но сначала надо свершить правосудие здесь. Люди Вардуса Праала возвели эти укрепления, не подчинившись призыву Императора к повиновению, и долг капитана Тететера — указать им на ошибочность подобных действий. Космодесантникам не составило бы труда обойти линии окопов и атаковать сзади, но эта тактика была неверной. Возведенные постройки были в некотором роде вызовом имперской мощи, хотя на самом деле представляли собой лишь незначительное препятствие. И потому Гвардии Смерти предстояло пройти под перекрестным огнем истваанских линий обороны. Космодесантники намеревались занять рубежи и разрушить все, что можно, а затем отправиться в Хорал, чтобы преподать этим глупцам урок

истины. Ничто не должно противостоять воле Императора.

Космодесантники в траморно-серых с зеленой отделкой доспехах двинулись вперед по густой грязи плотным строем, и тяжелая волна керамита и стали захлестнула барьеры и ряды колючей проволоки, преграждавшие путь к наскоро вырытым траншеям. Они шли сквозь ураган огня и не обращали внимания на град пуль. То здесь, то там кто-нибудь из воинов Тететера задерживался, обнаружив скрытые люки, и закрывал их термабомбами.

Оглянувшись назад, Тететер увидел, что справа за ним шагает древний дредноут Хурон-Фал, и шипы его бронированных сапог энергично взрывают землю. Из сдвоенной пушки на его правой руке вылетали огненные стрелы и, опускаясь на вражеские окопы, поднимали фонтаны обломков и разбрасывали в стороны защитников.

Солдаты Хорала были в серо-коричневых мундирах, под цвет грязи, но жалкие попытки маскировки оказались

совершенно бесполезными в инфракрасных лучах систем усиления зрения шлемов космодесантников. Тетер боевым жестом дал команду разбиться на мелкие группы, и воины быстро перестроились.

В своем отделении Уллис знал каждого воина по имени или его заслугам, хотя с некоторыми Гвардейцами Смерти ему еще не приходилось вместе сражаться. План высадки, составленный Воителем, никогда бы не пришел в голову самому Тетеру. Вместо того чтобы, как обычно, оперировать ротами, Хорус составил штурмгруппу из мелких отделений, набрав людей из десятков разных рот.

Капитан подозревал, что это коснулось не только Гвардии Смерти, но и Пожирателей Миров, и Детей Императора, и личного Легиона Хоруса. Подобная стратегия, как Тетер признавался самому себе, была выше его понимания, но если Воитель отдал приказ, значит, для этого были причины. Со своей стороны, он был рад для разнообразия получить

самостоятельность на поле боя и сражаться, не оглядываясь на высокомерного Грульгора или грубого Тифона.

Противник, оправившись от первоначального потрясения, вызванного высадкой десанта, произвел перегруппировку, и ответный огонь стал не таким беспорядочным, как в первые моменты атаки. Помимо звонких сигналов труб и взрывов чуткий слух Теметера уловил скрипучие атональные звуки, похожие на пение. Он прочел отчеты об операции на Истваан Экстремисе и уже знал о так называемых Девах Битвы и их загадочном звуковом колдовстве. Похоже, что здесь, на третьей планете, тоже властвовала магическая сила необычной музыки. Теметер поднял свой комбиболтер и начал свою собственную симфонию.

«Эйзенштейн» оказался ничем не примечательным кораблем: по тоннажу соответствовал категории фрегатов и от носа до кормы имел длину около двух километров. Он отдаленно напоминал

более новые корабли класса «Меч», но только по той причине, что большая часть имперских судов строились по тем же самым принципам. Чуть ли не каждый линейный корабль на службе Повелителя Терры состоял из одних и тех же элементов: кинжаловидный контур носовой части, массивный блок околосветовых и варповых двигателей, а между ними — начинка из передаточных механизмов и сложных стальных конструкций.

— Он выглядит не слишком большим, — тихо заметил Войен, выглядывая в иллюминатор штурмкатера по пути со «Стойкости».

Он еще не успокоился после разговора с Гарро, и голос выдавал тревогу апотекария.

— Это такой же корабль, как и всякий другой,— ответил боевой капитан. — Здесь или в другом месте, мы все так же будем выполнять свой долг.

На пусковую палубу, показавшуюся после «Стойкости» тесной и захламленной, приветствовать Гвардию Смерти вышел капитан корабля с официальной

делегацией офицеров корабельной рубки.

— Барик Гарья, — четко произнес он и коротко отсалютовал. — Командор Грульгор, боевой капитан Гарро. По приказу примарха этот корабль принадлежит вам до самой смерти или до нового задания.

Капитан Гарья был коренастым и смуглым человеком, с полосками седых волос вокруг головы и подбородка. Гарро заметил на его щеке углеродную пластинку, прикрывающую аугметику, и несколько шнуров со щупами на концах, свисавших с затылка. Он казался очень напряженным, но это можно было объяснить желанием проявить усердие.

В отсутствие высокопоставленных космодесантников Гарья оставался полновластным хозяином на корабле и наверняка испытывал некоторое чувство обиды за необходимость уступить права назначенным по приказу воинам. Капитан взглядом указал на стоящую рядом тонкую узколицую женщину:

— Мой адъютант, Ракель Воут.

Затем он поклонился и сотворил

знамение аквилы. Грульгор воспользовался паузой и пренебрежительно фыркнул:

— Вы можете продолжать выполнять свои обязанности. Когда капитану Гарро или мне потребуется ваша помощь, вас об этом известят.

Гарья и Воут отдали честь и вышли. Гарро проводил их взглядом. Не прошло еще и минуты после перебазирования на «Эйзенштейн», а Грульгор уже пытается изображать главного.

Натаниэль оглянулся на аура-поле, сдерживающее космический вакуум, пока последний из штурмкатеров опускался на посадочную палубу, опираясь на голубые столбы пламени двигателей. Последнее судно пришвартовалось рядом с остальными транспортами Второй и Седьмой рот. На лице Гарро мелькнуло недоумение. Он пересчитал штурмкатера. Появление еще одного было для него загадкой. Неужели не все воины командных отделений прибыли со своими офицерами?

Штурмкатер замер и свернул хищные крылья под фюзеляж. Капитан продолжал наблюдать за кораблем

уголком глаза, ожидая, что борт откинется и превратится в трап, а из люка появятся люди Грульгора. Но ничего не происходило. Значит, на борту нет пассажиров? Похоже, штурмкатер привез только неодушевленный груз.

Грульгор, подойдя ближе, загородил корабль собой и одарил Гарро неприятной улыбкой:

— Я намерен проинспектировать корабль, чтобы убедиться, что все готово к бою.

— Очень хорошо.

Командор махнул горстке своих людей и, не оглядываясь, вышел. Гарро со вздохом повернулся к поклонившемуся Калебу:

— Проследи, чтобы сервиторы разгрузили наше обмундирование и оборудование. — После недолгой паузы он добавил: — И доложи мне любые сведения о грузе с последнего штурмкатера.

— Да, господин. Я прикажу команде доставить наше имущество на оружейную палубу фрегата.

Гарро обернулся к сержанту Хакуру:

— Андус, возьми с собой людей и подыщи нам подходящее помещение, пока люди Грульгора не успели занять самые лучшие комнаты. — После салюта сержанта капитан обратился к воинам командного отделения: — Я пройду на мостик. Децимус, Сендек, вы отправляетесь со мной.

Войен остановил его взглядом.

— Что интересного пытается обнаружить Грульгор на нижних палубах? Прости меня, господин, но такое поведение командора кажется мне немного странным.

— И не только тебе, — добавил Сендек.

— Он старше тебя по званию, апотекарий, — с неожиданной для себя резкостью ответил Гарро. — Он волен поступать по своему желанию и не объяснять причин. — Натаниэль махнул рукой, заканчивая разговор. — Иди с Хакуром. Я больше не хочу тратить время на пустую болтовню.

В сопровождении двух воинов Гарро прошел к подъемнику, чтобы добраться до

верхних уровней фрегата. Он старался казаться равнодушным, но Войен угодил в точку. Боевому капитану было бы непростительно поддерживать домыслы и строить догадки перед строем космодесантников, но факт оставался фактом: Гарро ожидал со стороны Грульгора какого-то подвоха.

Неужели мы так низко опустились? Где это слыхано, чтобы люди одного Легиона, глядя друг на друга, испытывали недоверие? Между воинами возникла неприязнь и ревность... И я... Я тоже испытываю эти чувства?

— Капитан!

Телетер, подняв взгляд, увидел перед собой лицо одного из своих младших офицеров.

— Сэр, наше отделение на северном фланге упирается в значительную преграду. Защитники со счетверенной пушкой засели в бункере, построенном из феррокрита, и простреливают все подходы. Могу я дать команду обойти огневую точку?

Тетер насмешливо фыркнул:

— Парень, мы — Гвардия Смерти. Если на дороге встречается булыжник, мы не обтекаем его, как водный поток, а разбиваем на куски! — Капитан жестом подозвал воинов командного отделения. — Показывай, где это препятствие.

Они, пригнувшись, пробежали по неровной земле и спрыгнули в неглубокую траншею, заваленную телами убитых защитников и осколками снарядов. Вокруг беспрестанно свистели пули и гремели взрывы, но Тетер все же слышал горестные монотонные причитания врага. Проходя мимо небольшого возвышения, он намеренно вышел из строя и раздавил ногой рупор громкоговорителя, упавший со столба. Устройство заискрило и умолкло.

— Вот здесь, господин, — показал офицер.

Плоский шестиугольник едва возвышался над землей, и гладким феррокритовым стенам было явно не больше пяти-шести лет. На его поверхности виднелись только свежие трещины и выбоины после снайперского

обстрела в самом начале атаки Гвардии Смерти. Как и докладывал молодой космодесантник, дула счетверенной пушки накрывали атакующих непрерывными потоками трассирующего огня. Несколько безжизненных тел в зоне обстрела отмечали место, где боевые братья пытались приблизиться, но погибли, не достигнув цели. Тетер нахмурился:

— Пули и обычные снаряды здесь не помогут. Зови воинов с огнеметами и плазменными снарядами.

Офицер отдал приказ, и космодесантники с огнедышащим оружием вышли вперед. Тетер передал свой комбиболтер молодому офицеру, а сам подозвал одного из воинов:

— Дай-ка мне свой факел. — Получив огнемет, Тетер встряхнул его и с удовольствием прислушался к плеску жидкого прометия в почти полном резервуаре. — Болтеры должны отвлечь внимание защитников. Огнеметы поддадут им жару.

Космодесантники открыли огонь, и, как и ожидал Тетер, все четыре ствола

тяжелого орудия повернулись в их сторону. Люди поняли его план, и не было необходимости разжевывать все детали. Как только в стрельбе возникла пауза, Гвардейцы Смерти, покинув укрытие, окатили стены и огневые щели бункера потоками горящей жидкости и перегретых газов. Защитники не могли быстро повернуть орудие, и нескольких мгновений Тетеру хватило, чтобы вместе со своими людьми проскочить к самым стенам бункера. На всякий случай он приказал сержанту бросить в огневую щель связку мощных гранат, а сам одним прыжком перелетел через крышу на противоположную сторону. Едва приземлившись, Тетер ринулся внутрь по извилистому входному коридору, а первого же защитника так швырнул о феррокритовую стену, что послышался резкий треск костей. В бункере поднялась суматоха, и капитан бросился в гущу противников. В низком помещении было полно дыма, по стенам полыхали языки пламени, а нагревшееся от непрерывной стрельбы орудие еще добавляло жару.

Капитан активировал одолженный огнемет и провел перед собой широкую дугу пламени, держа струю на уровне груди солдат. Люди превратились в пылающие факелы, начали оглушительно взрываться неиспользованные боеприпасы. Один из исствааанцев, охваченный огнем, с криком подбежал к Тететеру и обхватил его обеими руками. Капитан выключил огнемет и выпустил его из рук, а потом схватил подбежавшего человека и разорвал надвое. Сбив с себя пламя, он поморщился, а подоспевшие воины уже ворвались внутрь и покончили с остальными.

Бункер замолчал. Тететер бросил взгляд на уходящие вниз туннели.

— Закройте все выходы, — приказал он. — Не хочу, чтобы эти крысы бегали у нас за спиной, когда мы пройдем дальше.

Когда смолкли пушки, капитан снова отчетливо услышал пронзительные стенания, доносившиеся из висящего на стене громкоговорителя. Ударом кулака он разломал аппарат на части.

— Уничтожайте эти приспособления везде, где только заметите, — добавил

Уллис. — Этот мятежный шум действует мне на нервы.

— Сэр! — окликнул его один из воинов, показывая наружу через амбразуру.

Теметер выглянул и увидел огромную тень, спускавшуюся к горизонту на столбах возвратного пламени двигателей, а затем почувствовал, что земля загудела, словно гигантский колокол. На мгновение пол ушел из-под ног космодесантника, и Теметер услышал треск феррокритовой крыши, расколотой взрывной волной. Тень замерла и превратилась в массивный вертикальный цилиндр, стоящий в облаках пара на некотором удалении от места приземления десантных капсул. По размеру он был сравним с целым жилым кварталом города-улья, и ребра жесткости после входа в плотную атмосферу все еще оставались вишнево-красными. Раздался оглушительный скрип металлического корпуса, потом сегменты боковой поверхности опустились на землю, таща за собой гибкие шланги и изрыгая новые облака белого пара. Изнутри гигантской

капсулы послышался мощный боевой клич, а когда пар рассеялся, появился колосс, закрытый бронированными пластинами, из которых торчали многочисленные дула пушек и пулеметов. «Титан» императорского класса, каждым своим шагом сотрясая землю, направился к Хоралу.

— «Диес Ирэ», — произнес Тетер название огромной боевой машины. — Значит, наши собратья из Легио Мортис решили присоединиться к общему штурму. — Он еще ненадолго задержал взгляд на гигантской конструкции, потом решительно тряхнул головой и позвал: — Сигнальщик, свяжись с принцепсом «Диес Ирэ» и доложи ему боевую обстановку.

Молодой офицер, потрачнев, протянул Тетеру его комбиболтер:

— Господин, с вокс-связью возникли проблемы.

— Объясни, — потребовал Тетер.

— Появились сложности при попытках задействовать определенные каналы, включая связь с «титаном» и кораблями на орбите.

Телетер поднял глаза от оружия:

— Местные блокируют сигналы?

Космодесантник покачал головой:

— Вряд ли, сэр. Десантная капсула для этого слишком малая цель. Похоже... Похоже, что определенные вокс-частоты просто отключены.

Капитан коротко кивнул, принимая к сведению информацию.

— Значит, обойдемся без них. Если положение со связью ухудшится, держи меня в курсе. А мы будем придерживаться принятого плана атаки.

Телетер выбрался из духоты замолчавшего бункера и устремился вперед.

— На город Хорал! — крикнул он.

Обширная тень скользнула по земле, и капитан, посмотрев вверх, увидел, как стопа «Диес Ирэ» проплывает над ними и опускается далеко впереди на крышу соседнего бункера. Тяжелый грохот артиллерии мгновенно затих, и из-под обломков укрепления потянулись струйки дыма.

— Гвардия Смерти! — обратился к

своим воинам Тететер, вешая болтер на плечо. — Оставим гиганту крупные объекты. В окопы, братья. Очистим эту землю от мятежной нечисти.

Бронзовые створки входной двери капитанского мостика с легким шипением разошлись, пропуская Гарро и двоих его воинов. Гарья, резко подняв голову, тревожно оглянулся на Воут, а затем, как и во время встречи на посадочной палубе, принял мрачно-официальный вид.

— На мостике боевой капитан Гарро, — произнес он, отдавая салют.

Тот кивком поблагодарил за представление команде.

— Церемонии были уместны внизу, мастер Гарья. А здесь давайте не будем утомлять себя правилами протокола и займемся неотложными делами, хорошо?

— Как пожелаете, капитан. Возьмете на себя управление кораблем?

Гарро покачал головой:

— Пока в этом нет необходимости.

Он быстро осмотрел помещение, откуда осуществлялось командование

судном. Как и подобало рядовому боевому кораблю на службе Гвардии Смерти, интерьер не мог похвастать обилием украшений. В отличие от многих других звездных судов, где стены закрывали панели из дерева или металла, внутренние поверхности «Эйзенштейна» оставались неприкрытыми. Вокруг рубки змеились связки кабелей и труб, отдельные пучки спускались к панели управления регистратора и наблюдательной системы. Гарро они напомнили искривленные корни древнего дерева.

Воут, казалось, уловила ход его мыслей:

— Корабль не блещет красотой, но у него сильное сердце, капитан. Он безотказно служил Императору с того дня, как был спущен с Лунной верфи, задолго до моего рождения.

Гарро подметил, что она избегает останавливать взгляд на его раненой ноге. Даже под силовыми доспехами в его походке до сих пор можно было обнаружить некоторую напряженность.

Гарро положил руку на центральный навигационный пульт и стал изучать космический компас, заключенный в стеклянную сферу и поддерживающее поле. Скромная бронзовая табличка, привинченная у основания пульта, содержала сведения о названии корабля, классе и деталях постройки. Натаниэль наскоро просмотрел данные, и на его лице появилась довольная улыбка:

— Удивительно. Выходит, «Эйзенштейн» отправился в космос в тот самый год, когда я стал космодесантником. — Он бросил взгляд в сторону Воут. — У меня такое ощущение, как будто мы с ним родственники.

Адъютант улыбнулась в ответ, и Гарро впервые ощутил подлинное единение с командой.

— «Эйзенштейн», — заговорил Сендек, пробуя, как звучит название на его губах. — Это слово происходит из старинного терранского диалекта Жермани. Означает «железно-каменный». Это ему подходит.

Гарья кивнул:

— Ваш воин совершенно прав, капитан Гарро. А еще это имя принадлежало двум замечательным людям Эпохи Терры — одному летописцу и одному ученому.

— Такая богатая история у простого фрегата, — заметил Децимус.

Глаза капитана корабля сердито сверкнули:

— При всем уважении к вам, господин, в военной флотилии Империума не может быть простого фрегата.

— Извините моего боевого брата, — мягко вмешался Гарро. — Он слишком разнежился в просторных залах на борту «Стойкости».

— Это прекрасный корабль, — продолжал Гарья. — И нам предстоит продолжить его славный послужной список.

Гарро слегка усмехнулся:

— Мы здесь не ради славы, мастер Гарья, просто выполняем свой долг. — Он прошел в переднюю часть рубки, где неестественным голубым огнем сияли ряды мониторов и операторских пультов. — Каков наш статус?

— Остается на месте, — ответила

Воут.— Приказ Воителя предписывает нам оставаться на этих координатах до тех пор, пока все космодесантники не вернутся на свои корабли. Затем — ждать дальнейших распоряжений.

Боевой капитан кивнул:

— Боюсь, что сегодня мы внесем не слишком большой вклад в историю. Наш примарх приказал оставаться на высокой орбите и ждать, не попытается ли какой-нибудь корабль под прикрытием наземной операции ускользнуть в открытый космос.

Гарро едва успел договорить, как из-за перегородки, закрывавшей уголок помещения, прозвенел колокольчик. Тяжелый звуконепроницаемый занавес отошел в сторону и остался открытым, придерживаемый толстым серебристым шнуром. За ним открылась затемненная вокс-рубка — небольшой альков, где можно было в относительном уединении получать особо важные сообщения. На свет вышел молодой долговязый офицер со сложной гарнитурой, прикрепленной к вороту, и с электронным планшетом в руке. Он сделал пару шагов и вытянулся по

стойке «смирно».

— Автоматическое послание, приоритетный шифр, доставка немедленно. — Он нерешительно повел глазами, не зная, к кому обращаться: к Гарро или Гарье. — Сэр?

Капитан корабля протянул руку:

— Передайте мне блокнот, мистер Маас. — Затем он взглянул на Гарро: — Вы позволите, капитан?

Натаниэль кивнул и стал наблюдать, как Гарья торопливо прочитывает страничку.

— Ага, — произнес Гарья спустя несколько мгновений. — Похоже, лорд Мортарион нашел нам другое применение. Воут, прикажи разогреть маневровые двигатели.

Адъютант отошла отдать необходимые распоряжения, и Гарро взял у капитана планшет.

— Возникли осложнения?

— Нет, сэр. Новые приказы.

Капитан корабля наклонился к сервитору-рулевому и отдал несколько коротких команд.

Послание в электронном планшете было коротким и недвусмысленным. Переданные прямо по вокс-каналу «Духа тщения», заверенные личными рунами Повелителя Смерти и советника Хоруса Малогарста, директивы предписывали «Эйзенштейну» покинуть занятую позицию и опуститься на нижний орбитальный уровень.

Гарро, как и все космодесантники высокого ранга, имел некоторый опыт в управлении звездными кораблями, и сейчас, вспоминая сведения, полученные во время сеансов гипноза, он по указанным координатам определил новое положение фрегата.

Полученная картина заставила его нахмуриться. По словам Тифона, «Эйзенштейн» должен был действовать как перехватчик возможных беглецов с Истваана III, но на новой предполагаемой позиции корабль окажется слишком близко к плотному слою атмосферы третьей планеты и не сможет реагировать с необходимой быстротой. Эффективно выполнить задачу перехвата корабль был

способен, только оставаясь на высокой орбите, чтобы у команды было время засечь цель, навести орудия и уничтожить вражеские корабли. Потеря высоты влекла за собой сужение сектора обстрела. Изучив соответствующие координаты поверхности, Гарро расстроился еще больше. Новая позиция «Эйзенштейна» выводила его в пространство непосредственно над Хоралом, а Гарро был уверен, что там уже не осталось ни одного корабля, способного выйти в космос.

С самым мрачным видом боевой капитан вернул планшет Маасу. Если бы на борту фрегата были десантные капсулы с воинами второй волны вторжения, логика нового приказа не вызвала бы сомнений, но «Эйзенштейн» не был рассчитан на подобного рода операции. По сути, он был просто носителем артиллерийских орудий. Борта фрегата с обеих сторон ощетинились дулами тяжелых пушек, и на таком расстоянии от поверхности планеты единственной возможной операцией была бы бомбардировка мира с дальней дистанции,

но это казалось немыслимым. В конце концов, Хорус на военном совете уже отклонил требования Ангрона стереть город Хорал в порошок снарядами с дальней дистанции. Воитель вряд ли мог так быстро изменить свое решение. А если бы и изменил, на поверхности все еще оставались сотни верных ему воинов. Гарро ощутил на себе пристальный взгляд Гарьи.

— Капитан, если у вас нет возражений, я хотел бы исполнить приказ.

Гарро рассеянно кивнул, ощущая необъяснимый холодок тревожного предчувствия:

— Выполняйте, мастер Гарья.

Гвардеец Смерти подошел ближе к обзорному иллюминатору и сквозь армированное стекло посмотрел наружу. Снизу уже приближалась окутанная тучами сфера Истваана III.

— Что-то не так, господин? — Децимус заговорил приглушенным шепотом, неслышным для остальных членов экипажа.

— Да, — ответил боевой капитан и

сам поразился своей откровенности. — Но, клянусь Террой, я еще не понимаю, в чем дело.

Калеб плотнее запахнул полы матросской робы и осторожно двинулся по служебному переходу. За долгие годы он мастерски научился оставаться незаметным, даже находясь на виду у всех, а теперь для любого постороннего наблюдателя денщик выглядел обычным судовым слугой. Значок принадлежности к Гвардии Смерти и Седьмой роте надежно скрывался под серой тканью. Часть его мыслей безостановочно вертелась вокруг недопустимости такого поведения, но Калеб продолжал идти, стараясь не обращать на них внимания.

Неужели он настолько изменился? Тот факт, что вместо того, чтобы открыто идти по своим делам, он маскировался под рабочего «Эйзенштейна», был отчасти преступлением, и все же Калеб был уверен в правильности своих поступков. С тех пор как Император внял его мольбам в лазарете и спас хозяина от

смерти, денщик осмелел. Приказы капитана предопределялись свыше. Возможно, так было и раньше, но теперь Калеб в этом твердо уверился. Боевой капитан приказал ему проследить за грузом последнего штурмкатера, и он намеревался выполнить поручение. Если таково было пожелание Гарро, значит, это была и воля Императора, а, следовательно, он прав в своем выборе.

После ухода с посадочной палубы воинов Седьмой роты Калеб расположился так, чтобы следить за работающими сервиторами и одновременно не выпускать из виду последний из прибывших штурмкатеров. Всего через несколько минут вернулся человек Грульгора — этот грубиян Мокир — и привел с собой целую толпу слуг, чтобы разгрузить челнок. Калеб увидел, как из люка выкатываются тяжелые стальные контейнеры, которые слуги подвешивали к цепным вагонеткам, направленным в сторону кормы. Все контейнеры были одинаковыми — прямоугольные стальные ящики, местами поцарапанные и побитые, отмеченные

знаком аквилы, с ярко-желтыми предупредительными надписями на боках. В них могло быть что угодно. На таком расстоянии Калеб не мог прочитать сопроводительные свитки, прикрепленные на крышках.

Он с любопытством наблюдал, как один работник, оступившись, чуть не уронил контейнер, подхватив его в метре от пола. Мокир вихрем налетел на провинившегося слугу и сбил его с ног ударом кулака. Калеб не разобрал произнесенные им слова, но ярость Гвардейца Смерти была очевидной.

Целый поезд вагонеток дернулся и покатился. Калеб нерешительно посмотрел ему вслед. Да, у него был приказ проследить за выгрузкой имущества и оборудования, но Гарро еще хотел получить информацию относительно характера груза штурмкатера. Калеб убедил себя, что последнее распоряжение было более важным.

И денщик, держась на некотором расстоянии от поезда и стараясь не попасться на глаза Мокиру, последовал

через весь корабль за грузом. Вагонетки остановились у ряда подъемников, который шел вдоль центральной оси фрегата. По обе стороны стального туннеля располагались люки и приспособления для загрузки боеприпасов в основные артиллерийские орудия «Эйзенштейна». Большие открытые воронки были готовы принять боевые снаряды, хранившиеся на складах над ними. Контейнеры из вагонеток перенесли на подмостки у орудий левого борта. Калеб в полном недоумении скользнул взглядом вдоль одной из огромных пушек и через бронированное стекло смотровой щели увидел мерцавшую вдали поверхность планеты.

Рабочие начали открывать контейнеры, и денщик, стремясь увидеть как можно больше, переместился ближе, за выступающий край предохранительной перегородки, предназначенной для герметизации отсека на случай самопроизвольного взрыва боеприпасов или повреждения орудия. Изумление Калеба еще возросло при виде массивных фигур Гвардейцев Смерти, наблюдавших за

работой слуг. Впереди всех с обнаженной головой стоял командир Грульгор, он выкрикивал приказы и направлял рабочих энергичными взмахами руки. Ближайший к нему контейнер с шипящим свистом открылся, наподобие подарочной шкатулки. Внутри оказалась шестиугольная рама, а на ней — дюжина круглых стеклянных сосудов. Каждый из шаров имел около метра в диаметре, и все они были заполнены жидкостью мутно-зеленого цвета.

Каждая капсула несла на себе черный символ из трех пересекающихся разорванных колец, и, повинуясь какому-то животному инстинкту, Калеб при виде этих обозначений изо всех сил вцепился в стоящее перед ним ограждение. Быстрый мысленный подсчет показал, что если все контейнеры одинаковы, то Грульгор получил более сотни таких капсул. Все сходилось: внезапная ярость Мокира, присутствие при разгрузке командира, величайшая осторожность, с которой трудились работники. Как бы ни называлась содержащаяся в стеклянных

шарах жидкость, она, без сомнения, представляла смертельную опасность.

Сделанные выводы настолько поразили Калеба, что он вскочил на ноги. Внезапно вся его храбрость от смелой выдумки испарилась, и денщика охватил ужас. Он резко развернулся, чтобы убежать, но тотчас наткнулся на спешившего куда-то с полным подносом инструментов сервитора. Поршневые конечности машины-раба не выдержали толчка, и металлические детали со звоном посыпались на пол. Шум привлек внимание космодесантника Грульгора. Калеб увидел, что Мокир направился прямо к его убежищу, и отступил дальше в тень.

Страх охватил его так же плотно, как одежда корабельного рабочего. Едва привыкнув к темноте, Калеб понял, что находится в нише, откуда нет другого выхода. Тупик заканчивался глухой металлической стеной, и лишь под самым потолком, куда он не мог забраться, шли узкие мостки. Его непременно обнаружат. Его обнаружат и узнают, и тогда станет

известно, кто его послал. У Калеба отказали ноги. Грульгор его непременно прикончит, в этом он не сомневался. Денщик помнил угрожающее выражение его глаз там, на «Стойкости». Но смерть ничто по сравнению с катастрофическими последствиями провала. Калеб Арин погибнет, но при этом он подведет своего господина и Повелителя Человечества.

Мокир, держа одну руку на рукоятке боевого ножа, искоса взглянул на лежащего сервитора и продолжал идти. Денщик молча молился:

«Император, Повелитель Людей, защити меня и сохрани от врагов Твоей Божественной Воли...»

В следующую секунду он ощутил, как чья-то рука схватила его и подняла с палубы на мостки. Приземлившись, Калеб заморгал от неожиданности.

— Войен? — прошептал он.

Апотекарий приложил палец к губам и крепко сжал руку Калеба. Денщик посмотрел вниз. Мокир, внимательно обследовав нишу, фыркнул и отправился обратно к Грульгору. Спустя несколько

мгновений Войен отпустил Калеба и заставил его лечь.

— Господин, — прошептал денщик, — что вы здесь делаете?

Войен тихо зарокотал в ответ:

— Мои подозрения, как и твои, полностью оправдались. Но, в отличие от тебя, я умею действовать скрытно.

— Спасибо, что спасли мне жизнь, сэр. Если бы Мокир меня там обнаружил...

— Опасность еще не миновала.

По голосу апотекария было ясно, что он крайне встревожен. Калеб посмотрел на грузчиков и стеклянные шары.

— А что это за сосуды?

Теперь рабочие осторожно снимали кожухи с боеголовок ракетных снарядов и заменяли в них взрывчатое вещество на стеклянные сферы, наполненные жидкостью.

Войен заговорил, но казалось, слова настолько ему противны, что застревают в горле.

— Это капсулы с «Истребителем жизни»,— выдавил он.— Это специально разработанное вирусное средство такой

мощности, что применяется только в самых крайних случаях, обычно против наиболее злостных ксеносов.

Апотекарий отвернулся, но выражение его лица успело ужаснуть Калеба. Если уж космодесантник боится...

— Это биологическое оружие высшего порядка, убийца миров. Иметь такое в своих арсеналах имеют право только самые большие и надежные корабли.

— Они привезли его со «Стойкости»? — Калеб недоуменно моргнул. — Зачем, господин? И почему они заряжают им орудия над планетой?

Войен бросил в его сторону суровый взгляд:

— Слушай меня, Калеб. Беги к капитану и расскажи обо всем, что видел. И как можно быстрее, маленький человечек. Беги. Быстро!

И Калеб побежал.

— Что это?

Децимус услышал тревожные нотки в голосе Гарьи и поднял голову от голографического дисплея капитанского

тостика. Капитан корабля разговаривал со связистом Маасом.

— В этом секторе не запланировано никаких передвижений. Или схема развертывания изменилась, а я об этом не знаю?

— Никак нет,— ответил Маас. — Никаких изменений, сэр. И все же сигнал с «Повелителя Хируса» абсолютно ясен. «Громовой ястреб» с «Андрониуса» входит в зону наших действий, и он не доложил о миссии полета.

— «Андрониус» — корабль Эйдолона, — вмешался Сендек. — Может, он внезапно возжелал присоединиться к нашим боевым братьям на поверхности?

Капитан Гарро, морщась от боли в ноге, подошел ближе.

— Ты уверен? — спросил он офицера-связиста. Маас кивнул и показал электронный планшет:

— Абсолютно уверен, сэр. «Громовой ястреб» Детей Императора проходит через зону досягаемости наших орудий.

— Хорошая возможность превратиться в цель,— пробормотал

Сендек, и Дециус согласился с ним, сдержанно кивая.

Космодесантник подстроил голопроектор, чтобы удостовериться в представленных Маасом сведениях, и удивленно моргнул. В контролируемом «Эйзенштейном» секторе оказался не только катер, но и звено перехватчиков класса «Ворон», идущих в боевом порядке.

Гарро повернулся к женщине:

— Пахнет неприятностями. Разверните корабль на курс перехвата.

Воут передала рулевым приказ боевого капитана, и Дециус обратился к Гарро:

— Господин, может, это какая-то проверка? Сначала нас переводят с предписанной ранее позиции, а потом наши собственные корабли не идентифицируют свои цели?

— Я ничего не могу тебе на это ответить.

— Капитан! — настойчиво окликнул Гарро Сендек.— Истребители преследуют «Громовой ястреб»... Они только что открыли огонь.

— Наверное, предупредительный залп, — заметил Гарья.

Воут покачала головой:

— Нет. Регистратор указывает на энергетические возмущения на корме катера. Десантный корабль получил удар.

Снова прозвенел знакомый колокольчик, и Маас вышел из своей ниши.

— Боевой капитан Гарро, я получил открытое послание по главному вокс-каналу.

— Давай скорее, — приказал Гарро.

— От лорд-командира Эйдолона, с борта звездного корабля «Андроникус». Послание гласит: «Громовой ястреб» похищен, его пилот действует в нарушение приказов Воителя, а потому признан изменником. Всем кораблям флотилии предписывается уничтожить корабль, как только он появится в виду.

— Расстрелять наш собственный корабль? — Сендек не сдержал негодования, едва представив себе такую возможность. — Он что, лишился разума?

— «Громовой ястреб» поворачивает, — доложила Воут. — Он подходит к зоне

действия наших орудий. Подтвердите, что корабль-беглец в нашем секторе.— Она посмотрела на Гарро. — Он уже в пределах досягаемости наших лазпушек, сэр.

Лицо капитана Гарьи словно окаменело, и на мгновение в рубке повисла гнетущая тишина.

— Капитан Гарро, каков будет ваш приказ?

Боевой капитан оглянулся на Децируса, затем обратился к Маасу:

— Вы можете установить связь с «Громовым ястребом»?

— Да, сэр.

— Тогда действуйте.

— Но, господин, приказ... — протянул Децирус.

Гарро резко обернулся:

— Эйдолон может отдавать любые приказы! Я не стану стрелять в своего товарища-космодесантника, пока не узнаю причины.

Капитан шагнул к входу в нишу вокс-связи и взял из рук Маасса переносной коммуникатор.

— «Громовой ястреб», находящийся в

зоне контроля «Эйзенштейна»! — крикнул Гарро.— Назовите себя.

Через треск помех донесся взволнованный ответ:

— Натаниэль?

Децимус заметил, как побледнел Гарро, узнав этот голос.

— Это Саул. Я рад слышать твой голос, брат.

— Саул Тарвиц,— прошептал Сендек.— Первый капитан Детей Императора. Невозможно! Это человек чести! Если уж он стал изменником, значит, Галактика сошла с ума!

Децимус осознал, что не может отвести взгляда от потрясенного лица Гарро.

— Наверное, так оно и есть.

Он не сразу понял, что сам произнес эти слова.

Часть Вторая.
РАЗДЕЛЕННЫЙ ОБЕТ

ТОЧКА НЕВОЗВРАЩЕНИЯ ЖЕРТВА ОСОБАЯ КЛЯТВА

Толлен Сендек всегда гордился своим упорядоченным мышлением и ограничиваемой, регламентируемой волей. Для него было делом чести следовать логике и целенаправленно служить XIV Легиону и Императору. Сендек избегал иррациональности и беспечности, присущей некоторым из его боевых братьев. Раль часто подшучивал над его сдержанностью и утверждал, что Сендек возвел понятие «стоицизм» в высшую степень добродетели. Интересно, что бы сейчас сказал его погибший брат, глядя на откровенно растерянное лицо?

Потребовалось всего несколько мгновений, чтобы вывести Сендека из равновесия. Угнанный «Громовой ястреб», сигнал от Эйдолона, немыслимый приказ

уничтожить судно вместе с летящим в нем офицером-космодесантником... Сендек тряхнул головой, стараясь привести мысли в порядок. Может, Децимус прав и это какая-то проверка? Что-то вроде внепланового испытания готовности команды «Эйзенштейна» к сражениям? Или Саул Тарвиц действительно стал предателем и заслуживает только уничтожения? Если уж имперский губернатор Вардус Праал оказался способен на мятеж, может, и космодесантник поддался ереси?

Капитан Гарро сжал микрофон побелевшими пальцами и полностью сосредоточился на разговоре.

— Тарвиц? Именем Императора, что происходит? Неужели эти истребители действительно пытаются тебя сбить?

Сендек молниеносным взглядом оценил обстановку на гололитическом изображении. Ответ на запрос Гарро был очевиден: датчики фрегата фиксировали потоки энергии, которые вылетали из корпусов «Воронов» и били в корму «Громового Ястреба». На его глазах

похожие на хищных птиц перехватчики опять организовали атакующий строй. Они готовились нанести завершающий удар.

Толлен слышал, как Гарро кричал в вокс-микрофон, требуя объяснений, любых объяснений.

— Скорее, Тарвиц! Они тебя почти настигли!

От следующих слов Тарвица у Сендека сердце сжалось в груди.

— Это предательство! — отчаянно кричал капитан Детей Императора. — Все это предательство! Флотилия готовит бомбардировку поверхности планеты вирусными снарядами!

Все, кто был в рубке и слышал переговоры, замерли от изумления.

— Что? Нет! — воскликнула Воут, качая головой.

Офицеры остальных служб оторвались от своих пультов и недоверчиво уставились на Гарро.

— Этого не может быть, — тревожно добавил капитан корабля и шагнул вперед.

Децимус напрягся всем телом.

— Он ошибся. Там, внизу, наши братья...

Все голоса слились в общий гомон, и Сендек смог разобрать только обрывки разговора Гарро с Тарвицем.

— Клянусь тебе своей жизнью, я не лгу! — крикнул Саул, и тяжесть его слов как будто придавила плечи боевого капитана. Сендек разобрал и последние слова: — Всем космодесантникам на Исстваане III грозит гибель!

Он перевел взгляд на изображение голопроектора. Тарвицу оставалось жить несколько секунд. «Громовой ястреб» уже вилял из стороны в сторону и истекал топливом, а «Вороны» быстро его нагоняли.

Гарро выскочил из ниши связиста и бросился к командному пульту.

— Артиллерия! — закричал он. — Передайте мне команду лазерных орудий, немедленно!

Пальцы Воут заплясали на переключателях.

— Батарея ближнего боя активирована, сэр,— доложила она. —

Регистраторы вычисляют траекторию снарядов. — Женщина нерешительно мигнула. — Сэр... Вы намерены его сбить?

— Переключите на ручную наводку. — Гарро жестом отстранил Воут от пульта. — Если уж кто-нибудь должен нажать на пусковую кнопку, пусть это буду я.

Одной рукой боевой капитан вцепился в край пульта, а другой ударил по кнопке активации.

— Выстрел произведен, — монотонным голосом доложил один из сервиторов.

Батарея высокоэнергетических лазерных орудий над фюзеляжем «Эйзенштейна» синхронно повернулась и застыла, направив дула в сторону «Громового ястреба» и «Воронов». По сигналу с мостика снаряды беззвучно рванулись в бездну, лишь на одно мгновение наполнив темноту мерцающим потоком энергии. Копья параллельных когерентных лучей устремились вперед и нашли цель, проникая сквозь металл, керамит и

пластик. Топливные танки взорвались ослепительным фейерверком, густое облако радиоактивных обломков разошлось в идеальную сферу.

Сендек прищурился на яркий свет, затопивший капитанский мостик через обзорные иллюминаторы, а картина голопроектора исчезла в вихре сплошных помех. Космодесантник отыскал взглядом Гарро, а тот, покинув пульт управления, тяжело захромал к станции вокс-связи.

— Он убил его, — едва слышно произнес Толлен. — Клянусь кровью, он убил Тарвица.

Децимус, раздираемый противоречивыми чувствами, заглянул в его глаза.

— Таков был приказ.

— Это был приказ Эйдолона! — огрызнулся Сендек, изменив своей обычной сдержанности. — Ты видел вырезанного на налокотнике капитана орла? У Тарвица есть точно такой же, Хакур мне рассказывал! Гарро и Тарвиц побратимы! Он не мог вот так просто его убить!

— Но если Тарвиц стал изменником...

Подойдя к нише, Гарро схватил Мааса и сильным рывком выбросил из-за пульта вокс-связи. Затем нагнулся, чтобы поместиться в тесном углу, и задернул за собой звуконепроницаемый занавес, отгородившись от всей остальной рубки.

Сендек услышал вопрос Воут, обращенный к Гарье:

— Что он собирается там делать?

— Доложить Эйдолону об исполнении, — предположил капитан корабля.

Космодесантник наклонился почти вплотную к границам гололитического куба. Мерцающие завихрения разноцветных энергетических потоков не давали увидеть картину после взрыва. Разошедшиеся волны отражались от верхних слоев атмосферы и на несколько минут ослепили корабельные датчики.

— Толлен, — снова заговорил Децимус. — Что бы ни связывало боевого капитана с Тарвицем, никакие чувства не могут перевесить долг. Эйдолон — лорд-командир. Он старше по званию, чем Гарро.

— Нет, — покачал головой Сендек, не

переставая манипулировать с переключателями, чтобы перемотать назад запись недавних событий. — Я не могу поверить, что он на такое способен. Солун, ты знаешь его не хуже меня. Люди прозвали капитана «прямолинейным Гарро». Он образец благородства для всех Легионов Космодесантников! Как ты можешь думать, что наш командир согласился уничтожить своего боевого брата по прихоти одного из Детей Императора?

— Тогда что там произошло? — спросил Децимус. — Ты же видел, как взорвался «Громовой ястреб»?

— Я видел взрыв, — поправил его Сендек.

Он еще пощелкал переключателями и запустил запись короткой схватки в замедленном режиме. Индикаторы показывали, что «Эйзенштейн» повернулся и произвел выстрел, лазерные лучи метнулись к скоплению кораблей, а затем все потонуло в помехах. Космодесантник медленно кивнул.

— Он вообще не целился в «Громовой

ястреб». Выстрел был направлен в ведущего «Ворона». Остальные истребители оказались слишком близко и детонировали от взрывной волны.

— Тогда где же Тарвиц?

Сендек показал пальцем себе под ноги:

— Он был совсем близко к слою атмосферы Истваана III. Могу поспорить, что он воспользовался временным отключением датчиков и ускользнул вниз.

Децимус оглянулся, убеждаясь, что остальные члены команды капитанской рубки не слушают их разговор.

— Значит, Тарвиц ускользнул, а вместо него уничтожены пятеро пилотов?

— Это были всего лишь пилоты-рабы, а не космодесантники. Сомневаюсь, что Эйдолон будет их оплакивать. — Сендек бросил взгляд на узел связи. — И наверняка он сейчас разговаривает не с «Андроницусом»,— с мрачной убежденностью добавил он.

— Если все так, как ты говоришь, значит, мы только что стали свидетелями неповиновения нашего

командира прямому приказу старшего по званию офицера. Это нарушение долга и, в лучшем случае, грозит суровым дисциплинарным взысканием! — Децимус потрачнел. — Ты знаешь, что я не в восторге от выскочек Фулгрима, но если об этом услышит Воитель, его гнев падет на всех нас, на всю Гвардию Смерти!

Сендек поморщился:

— Как ты можешь так быстро менять свои привязанности? Наш капитан не способен на такие поступки без особых причин. Если он это сделал, я не сомневаюсь, что у него были свои соображения. Может, ты хотя бы узнаешь, в чем дело, прежде чем заботиться о своей репутации?

Децимус сверкнул глазами:

— Хорошо, брат. Я спрошу его прямо сейчас.

Не успел Сендек его остановить, как Децимус проскочил мимо голопроектора и быстрым шагом направился к нише вокс-связи. Он решительно схватился за край занавеса и отдернул его. В этот момент оба космодесантника услышали слова,

произнесенные боевым капитаном в микрофон вокса.

— Да поможет вам Терра, — сказал Гарро, а в ответ донесся только треск помех.

Гарро поднял голову от коммуникационного пульта и встретил взгляды своих воинов. Дециус поразился опустошенному, сломленному выражению его лица. Даже в койке в лазарете, в состоянии исцеляющего транса после ранения на Истваан Экстремисе капитан не казался таким разбитым и уставшим, как сейчас.

— Господин? — спросил Дециус. — Что происходит?

— Надвигается буря, Солун, — безжизненным голосом произнес боевой капитан.

Откровения Тарвица, не переставая, звучали в его голове, лишая силы его волю и мышцы, словно какое-то странное недомогание, и Гарро пришлось потрудиться, чтобы выбраться из ниши вокс-связи. То, что сказал Саул...

Важность его открытия ошеломляла. Гарро, игнорируя любопытные взгляды команды «Эйзенштейна» и нескрываемое неодобрение Мааса, тотчас прошедшего к своему посту, тяжелыми шагами вышел в капитанскую рубку.

Оглянувшись через плечо, он отдал приказ офицеру связи:

— Маас, свяжитесь с «Андроникусом». Доложите, что преступник уничтожен и при взрыве погибли и его преследователи. Никто не выжил.

— Так и было на самом деле? — осуждающе спросил Децимус.

— Тарвиц передал мне... передал нам предупреждение. Вы слышали, как он говорил по воксу.

— Господин, я слышал лишь отчаянные крики о предательстве и вирусных снарядах. И, основываясь только на этом, вы не выполнили приказ?

Сендек и его собратья перешли в самую отдаленную часть помещения и стали говорить очень тихо.

— Если Тарвиц так сказал, значит, так оно и есть,— со спокойной

настойчивостью ответил Гарро.

Децицс фыркнул:

— При всем уважении, капитан, я не так хорошо знал этого человека и не считаю, что его слов достаточно для отказа выполнять команду.

Ярость Гарро мгновенно рванулась наружу, и капитан, схватив Децицса за ворот, сильно встряхнул.

— Зато я достаточно знаю Тарвица, молокосос, и его слово стоит тысячи приказов Эйдолона! — Он поднес налокотник к лицу Децицса.— Ты видишь, что здесь выгравировано? Этот знак дает мне все необходимые гарантии! Когда ты проведешь столько же времени в сражениях, сколько провел я, ты узнаешь, что некоторые вещи превосходят даже приказы наших повелителей!

Он отпустил молодого космодесантника, но все еще яростно сжимал кулаки.

Сендек побледнел от потрясения.

— Если все, что он сказал, правда, если в составе флотилии есть корабли, готовые сбросить на поверхность

губительные снаряды, значит, погибнут тысячи наших собратьев. — Он покачал головой. — Клянусь, чтобы стереть с лица планеты город Хорал, не требуется приносить подобные жертвы. Как мог Хорус такое допустить? В этом нет никакой логики!

— Точно, — кивнул оправившийся от шока Децимус. — Какая причина могла побудить Воителя к столь страшным мерам?

Гарро открыл рот, чтобы ответить своим боевым братьям, но понял, что не в состоянии произнести вслух эти слова. Откровенный ужас, зияющая пустота в его мыслях не позволяли пошевелить языком. Предательство. Он не мог выговорить слово, не мог вытолкнуть его из горла. Чтобы сам Хорус, великий Хорус, прекрасный и могущественный Воитель на это пошел... От этой мысли все тело охватывала слабость. Но за одним выводом следовал и другой. Если Хорус планировал предательство, значит, он действовал не один. Замысел был слишком грандиозен, чтобы даже Воитель мог с ним

справиться в одиночку. Да, вместе с ним в заговоре участвовали и его братья. Ангрон, всегда готовый встать на путь, ведущий к кровопролитию. Фулгрим, убежденный в своем превосходстве над всеми остальными. И сам Повелитель Смерти тоже был в тайном сговоре с Воителем.

Мортарион... Гарро вспомнил жесткие янтарные глаза, вспомнил разговор и настойчивость своего примарха. Для моего брата Хоруса важно объединить всех космодесантников. Он так сказал. У нас должна быть одна общая цель, иначе мы проиграем.

Был ли Мортарион откровенен, ссылаясь на Воителя? Гарро отвернулся, прижав ладонь ко лбу, стараясь разобраться в раздирающих его противоречиях. В этот момент створки входных дверей рубки разошлись и впустили дрожащую фигуру с перекошенным от страха лицом.

— Калеб?

Денщик, едва держась на ногах, поклонился.

— Мой господин, вы должны пойти со

тной, быстрее! Брат Войен и я... В артиллерийском отсеке мы обнаружили...

– Калеб никак не мог отдышаться и судорожно втягивал воздух. – Грульгор со своими людьми заряжают главные орудия... Заряжают сосудами с «Истребителем жизни»!

– Вирусные снаряды, – отрешенно произнес Сендек.

– Да, господин. Я видел это собственными глазами.

Гарро подавил свое смятение и выпрямился.

– Показывай дорогу.

Войен, задыхаясь от ужаса, продолжал наблюдать. И с каждой стеклянной сферой, поднятой на спину рабочего-грузчика, его отчаяние становилось все глубже. Как всякий квалифицированный апотекарий, он по долгу службы должен был знать действие биологических и вирусных веществ самых разных типов, и «Истребитель жизни» тоже был ему знаком. Теперь Войену казалось, что лучше бы он ничего не знал.

В памяти на мгновение возникла картина практических занятий с магосом-биологом, когда преподаватели проводили демонстрацию действия разных отравляющих веществ на незащищенные тела осужденных преступников. Тогда через непроницаемое армированное стекло он увидел, какие разрушения наносит всего одна капля, пожиравшая кричащих от боли еретиков. А здесь, в стеклянных сферах, перед ним плескались галлоны густого физиологического раствора, в каждой капле которого гнездились миллиарды убийственных микробов. По его подсчетам, запаса одного только «Эйзенштейна» хватит, чтобы уничтожить население большого города.

Командор Грульгор, не выказывая никаких признаков страха, ходил между грузчиками и своими людьми и лично контролировал процесс. Войен понял, что тот взял на себя ответственность за операцию и, более того, испытывал гордость от причастности к ужасному событию.

На вспомогательной галерее

раздались осторожные шаги, и Войен обернулся. Гарро выглядел мрачнее грозовой тучи, за его спиной виднелись встревоженные лица Сендека и Калеба. Боевой капитан не стал тратить время на предисловия.

— Это правда?

— Да.— Войен указал рукой.— Посмотри туда. Маркировка стеклянных сфер не оставляет сомнений. Это смертельный яд, господин, оружие, которым даже Император предпочитает не пользоваться. — Он покачал головой. — Зачем Грульгор это делает? Что за безумие им овладело?

Взгляд Гарро не дрогнул.

— Это не безумие, брат. Это предательство.

— Нет, — настаивал Войен, отчаянно пытаясь объяснить ситуацию, как пытался с тех самых пор, как отослал Калеба. — Возможно, если я поговорю с Грульгором, то смогу добиться от него правды. Я могу подойти к нему как член ложи. Он прислушается...

Капитан качнул головой:

— Он не станет тебя слушать. Поверь мне, это можно прекратить только одним способом.

Гарро выпрямился, вышел из тени и стал медленно и решительно спускаться по трапу, ведущему на основной уровень артиллерийской палубы. Он нагнулся, проходя под выступающим краем аварийной задвижки, а потом крикнул:

— Игнатий Грульгор! Подойди и объяснись!

Голос капитана гулко раскатился в высоком просторном проходе над оружейными станками.

Войен вместе с остальными осторожно последовал за командиром, и апотекарий заметил, как напрягся Грульгор при виде нежеланных гостей.

— Гарро,— усмехнулся он,— для тебя было бы лучше забрать своих людей и уйти. То, что здесь происходит, тебя не касается.

Стоящие вокруг него космодесантники и даже рабочие затерли в молчании.

Гарро опустил ладонь на рукоять

Вольнолюбца.

— Я не уйду.

Грульгор, самодовольно улыбаясь, кивнул. Он явно не ожидал ничего другого.

— Ответь мне, — требовал Гарро. — Именем Императора, отвечай!

Лицо командора искривила пренебрежительная гримаса.

— Именем Императора? — насмешливо переспросил он. — А где он сейчас? Что значит в данный момент его имя?

— Нечестивец! — внезапно выкрикнул Калеб.

— Почему мы должны перед ним отчитываться? — Грульгор продолжал издевательски ухмыляться. — Он нас покинул! В тот момент, когда мы больше всего в нем нуждались, он бросил нас и сбежал на твою драгоценную Терру! И что он сделал с тех пор? — Командор раскинул руки, обводя жестом своих людей. — Он продал наши права сборищу глупцов и политиканов, гражданских личностей, которые никогда не нюхали пороху. Он их, а не нас сделал господами, дал право

устанавливать законы. Теперь у него нет права нами распоряжаться!

Услышав такое откровенно мятежное заявление, Войен едва удержался, чтобы не вскрикнуть, а когда раздался гул сердитых голосов космодесантников Второй роты, задохнулся от возмущения.

— Только Воитель и Повелитель Смерти могут нами командовать! — продолжал Грульгор. — То, что мы здесь делаем, происходит по приказу Хоруса и Мортариона!

Гарро с угрожающим видом шагнул вперед и движением большого пальца активировал кнопку на рукояти Вольнолюбца, так что часть его лезвия выскочила из ножен.

— Ты и твои люди должны покинуть артиллерийскую палубу и прекратить это безумие.

Грульгор коротко рассмеялся:

— С тобой двое космодесантников и денщик. А у меня полное командное отделение и бригада судовых рабочих. Соотношение сил не в твою пользу.

— На моей стороне правда, — заявил

Гарро.— Я спрашиваю тебя в последний раз.

Командир окинул боевого капитана оценивающим взглядом.

— Ну, хорошо. Вперед. — Он запрокинул голову и показал рукой на незащищенное горло. — Убей меня, если тебе так хочется.

Гарро нерешительно замер, и в душном помещении раскатился хохот Грульгора.

— Ты не можешь! Я видел это по твоим глазам. Одна мысль о том, что придется лишить жизни кого-то из космодесантников, приводит тебя в ужас! — Он оглянулся. — Твой дух так же хромает, как и твоя нога! Вот почему ты слеп, Гарро. Под этой суровой наружностью скрывается слабая душа. Ты боишься сделать то, что необходимо.

Рука Гарро в латной перчатке сжала рукоять меча, но, казалось, оружие приморзло к ножнам и не желает выходить. Проклятый Грульгор! Но Гарро понимал, что этот хвастун отчасти прав. В его голове против воли вновь

прозвучали слова йоргалльского псайкера:

Гвардеец Смерти, такой уверенный в своей правоте, и так боишься увидеть трещину в своей вере.

Он резко втянул воздух, и Грульгор окончательно убедился в его нерешительности. Внезапно командор выхватил из-за пояса короткоствольный болт-пистолет и выстрелил. Едва Гарро это увидел, как Вольнолюбец сам впрыгнул ему в руку, и лезвие вспыхнуло голубоватым огнем. В тот же момент все пришло в движение, на палубе загрохотала стрельба, раздались крики и скрежет металла по металлу.

— Стреляйте осторожнее! — приказал Грульгор, вытаскивая свободной рукой боевой нож.

Гарро успел заметить, что Войен и Сендек тоже приготовились к бою, а Калеб, нагнувшись, ушел с линии огня. Он вспомнил Децируса, оставленного в капитанской рубке. Искусство молодого космодесантника в рукопашных схватках сейчас бы очень пригодилось. Грульгор не солгал. Соотношение сил действительно

было очень невыгодным, но нагромождение механизмов и оборудования, а также наличие поблизости хрупких стеклянных снарядов не давало воинам развернуться в полную силу. На ровном поле схватка уже давно бы закончилась.

Но не здесь. Гарро ринулся вперед, к командору, но дорогу ему заступили двое воинов, вооруженные тяжелыми боевыми молотами. Капитан двигался быстрее. Удар слева он парировал мечом, а нападавший справа получил удар по голове, от которого едва устоял на ногах. Гарро развернулся на месте и лезвием Вольнолюбца рассек рукоять одного молота, а хозяина второго заставил отступить ложным выпадом, направленным в живот. Продолжая двигаться вперед, капитан все же нанес удар второму противнику — на этот раз тяжелым эфесом меча, и космодесантник упал с разбитым, окровавленным лицом.

Натаниэль не в первый раз проливал кровь своих боевых братьев. Много раз ему приходилось сражаться против живых противников до чистой победы в

тренировочных камерах, но эти сражения контролировались, и их целью никогда не было убийство. Гарро в душе проклинал Грульгора, поставившего его в подобные условия. Боковым зрением он видел, что Сендек и Войен тоже вступили в бой. Почувствовав, что еще один противник заходит сзади, капитан шагнул в сторону как раз в тот момент, когда закаленный клинок боевого ножа ударился в плечо. Ни секунды не раздумывая, Гарро перехватил меч и ударил назад, вдоль своего тела. Вольнолюбец прошел сквозь корпус противника, и капитан обернулся, чтобы выдернуть оружие. Нападавший воин с грохотом упал на палубу, и у Гарро сжалось сердце. Гвардеец Смерти был мертв — и погиб от его руки.

Грузчики всем скопом бросились на Калеба. Ни один из них не был настолько смел или настолько глуп, чтобы посягнуть на космодесантника, а потому они избрали для себя другую цель. Денщик осыпал их проклятиями за то, что они встали на сторону Грульгора, а не Гарро, но только

зря расходовал дыхание. Матросы видели только то, что у командира больше людей, а потому спешили продемонстрировать свою лояльность сильнейшему. Калеб дрался изо всех сил, но рабочие словно обезумели — они кусались, царапались и норовили схватить за волосы.

Денщик ощутил, как чьи-то пальцы рванули его одежду и вцепились в горло. Металлический обруч сильно вдавился в грудь, и Калеб почувствовал, как в нем разгорается ярость. Ударом головы он отбросил ближайшего противника, выругался и понял, что гнев придал ему новые силы.

— На вас падет проклятие Императора, мерзкие подонки!

Внезапно перед глазами блеснул темный металл, и что-то тяжелое ударило его в висок. Калеб почти не почувствовал боли, но схватил упавший предмет. Запахло оружейным маслом. Это был короткоствольный пистолет. Денщик, боясь выронить оружие, перехватил его поудобнее, растолкал своих преследователей и выстрелил — звук

показался совсем негромким, но в толпе кто-то закричал. Калеб перекатился по полу в сторону и вскочил на ноги, сжимая в руке горячий металл. Пальцы привычно нащупали затвор и курок, и следующая пуля поразила противника в глаз. Оружие давало ему шанс на спасение и было божественным подарком.

— Бог-Император защитит! — пробормотал Калеб. — Я Его слуга и Его подданный!

Тяжело дыша и прихрамывая, он отошел в сторону и вдруг увидел впереди капитана Гвардии Смерти в светлых с зеленой отделкой доспехах. Космодесантник поднял болт-пистолет и очень тщательно прицеливался в гущу дерущихся. Денщик инстинктивно проследил за дулом, определяя его цель.

Гарро был занят рукопашной схваткой с другим космодесантником и явно не подозревал о готовящемся смертельном выстреле.

Нет! Он не должен погибнуть!

Мысль обожгла мозг Калеба.

Я не могу этого допустить. Он

избран Богом-Императором!

Калеб поднял маленький пистолет и вслух прочел молитву.

— Божественный, направь мою руку.

Он выстрелил. Пуля ударила за мгновение до того, как Грульгор спустил курок. Короткоствольный пистолет был настолько маломощным, что его пуля лишь царапнула металл тяжелого болт-пистолета, но этого оказалось достаточно, чтобы сбить прицел командора.

Болт из пистолета Грульгора прошел на волосок от головы Гарро.

Грульгор отреагировал с немыслимой быстротой и с разворота метнул в денщика боевой нож. Клинок космодесантника по самую рукоять вонзился в грудь Калеба, а сила удара отбросила его на один из пультов управления оружейной палубы. На все это, начиная с выстрела денщика, потребовалось меньше секунды.

Кровь хлынула в горло Калеба, заполнила рот, просочилась в легкие, а в этот момент послышался еще один звук —

отрывистый звонкий треск разбитого стекла.

Затуманенный взгляд Калеба отыскал тонкую струйку темного тумана, со злобным шипением поднимавшуюся над треснувшей колбой.

— Колба! — закричал Войен, отскакивая от своего противника.

Болт неудачного выстрела Грульгора вскользь задел хрупкий сосуд, и на стеклянной сфере образовалась паутина трещин.

— Уходим! — скомандовал он и потянул за собой Сендека.

Черный газ превращался в медленно поднимавшуюся зловещую пелену, звенящую, словно рой злобных насекомых. Грузчики, стоявшие ближе всех, уже начали раздирать ногтями незащищенную кожу, многих стало тошнить. Еще несколько секунд, и страшная дымка расползется по всей палубе.

Гарро поспешно окинул взглядом помещение и отыскал Калеба. Денщик, с кровавой пеной вокруг рта, не отрываясь

смотрел на него.

— Господин! — закричал он, несмотря на клокотавшую в горле кровь. — Перед вами великая цель! Такова воля Бога-Императора! — Денщик, тяжело дыша, оперся на пульт.— Его рука коснулась вас! Император защитит!

Гарро, предупреждая Калеба об опасности, махнул ему рукой, но тот собрал последние силы и нажал кнопку аварийной защиты.

Под стальным потолком взвыли сирены, завертелись огромные шестерни, и толстые железные пластины стали опускаться к выемкам в полу. Гарро в броске пролетел под опускающейся заслонкой и по инерции прокатился к тому месту, где уже стояли Сендек и Войен. Один из людей Грульгора, воин по имени Мокир, тотчас бросился вслед за Гарро. Он опоздал на долю секунды, и под заслонкой прошла только верхняя часть туловища. Железная стена, словно массивная гильотина, обрушилась на космодесантника и рассекла его пополам, ломая керамит и кости.

Сердце Гарро билось о стенки грудной клетки, мощными ударами толкалось в горло. Фантомная боль терзала несуществующую ногу.

— Противовзрывной щит, — проронил Сендек и тяжело сглотнул.

Войен кивнул:

— Он спас наши жизни. Заслонка не пропустит вирус. Этот маленький человек пожертвовал собой ради нас и всего корабля.

Скрежет металла постепенно уменьшился, щит встал на место, и все затерло. Гарро поднялся, подошел к заслонке и приложил к ней руку. Металл оказался теплым, как свежая кровь: возможно, от начавшего в отсеке гниения уже поднялась температура. Он попытался выбросить из головы мысли о том, что происходит внутри, о разлагающихся телах, о вываливающихся внутренностях и потоках гноя. Попытался, но не смог.

Слова Калеба продолжали сверлить мозг. Теперь ему стало ясно, что голос, говоривший об Императоре и

божественности во время исцеляющей комы, принадлежал Калебу. И вот верный слуга отдал свою жизнь в обмен на спасение господина.

— Передо мной великая цель, — пробормотал Гарро.— Какая цель?

— Сэр? — Подошедший Сендек был вынужден почти кричать, чтобы быть услышанным сквозь вой сирен.— Что ты сказал?

Гарро повернулся спиной к щиту.

— Очистить этот отсек! Скажи Гарье выпустить воздух в открытый космос. «Истребитель жизни» доберется до каждого контейнера и выпустит весь запас, но он не может существовать без атмосферы. Я хочу освободить от него корабль!

Войен кивнул.

— А тела, капитан? Они будут разлагаться, и...

— Оставь их, — бросил Гарро, едва сдерживаясь.— Нам надо двигаться быстрее, а не то мы к ним присоединимся.— Капитан угрюмо вернул Вольнолюбца в ножны.— Смерть собрала первую жатву.

На «Эйзенштейне», как и на «Стойкости», имелась своя обсерватория, расположенная в верхней части корпуса, перед самым капитанским мостиком фрегата. Но конечно, она была не такой большой, а когда в ней собрались несколько высоких и широкоплечих космодесантников, показалась совсем маленькой. Входные створки раздвинулись и впустили еще двух Гвардейцев Смерти, и при взгляде на них Децимус поморщился. Апотекарий Войен вошел в зал вместе с Сендеком, и выражение их лиц заставило Децимуса удержаться от слов. Он только оглянулся на сержанта Хакура, стоявшего поодаль с воинами своего отделения, и увидел, что старина Андус настроен не более оптимистично, чем вновь прибывшие.

— Мерик, что происходит? — спросил ветеран.— Мне срочно приказывают все бросить и отправляться сюда, никто ничего не говорит, а тем временем я слышу отдаленный вой сирен и обрывки матросских сплетен о выстрелах и

взрывах.

— Не было никаких взрывов, — мрачно произнес Сендек.

— А где капитан? — спросил Децимус.

— Он будет здесь через минуту, — ответил Войен.— Пошел позвать кое-кого еще.

Очередной уклончивый ответ не удовлетворил Децимуса.

— Пока я был на мостике, с артиллерийской палубы поступил сигнал пожарной тревоги. Целый отсек в середине был заблокирован, значит, как доложил сервитор-контроллер, выведены из строя четыре пушечные установки. А потом я слышу тебя на вокс-канале с требованием провести там декомпрессию. Что произошло внизу? — Он повернулся к апотекарию. — Сначала ложа, потом Тарвиц, теперь еще и это. Я требую объяснений!

— Капитан все тебе объяснит, — сказал апотекарий.

— А что с Саулом Тарвицем? — вмешался Хакур. — Я слышал, он сейчас должен быть на «Андронисе».

— Он сейчас в городе Хорале, если не сгорел при спуске на поверхность планеты, — все так же угрюмо пояснил Сендек. — Он нарушил присягу, угнал «Громовой ястреб» и направился к Истваану III. Лорд-командир Эйдолон отдал приказ о его уничтожении.

Изумлению Хакура не было предела.

— Это смехотворно. Ты, вероятно, ошибаешься.

Децимус тряхнул головой:

— Мы все были в рубке. Мы слышали приказ, но Гарро не повиновался. Он позволил Тарвицу бежать. — Молодой космодесантник все еще никак не мог смириться с происходящим, и действия командира сильно подорвали его доверие. — Это мятеж.

— Да, это так.

Гарро только что вошел в зал вместе с капитаном корабля Гарьей и его адъютантом Воут. По кивку Гарро женщина закрыла за собой створки, и только тогда Децимус понял, что вслед за капитаном не последовал его денщик Калеб.

Боевой капитан прошел в центр комнаты и положил на контрольный пульт обсерватории матерчатый сверток. Тяжелым, оценивающим взглядом он обвел всех собравшихся людей. У Децимуса возникло ощущение, что Гарро не решается произнести слова, замершие на его губах. Наконец он тяжело вздохнул и кивнул, словно принимая решение.

— Когда мы покинем эту комнату — станем мятежниками, — заговорил Гарро. — Наши братья направят на нас все орудия. Я намерен предложить вам решиться на сомнительный выбор, но другого пути нет. У нас не будет другого шанса. Только мы одни можем донести предупреждение.

— Какое предупреждение, господин? — озадаченно нахмурившись, спросил человек Хакура.

Гарро взглянул на Децимуса.

— Предупреждение об измене.

Гарья откашлялся. В отличие от своего подчиненного офицера, он, казалось, не испытывал смущения в тесном обществе Гвардейцев Смерти.

— Уважаемый боевой капитан, при

всем моем почтении, это мой корабль, и я хотел бы знать, что происходит на борту, прежде чем двигаться дальше.

— Это правильно, — кивнул Гарро.

Он перевел взгляд на свои закованные в броню руки, сделал глубокий вдох и сдержанным, размеренным тоном рассказал о столкновении с Грульгором. Упоминание вирусных снарядов повергло изумленных слушателей в шок, а когда Гарро рассказал о выступлении командора против Императора и последовавшей за этим схватке на артиллерийской палубе, воцарилась гнетущая тишина. От обилия немыслимых фактов у Децируса закружилась голова. Казалось, будто пол под ногами превращается в трясину и его затягивает в гущу сомнений и смятения.

Лицо Воут стало белым, как бумага.

— Этот... «Истребитель жизни»... не распространится по кораблю?

Сендек качнул головой:

— Он был вовремя изолирован. Смертоносный вирус быстро уничтожит сам себя.

— Я бы рекомендовал не пользоваться

этим отсеком в течение ближайших шести часов, — добавил Войен. — Для надежности. Военный заряд после открытия декомпрессионных люков был успешно выброшен в космос, но в телах погибших могли остаться спящие колонии бактерий.

— Наших людей. — Хакур покачал головой. — Я с трудом могу в это поверить. Я знал, что Грульгор был хвастуном и всегда стремился к славе, но такое... Почему он решился на это предательство? — Ветеран обратил к Гарро вопрошающий, почти наивный взгляд. — Почему, господин?

Гарро и сам хотел бы как-то объяснить поведение Грульгора. Как и Войен, он в глубине души еще надеялся, что все произошедшее окажется странным кошмаром или таинственным безумием, охватившим его соперника, но в тот момент, когда он взглянул в глаза Грульгора, Гарро понял, что это не так. Грульгор никогда не стал бы участвовать в деле, если бы имелась хоть малейшая

вероятность провала. Решимость, абсолютная уверенность, написанная на лице командора, без слов рассказала Гарро всю правду. Капитан подтвердил слова Тарвица, и все части головоломки сошлись, как сходятся обойма и магазин болтера.

Все мелочи, все странные отклонения и сомнения, зловещие предчувствия, настроения на борту «Стойкости» и «Духа мщения», все, что в последние дни так тревожило Натаниэля, соединилось в одно целое.

— Саул Тарвиц, мой друг и побратим успел меня предупредить. Рискуя собственной жизнью, он угнал один из катеров Детей Императора и полетел на планету, чтобы рассказать о неминуемой вирусной бомбардировке. Эйдолон, стараясь этого не допустить, приказал его расстрелять. — Гарро снова кивнул. — Я не стал выполнять этот приказ. И сейчас, пока мы разговариваем, Саул уже спустился на поверхность Истваана III и убеждает всех космодесантников спрятаться в укрытие до начала

бомбардировки. Моя уверенность в его словах непоколебима, так же как непоколебимы связывающие нас узы.

Гарро, протянув руку, похлопал по плечу Хакура. Затем он по очереди пристально посмотрел в глаза каждого воина, словно проверяя, какое впечатление произвели на них ужасные откровения.

— Теперь вам известна страшная правда. Грульгор и Эйдолон не сбившиеся с пути одиночки, преследующие свою собственную выгоду. Они солдаты в грядущей бесчестной войне. Их поступки не зависят от их личного желания, они продиктованы приказами самого Воителя. — Он не стал обращать внимания на раздавшиеся в ответ на последние слова возгласы. — Все это затеял Хорус при поддержке Ангрона, Фулгрима и, как ни трудно мне это признать, нашего господина Мортариона.

Напротив Гарро в кресле наблюдателя Гарья сжался в комок, пытаясь осознать слова капитана. Рядом с ним застыла Воут, и ее лицо исказилось, словно от физической боли.

— Почему? — прошептал капитан корабля. — Разрази меня Терра, если я могу найти хоть какую-то логику в их замыслах. Ради чего они все это затеяли? Что надеется получить Хорус в противостоянии с Императором?

— Всё, — бросил Децимус.

Войен печально склонил голову.

— В ложе до меня через вторые и третьи руки доходили слова Воителя о том, как далеко от нас сейчас Император, и о неприятной необходимости подчиняться Совету Терры. Резкость этих речей заметно возросла после ранения Хоруса на Давине и его таинственного исцеления.

— Предательское лезвие ударило из-за угла, — заметил Сендек.

Гарро продолжал:

— Хорус лично отбирал все соединения для атаки на Хорал. Он выбрал только тех воинов, кто, как он считал, не пошел бы под его знамена по первому зову. Вирусная бомбардировка уничтожит единственное препятствие на пути к полному мятежу.

— Если это так, — запальчиво заговорил Децимус, — тогда почему мы тоже не оказались на поверхности? Твоя непоколебимая преданность Императору и Терре ни для кого не секрет!

Гарро грустно улыбнулся и похлопал ладонью по набедренным пластинам брони.

— Если бы Дева Битвы с Экстремиса не заставила меня прибегнуть к этому куску железа, мы бы, без сомнения, были рядом с Темтером и его воинами и не знали бы, что клинок уже приставлен к горлу. Но судьба распорядилась иначе, и нам надо воспользоваться предоставленным шансом.

— Бегство Тарвица не может долго оставаться в тайне, — сказала Воут. — Когда Воитель узнает, что вы сделали, «Эйзенштейн» окажется под прицелом всей флотилии.

— Я в этом ничуть не сомневаюсь, — согласился Гарро.— У нас в лучшем случае всего несколько часов.

— И что ты предлагаешь? — спросил Сендек.— Этот фрегат — всего лишь один корабль. Мы не сможет предотвратить

бомбардировку и помочь наземным войскам или попытаться сразиться с Воителем.

Гарро покачал головой:

— Если Саул доберется вовремя, нам не придется предотвращать бомбардировку. Если нет...— Он тяжело сглотнул. — Мы ничем не сможем помочь этим людям.

Децимус первым понял, к чему он клонит.

— Ты предлагаешь уйти.

— Следи за своими словами! — оборвал его Хакур.

Децимус не обратил на него внимания.

— Он хочет, чтобы мы сбежали.

— У нас нет другого выбора. Если мы останемся — погибнем, но если удастся вывести этот корабль из системы, мы получим шанс сдержать волну предательства. Необходимо продолжить дело, начатое Тарвицем. Мы должны донести предупреждение о вероломстве до Терры и Императора. — Он оглянулся на суглого капитана.— Мастер Гарья, способен ли «Эйзенштейн» преодолеть пространство до Солнечной системы или,

по крайней мере, до ближайшей к ядру Империума звезды?

Гарья медленно качнул головой:

— В любой другой день я бы ответил утвердительно, но сегодня не могу быть ни в чем уверен.

— В последнее время в варпе сгущаются тучи, грозящие штормами и турбулентностью,— вступила в разговор Воут.— Осуществлять межзвездные перемещения становится все труднее. Если мы прямо сейчас предпримем такую попытку, наши навигаторы будут виртуально слепыми.

— Но все же прыжок возможен, — заметил Хакур. — Мы сможем отсюда убраться, хотя бы вслепую.

Гарья усмехнулся:

— Корабль может попасть в сильные эфирные течения! Мы можем оказаться в десятках световых лет от цели... где угодно!

— Где угодно, только не здесь, — решительно сказал Гарро. — Я приказываю начать подготовку. Барик, Ракель, — он пристально посмотрел на них, впервые

называя по именам, — будете ли вы мне препятствовать?

Офицеры флотилии обменялись между собой взглядами, и он понял, что они на его стороне.

— Нет, — ответил капитан корабля. — Большинство моих людей верны своему долгу, и они не подведут. Но есть и недовольные. Я думаю, в команде найдутся такие, кто последовал бы за Хорусом.

— На борту еще остались космодесантники из роты Грульгора, — добавил Сендек. — Они скоро начнут задавать вопросы.

Гарро обратился к Хакуру:

— Андус, бери всех, кого сочтешь нужным, и обеспечь безопасность на корабле. Если понадобится, применяй силу в любых пределах. Понятно?

Как только стал ясен смысл приказа Гарро, на мгновение установилась тишина. Затем ветеран отдал честь:

— Да, господин.

Гарро, склонившись над пультом, развернул принесенный сверток. Внутри оказалась дюжина узких полос бумаги,

густо исписанных торопливым, но твердым почерком. Боевой капитан раздал по одному свитку каждому из присутствующих, включая Гарью и Воут.

Женщина подозрительно посмотрела на листок бумаги:

— Что это?

— Особая клятва, — ответил Дециус. — На ней мы поклянемся исполнять свой долг.

Гарро приготовился что-то сказать, но ему помешал звон раздвинутых створок. Офицер-связист вбежал в обсерваторию, но замер с открытым ртом, обнаружив тайное собрание.

— Маас! — рявкнул Гарья. — Великая Терра, надо стучать, прежде чем врываться в зал!

— Прошу прощения, сэр, — выдохнул вокс-оператор. — Но у меня срочный приказ, предназначенный лично для командира Грульгора, а он не отвечает.

Гарья выхватил из рук Мааса электронный планшет, быстро пробежал глазами его содержимое, затем прочел вслух:

— От Тифона, с борта «Терминус Эст». Послание гласит: «Орудия должны быть наготове, скоро начнется бомбардировка. Получено разрешение уничтожать любого, кто будет препятствовать проведению операции».

Все взгляды обратились к Гарро. Смысл послания был ясен. Тифон давал Грульгору разрешение уничтожить Гарро и его людей. Натаниэль взял свой лист бумаги.

— Итак, клятва, — громко произнес он и сделал глубокий вдох. — Принимаете ли вы свою роль в этой миссии? Согласны ли посвятить все свои силы, чтобы донести известия до Терры, невзирая на любые препятствия? Присягаете ли на верность Четырнадцатому Легиону и Императору?

Капитан обнажил свой меч и повернул острием вниз. Хакур первым положил руку на лезвие.

— На этом свитке и этом оружии, клянусь!

Его примеру последовали по очереди все космодесантники, и последним поклялся Децимус. Затем Гарья и Воут, на

глазах у изумленного Мааса, присоединились к общей клятве.

Как только все стали выходить из зала, Децимус остановил своего командира.

— Прекрасные слова,— сказал он.— Но кто же был восприемником клятвы?

Гарро показал на звезды.

— Император.

МОЛИТВА
СМЕРТОНОСНЫЙ ДОЖДЬ
БЕГЛЕЦЫ

Он остался один в жилом отсеке. Все другие воины во главе с Хакуром, согласно его приказам, рассредоточились по кораблю с целью установить над фрегатом полный контроль. Гарро показалось, что он уловил эхо отдаленной болтерной стрельбы, и он печально сжал губы. На борту «Эйзенштейна» оставалась лишь горстка людей Грульгора. Как и воины Седьмой роты, большая часть космодесантников погибшего командора была рассеяна по всей флотилии, и лишь несколько отделений могли сейчас противостоять плану Гарро. Добровольное согласие Гарьи присоединиться к особой клятве укрепило его доверие к капитану корабля, и через него — к офицерскому корпусу рубки. Среди офицеров флотилии,

несомненно, найдутся недовольные, но они быстро привыкнут подчиняться приказам космодесантников, иначе их жизнь продлится недолго.

По справедливости, он должен был бы сейчас вместе с остальными бороться за безопасность на корабле, но вихрь противоречивых чувств, овладевших разумом, не давал Гарро сосредоточиться. Надо было хоть ненадолго остаться в одиночестве, чтобы примириться с создавшимся положением.

Снова и снова его мысли возвращались к тем людям, с которыми ему приходилось сражаться в составе Гвардии Смерти, и он никак не мог понять, что заставило их отвратить свои души от Императора. По большей части его братья были честными и хорошими людьми, и Гарро думал, что знает о них все, но теперь он в этом сомневался. Больше всего его пугало не то, что сородичи с готовностью отказались от верности Императору, но то, что они стали просто орудиями. Они без колебаний выполняли приказы, даже если цель была совершенно непонятна.

Слишком многие космодесантники предпочитали исполнять приказы, а не задавать вопросы, и Гарро претила мысль, что Хорус воспользовался их непоколебимой преданностью в своих черных целях. В голову пришла мысль включить передатчики «Эйзенштейна» на полную мощность и рассказать правду о предательстве всей Шестьдесят Третьей флотилии. Он был уверен, что среди воинов найдется немало благородных людей, таких как Локен и Торгаддон из личного Легиона Воителя и Варрен из Пожирателей Миров. Если бы только он мог с ними связаться и спасти их жизни... Но эта идея была невыполнимой, более того, такой поступок означал бы самоубийство для всех, кто находился на борту фрегата.

Каждая минута молчания давала Гарро дополнительный шанс уйти от преследования и донести предупреждение на Терру. Локену и остальным его единомышленникам придется самим выбираться из этого кошмара. Предупреждение Терры было важнее

жизней горстки космодесантников. Гарро оставалось лишь надеяться, что придет время, когда он снова увидится со своими друзьями — или на Терре, когда все закончится, или же здесь, когда он вернется в составе флотилии возмездия. А сейчас эти люди могли рассчитывать только на самих себя, как, впрочем, и Гарро со своими воинами.

Боевой капитан зашел в подготовленную для него Калебом оружейную нишу и посмотрел на украшенные орлом доспехи, висевшие на стойке. На панцире не было ни единого пятнышка, и поверхность блестела свежей полировкой, словно комплект только что был вынесен из музея, а не защищал его в битве всего неделю назад. Он приложил ладонь к прохладному керамиту и позволил себе погрузиться в печальные воспоминания о погибшем денщике.

— Твоя смерть была не напрасной, Калеб Арин, — произнес вслух Гарро. — Ты оказал неоценимую услугу Гвардии Смерти и Седьмой роте.

Капитану хотелось пообещать слуге,

что его имя не останется в безвестности. Он с радостью бы высек его на Стене Памяти на Барбарусе, как если бы денщик был полноправным боевым братом, но Натаниэль понимал, что этому не суждено сбыться. Гарро вообще сомневался, что когда-нибудь еще увидит промозглые небеса родного мира Гвардии Смерти. После событий на Истваане путь туда ему заказан. Душе Калеба придется удовольствоваться почетным местом в воспоминаниях его господина.

Гарро недовольно поморщился:

— Что я делаю? Думаю о душе и разговариваю сам с собой в пустой комнате? — Он покачал головой.— Что со мной происходит?

Рядом с доспехами на темно-зеленой ткани лежал болтер и, как и доспехи, сиял незапятнанной чистотой, словно только что вышел из рук оружейников Легиона. Гарро, сняв перчатку, провел пальцами по прямоугольному прикладу. На поверхности имелось множество гравировок на высокой готике, повествующих о подвигах и сражениях. Было здесь и тисненное зеленой

краской имя боевого брата, прошедшего войну с этим болтером и погибшего с оружием в руках. Личный болтер Гарро был разбит во время схватки на Истваан Экстремисе. После жестокой звуковой атаки Девы Битвы от него остался только бесполезный кусок искореженного металла. Теперь этому оружию предстояло занять место в его кобуре, и Натаниэль с горькой радостью взял болтер на изготовку. Недавно сделанная надпись на нем гласила: Пир Раль.

— Спасибо, брат, — прошептал Гарро. — Я уничтожу с десяток врагов от твоего имени.

По обычаям космодесантников вещи Раля были собраны, и то, что еще могло служить, осталось в XIV Легионе. Так воины чтили память своих погибших собратьев. Наконец взгляд Гарро остановился на заплечном мешке из груботканой материи, забытом в самом углу ниши. Он опустился на корточки и взял его в руки.

Вещи Калеба. Гарро вздохнул. Когда погибал космодесантник, всегда находился

боевой брат, готовый позаботиться о тех немногих вещах, что оставались после смерти, но у простого денщика не было близких друзей. Гарро охватило незнакомое чувство грусти по ушедшему слуге. Оно не имело ничего общего с той жестокой яростью, которая охватывала его после смерти Раля или сотен других воинов, убитых в его присутствии. Только теперь, когда Калеба не стало, Гарро понял, как высоко ценил в маленьком человечке собеседника, слугу и товарища. В первое мгновение капитан решил бросить мешок в ближайший утилизатор и покончить с этим, но посчитал, что это было бы бесчестно по отношению к Калебу. Тогда с неожиданной для его массивных и огрубевших пальцев осторожностью он вытащил скудные пожитки бывшего денщика: запасные лезвия, инструменты для ухода за оружием, смену одежды и пластинку, сделанную из болтерной гильзы.

Он повернул пластинку в пальцах и поднес к свету. На Гарро взглянул выгравированный образ Императора,

величественного и всевидящего. Гарро спрятал икону в поясную сумку. Рядом с ней лежали свернутые в трубку довольно помятые листки, перевязанные потрепанной веревкой. Их уголки заметно обветшали от многократного перелистывания. Текст был отпечатан на примитивном ротаторе, с пропусками и смазанными строчками, на разношерстной бумаге, местами встречались даже рукописные вставки. Гарро отыскал несколько небрежных иллюстраций, ничего не говоривших ему о содержании, хотя часто встречались лики Императора и контуры Терры.

— «Божественное Откровение», — прочел он вслух. — Так вот какой секрет ты хранил от меня, Калеб.

Гарро знал об этой секте. В нее входили обычные люди, несмотря на мирской свет Имперских Истин, верившие в божественность Императора Человечества. Кто еще, утверждали они, смог бы сокрушить все другие религии и чуждых богов, как не истинное божество? Разве Император не единственное в своем

роде богоподобное существо?

Император, несмотря на открытое неприятие религии, не пресекал их восхвалений и преклонения. Бессмертный и всевидящий, обладающий непревзойденным разумом и психологическим потенциалом, в глазах «Божественного откровения» он был настоящим богом.

И теперь Гарро многое стало понятно. Связь Калеба с культом Бога-Императора всегда была у него перед глазами, хоть и скрыта внешним почтением и сдержанностью слуги. Сотни случайных на первый взгляд слов и поступков внезапно обрели особый смысл и засияли откровением. Калеб на орудийной палубе осудил Грульгора за непочтительные слова в адрес Императора. И еще раньше, сквозь пелену исцеляющего забытья, Гарро слышал молитвы из уст Калеба, обращенные к Императору просьбы о защите.

— Перед вами великая цель, — монотонно повторил он предсмертные слова своего денщика. — Такова воля Бога-Императора... Его рука коснулась вас.

Император... Император защитит.

Он знал, что не стоит продолжать, что идет против буквы Имперских Истин, которым посвятил всю свою жизнь, но все же Натаниэль Гарро продолжал читать и впитывать слова с потрепанных страниц трактата.

Хоть боевой капитан никогда и не признавал этого открыто, несколько часов за чтением потрясли его до самой глубины души. Он всегда считал себя клинком в руке Императора или стрелой в колчане человечества, оружием, которое должно быть направлено на поражение врагов людского рода. Но кем он стал сейчас? Клинки затупились и обратились друг на друга, а древки стрел оказались переломанными.

Твердая основа верований Гарро превращалась в зыбучие пески под его ногами. Разум отказывался принимать произошедшие события! Против него обратились его боевые братья, его господин — и даже сам Воитель! На его мече кровь Гвардейцев Смерти, и предстоит проливать ее вновь и вновь. А еще гнет

тяжелых предчувствий, загадочное пророчество мертвого младенца ксеносов, предсмертная мольба Калеба...

— Это слишком! — вскричал Гарро и упал на колени, крепко сжимая в руке листки бумаги.

Ужасное бремя знаний отравляло его мозг и грозило иссушить душу. Никогда еще за столетия службы космодесантник не чувствовал себя таким абсолютно беззащитным, и в этот момент он понял, что может воззвать о помощи только к одному человеку.

— Помоги мне, — крикнул он, обращаясь к бескрайней тьме космоса. — Я растерян. — Руки Гарро сами собой сложились на груди в знамение аквилы. — Император, — взмолился он, — дай мне веру.

Глубоко внутри своего существа капитан вдруг почувствовал, как что-то освободилось и распрямилось, вливая в его кровь поток новой энергии. Он не мог найти явлению никакого объяснения, но в глубине полутемной оружейной ниши его разума коснулось слабое эхо какого-то

голоса. Голосом из сна его звала и плакала бледная, миниатюрная, хрупкая и в то же время сильная женщина.

Спаси нас, Натаниэль.

Гарро вскрикнул и отпрянул, едва не потеряв равновесие. Слова прозвучали совершенно отчетливо и близко, будто бы женщина стояла рядом с ним, в этой же комнате, и говорила ему прямо в ухо. Гвардеец Смерти, тяжело дыша, медленно выпрямился и поднялся на ноги. В воздухе пронесся тонкий, протяжный звон, исчезнувший, едва Гарро успел его заметить. И голос, и звон коснулись непосредственно его разума, как и пророчество йоргалльского мутанта, и в то же время — совершенно иначе. Гарро поразился столь прямому воздействию, но он не ощутил враждебности, как при телепатической связи с чужаком. Капитан с трудом перевел дух. Все произошло неимоверно быстро.

Он все еще стоял, уставившись на пачку бумаг в руке, как вдруг в зал ворвался Децимус с окаменевшим от ярости лицом.

Солун Децицс увидел, что его командир спрятал в поясную сумку какие-то бумаги и отвернулся, словно не хотел встречаться с ним взглядом.

— Децицс, — с запинкой выговорил Натаниэль. — Докладывай.

— Мы встретили сопротивление, — проворчал Децицс. — Я... Мы справились с оставшимися людьми Грульгора. Они предприняли попытку прорваться к посадочной палубе. У нас несколько легкораненых, но их мы остановили. — Лицо Децицса исказилось гримасой. — Произошла схватка...

Гарро обернулся.

— Они сделали бы с нами то же самое, если б мы это позволили. Для чего, как ты думаешь, Тифон назначил Грульгора на тот же корабль, что и меня, если не для уничтожения всего нашего отделения при первом же удобном случае?

С губ Децицса уже готов был сорваться гневный ответ, он хотел крикнуть, что это, возможно, и так, но опасность грозила одному только Гарро.

Космодесантник сердито уставился в пол. Больше всего его раздражала невозможность сделать выбор самому. Теперь, что бы ни произошло, его судьба связана с судьбой боевого капитана. Да, имей он возможность выбирать, вероятно, он и сам бы так решил, но неизбежность подстрекала его к мятежу.

Его командир прочел на лице чувства своего воина.

— Парень, говори откровенно.

— Что ты хочешь от меня услышать? — раздраженно бросил в ответ Децицус.

— Правду. Если не выскажешься здесь и сейчас, потом может не представиться такой возможности, — ответил Гарро, стараясь говорить спокойно. — Я хочу, чтобы ты говорил откровенно, Солун.

Децицус довольно долго молчал, обдумывая свои обиды.

— Я убил здесь трех человек, носивших доспехи моего Легиона, — заговорил он, кивая на коридор, уходящий вглубь корабля,— Не ксеносов, не мутантов, а Гвардейцев Смерти, моих братьев-космодесантников!

— Они перестали быть нашими братьями в тот момент, когда примкнули к Хорусу и выступили против Императора.— Гарро вздохнул.— Я разделяю твою боль, Солун, и в большей степени, чем ты можешь себе представить, но они стали изменниками...

— Изменниками? — Децимус не сдержался. — Кто ты такой, чтобы так утверждать, боевой капитан Гарро? Какое ты имеешь право делать такой вывод? Ты не Воитель и не примарх, даже не Первый капитан! И все же ты сделал выбор за всех нас!

Гарро ничего не ответил. Децимус сознавал, что такой тон в разговоре со старшим офицером грозит суровым взысканием, даже наказанием, но не мог остановиться.

— А вдруг... вдруг это мы стали мятежниками, капитан? Хорус, как только узнает о том, что произошло, вне всякого сомнения, объявит изменниками именно нас.

— Ты видел все, что видел и я, — спокойно произнес его командир. — Гарвиц,

Грульгор, убийственные приказы Эйдолона и Тифона... Если есть какое-то другое разумное объяснение их действиям, я бы очень хотел его получить.

Децимус шагнул вперед:

— Есть одно обстоятельство, которое ты мог пропустить. Задай себе вопрос, капитан: а если Хорус прав?

Он едва успел договорить, как на корабле взвыли сирены тревоги.

— Повтори, что ты сказал! — крикнул Сететер, толкая космодесантника, который нес с собой вокс-передатчик дальнего действия.

Между штурмгруппой Гвардии Смерти и истваанскими защитниками беспрестанно с гулом проносились снаряды, и расслышать на их фоне человеческий голос было непросто. Кроме того, по мере продвижения «титана» «Диес Ирэ» выпускал над их головами один мощный болтерный залп за другим.

— Господин, у меня только отрывки сообщения, я не смог поймать ни его начала, ни конца!

— Тогда скажи то, что получил, — настаивал Тетер, пригибаясь под прикрытием разгромленного феррокритового сооружения, стараясь не обращать внимания на летающие вокруг вражеские снаряды и рубиновые лучи лазеров.

— С орбитой все еще нет никакой связи, — доложил Гвардеец Смерти. — Я перехватил сообщение Люциуса из Детей Императора, предназначенное для отделения Лакоста Сынов Хоруса.

— Люциуса? И что он сказал?

— Мало что удалось разобрать, но я отчетливо услышал, что речь шла о биооружии.

Тетер прищурился:

— Ты уверен? На совещании перед боем не было никаких упоминаний о том, что у исстваанцев имеется такая возможность. В конце концов, этот город — их святыня. Вряд ли они стали бы располагать здесь что-нибудь подобное...

Внезапно Тетер поднял голову и замолчал. Оглушительный грохот боя, удары пуль и разрывы снарядов давно стали

для него привычным фоном, но теперь что-то изменилось.

Это «титан». «Диес Ирэ» находился в нескольких сотнях метров от того места, где остановился Тетер, и он уже привык к содроганию земли под его опорами, даже определил их ритм, но громадная боевая машина, напоминающая обликом человека, встала высокой железной цитаделью, и только некоторые узлы испускали шипящие струйки пара. Минометные снаряды продолжали лететь над их головами и ударялись в корпус «титана», впрочем не причиняя ему никакого вреда. Но со стороны экипажа не было никакой реакции на обстрел. Могучие пушки «титана» по-прежнему были повернуты в сторону противника, однако они молчали.

— Во имя Терры, что это за фокусы? — воскликнул Тетер. — Свяжись с «титаном». Вызови к воксу принцепса Турнета, пусть объяснит!

Капитан Четвертой роты навел на корпус «титана» свою оптику. Нигде не было видно достаточно серьезных повреждений, чтобы они могли повлиять

на боеспособность машины, тем более Темтер не мог понять, почему она остановилась. В поле зрения попали амбразуры «Диес Ирэ», и внезапно он заметил, как все они быстро закрылись. Темтер продолжил тщательный осмотр и заметил, что закрыты и вентиляционные отверстия на бедре «титана». В обычном состоянии из них вылетали облачка отработанных охлаждающих газов, но теперь задвижки были наглухо задраены. Острый кинжал мрачного предчувствия уколол его сердце.

— Я не могу связаться с «Диес Ирэ»,— воскликнул его спутник. — Почему они не отвечают? Они должны меня хорошо слышать!

— Биооружие.

Темтер вытянул руку и проверил замки доспехов на шее. Мрачные предчувствия не отступали. Запрокинув голову, капитан стал вглядываться в желтоватое небо над огромными стальными плечами «титана». Там, наверху, он заметил мерцающие проблески, словно кометы, вошедшие в

плотные слои атмосферы, оставлявшие за собой длинные белые шлейфы конденсата. Их вид побудил Тететера к действию.

— Общий канал отделения, быстро! — закричал он. — Всем Гвардейцам Смерти рассредоточиться и искать укрытие! Угроза биооружия! Отступаем на запад к комплексу бункеров!

Второй космодесантник транслировал его приказы уже на бегу, когда он и Тететер покинули свое ненадежное укрытие.

Тететер увидел, как дредноут Хуронфал разворачивается на месте.

— Уллис Тететер! — раздался громкий скрипучий синтезированный голос воина-ветерана.— Кто это сделал?

— Нет времени, старина, — бросил на бегу капитан. — Сейчас надо скорее отвести людей под надежную защиту!

С каждым торопливым шагом Тететер все сильнее сознавал важность происходящего. С неба падали бомбы, и существовал только один человек, имевший достаточную власть, чтобы их сбросить.

Гарро и Децицс преодолели трап, ведущий на смотровую галерею над жилым отсеком, как раз в тот момент, когда флотилия Воителя открыла огонь по Истваану III. Бесчисленные серебристые вспышки, едва уловимые невооруженным взглядом, пролетали вокруг «Эйзенштейна» и других небольших кораблей, закрепившихся на низкой орбите над городом Хорал. Гарро не требовалось рассматривать даже такие мимолетные вспышки, чтобы понять, что они означали: тяжелые снаряды класса «Атлас», предназначенные для дальности орбита-поверхность, управляемые сервиторами реактивные бомбы колоссальной разрушительной силы. Казалось, что только орудия «Эйзенштейна» не участвовали в этой акции, а все остальные корабли Шестьдесят Третьей флотилии сообща проводили операцию неслыханной жестокости. Снаряды падали частым смертоносным ливнем, быстро уносились к поверхности, поворачивали и нацеливались на заранее выбранные

объекты по всей планете. Из-за этой плотной пелены, предвещавшей неминуемую смерть, было почти невозможно рассмотреть светлое пятно на главном континенте, где стоял город Хорал.

В полном отчаянии Гарро смотрел, как орудия предательства Хоруса вспыхивают красными огнями при входе в плотные слои атмосферы и обрушиваются на головы его боевых братьев. Лицо Децируса при виде столь могущественного акта уничтожения исказилось от странного, почти болезненного восхищения.

Темотер и Хурон-Фал остановились на невысоком гребне перед стальной дверью бункера и стали криками подгонять своих братьев бежать быстрее и не оглядываться. Укол страха пронзил сердце Темотера, но он опасался не за свою жизнь, а за остальных. Они мгновенно подчинились его приказу и в боевом порядке бежали от врага по только что отвоеванным траншеям. Сотни воинов уже

были в бункерах и закрывали двери, чтобы переждать губительную бомбардировку, но оставалось еще много тех, кто уже не успеет достигнуть укрытия. Он снова посмотрел наверх, в белесое небо, и снова задавал одни и те же вопросы.

Кто нас предал? Почему, во имя Терры, почему они это сделали?

— Уллис! — рявкнул стоявший рядом ветеран.— Прячься, быстро. У нас осталось несколько секунд!

— Нет! — ответил Тетер. — Сначала должны укрыться мои люди!

— Идиот! — зарычал Хурон-Фал, забывая о протоколе.— Я останусь! Ничто не может проникнуть сквозь мою защиту. А ты уходи! — Он подтолкнул Тетера к двери массивной клешней манипулятора. — Проклятье, уходи скорее!

Уллис Тетер сделал шаг назад, но взгляд его все еще оставался прикованным к небу.

— Нет, — снова повторил он, и в этот момент ослепительные вспышки залили планету мертвенно-белым огнем.

На большой высоте, над их головами,

произошла детонация снарядов первой волны, и серии воздушных взрывов освободили черную разрушающую лавину. Колонии вирусов, способные на гипербыструю мутацию и обладающие способностью размножаться с экспоненциальной скоростью, набросились на бактерии естественной среды. Затем пришла очередь второй волны, и над городом Хоралом взвилась черная туча смерти. Эти снаряды, не взрываясь, долетали до поверхности и только тогда выбрасывали колонии вирусов, окутавшие улицы, площади и окопные траншеи.

«Истребитель жизни» сделал то, ради чего был изобретен. Едва его молекула соприкасалась с органическим веществом, вирусы устремлялись внутрь и начиналось разложение. Все живые существа в городе Хорале, все животные и растения, все мельчайшие организмы вплоть до микробов подвергались действию вируса. В одно мгновение были стерты все грани между биологическими видами, и жизнь покинула планету. Плоть охватило гниение, кости становились

хрупкими и рассыпались за считанные секунды, кровь превращалась в гной. Смерть объединила исттаанцев и космодесантников — и те и другие погибали в страшных мучениях.

Люди, бежавшие навстречу Тетеру, гибли на ходу. Воины падали на землю, их тела превращались в красноватую жижу и вытекали зловонными струйками через трещины в доспехах. Он понимал, что слишком долго медлил, и отдал последний приказ:

— Закрыть все двери! Немедленно закрыть!

Люди в бункере сделали так, как им было приказано, а Тетер уже ощутил на губах привкус крови, и кожу стало покалывать от рвущихся внутрь микроорганизмов. Металлическая дверь за его спиной с лязгом захлопнулась, затем раздалось шипение гидравлического замка. Тетер надеялся, что воины успели спастись. Если повезет, в бункере не окажется вирусов. Он успел сделать еще пару шагов, но мышцы ног отказывались повиноваться, и Тетер покачнулся.

Хурон-Фал подхватил его.

— Я же говорил, надо прятаться, глупец!

Отчаянным жестом капитан сорвал с головы шлем.

Теперь он стал бесполезен, вирусы с легкостью проникали сквозь защитные фильтры и устремлялись в легкие. Рука бессильно упала на металлическое плечо дредноута и, скользнув вниз, оставила на поверхности отпечаток темной слизи. Только теперь охваченный болью Темтер понял — на гладкой поверхности керамических доспехов имелась тонкая трещина. Она не могла повлиять на боевые качества Хурон-Фала, но вирус легко проник внутрь панциря и теперь пожирал остатки плоти воина-ветерана.

— Ты... солгал.

— Это прерогатива ветеранов,— последовал ответ.— Мы уйдем вместе, не так ли? — спросил Хурон-Фал, поддерживая Темтера и увлекая его подальше от бункера.

Темтер собрал остатки сил, чтобы кивнуть. Он уже ослеп и только ощущал,

как жжет остатки зрительных нервов, уходящих в мозг, как быстро размягчаются мягкие ткани губ и языка.

Двигательные системы Хурон-Фала тоже были на грани распада, но он оттащил Тететера на безопасное расстояние от бункера и остановился.

— Это наша смерть, — прохрипел его речевой аппарат.— Мы сами ее выбрали и лишаем тебя твоей победы.

Одним коротким импульсом мозга воин-дредноут разорвал цепь управляющего контроля над встроенным генератором и вызвал мощную перегрузку. Через миг на разбитом снарядами плато у стен города Хорала вспыхнули две крошечные звездочки, отметившие еще две жизни, унесенные смертельным ураганом.

Гарро отвернулся от темной пелены, окутавшей умирающий город, и взглянул на своего спутника:

— Ну, теперь ты веришь? Или тебе нужны еще какие-то доказательства безумия, кроме лишенной жизни планеты?

Голос Децируса упал до благоговейного

шепота.

— Это... непостижимо. Такое всепоглощающее разрушение...

Гарро почувствовал, что у него кружится голова, и оперся рукой на толстое закаленное стекло смотровой галереи.

— И это еще не все. Для завершения убийства будет нанесен еще один, последний удар.

— Но вирус завладел всей планетой, он уничтожил все живое! Чем еще может угрожать им Воитель?

Голос Гарро звучал размеренно, без всяких эмоций.

— Когда все умрут, «Истребитель жизни» скоро уничтожит сам себя. Но оставит множество гниющих тел людей и животных. Останки... в процессе разложения начнут выделять газы. Представь себе, Солун, вся планета превратилась в одно гигантское кладбище, вся атмосфера будет насыщена удушающим запахом смерти.

На глазах обоих космодесантников от флотилии отделился один из кораблей и

опустился на самый нижний уровень, так что его орудия могли стрелять по поверхности. Это был «Дух мщения», блистательный боевой корабль самого Воителя.

— Ну конечно, — горько промолвил Гарро. — Хорус. Он собирается сам поставить убийственную точку. Другого я и не ожидал.

Боевому капитану хотелось закрыть глаза и отвернуться, но перед его взором упорно вставали лица тех, кто остался там, внизу. Он видел Тететера и Тарвица, представлял себе их гибель, надеялся, даже молился, чтобы они могли пережить первую волну. А теперь им предстоит перенести финальный удар.

«Дух мщения» прекратил снижение и с угрожающей грацией повернулся носовой частью вниз, к Истваану III. В полной тишине бортовые сдвоенные лазпушки выбросили струи огня. Ослепительные снаряды коснулись атмосферной оболочки планеты, и темные тучи мгновенно окрасились огненно-оранжевым цветом неудержимого пламени.

— Искра в пороховую бочку, — выдохнул Децимус. — Образующиеся при разложении мертвых тел газы легко воспламеняются. Пламя охватит всю планету.

— И все это — дело рук Хоруса, — добавил Гарро, стараясь сдержать бешено бьющееся сердце.

Казалось, что они несколько часов наблюдают, как огонь перекидывается с одного континента на другой, как гибнут в пламени города, а над всем этим парит флагманский корабль Воителя, единственного виновника уничтожения мира Истваан III. Время словно остановилось, и двое космодесантников продолжали смотреть на гибнущую планету.

Наконец тишину нарушил пронзительный сигнал общей вокс-сети фрегата, а затем раздался низкий бесстрастный голос Гарьи:

— Капитан Гарро, вас ждут на капитанском мостике. У нас возникла проблема.

Натаниэль медленно отвернулся от

иллюминатора и зашагал прочь. Децимус помедлил еще несколько мгновений, но затем последовал его примеру и бросился догонять своего командира.

Капитан Гарья не мог заставить себя посмотреть в обзорный иллюминатор рубки. Медленная смерть планеты внизу казалась ему непростительной жестокостью, и душа капитана не могла смириться с убийством целого мира. Не для того он принимал присягу, чтобы участвовать в подобных ужасах. Он окинул взглядом рубку и обнаружил, что Маас уставился на него из ниши вокс-связи, все еще сжимая в руке листок с сообщением. Гарья пересек помещение и постарался придать своему лицу обычное властное выражение.

— Ты выполнил приказ? — спросил он.

— Я... — Маас поморщился. — Я отослал сообщение по вашему приказу, сэр.

Недовольство отчетливо читалось на лице молодого офицера, но Гарье не было дела до настроений связиста, которому приказали отправить заведомо

ложное послание. Сообщение, помеченное руной командира Грульгора, тщательно скопированной Воут, направлялось на «Терминус Эст». В сжатых выражениях, которые, как надеялся Гарья, имитировали речь космодесантника, он информировал Первого капитана Тифона о том, что «Эйзенштейн» не смог принять участие в бомбардировке Истваана III по причине неисправности орудийного отсека. Это была слабая уловка, прозрачная, как лист бумаги, на которой он писал сообщение, но она могла обеспечить им еще немного времени.

— За такие поступки вас лишат звания, — приглушенно прошипел Маас. — Вы уже на грани открытого мятежа против командования Воителя!

— Тщательнее выбирай слова, мальчик, — возразил Гарья. — Мятеж — это захват корабля его служащими. А когда это делает сам капитан, действие называется баратрией.

— Как ни назови, это все равно неправильно!

— Неправильно? — Ярость Гарьи

мгновенно вспыхнула ослепительно белым пламенем. — Хочешь, я тебе покажу, что действительно неправильно, мальчик? — Он силой поднял офицера связи и ткнул его лицом в обзорный иллюминатор, за которым умирала планета, а затем отпихнул от себя. — Убирайся в свою конуру и держи свои мысли при себе!

— Сэр, вы позволите? — подошла к нему Воут. — Появился еще один корабль. Я проверила, он направляется к нам и скоро будет на расстоянии выстрела из дальнобойного орудия.

— Пушки наведены?

Воут кивнула:

— Я взяла на себя смелость определить угол стрельбы, но на этот раз нам не удастся никого обмануть. Если мы выстрелим, свидетелями станут все корабли флотилии.

Входные створки с негромким шипением раздвинулись, и на мостике появился капитан Седьмой роты вместе с одним из своих воинов.

— Капитан,— мрачно произнес Гарро,— у вас срочное дело?

Гарья кивнул.

— Покажи ему, Ракель.

Воут тронула несколько переключателей голопроектора, и появилось изображение ближнего к фрегату сектора пространства. Красная стрелка неуклонно приближалась к судну.

— Еще один «Громовой ястреб», — пояснила Воут. — Его траектория упирается в наш корабль.

— Тарвиц? — воскликнул пришедший с Гарро космодесантник по имени Децимус. — Он что, все это время был на орбите или вернулся с поверхности?

Ракель качнула головой:

— Нет, идентификационный код этого судна другой. Он обозначен как «Дельта-9», принадлежит Легиону Сынов Хоруса, место расположения — «Дух мщения».

— Он знает! — воскликнул офицер-связист. — Хорус знает о том, что здесь произошло. Он намерен...

— Заткнись, Маас! — оборвал его Гарья.

— Возможно, он прав, — заметил

Децимус.

Гарро, игнорируя голопроектор, подошел к обзорному иллюминатору и поискал глазами корабль. Спустя пару мгновений он указал рукой на приближающуюся точку:

— Вот он, я его вижу.

— Капитан, каков будет ваш приказ?

Капитан тревожно повозился в кресле, ощущая странное повторение ситуации. С этого все начиналось — с появления одинокого «Громового ястреба» Гарвица и его предупреждения.

Странное выражение, непонятное для Гарьи, мелькнуло на лице Гарро, словно мимолетное облачко. Затем боевой капитан резко развернулся и прошел к коммуникационному пульту. Не говоря ни слова, он снял вокс-микрофон и обратился к подходящему кораблю:

— Штурмкатер «Громовой ястреб», назовите себя.

Гарро оглянулся на Воут, словно говоря: «Будь наготове».

Из вокс-приемника раздался гортанный голос с сильным акцентом

уроженца Хтонии.

— Мое имя — Йактон Круз, бывший Сын Хоруса.

— Бывший? — повторил Гарро.

— Да, бывший.

Децимус кивнул своему командиру:

— Я знаю его, сэр, старый вояка, отставший от времени, третий капитан в Легионе Хоруса. Его прозвали Вполуха.

Гарро принял информацию, но ничего не ответил.

— Объясните, — потребовал он.

Гарья неожиданно увидел, как напряглись и побелели его пальцы.

Даже через треск помех на вокс-канале в голосе ветерана слышалось отчаяние:

— Я больше не принадлежу к этому Легиону, не могу принимать участие в замыслах Воителя.

Боевой капитан отложил микрофон и провел руками по лицу.

— Это может быть западней! — воскликнула Воут.— Корабль может быть битком набит космодесантниками из окружения Хоруса!

— Тогда пусть приходят, — проворчал Децимус. — Всем ухищрениям я предпочел бы честную драку.

— А вдруг там бомба...

— Нет. — Голос Гарро заставил всех умолкнуть. — Она на борту. Она не лжет.

«Она? — мысленно удивился Гарья. — О ком это он говорит?»

— На этом корабле летят беглецы, я в этом уверен. Открыть посадочный люк и приготовиться к приему «Громового ястреба».

Массивный корабль без особого изящества взгромоздился на приемные салазки, и реактивные двигатели умолкли. Палубные сервиторы с натужным скрипом налегли на манипуляторы, чтобы продвинуть «Громовой ястреб» вперед и вниз — на ту самую раму, где всего сутки назад приземлились Гарро и его воины. Отделение встречало незнакомцев заряженными и нацеленными болтерами, но сам боевой капитан отказался вынимать оружие. Он заметил, что Войен и остальные потихоньку следят за ним и с

их лиц не сходит вопросительное выражение. Гарро понял, что боевые братья считают его безумцем. Он бы и сам так думал, окажись на их месте.

Натаниэль ни в чем не винил товарищей, ведь они не видели того, что довелось увидеть ему. Он и сам вряд ли смог бы найти слова, чтобы объяснить свои поступки. Он знал, вот и все. Хоть он и не мог сказать ничего определенного, в душе Гарро был уверен, что корабль несет им такой же драгоценный груз, как предостережение, которое он поклялся доставить на Терру даже ценой собственной жизни. Во сне... Все опять возвращалось к тому сну.

Передний борт «Громового ястреба» зашипел гидравликой и опустился, открыв четверых людей, приготовившихся к выходу. Впереди стоял пожилой морщинистый воин в доспехах Сынов Хоруса. Он вышел с некоторой гордостью, присущей, как замечал Гарро, всем космодесантникам, родившимся на Хтонии. Но лицо воина выражало печаль, как у человека, слишком много

повидавшего на своем веку. Космодесантнику явно пришлось сражаться совсем недавно, и некоторые раны еще кровоточили, но он не придавал этому значения.

— Так, значит, ты и есть Гарро, — произнес он. — Молодой Гарвель пару раз о тебе говорил. Он сказал, что ты хороший человек.

— А ты — Йактон Круз. Я бы хотел сказать, что рад встрече, капитан, но это было бы слишком далеко от истины.

Круз напряженно кивнул:

— Да, верно. — Он немного помолчал, вглядываясь в глаза Гарро. — Наверно, ты ждешь вот этого. — Старый воин протянул свой болтер, и все космодесантники тревожно замерли. — Возьми его, парень. Если ты задумал нас прикончить, сделай милость, не тяни время. Мы больше не можем убегать.

Гарро принял болтер и передал его Сендеку.

— Я попрошу, чтобы оружие почистили и вернули тебе, — сказал он. — Боюсь, в ближайшее время мне

потребуется помощь каждого вооруженного человека. — Капитан шагнул вперед и протянул Крузу руку. — Я должен исполнить свой долг и передать предупреждение об измене Хоруса Терре и Императору. Ты согласен к нам присоединиться?

— Согласен, — ответил Круз и пожал протянутую руку. — Я обязуюсь приложить все силы к выполнению этой миссии, хоть их и не слишком много. Боюсь, что из всей Третьей роты остался только один Лунный Волк, да и тот уже далеко не молодой.

— Лунный Волк? — переспросил Децимус.— Но твой Легион...

Глаза старого воина гневно сверкнули:

— Я больше никогда не стану Сыном Хоруса, запомни это хорошенько, парень.

Гарро слегка улыбнулся:

— Пусть будет так, капитан Круз. Я приветствую тебя на борту космического корабля «Эйзенштейн». Нас осталось меньше сотни боевых братьев.

— Этого достаточно, если судьба будет к нам добра.

Гарро кивком указал на рану Круза:

— Тебе нужна помощь медика?

Лунный Волк отмахнулся от вопроса и повернулся, чтобы представить остальных пассажиров корабля.

— Я становлюсь забывчивым. Локен просил меня обеспечить их безопасность, и я привез их сюда. Прошу о них позаботиться.

Натаниэль взглянул в лицо пожилого человека и мгновенно его вспомнил:

— Это ты? Я тебя знаю.

Старик в одежде литератора высокого ранга, впрочем уже пришедшей в негодность, сохранял достоинство, соответствующее своему положению, несмотря на встревоженное выражение лица. Он слабо улыбнулся:

— Надеюсь, с хорошей стороны, боевой капитан. Я Кирилл Зиндерманн, главный литератор Имперских Истин.— Слова механически слетели с его губ, но, вспомнив о сложившейся ситуации, он счел нужным добавить: — По крайней мере, до последнего времени. Боюсь, за несколько прошедших дней я немного изменился.

— Как и все мы, — несколько задумчиво согласился Гарро. — Я вспомнил, что видел тебя на борту «Духа мщения», ты проходил через посадочную палубу. И куда-то спешил.

— Ах да. — Зиндерманн оглянулся на двух других пассажиров. — Я слишком мщеславен и надеялся, что известен своими речами. Впрочем, это не имеет значения. — Он постарался успокоиться. Побег с корабля Хоруса, несомненно, наложил свой отпечаток на этого человека. Зиндерманн прикоснулся своей слабой рукой к налокотнику Натаниэля: — Спасибо, что предоставили нам убежище, капитан Гарро. Позвольте мне представить моих спутников. Леди Мерсади Олитон, документалист, одна из летописцев Императора...

— Летописец?

Натаниэль с интересом посмотрел на женщину с эбонитово-черной кожей, и особенно на ее голову, показавшуюся из-под капюшона грубой дорожной накидки. Задняя часть черепа выдавалась над шеей гораздо больше, чем у обычных людей, и блестела,

словно стекло. Он тотчас вспомнил йоргалльского псайкера, но ксенос-младенец появился в результате хаотической мутации и был уродлив, тогда как документалист даже в этой непростой ситуации казалась изящной и привлекательной. Гарро осознал, что непозволительно долго рассматривает гостью, и кивнул.

— Простите, миледи, я никогда раньше не встречался с документалистами.

Он совершенно не ожидал увидеть ничего подобного. Олитон, казалось, была сделана из стекла, и он боялся к ней прикоснуться, чтобы не сломать.

— Ты напоминаешь мне Локена, — неожиданно выпалила Мерсади и сама удивилась своей несдержанности. — У тебя такие же глаза.

Гарро снова кивнул:

— Благодарю за комплимент. Если капитан Локен хотел, чтобы вы оказались в безопасности, значит, это и мое желание. Не бойтесь.

Зиндерманн уловил ее смущение и

отвел Олитон в сторону.

— Еще один беглец, капитан...

Натаниэль взглянул на последнего пассажира «Громового ястреба», и у него перехватило дыхание. Перед ним предстала женщина в простой одежде, и Натаниэль изумленно моргнул, не зная, видит ли реального человека, или это опять какое-то загадочное видение.

— Ты, — выдавил он из себя.

Гарро знал ее, хотя и никогда не встречал. Он чувствовал соль ее слез на своих губах, слышал эхо ее голоса во время исцеляющего забытья и потом, в жилом отсеке.

— Мое имя — Эуфратия Киилер, — представилась она, приложила ладонь к нагруднику его доспехов и тепло улыбнулась.— Спаси нас, Натаниэль Гарро.

— Спасу, — сдержанно ответил он, на мгновение утонув в ее пристальном терцающем взгляде.

С трудом оторвавшись от созерцания, капитан жестом приказал своим людям разойтись, но затем вздохнул и задержал Войена:

— Проводи гражданских лиц на внутренние палубы, там они будут в большей безопасности. Проследи, чтобы у них было все необходимое, потом доложишь мне.

Сбоку подошел Круз.

— Парень, у тебя есть план действий?

— Пробиться за пределы зоны обстрела флотилии, — сказал подошедший Хакур.— Уйти подальше от системы и прыгнуть в варп.

— Хм, коротко и ясно. Очень похоже на Гвардию Смерти.

Хакур поднял взгляд на Лунного Волка:

— То же самое я не раз слышал о принципах действия твоего Легиона.

Старый космодесантник кивнул:

— Это верно. Мнения о наших братствах редко подвергаются изменениям.— Он повернулся к Гарро.— Итак, к бою?

Гарро в смятении все еще смотрел вслед Киилер и остальным беглецам.

— К бою, — ответил он.

«ТЕРМИНУС ЭСТ» СКВОЗЬ СТРОЙ ПРЫЖОК В ВИХРЬ

Внизу поворачивался Истваан III, переходя от тусклого дня к свинцовой тьме ночи, и вместе с ним двигались корабли Шестьдесят Третьей экспедиционной флотилии. Суда оставались на геостационарных орбитах, охватывая несчастный мир крепкими железными пальцами. С наступлением ночи стали видны дымные пожарища еще тлевших городов, уничтоженных огненным штормом, хотя мерцающий красноватый свет погребальных костров с трудом пробивался сквозь мрачные тучи. В атмосферу планеты было выброшено так много дыма и пепла, что небеса затянуло плотной химической пеленой. Она еще долго будет задерживать тепло и свет истваанского солнца, и со временем климат начнет меняться. Если бы на

поверхности остались представители местной флоры и фауны, некоторые из них не вынесли бы перемен, но все, что было вызвано к жизни условиями Истваана III, уже превратилось в пепел и пыль.

Флотилия стояла на страже, направив все датчики на поверхность в поисках любых существ, переживших вирусную бомбардировку, и, пока все внимание было сосредоточено на планете, «Эйзенштейну» представилась возможность потихоньку покинуть строй. Гарье и его экипажу удалось поднять корабль на высокую орбиту и уйти от соседних боевых кораблей, но двигаться дальше, не возбуждая подозрений, было невозможно. Если «Эйзенштейн» собирается покинуть систему Истваана, сделать это тайком не удастся.

Капитан Гарья склонился к гололитическому контуру и через мерцающие символы посмотрел на Гарро, Лунного Волка и остальных воинов Гвардии Смерти. Пальцы его левой руки уже давно, после несчастного случая, когда

плазменное ружье разорвалось при выстреле, были заменены на механические манипуляторы. Внутри фаланг имелись тончайшие механизмы, которые, кроме всего прочего, позволяли манипулировать с виртуальными символами изображения, словно с реальными объектами.

Голопроектор выдал схему строения системы Истваана с выделением окрестностей третьей планеты в большем масштабе. Гарья показал на стилизованный крест, расположенный за пределами эклиптической орбиты истваанского солнца.

— Воут при помощи системы корабельных регистраторов вычислила для нас минимальный вектор дальности. Если удастся добраться до этой точки, мы окажемся за пределами с-лимита и сможем осуществить переход в варп.

— Флотская терминология никогда мне не давалась, — проворчал Круз. — Простите старого вояку и объясните, пожалуйста, так, чтобы мог понять простой солдат.

— Мы не сможем уйти в варп, пока не

выйдем за пределы зоны притяжения солнца, — сжато пояснил Сендек, указывая на истваанскую звезду. — Об этом пороге и говорил капитан.

Гарья, слегка удивленный наличием у рядового космодесантника познаний в астронавигации, кивнул:

— Верно. Зона охвата солнечной энергии может повлиять на модуляции варпа. Чтобы с наибольшей степенью безопасности войти в Имматериум, надо покинуть область звезды.

— Это слишком далеко, — заметил Гарро. — Чтобы туда добраться, нам придется пролететь несколько световых секунд при максимальной мощности двигателей, а их огонь точно укажет Хорусу направление бегства.

Круз наклонился над изображением.

— Нас со всех сторон окружают тяжелые корабли. Стоит одному или двум нацелить на «Эйзенштейн» дула лазпушек, и с нами будет покончено. Мне почему-то кажется, что Воитель вряд ли позволит нам уйти беспрепятственно, верно?

— Наши вакуумные щиты в полном

порядке,— вмешался Гарья. — Корабль сможет выдержать несколько непрямых попаданий, кроме того, на нашей стороне внезапность.

Децимус невесело усмехнулся:

— Как ни приятно слышать, что наш добрый капитан уверен в своем корабле и его экипаже, было бы глупо рассчитывать, что обстоятельства не обернутся против нас.

— Я этого не отрицаю, — сказала офицер-адъютант. — Учитывая все обстоятельства, я оцениваю наши шансы на выживание как один к десяти, и это еще очень приближенно. В настоящий момент,— сдержанно продолжила Воут, — «Эйзенштейн» находится почти на самом заднем краю флотилии. Я взяла на себя смелость доложить в управление движением о небольшой неисправности в одном из наших третичных плазменных генераторов. В данной ситуации для корабля вполне нормально держаться на некотором расстоянии от остальных судов на случай цепной реакции и взрыва плазменного ядра.

— Сколько времени эта ложь сможет нас прикрывать? — поинтересовался Гарро.

— До тех пор, пока не покажется огонь наших двигателей, — ответила женщина.

Круз задумчиво поцокал языком:

— Нам не удастся с боем пробить себе путь, и вряд ли мы сумеем сбежать. Этот маленький корабль способен увертываться и уклоняться, но как далеко он сможет уйти, пока один из этих монстров... — Он приставил палец к изображению стоящего рядом крейсера. — Пока один из них не вцепится нам в горло?

— Не слишком далеко, — угрюмо ответил Сендек. Гарья постучал металлическими пальцами по контрольной панели:

— Все правильно, «Эйзенштейну» не хватит скорости, чтобы оставить позади всех преследователей. Но это если мы будем двигаться по прямому курсу. — Он прочертил прямую линию от места положения корабля до светящегося креста, затем немного отодвинул линию курса в противоположном направлении. — Воут

предлагает альтернативный вариант. Он не лишен риска, но, если все пройдет успешно, нам удастся избежать пушек Воителя.

Гарро присмотрелся к заново проложенному курсу и улыбнулся его дерзости.

— Я согласен. Считаю решение принятым.

— Смелый вариант, — вмешался Децимус. — Но у меня имеется одно небольшое уточнение. — Космодесантник наклонился и показал на массивный корабль, стоящий по левому борту. — Новый курс выводит нас точно в сектор обстрела орудий этого корабля.

— Которым командует Тифон, — добавил Гарро. — Это «Терминус Эст».

Калас Тифон провел незащищенным пальцем по острию своего жнеца, погрузил тонкое лезвие в затвердевшую кожу и посмотрел на появившуюся струйку темной крови. Его душу раздирали противоречивые эмоции. С одной стороны, происходящие события вызывали бурный

восторг и ожидание грядущих перемен. Тифон радовался освобождению, если такое понятие можно было применить к космодесантнику, ощущал холодное и жестокое ликование от мысли, что после долгих лет хранения в тайне своих знаний сможет открыто нести новое знамя. То, что он узнал, те слова, которые прочел в книгах, указанных его братом Эребом... Просвещение, принесенное капелланом Пожирателей Миров, навсегда изменило Тифона. Но вместе с тем он был в ярости. Да, он понимал, что, согласно указаниям Воителя, его повелитель Мортарион медлил с вступлением на тот путь, по которому шел он сам. И еще он знал, что и Воитель, и примарх делали по пути просвещения только первые шаги. А вот Тифон, Эреб и другие... Вот кто познал истинное просвещение, и необходимость играть роль исполнительного Первого капитана, когда он намного превзошел своих командиров на пути познаний, угнетала Тифона.

Придет время, обещал себе Тифон, и ждать осталось недолго, когда он сможет

выйти из тени Мортариона и действовать самостоятельно. При покровительстве темных сил Тифон станет провозвестником, перед которым будут трепетать все миры. Со своего командного трона Гвардеец Смерти окинул взглядом капитанскую рубку «Терминус Эст», наблюдая за суетой слуг и космодесантников, трудившихся по его приказу. Они верны своему командиру — это обстоятельство придавало Тифону еще больше сил.

Затем его мысли обратились к Грульгору. Тифон нахмурился и потер черную щетину на подбородке. Уже несколько часов прошло с тех пор, как он послал Игнатию приказ устранить Гарро и присоединиться к атаке на Истваан III, и все это время обычно хвастливый командир хранил несвойственное ему молчание.

Теперь, когда бомбардировка закончена и план Хоруса вступил в завершающую фазу, у Тифона появилось время для размышлений.

Грульгор не тот человек, который

будет молчать о своих победах, и Тифон знал, что Игнатий воспользуется случаем, чтобы приукрасить историю об убийстве Натаниэля Гарро. Инстинктивная неприязнь командора к боевому капитану за несколько лет переросла в откровенную ненависть, и Грульгор всегда избирал Гарро мишенью своего довольно грубого юмора и нападок. Тифон не имел представления, из-за чего все началось, но это его и не интересовало. Зато он обладал способностью отыскивать слабости других и использовать их в своих целях. Пламя ревности даже не надо было раздувать, и Тифон этим воспользовался. Душу Грульгора было довольно легко отравить ядом соперничества и натравить его на кого угодно. Кроме того, через Грульгора Первый капитан имел возможность влиять на деятельность ложи, тайно организованной в XIV Легионе.

Тифон жестом подозвал прислужника:

— Эй, ты, проверь принятые сообщения. Было ли что-нибудь получено с

фрегата «Эйзенштейн»?

Слуга моментально вернулся.

— Господин капитан, с этого корабля в адрес командования флотилии поступило сообщение о досадной неисправности орудий, а потом еще одно, извещение о длительном ремонте энергетической системы фрегата. Последнее донесение помечено личной руной командира Грульгора.

— Больше ничего?

— Нет, господин, — с низким поклоном ответил слуга.

Тифон поднялся и положил жнец поперек трона.

— Где сейчас находится «Эйзенштейн»?

— Движется по переходному вектору, — ответил офицер-навигатор. — Сейчас он в левом верхнем квадранте.

— Куда это он направляется? — Тифон ощутил легкое беспокойство. — Вокс! Вызови «Эйзенштейн» и обеспечь мне голосовую связь. Я хочу поговорить с Грульгором. Немедленно.

Маас внимательно слушал резкий металлический голос своего коллеги с борта «Терминус Эст», монотонно диктовавший приказы капитана Тифона. Вокс-передатчик, зажатый в его руке, слегка дрожал. Маас искоса взглянул на Гарью, Воут и космодесантников. Все они были поглощены разговором и внимательно наблюдали, как фрегат движется по курсу, проложенному адъютантом.

От напряжения у Мааса пересохло во рту, и он облизнул губы. Он до сих пор никак не мог осознать всех событий, которые привели к сложившейся ситуации. Его совсем недавно перевели на «Эйзенштейн», и Маас считал, что слишком долго этого дожидался.

После долгих лет упорной службы на вооруженных транспортах и вспомогательных судах он был вознагражден назначением на корабль, действующий в составе флотилии, и, хотя подвиги Гвардии Смерти были не такими яркими и популярными, как у других Легионов, в представлении Мааса это был

шаг вверх по служебной лестнице. Он жаждал командовать, и не проходило дня, чтобы офицер-связист не представлял себя в будущем капитаном Тирином Маасом, восседающим на троне в рубке крейсера и управляющим кораблем, словно собственным королевством.

И теперь всем его мечтам грозил крах. Назначение, еще недавно воспринимаемое им с восторгом, обернулось камнем на шее. Сначала этот высокомерный Гарро взял на себя командование и все перевернул с ног на голову, а теперь и Гарья следует безумным приказам этого глупца! Если все его догадки правдивы, этот Гвардеец Смерти уже уничтожил несколько своих собратьев, позволил бежать другому мятежнику, да еще намеренно расстрелял десяток истребителей! Маасу казалось, что он — единственный зрячий среди слепцов.

Связист оглянулся, надеясь по выражениям лиц других офицеров убедиться, что и они испытывают подобные чувства, но ничего не обнаружил. Гарья и этот надменный космодесантник

всех заставили плясать под свою дудку! Немыслимо! Капитан корабля отказался выполнять приказы самого Хоруса, а потом еще Воут добавила сложностей с ее ложными сигналами. Маас попытался возразить Гарье, и что получил в ответ? Порицание и выговор!

Он покачал головой. Офицер-связист понимал, что оказался втянутым в настоящее пиратство, и это его очень беспокоило. Они клялись в верности флотилии, а во главе флотилии стоял Хорус. Что с того, что приказы Воителя кому-то не нравились? Хороший капитан не должен задавать вопросов, его дело — подчиняться! А после несомненного мятежа Гарьи Тирин Маас лишен такой возможности. Если они останутся в живых, Маас окажется замешанным в этом деле вместе с капитаном корабля, его обвинят в измене и, без сомнения, казнят.

Молодой офицер уставился на аппарат вокс-связи. Надо что-то предпринять. Он и так уже нарушил правила, когда тайком разорвал цепочку

уведомления, так что на мостике никто не узнает о поступающих сообщениях, пока этого не захочет сам Маас. Поступок грозил строгим взысканием, но он счел его необходимым. Ясно, что он может доверять только самому себе, а значит, именно ему надлежит известить остальные корабли флотилии о затевающемся на борту «Эйзенштейна» обмане. Маас поднес к губам микрофон и забился в самую глубину ниши. Он испытывал страх и не мог этого отрицать, но, как только произнес осторожным шепотом первые слова, чувство долга придало ему новые силы. Когда все закончится, сам Хорус будет ему благодарен. Возможно, если «Эйзенштейн» за свой мятеж не будет уничтожен в назидание остальным, Маасу представится шанс просить Воителя о командовании кораблем в награду за бдительность.

— Повтори, что ты сказал, — потребовал Тифон.

Устрашающая темная массивная

фигура Первого капитана буквально нависла над сидящим за вокс-аппаратом слугой.

Связист попытался поклониться:

— Господин, пришло сообщение от человека, называющего себя офицером-связистом «Эйзенштейна». Он утверждает, что Грульгор пропал, а экипаж корабля поднял восстание. Он извещает об измене, сэр.

Первый капитан выпрямился, и перед его мысленным взором возникла нелицеприятная картина.

— Самодовольный глупец подвел меня! Он выдал нас Гарро. — Тифон развернулся на месте и стал выкрикивать приказы экипажу корабля: — Объявить общую тревогу! Всю энергию на двигатели и носовые орудия! Вычислить курс перехвата «Эйзенштейна», и немедленно!

— Капитан, а что с этим связистом? — спросил слуга. — Что я должен ему ответить?

Тифон мрачно усмехнулся:

— Пошли ему мою личную благодарность и одобрение Воителя. А

потом свяжись с «Духом мщения» и соедини меня с Малогарстом.

Впереди, на командном пульте, прозвенел предупредительный сигнал, и Гарро заметил тень страха на лице Гарьи. Воут уже подбежала к пульту и набрала на клавиатуре команды.

— Докладывай! — крикнул капитан корабля. Воут побледнела.

— Сэр, автоматические датчики засекли отдаленный выброс тепловой энергии из блоков двигателей «Терминус Эст». Кроме того, имеются сведения о начале подготовки к стрельбе из носовых орудий.

— Он узнал! — воскликнул Круз,— Тифон все знает!

— Да, — согласился Гарро, переглянувшись с капитаном корабля. — Медлить больше нельзя. Отдать приказ.

Гарья с трудом сглотнул и кивнул Воут:

— Ты слышала боевого командира. Всем палубам приготовиться к бою, открыть затки блокировочных щитов и

набрать максимальную боевую скорость. — Он обернулся к младшему офицеру: — Спускайся вниз и предупреди почтенного Севернайю, чтобы он приготовился к прыжку. Я хочу, чтобы он мог начать действовать в любой момент. — Гарья прочел вопрос в глазах Гарро. — Севернайя — наш навигатор, — пояснил он, указывая на палубу. — Размещается двумя уровнями ниже. Целые дни проводит в своей комнате, медитирует внутри воображаемой сферы. Могу поклясться, он и не подозревает о том, что здесь творится. Понимаете, для него имеют значение только варп-переходы.

Гарро понимающе кивнул:

— Варп штормит. Ты полагаешь, он может заартачиться, когда поступит приказ?

— О, с ним будет все в порядке, — заверил Гарья. — Вот только, переживет ли он этот прыжок?

В разговор вмешалась Воут.

— А как насчет орудийных батарей, сэр? — звенящим от напряжения голосом спросила она.

Гарья покачал головой:

— Пусть будут наготове, но я хочу, чтобы максимум энергии поступал на защитные экраны и двигатели. Устойчивость и скорость нам важнее огневой мощи.

— Да, сэр, полный вперед, — ответила она и отправилась отдавать приказы.

Гарро через подошвы сапог ощутил дрожь, означавшую, что палубы корабля отреагировали на резкое ускорение. Переход «Эйзенштейна» от состояния спокойного дрейфа к полной боевой скорости сопровождался звонками и гудками всех контрольных систем.

— «Терминус Эст» снимается с орбиты, — доложил Сендек, читая показания с ретранслятора данных.— Меняет курс и разворачивает орудия в нашу сторону.

— Еще какие-нибудь корабли последовали его примеру? — спросил Гарро.

— Этого я не вижу, — ответил Сендек. — Только Тифон.

— Капитан Гарро, — окликнула Воут, — у нас нет сведений о вооружении этого

корабля. Что может выставить против нас Тифон?

— Разрешите мне, — вмешался Сендек. — «Терминус Эст» — это уникальное судно, он не соответствует ни одному из принятых образцов, обладает отличной броней и очень массивен, но при всем этом довольно неуклюж на поворотах.

Гарья кивнул:

— Мы сумеем использовать это преимущество.

— Однако у него мощные носовые батареи. В распоряжении Тифона лазерные орудия, установленные в передней части корпуса, и пушки верхней надстройки, способные вести огонь с траверза. Если он подойдет ближе, нам несдобровать,— мрачно закончил космодесантник.

— Значит, придется держать этого монстра подальше от наших щитов, — сказал капитан корабля. — Следите за температурой реактора!

— Но как же он догадался? — сердито спросил Децимус у командира. — Это не могло быть простым совпадением.

Может, он просто переводит свой корабль на другую орбиту?

— Он все знает, — повторил Гарро слова Сендека. — И это было неизбежно.

— Но откуда? — настаивал космодесантник. — Или у него есть провидец, перехвативший твои намерения в эфире?

Взгляд Гарро переместился вглубь связной ниши и встретился с глазами побледневшего и вспотевшего офицера.

— Ничего сверхъестественного, — сказал боевой капитан, прочитав ответ на испуганной физиономии молодого связиста.

Тремя быстрыми шагами он пересек рубку и рывком поднял Мааса на ноги. Офицер-связист был близок к истерике.

— Ты!.. — рыкнул Гарро, гневно прищурив глаза. — Это ты предупредил Тифона!

Висящий в его руке Маас внезапно дернулся и набросился на Гарро, но его слабые кулаки просто отскакивали от силовых доспехов.

— Проклятый изменник! — кричал он. — Вы все заговорщики! Своей лживостью вы

всех нас погубите!

— Глупец! — рявкнул Гарья. — Мы все — слуги Императора. Это ты изменник и трусица!

— Я принимал присягу на верность флотилии. Я служу Воителю Хорусу! — Вопли Мааса превратились в рыдания.— До самой смерти!

— Это так, — согласился Гарро и резким движением запястья сломал шею офицера-связиста, а потом бросил его на пол.

По капитанской рубке прошелестел молчаливый вздох, а потом раздался голос Воут:

— Сзади по левому борту зарегистрирован разряд! Атака началась!

Ослепительное копье белого света над кормой фрегата заставило всех отвернуться от обзорных иллюминаторов. Снаряд прошел мимо цели, но края энергетического ореола вызвали потрескивание наружной оболочки. Ударная волна не миновала контрольные системы, и несколько приборов на капитанском мостике тревожно замигало

лампочками.

— Мне кажется, он хочет заставить нас повернуть, — предположил Круз.

— И его просьба выражена довольно вежливо,— откликнулся Сендек. — Вместо ответа мы пошлем ему струю выхлопных газов.

— Смотрите в оба! — предупредил Гарро, отворачиваясь от только что казненного связиста. — Передайте Хакуру и остальным, чтобы готовились к ударам и возможной декомпрессии! И позаботьтесь о безопасности гражданских...

Следующий удар попал в цель.

Выстрел «Терминус Эст» был произведен на границе дальнобойности, и все же его энергии оказалось достаточно, чтобы причинить серьезные повреждения кораблю такого тоннажа, как «Эйзенштейн». Защитные экраны, пробитые снарядами, затерцали. Удар по верхней части корпуса пришелся под острым углом, но обшивка нескольких палуб не выдержала, появились бреши в открытый космос и, кроме того, со своих

лафетов сорвались орудия левого борта.

Клубы газа превратились в огненные шары и быстро опали, однако цепочка вторичных разрядов охватила коридоры, выводя из строя реле и вызывая новые возгорания. На некоторое время один из отсеков нижнего уровня охватил сплошной огненный вихрь, возникший после взрыва хранящихся там баллонов с дыхательной смесью.

Несколько воинов Гарро, оставленных там на страже, погибли в первое же мгновение, когда вместо воздуха их легкие наполнились огнем. Обратной тягой пламя прошлось по их телам и перебросилось на жилые помещения и зал, где собиралось немногочисленное общество астропатов. Аварийные заслонки быстро изолировали отсек, но разрушения были необратимы, и после того, как все выгорело, остались закопченные руины, оплавленный металл и обгоревшие тела.

Часть мощности удара превратилась в кинетическую энергию, так что корабль вздрогнул и начал крениться, но закаленный в боях экипаж «Эйзенштейна»

не дал судну сбиться с курса. «Терминус Эст» продолжал погоню, его грозная тахина заполняла собой все экраны кормового наблюдения.

— Я требую объяснений, Тифон, — доносился сквозь треск помех вокс-связи ворчливый голос Малогарста. — Почему ты счел возможным оторвать меня от дел в самый разгар важнейшей операции?

Первый капитан поморщился, втайне радуясь, что ему не пришлось встретиться с советником Воителя лично. Между представителем Сынов Хоруса и Гвардейцем Смерти никогда не было теплых отношений из-за одного инцидента, случившегося много лет назад, когда они сильно разошлись во мнениях по поводу вопросов боевого протокола. Тифон с трудом переносил внешнее безразличие и едва скрываемое высокомерие Малогарста. И прозвище советника Хоруса — Кривой — казалось Тифону слишком мягким определением.

— Прошу прощения, советник, — ответил он, — но я считал необходимым

информировать вас об опасности, грозящей планам твоего примарха!

— Не испытывай мое терпение, Гвардеец Смерти! Или мне надо вызвать на вокс-связь твоего примарха, чтобы он тебя приструнил? Твой корабль покинул строй. В чем причина?

— Пытаюсь устранить препятствие. Я получил от одного из боевых братьев предупреждение, что бесконечно консервативный капитан Гарро захватил контроль над фрегатом «Эйзенштейн» и в данный момент собирается покинуть пределы системы Истваана. — Тифон откинулся на спинку своего командного трона. — Такое событие достойно твоего внимания или я должен обратиться непосредственно к Хорусу?

— Гарро? — повторил Малогарст. — А я считал, что Мортарион с ним разобрался.

Тифон усмехнулся:

— Повелитель Смерти проявил излишнюю снисходительность. Гарро следовало умереть от ран, полученных на Истваан Экстремисе. А Мортарион

надеялся обратить его в нашу веру, за что нам теперь приходится расплачиваться.

Малогарст немного помолчал. Тифон представил себе, как скривилось от задумчивости его неприятное лицо.

— Где он сейчас?

— Я преследую «Эйзенштейн» и собираюсь уничтожить корабль, если сумею.

Советник насмешливо фыркнул:

— И куда это Гарро собирается бежать? Бури в варпе с каждым часом становятся все сильнее. У такого маленького судна нет никакой надежды преодолеть Иттатериум. Его разорвет на части!

— Может быть, — признал Тифон. — Но я предпочел бы полную уверенность.

— Твой курс отпечатан на моем электронном планшете, — сказал советник. — На своей неповоротливой громадине тебе его ни за что не догнать. Вас разделяет слишком большая дистанция.

— А мне и не требуется его догонять, Малогарст. Я хочу только подбить

корабль.

— Тогда действуй, Тифон, — последовал ответ. — Если мне придется докладывать Воителю, что известие о его планах ушло без нашего ведома, ты будешь вторым после меня, кто испытает неудовольствие Хоруса на своей шкуре!

Первый капитан провел ладонью по горлу, и связист-помощник отключил вокс-связь. Тифон с высоты командного трона взглянул на согнувшегося в поклоне капитана корабля. Человек осмелился заговорить:

— Господин Тифон, «Эйзенштейн» изменил курс. Он на полной скорости движется к спутнику Истваана III, Белой Луне.

— Значит, переходи на тот же курс, — отрезал Тифон и поднялся. — Определи курс «Эйзенштейна» и вычисли направление стрельбы.

Капитан корабля нерешительно замер.

— Господин, притяжение спутника...

— Об этом я не спрашивал, — проворчал Первый капитан.

— Все еще идет за нами. — Воут всмотрелась в показания, выведенные на пикт-экран. — Смену курса подтверждаю. «Терминус Эст» продолжает преследование, других признаков погони нет.

— Ладно, — кивнул Гарья. — Продолжает двигаться зигзагами. Не стоит облегчать работу артиллеристам Тифона, пусть снова подсчитывают угол стрельбы.

Гарро встал позади капитана корабля и взглянул в иллюминатор поверх его головы. Застывшая меловая поверхность самого крупного спутника Истваана III постепенно увеличивалась, и стали видны кратеры и горы лишенного атмосферы планетоида. Неискушенному наблюдателю могло показаться, что фрегат вот-вот столкнется с Луной.

— Скажи честно, — негромко заговорил Гарро, так что услышать его мог только Гарья, — какова вероятность ошибки в вычислениях Воут?

Смуглолицый капитан повернулся к

космодесантнику:

— Она отличный офицер, капитан. Единственной причиной, по которой она до сих пор не стоит во главе собственного кораблем, являются некоторые разногласия с командованием флотилии. Я верю в нее.

Гарро вновь взглянул на Луну.

— Я верю в крепкую броню корабля и силу гравитации, — сказал он, но даже ему самому эти слова показались пустыми и бессмысленными.

Гарья посмотрел на боевого капитана с любопытством, возможно ощутив его беспокойство:

— Вселенная велика, сэр. Каждый может обрести веру в любой момент и где угодно.

— Приготовиться к первой корректировке курса, — скомандовала Воут. — На всякий случай держитесь крепче.

— Принято, — безучастным голосом отозвался сервитор. — Выполняю маневрирование.

Палуба фрегата качнулась, и Гарро

ощутил пустоту в животе. Максимальный поток энергии был направлен к двигателям, и гравитационные компенсаторы немного запаздывали, так что поворот ощущался сильнее, чем обычно. Гарро вцепился в поручни и перенес вес тела на органическую ногу.

— Термальный выброс по носу преследователя, — доложил Сендек, добровольно взявший на себя обязанности члена экипажа у пульта датчиков. — Разряд! Кораблю угрожают множественные заряды!

— Ускорить поворот! — закричал Гарья.

Он произнес что-то еще, но слова потонули в грохоте настигших «Эйзенштейн» энергетических снарядов. Удар подтолкнул фрегат в корму и подбросил вперед, словно гребень попутной волны. Компенсаторы снова опоздали, рука Гарро сорвалась и угодила в капитана, опрокинув его на командный пульт. Натаниэль услышал, как в запястье Гарьи что-то щелкнуло.

— Мощность третьего двигателя падает! — крикнула Воут. — Охлаждающая система дала течь на седьмой и девятой палубах!

Гарья выпрямился и кивнул Гарро.

— Увеличить мощность выбросов из соседнего сопла, чтобы восполнить потерю! Нельзя позволить им пристреляться!

Корабль задрожал всем корпусом — машинное отделение работало в режиме, близком к критическому. Сендек снова доложил последние данные.

— Капитан, мы входим в область притяжения Белой Луны, скорость возрастает.

Гарья вздохнул и резким движением вставил механическую кисть на место.

— Мы достигли точки невозвращения, Гарро, — сказал он. — Теперь остается проверить, так ли хороша Ракель, какой я ее считаю.

— Если она ошиблась в расчетах больше чем на несколько градусов, от нас не останется ничего, кроме нового кратера и россыпи обломков, — мрачно заметил Децимус.

Спутник заполнил весь передний иллюминатор.

— Надо верить, — ответил ему Гарро.

— Господин, корабль захвачен силой притяжения спутника, — доложил Тифону капитан корабля. — Наша скорость увеличивается. Смиренно прошу разрешить попытку уклонения...

— Если мы сейчас прекратим погоню, «Эйзенштейн» ускользнет, — равнодушно откликнулся Первый капитан. — У этого корабля хватит мощности, чтобы нас вытащить, не правда ли? Ты применишь ее только по моему приказу, и ни секундой раньше.

— Как прикажете.

Тифон перевел взгляд на офицера-артиллериста:

— Ты! Где результаты? Я требую уничтожить этот корабль! Выполняй!

— Господин, корабль слишком подвижен, а наши орудия надежно закреплены.

— Мне нужны результаты, а не извинения! — гневно крикнул Тифон. —

Исполняй свой долг, иначе я найду другого на твое место!

На гигантском пикт-экране были видны струи выхлопных газов и вылетающие из «Эйзенштейна» обломки. Глядя на них, Тифон холодно улыбнулся.

Ракель Воут смахнула пот со лба и прижала ладони к панели контрольного пульта. Отраженный мертвенно-белый свет Белой Луны заливал капитанскую рубку резким сиянием. Это траурное освещение, лишенное всяких признаков жизни, казалось, вытягивает все силы. Воут порывисто вздохнула. Сейчас жизни всех, кто находился на корабле, были в ее руках, зависели от тонкой цепочки чисел, поспешно написанных, пока Истваан III умирал на ее глазах. Она боялась на них взглянуть из опасения обнаружить какую-то чудовищную ошибку. Лучше не знать об этом, лучше продолжать держаться за хрупкую уверенность, которая и вывела фрегат на этот опасный курс. Если Воут ошиблась в вычислениях, у нее уже не будет времени, чтобы об этом пожалеть.

В верности теории она была твердо убеждена. Притяжение плотной и массивной Белой Луны уже охватывало «Эйзенштейн» и увлекало его к изломанной поверхности спутника. Если она не вмешается, трачный Гвардеец Смерти окажется прав и от фрегата останется только погребальный кратер.

План Воут основывался на математических уравнениях орбиты и физической природе силы гравитации — знаниях, относящихся к периоду первых шагов человека в космос, когда топливо, создававшее реактивную тягу, ценилось на вес золота. Сейчас, в тридцать первом тысячелетии, когда мощные двигатели были способны забросить звездные корабли в любую точку Вселенной, эти знания применялись не часто, но сегодня они могут спасти им жизнь.

Ракель оглянулась через плечо и встретила взгляды капитана и Гвардейца Смерти. Она ожидала прочесть на их лицах строгое осуждение, но обнаружила лишь молчаливую поддержку. Они верили, что Воут выполнит свое обещание.

Ракель кивнула в ответ и снова вернулась к своей работе.

Завывание клаксонов известило о новом залпе снарядов. Воут выбросила их из головы и сосредоточилась на лежащей перед ней сложной траектории и маршруте полета. Ошибки быть не может. Когда «Эйзенштейн» начнет падать на планетоид, двигатели изменят его курс, используя силу притяжения спутника, проведут мимо Белой Луны по касательной и разовьют скорость, близкую к скорости света, чтобы достичь намеченной точки для варп-прыжка. «Терминус Эст» ни за что не сможет их догнать.

На последнем участке перед рывком дрожь фрегата заметно усилилась.

— Приготовиться к корректировке курса, — приказала Воут, перекрикивая поднявшийся шум. — Выполнять!

С левого борта автономные двигатели «Эйзенштейна» выбросили струи пламени и принялись оттаскивать фрегат от спутника. Корма от резкого

толчка, менявшего направление полета, вильнула, словно подброшенная невидимой рукой. Два вектора — природной силы притяжения спутника и искусственно создаваемой на корабле тяги — теперь действовали в противоположном направлении. Заклепки корпуса, величиной с человеческое туловище, не выдержали, и пластины обшивки начали деформироваться и отрываться. Перегруженные до предела электрические цепи от перегрева дымились и выбрасывали в воздух ядовитые пары. «Эйзенштейн» стонал, как раненое животное, но поворачивал, мучительно преодолевая метр за метром, уходя в узкий спасительный коридор, ведущий фрегат прочь от системы Истваана.

— Тифон! — Капитан корабля, забыв обо всех протоколах, осмелился окликнуть космодесантника без упоминания его ранга.— Мы должны повернуть! Нельзя дальше следовать за фрегатом, иначе нас притянет к спутнику! Наша масса слишком велика...

Гвардеец Смерти в ярости подскочил к офицеру флотилии и резким ударом швырнул его на палубу, так что тот разбил лицо и из ран хлынула кровь.

— Тогда поворачивай! — закричал Первый капитан.— Но, варп тебя побери, я хочу бросить в этот проклятый корабль все снаряды, прежде чем дам ему уйти!

Все члены команды мостика бросились исполнять его приказы, оставив стонущего капитана на полу. Тифон, охваченный неудержимым гневом, схватил жнец и крепко сжал древко. Вслед ускользающему из его хватки фрегату и непокорному Гарро понеслись проклятия.

«Терминус Эст», разбрасывая из двигателей фейерверки искр, летел вниз, словно акула, преследующая мелкую рыбешку. Но вот корабль застонал от мощного рывка двигателей, вырывающих его из опасных объятий гравитации Белой Луны, и острый как нож нос судна пересек след «Эйзенштейна». В это мгновение все пушки боевого крейсера Тифона выстрелили одновременно, посылая сгусток

смертоносной энергии вслед удалявшемуся фрегату.

— Внимание, залп! — крикнул Сендек. — Приготовиться к удару!

Гарро услышал предупреждение, но в следующее мгновение палуба уже ушла из-под ног и он взлетел в воздух. Гвардеец Смерти кувырком пролетел через всю рубку, сбил несколько опор и ударился о потолок. Только когда энергия удара рассеялась, он со всего размаху грохнулся на контрольный пульт. Стряхнув шок, Натаниэль с трудом поднялся на ноги. Сразу в нескольких местах в рубке полыхало пламя, но сервиторы уже суетились, стараясь восстановить на мостике хоть какое-то подобие порядка. Он увидел Гарью, распростертого на командном кресле, а рядом с ним уже была Воут. Женщина получила жестокую рану на голове, но, казалось, не замечала струящейся по лицу крови. Где-то в отдалении послышались проклятия на языке Хтонии — это поднимался с палубы Йактон Круз.

— Доложить о повреждениях, — приказал Гарро, чувствуя на языке резкий привкус металлического дыма.

С противоположного конца зала откликнулся Сендек:

— «Терминус Эст» прекратил преследование, но последний залп нанес значительные разрушения. Несколько палуб разгерметизировалось. В реакторах двигателей наблюдается утечка, есть опасность остановки. — Он немного помолчал. — Маневр прохода по касательной прошел успешно. Фрегат следует курсом на точку перехода в варп.

Децимус с ворчанием отбросил упавшую секцию потолочных панелей и перешагнул через безжизненное тело одного из младших офицеров.

— Что в этом хорошего, если мы взорвемся раньше, чем туда доберемся?

Гарро не стал обращать внимания на его брюзжание и подошел к Гарье.

— Он жив?

— Да, — кивнула Воут. — Просто оглушен.

Капитан корабля махнул рукой:

— Я уже могу стоять на ногах сам. Уходите.

Не обращая внимания на протесты, Гарро поднял его и крикнул:

— Децимус, вызови в рубку апотекария!

Гарья покачал головой:

— Нет, еще не время. Мы далеко не закончили. — Он, прихрамывая, шагнул вперед. — Ракель, в каком состоянии навигатор?

Воут пригнулась к вокс-передатчику и прислушалась. Гарро даже издали услышал крики и причитания, доносившиеся из крохотного прибора.

— Севернайя жив, но его адъютанты запаниковали. Они там мечутся по стенам и рыдают о состоянии варпа. Я слышу их вопли о тьме и бурях.

— Если он не погиб, значит, может выполнять свою работу, — мрачно заметил Гарья, превозмогая боль.— Это относится и к каждому из нас.

— Верно, — кивнул Гарро. — Прикажи экипажу готовиться к варп-переходу. У нас не будет второго такого шанса.

— У нас может не быть даже первого,

— пробормотал себе под нос Децимус.

Гарро, нахмурившись, обернулся:

— Брат, ты выводишь меня из себя своими горестными предсказаниями. Если ты ничем больше не в состоянии нам помочь, отправляйся вниз и помоги остальным справиться с повреждениями.

— Я говорю то, что чувствую, — возразил Децимус. — Ты сам сказал, что хочешь услышать от меня правду, капитан!

— Я хочу, чтобы впредь и до окончания миссии ты держал свои комментарии при себе, Децимус!

Натаниэль ожидал, что молодой космодесантник спустится вниз, но тот лишь подошел вплотную и понизил голос, чтобы его больше никто не слышал:

— Я не пойду. Ты выбрал самоубийственный курс, и лучше, если бы ты просто подставил наши глотки Тифону.— Он показал пальцем на Воут.— Ты слышал, что сказала женщина. Навигатор едва не сошел с ума от твоего приказа. Я знаю, ты не можешь не знать о рапортах относительно турбулентности

варпа в последнее время. Десятки кораблей сбились с курса еще на пути к Истваану...

— Все это слухи и ересь,— бросил подошедший Круз.

— Ты уверен? — настаивал Децимус. — Говорят, что варп потемнел от бурь и кишмя кишит странными созданиями! А мы сидим на корабле, который держится только на ржавчине и нашей надежде, и собираемся погрузиться в это море безумия!

Гарро колебался. В словах Децимуса была доля правды. Он еще до атаки на город Хорал действительно знал о циркулирующих по флотилии слухах. Рассказывали об отдельных случаях, когда навигаторы и астропаты лишались разума, едва прикоснувшись мыслями к Иттатериуму. Океан варпа всегда был изменчивым и опасным пространством для путешественников, и, как утверждалось в донесениях, быстро становился и вовсе непроходимым.

— Мы уже испытали себя и корабль при запредельных нагрузках, — шипел Децимус. — Если приблизимся к варпу — это

станет нашим последним шагом. Мы не выдержим странствия по эмпиреям вслепую.

У Гарро стало покалывать кожу на затылке. Внутреннее чувство, бывшее неотъемлемым свойством каждого космодесантника, заставило его обернуться к входным створкам. На пороге, окутанная клубами серого дыма, стояла Киилер и молча смотрела на него. Боевой капитан моргнул и на мгновение испугался, что утратил рассудок и снова подвергся нашествию видений, но потом понял, что Децимус тоже видит женщину.

Киилер пробралась через завалы обломков и остановилась прямо перед ним:

— Натаниэль Гарро, я пришла, потому что тебе необходима помощь. Ты примешь ее?

— Но ты всего лишь летописец, — вмешался Децимус, хотя даже его раздражение улеглось под спокойным пристальным взглядом женщины. — Какую помощь ты можешь предлагать?

— О, ты еще удивишься ее способностям, — тихонько пробормотал

Круз.

— Долговечность корабля измеряется мгновениями, — продолжала Киилер. — Если мы останемся здесь, то непременно погибнем. Мы должны совершить прыжок, опираясь на веру, Натаниэль. Если мы верим в волю Императора, то обретем спасение.

— Ты толкуешь о слепой вере в иллюзии, — не сдавался Децимус. — Ты не можешь знать, останемся ли мы в живых.

— Могу.

Ответ Киилер был преисполнен такой спокойной уверенности, что заставил космодесантника умолкнуть. От пульта управления донесся голос Воут:

— Капитан, поле Геллера вокруг корабля не поддается стабилизации. Возможно, нам придется прервать варп-прыжок. Если мы войдем в Империум, оно может окончательно исчезнуть и корабль останется без защиты.

— Натаниэль, у тебя нет другого выбора, — негромко сказала Киилер.

— Мы не будем прерывать операцию, офицер.— Гарро заметил, как от

потрясения изменилось лицо Децимуса.—
Продолжаем переход.

ХАОС
ВИДЕНИЯ
ОЖИВШИЕ МЕРТВЕЦЫ

«Эйзенштейн» нырнул.

Врата варпа распахнулись перед ним рваной раной на ткани космоса и втянули в себя поврежденный корабль. Воображаемые потоки энергии сталкивались и уничтожали друг друга. Вместе с ослепительной вспышкой радиации фрегат оставил реальность позади.

Для человека с неприспособленным разумом было невозможно постичь природу пространства варпа. Имматериум был в такой же мере продуктом психики того, кто на него смотрел, как и самостоятельным и весьма своенравным объектом. Один из философов древней Земли предупреждал, что если человек смотрит в бездну, он должен знать, что и бездна смотрит на него. И для варпа это

утверждение являлось как нельзя более подходящим. Имматериум был зеркалом эмоций каждого живого существа, бушующим океаном отзвуков мыслей, темного осадка тайных желаний и сломленного подсознания, смешанных в беспорядочную, неукротимую массу. Если задаться целью описать природу варпа одним-единственным словом, то это будет слово хаос.

Навигаторы и астропаты знали варп настолько, насколько его могло знать человеческое существо, но даже они сознавали, что бредут лишь по мелководью бескрайнего океана. И они затруднялись донести до обычных людей вразумительное описание варпа. Некоторые воспринимали это пространство как царство вкусов и запахов, другие видели смятый занавес, затканный математическими теоремами и плотными строчками уравнений. Кое-кто представлял варп в виде музыки с реверсивными симфониями, представляющими миры, энергичными струнными партиями для умозрительных моделей, трубными военными сигналами

побудки для солнц, а духовые и ударные инструменты выводили мелодии кораблей, пересекавших нереальный ландшафт. Но самая природа варпа исключала его осмысление. Варп был воплощением перемен. Он воплощал полное и абсолютное отсутствие причин, иногда тихий и спокойный, иногда вздымающий неудержимые волны ярости. Варп, словно мифическое существо Медуза, мог убить беспечного человека, который осмелился в него заглянуть.

В этот океан и был брошен сильно поврежденный фрегат «Эйзенштейн», едва прикрытый мерцающей и неустойчивой оболочкой поля Геллера, прогибающейся от попыток безумия запустить внутрь свои когти.

В первое же мгновение перехода на обзорные иллюминаторы опустились стальные щиты. Гарро это обрадовало. Знакомое ощущение неустойчивости, всегда сопровождавшее варп-переход, заставило Гвардейца Смерти поморщиться. Адские отсветы варпа

будили беспокойство где-то в самой глубине его существа, на примитивном уровне сознания, и Натаниэль был доволен, что во время перехода ему не придется с ними мириться.

— Конец, — вздохнула Воут. — Мы сумели уйти!

Круз похлопал ее по плечу, экипаж откликнулся сдержанными возгласами, только капитан мрачно оглянулся на Гарро.

— Еще рано радоваться успеху, парни, — сказал он, обращаясь к команде, но глядя в глаза Гвардейцу Смерти. — На данный момент мы только сменили одну опасность на другую.

Тряска и качка при движении «Эйзенштейна» нисколько не уменьшались. Недавнее плавное скольжение в космическом пространстве осталось только в воспоминаниях, и качающаяся под ногами палуба уже стала привычным явлением.

— Сколько потребуется времени, чтобы добраться до безопасных мест? — спросил Гарро.

Гарья тяжело вздохнул, и усталость, которой он так долго не желал замечать, затуманила его лицо.

— Это варп, сэр, — сказал он, словно это все объясняло. — Мы можем оказаться в тени Терры через день, а можем через сотню лет оказаться на противоположном конце Галактики. На эти территории нет карт. Мы просто ждем и предоставляем навигатору вести корабль так, как он может.

Фрегат качнулся, и по всей длине капитанской рубки прокатилась волна дрожи.

— Это старый добрый корабль, — печально добавил Гарья. — Он не привык сдаваться.

Гарро отыскал взглядом Децируса, внимательно слушавшего вокс-передатчик.

— Господин, — окликнул он командира, позабыв о недавних разногласиях. — Хакур докладывает с нижних палуб. Он говорит, что... на борту захватчики.

Рука Натаниэля метнулась к эфесу меча.

— Как это может быть? Мы не

засекли ни одного челнока с корабля Тифона!

— Не знаю, сэр, я только передал слова сержанта.

Гарро включил устройство вокс-связи на вороте доспехов и на общем канале услышал характерный шум. Он различал резкий грохот болтеров и вопли, не имеющие ничего общего с человеческими голосами. На мгновение он вспомнил Деву Битвы и ее странное пение.

— На нижних уровнях сработала тревожная сигнализация, — доложила Воут. — Это опять адъютанты Севернайи собрались в своем святилище.

— Хакур тоже там, — добавил Децимус.

— Децимус, со мной, Сендек, останешься здесь,— приказал Гарро. — Скажи Хакуру, что мы идем к нему, и пусть все люди будут начеку.

— Да, сэр, — кивнул Сендек.

Гарро повернулся к старому Лунному Волку:

— Капитан Круз, если ты не против, займи командный пост в рубке.

Чактон четко отдал честь.

— Парень, это твой корабль. Я выполню все, что ты прикажешь. Надеюсь, мой опыт будет полезен этой молодежи.

Гарро повернулся, чтобы уйти, и обнаружил, что Киилер все еще стоит с ним рядом.

— Тебя ждет испытание, — сказала она без всяких предисловий.

Он шагнул мимо нее к выходу.

— В этом я ничуть не сомневался.

Андусу Хакуру в своей жизни приходилось много убивать. Бесчисленные враги, павшие от его ружей, клинков и кулаков, слились в бесконечную вереницу быстрых и целенаправленных убийств. На службе в XIV Легионе ему довелось сражаться с орками и эльдарами, с йоргаллами и гикоси, он воевал с животными и людьми, но таких противников, с которыми он столкнулся сегодня, Хакур еще не встречал.

Первое предупреждение появилось в тот момент, когда одна из помощниц Севернайи с криками выскочила из дверей

святилища и продолжала рыдать и бессвязно причитать. Женщина свернулась в клубок из тонких рук и ног и смятой одежды. Руки порывисто дергались и показывали в конец коридора, словно их хозяйка там что-то видела, но Хакур и остальные космодесантники никого не заметили. Сержант подошел ближе и дотронулся до нее — кожа оказалась холодной, будто женщина выскочила из морозильной камеры. А потом он разглядел. Всего лишь на краю зоны видимости мелькнуло странное изменение цвета, словно бабочка в темноте. Все произошло так быстро, что Хакур принял явление за сбой в зрительной системе или последствия стресса и усталости.

Сержант все еще обдумывал непонятное явление, когда первое существо появилось из дымного воздуха и убило стоящего к нему спиной Гвардейца Смерти. У Хакура создалось впечатление, что он видел вращающийся диск, широкое пурпурное лезвие с тонкими жалами по краям, а в следующее мгновение тело космодесантника оказалось рассеченным —

из раны хлынула кровь, показались внутренности. Хакур, мгновенно поняв, что боевому брату уже ничем нельзя помочь, открыл огонь и послал в призрачную тень три болта. Существо пронзительно вскрикнуло и погибло, но его вопль послужил призывом остальным, и внезапно из стен и пола стали появляться новые, самые разнообразные существа. Вместе с ними появилось ужасное зловоние, от которого Хакура замутило и во рту появился резкий привкус желчи. Помощница Севернайи уже поднялась на колени и извергала на пол содержимое желудка.

— Кровавая клятва! — воскликнул один из людей Хакура. — Гниющие мертвецы!

И он оказался тысячу раз прав. Следом за появляющимися существами тянулись насыщенные бактериями гниения зловонные струи, расползавшиеся по всему коридору. Где бы они ни коснулись поверхности, появлялись пятна плесени и ржавчины, но все это было лишь прелюдией появления все новых и новых кошмарных

захватчиков.

Они вызывали у Хакура такое сильное отвращение, что он немедленно бросился в атаку. Создания казались столь гнусными, что одна мысль об их дальнейшем существовании вызывала тошноту. Облик мерзких существ очертаниями отдаленно напоминал человеческую фигуру, но только намного крупнее. Угрожающие конечности тряслись, словно в параличе, и норовили зацепить черными, покрытыми гнилью когтями. Бесформенные ноздреватые копыта стучали по палубе и оставляли следы едкой слизи и экскрементов. Все они появлялись нагими, торсы и животы пучились раздутыми опухолями, а из разверстых ран вытекал густой гной. С оскаленных черепов свисали лохмотья сморщенной кожи. И за каждым тянулся жужжащий шлейф насекомых — бутылочно-зеленых мух, беспрепятственно влетавших в открытые раны налетчиков.

Болтерные снаряды, попадая в монстров, вырывали и разбрасывали окровавленные куски зловонной плоти. Но беспрестанно бормотавшие существа

легко скользили в воздухе и набросились на Гвардию Смерти несметной толпой, так что потери воинов все возрастали. Хакур видел, как упал второй боевой брат, потом еще двое, несмотря на то, что все они не переставали посылать во врагов снаряд за снарядом.

Но вот в противоположном конце коридора показался Гарро в сопровождении Децируса и еще нескольких космодесантников. Зажатые между двумя отрядами воинов, чудовища дрогнули, и боевой капитан немедленно бросился в самую гущу врагов. Его Вольнолюбец взлетал и падал, распространяя чистое сияние клинка. Децирус прихватил огнемет и поливал чудовищ струями пламени. Хакур, воспользовавшись замешательством противника, поднял помощницу навигатора и убрал ее с линии огня.

Женщина продолжала размахивать руками и стучать по его нагруднику. Теперь Хакур смог рассмотреть ее окровавленные руки и заметил, что женщина сама себя расцарапала.

— Глаза и кровь! — причитала она. — А внутри чума!

Гарро затоптал последнего врага и, морщась, сбил с подметок останки.

— Утихомирь ее! — крикнул он.

Децимус непроизвольно поднес руку к забралу:

— Великая Терра, как они смердят!

Хакур передал женщину одному из своих воинов и доложил боевому капитану обо всем, что произошло. Гарро внимательно выслушал.

— Есть сведения, что по всему кораблю творится то же самое: материализуются чудовища-мутанты и заражают гнилью все на своем пути.

— Это варп, — угрюмо произнес Децимус. — Все знают о хищниках, нападающих на слабые или отбившиеся корабли. — Он показал на стены. — Если поле Геллера не выдержит, эти твари нас одолеют.

— Я верю, что мастер Гарья и его экипаж не допустят этого, — ответил Гарро. — А мы тем временем будем уничтожать эту нечисть повсюду, где

только обнаружим.

— Нечисть, нечисть, — запричитала женщина, вырываясь из рук воина. — Я видела их! Этими глазами! — Быстрым движением она до крови разодрала себе лицо. — Вы тоже их видели!

Женщина с неимоверным проворством бросилась к Гарро, и не успел он ее задержать, как помощница наткнулась на шипящее острие энергетического меча.

Гарро отпрянул, но было поздно. Третья помощница из штата навигатора Севернайи наколола себя на меч и царапнула окровавленными ногтями по доспехам Гарро.

— Ты видел! — прошипела она.— Скоро придет конец! Все пропадет!

Придет конец. Опять. Опять эти слова йоргалльского младенца пронеслись у него в голове предсмертным криком умирающего зверя. Кожа Гарро вспыхнула жаром от резкого притока крови, горло сжало, как после отравленного зелья, выпитого из чаши Мортариона. Он внезапно вздрогнул и лишился дара речи.

Лицо женщины, побелевшее как бумага, старое и сморщенное, повернулось в его сторону. Тело соскользнуло с клинка Вольнолюбца, превратилось в груду плоти и тряпок, потом в пепел, потом в ничто.

— Господин?

Голос Хакура звучал глухо, словно пробивался через жидкость. Гарро повернулся к своему доверенному сержанту и содрогнулся. Ползучая гниль охватила Хакура и всех остальных тоже, но никто из них этого не замечал. Блеск мраморно-белых доспехов потерк и сменился тусклым зеленоватым налетом смерти. Керамит покорежился, покрылся трещинами, слился с плотью людей, местами порвался, местами стал пульсировать. Изнутри показались гнезда паразитов и внутренние органы, кое-где красными ртами открылись раны, из которых высунулись языки кишок и сосудов.

Вязкий густой гной вперемешку с потеками ржавчины и струйками черной крови потек из каждого сустава и каждого отверстия. Над головами обезображенных заразой космодесантников взвились рои

тух. При виде столь отвратительного зрелища Гарро словно врос в пол. Неузнаваемые фигуры сгрудились вокруг него, роняя непонятные слова с потрескавшихся губ. Гарро увидел, что черепа и звезды Гвардии Смерти исчезли с их доспехов, а вместо них появились темные тройные диски. За спинами космодесантников появилась призрачная фигура, слишком высокая, чтобы поместиться в коридоре, но все же она стояла перед ним и манила костлявыми пальцами.

— Мортарион? — спросил он.

Искаженный образ его примарха кивнул, его черный капюшон качнулся в медлительном приветствии. Насколько мог видеть Гарро, доспехи примарха больше не сверкали бронзой и сталью, а покрылись блеклым налетом, как старая медь, отдельные части были связаны грязными лентами и покрыты ржавчиной. Это существо больше не было Повелителем Смерти, оно стало воплощением полного разложения.

— Иди, Натаниэль. — Голос

напоминал ветер в умерших деревьях, звучал могильным вздохом. — Скоро все мы познаем объятия Повелителя Распада.

Придет конец. Эти слова колоколом звенели в голове, и Гарро перевел взгляд на свои руки. Латные перчатки обратились в прах, плоть стекала с пальцев, обнажая кости, черневшие на глазах.

— Нет! — с трудом выдавил из себя боевой капитан. — Не бывать этому!

— Господин? — Хакур, всем своим видом выражая беспокойство, похлопал его по плечу.

Гарро моргнул и увидел, что тело женщины, ничуть не изменившееся, все еще лежит у его ног. Он огляделся. Ужасное видение пропало, лопнуло, словно мыльный пузырь. Децимус и остальные воины смотрели на него с тревогой.

— Ты... как будто ненадолго ушел от нас, капитан, — сказал Хакур.

Гарро попытался унять сумятицу мыслей.

— Это еще не конец, — ответил он. — Худшее впереди.

Децимус постучал пальцем по своему

шлему.

— Сэр, я получил сообщение от Войена. Что-то происходит на оружейных палубах.

Говорили, что в варпе находят отклик все, что существует в материальном мире: чувства людей, их желания и стремления, жажда перемен и циклы жизни и смерти. Логисты и мыслители всего Империума ломали головы над неустойчивой и непостижимой природой Имматериума, отчаянно стараясь загнать его в клетки слов, превратить в нечто, что можно было бы если не понять, то хотя бы исследовать. Кое-кто осмеливался предполагать, что в варпе есть что-то вроде жизни, даже своего рода разум. Находились даже такие, кто собирался в потаенных местах и разговаривал приглушенным шепотом, они имели смелость высказывать идеи, что эти темные силы, возможно, превосходят человечество.

Если бы эти люди могли узнать правду, они бы сломались. В облаке

призрачного света, поглотившем крошечную серебристую черточку, бывшую «Эйзенштейном», обширный и полный ненависти интеллект обратил на корабль ничтожную часть своего внимания. Неуловимое прикосновение — вот все, что было нужно, но оно занесло сквозь защитную сферу фрегата неудержимую силу распада. Она сквозь щели условности проникла внутрь, обнаружила покинутые мертвые тела и возрадовалась начавшемуся разложению отравленных и убитых людей. Таким образом, здесь создались условия для развлечения, возможность немного позабавиться и поэкспериментировать, чтобы потом, позже, повторить маневр в большем масштабе. Осторожно, не отвлекаясь на другие вещества, сила распада проникла в свои находки и установила между ними тонкую связь.

Герметичные двери, закрывшие отравленный отсек оружейной палубы, так и оставались закрытыми. Экипаж фрегата с момента бегства от Истваана

был занят более важными делами, и очищение мертвых тел было отложено.

Вирус «Истребителя жизни» давно исчез. При всей своей опасности, смертоносные микробы были очень недолговечны. Действия капитана Гарро, приказавшего выпустить атмосферу отсека в открытый космос, предотвратили распространение заразы по кораблю. Вирус не мог существовать и размножаться без воздуха, и бактерии погибли, но последствия причиненных ими разрушений остались. По всему помещению тела космодесантников и рабочих лежали там, где микробы прорвались сквозь защиту их организмов, и все они находились в той или иной стадии разложения. Космический холод законсервировал останки вскоре после смерти, и некоторые тела еще разевали рты в бесконечном крике, а иные уже успели превратиться в слизистую массу из размягченных костей и жидкостей человеческого организма.

В таком состоянии и обнаружило их прикосновение варпа. Гниение, вызванное

вирусами, прервало в них жизнь, но тому, кто был рожден в вечно меняющемся варпе, было нетрудно исказить и переделать реальность. Достаточно было поставить несколько меток и впрыснуть колонии вирусов, более опасных, чем творение человеческих рук. Смерть превратилась в новую форму жизни, хотя и очень неприглядную с точки зрения людей.

И вот в космической безвоздушной тишине согнулись и зашевелились придавленные к полу пальцы, тела стряхнули оцепенение холода. Поток разложения налетом ржавчины коснулся механизма запоров герметичных заслонок и сделал его хрупким. Те, кому довелось снова встать на ноги, избежали смерти ради искаженного существования.

По всей длине «Эйзенштейна», по левому и правому бортам проходили длинные прогулочные коридоры, через каждые несколько метров прорезанные узкими смотровыми щелями, через которые на блестящую сталь пола падали полоски света. Именно здесь, в коридоре

левого борта, примерно в десяти шагах от девяносто седьмой переборки, Гвардия Смерти сошлась в открытом бою с Гвардией Смерти.

Гарро издали увидел уродливые силуэты и решил, что перед ними снова возникли те же сеющие распад существа, с которыми они столкнулись у дверей святилища навигаторов. Но капитан быстро понял, что ошибся, поскольку эти пораженные болезнью фигуры своими размерами напоминали космодесантников. Едва они вошли в полосу света, Гарро в шоке остановился и непроизвольно поднес свободную руку ко рту.

— Во имя Императора, — сдавленным шепотом прохрипел Хакур. — Что это за ужас?

У Гарро кровь застыла в венах. Внезапно ожило кошмарное видение, посетившее его в момент смерти адъютанта навигатора. Перед ним возникли те же мутанты, когда-то бывшие Гвардейцами Смерти, — такие же поблекшие, тронутые зеленой плесенью доспехи, те же дряблые лица, из которых

торчат сломанные зубы и кости, и плоть так же выпирает из лат и кишит паразитами. Из конца коридора к Гарро подошел Войен, и даже апотекария, привыкшего к самым разным проявлениям болезней и ран, едва не стошнило при виде извращенных людских образов.

Гарро понял, что видение было послано ему в качестве предупреждения, чтобы показать, кого ему предстоит встретить, и, возможно, предотвратить грозящую неудачу.

У ног аномальных космодесантников ползли существа, когда-то бывшие командой «Эйзенштейна», не до конца разрушенные отравой «Истребителя жизни» и теперь превратившиеся в лохмотья плоти и одежды, из которых свисали вываливающиеся внутренности. Эти несчастные с гроткими криками бросились в атаку на Гарро и его воинов. Децимус первым открыл огонь, и остальные поддержали его огнеметами и болтерами.

Оборванное чучело с изъеденным проказой лицом и торчащими из-под кожи костями с тоскливым воем метнулось

вперед. Зловонное дыхание окатило воинов удушливой волной, когда оно попыталось заговорить:

— Господин...

Гарро узнал одежду и металлический обруч на шее.

— Калеб?

Он содрогнулся, узнав слугу и представив, насколько могущественными были силы, превратившие его денщика в жалкое подобие человека. Капитан без всяких колебаний взмахнул Вольнолюбием и обезглавил отталкивающее существо. Гарро очень надеялся, что второй смерти будет достаточно. И еще он надеялся, что друг сможет его простить.

— Будьте начеку, — предупредил капитан своих воинов. — Это отвлекающий маневр!

Потрепанные останки корабельных работников должны были отвлечь внимание от стоявших позади космодесантников-мутантов. Чудовища бросились вперед по прогулочной палубе, выплевывая залпы разъедающих газов и стреляя из заряженных слизью ружей.

Среди неумерших братьев появилась фигура, ковыляющая на металлических копытах. Этот монстр был высок, как космодесантник в терминаторских доспехах, и, казалось, с каждой секундой становился все больше.

Неестественно выпирающие кости, обесцвеченные гниением, выгибали и ломали металл. Выдающийся вперед комок разрыхленной, покрытой шрамами плоти казался чудовищной пародией на беременность, на животе громоздились наросты кладок насекомых, надо всем этим из остатков керамита, еще напоминавшего доспехи космодесантника, торчала морщинистая шея с луковицеобразным черепом. Налитые кровью, слезящиеся глаза, повернувшись, отыскали Гарро и моргнули.

— Натаниэль, тебе не по нраву мой новый облик? — пробулькал омерзительный голос. — Или я оскорбляю твои утонченные чувства?

— Грульгор! — Имя, словно проклятие, сорвалось с губ Гарро. — Во что ты превратился?

Грульгор-оборотень выгнул шею, помотал головой, и над его бровями высунулся мокрый и скользкий рог, точно такой же, как на шлеме бывшего командора.

— Лучше, недалекий глупец! Я стал намного лучше! Первый капитан был прав. Скоро развернутся невиданные силы.

Он снова покачнулся, плоть на спине раздалась, высвободив почерневшие кости.

Гарро сплюнул на палубу, чтобы избавиться от осевшего в горле смрада. Воздух вокруг Грульгора и его гниющей орды загустел от микробов, стал намного хуже, чем едкая атмосфера мира-бутылки ксеносов, хуже, чем отравленные пары сотен мертвых миров.

— Какие бы силы ни сочли нужным тебя оживить, они просчитались! Я буду убивать тебя столько раз, сколько потребуется!

Раздувшийся монстр поманил его искривленной рукой:

— Давай, попробуй, терранец!

Боевой капитан ринулся вперед, одновременно действуя и болтером, и

мечом, описывая угрожающие дуги, распарывая зараженную распадом и паразитами плоть, прорываясь к сердцу чудовища. В ходе сражения мысли Гарро вернулись в привычное русло боевых навыков, внедренных в мышцы и сухожилия за тысячи часов тренировок. В таком состоянии ему было легче стряхнуть оцепенение леденящего ужаса, порожденного созданиями варпа. Он мог сосредоточиться на одной только битве. Однако грозная реальность не отступала.

Гарро сам видел, как вирус поразил этих людей. Всего несколько часов назад он слышал их предсмертные крики из-за герметичной переборки, и вот они снова стоят перед ним, превращенные в живое олицетворение заразы, и невозможно представить, что поддерживает подобие жизни в этих ходячих мертвецах. Может, это колдовство? Неужели такое возможно в подвластном Императору космосе? Тщательно сооруженный мир, основанный на непреложных истинах и четких гранях реальности, с каждым часом давал все больше трещин, словно Вселенная

подвергала сомнениям все, во что верил Гарро, и показывала лживость его недавних убеждений. Гвардеец Смерти почти физическим усилием заставил замолчать встревоженные мысли и снова сосредоточился на схватке.

Рядом с ним в наплечник доспехов Войена угодил болтерный снаряд и забрызгал густой жижей блестящий керамит. Апотекария развернуло, и ему удалось избежать удара необычного звездчатого кинжала из окаменевшей кости. Оружие пронеслось мимо и угодило в горло стоящего позади молодого воина, тот рухнул, едва успев поднести руку к образовавшейся злокачественной ране. Гарро зарычал от ярости, и болтер вторил его гневным крикам, посылая в убийцу разрывные снаряды. Но, увидев, что враг вздрогнул, а потом двинулся дальше, разбрызгивая по полу кровь и внутренности, выругался с досады — болтерный снаряд должен был сразить его наповал. Капитан кинулся вперед и снес голову монстра, завершая уничтожение.

И все же ковыляющие, покрытые грязью чудовища продвигались, разделяя напором своих тел шеренги воинов Гарро и стараясь окружить их по отдельности, а Грульгор метался взад и вперед, избегая ближнего боя. Вряд ли нужно было удивляться тому, что уничтожить мутантов оказалось нелегко. Их движения в точности копировали общую доктрину боя, принятую в XIV Легионе. Неустанное и упорное движение вперед являлось основой основ для пехоты Гвардии Смерти. Несомненно, им оказывалось сильное сопротивление, но воины Гарро были всего лишь космодесантниками, а капитан мог поклясться самим Императором, что не понимает природы своих врагов. Он твердо знал только то, что ими овладела отвратительная ненависть и что мерзкие подобия его собратьев должны быть уничтожены.

В ходе битвы Децимус остался один на один с бандой погибших рабочих из корабельной команды, и эти ходячие трупы набросились на него с дубинками,

сделанными из бедренных костей и черепов. Заряд огнемета уже был исчерпан, и теперь молодой космодесантник сражался громко жужжащим цепным мечом, помогая мощными разрядами силового кулака.

Бронированная перчатка Децируса обрушилась на головы сразу двух сошедшихся матросов и превратила их в жидкое месиво расползшегося мяса и обломков костей, а торсы он, развернувшись, рассек мечом. Движущиеся керамитовые зубья цепного меча оставили в телах мутантов черную расщелину, и из зловонной раны на сапоги Децируса хлынул поток извивающихся червей. Он снова повернулся и с громким треском разрубил чью-то шею.

Кишащий червями монстр не упал; он всего лишь пошатнулся, а потом, на глазах у пораженного космодесантника, свел вместе разошедшиеся края бескровной раны. Мухи и блестящие, похожие на скарабеев насекомые облепили разрез, и в лучах неприятного и неровного света варпа из оконных проемов стало видно, что

они сцепили плоть живыми стежками.

«Что за силы покровительствуют этим чудовищам?» — удивился Децимус. Ему ни разу не приходилось слышать о возможности реанимировать мертвые тела, и вот он воочию видит свидетельства загадочного оживления, и они шипят и машут на него своими когтями. Казалось, что раненный им матрос греется в лучах Имматериума, проникающих сквозь бронированные стекла иллюминаторов прогулочной палубы. Переменчивое сияние придавало раздутой зараженной плоти самые причудливые формы. Где-то в самой глубине души Децимус восхищался способностью к восстановлению и ужасающей мощи этих кишащих паразитами и наполовину сгнивших мертвецов. Они несли в себе сонмища смертельных болезней и служили пристанищем для самого примитивного и вместе с тем наиболее опасного оружия.

За несколько мгновений рассеянности Децимус поплатился взрывом боли в силовом кулаке, охватившем всю кисть. Он слишком поздно заметил грозящий удар

и не успел увернуться. Громоздкая фигура Грульгора двигалась быстро, даже слишком быстро для такого тучного и пораженного разложением тела. Причудливый боевой нож бывшего командора описал в воздухе тусклую дугу. Как и его хозяин, совсем недавно бывший отличным космодесантником, кинжал сохранил отдаленное сходство с прежним своим обликом, но обоюдоострое лезвие из блестящей лунной стали превратилось в тронутую ржавчиной затупленную полоску металла.

Бросок был нацелен в плечо Децируса, кинжал должен был проникнуть сквозь доспехи и рассечь надвое основное сердце, но космодесантник повернулся и сумел уклониться от смертельного броска, однако его ловкости не хватило, и оружие пробило брешь в керамитовой перчатке. От сильнейшего толчка Децирус упал на пол и закричал. Боль пронзила каждый нерв в теле, а силовой кулак после касания ножа уже не действовал.

Широко раскрыв глаза, молодой космодесантник увидел, что ржавчина и

гниль распространяются по треснувшему металлу, словно при замедленной съемке, ощутил мучительную боль в венах и спинном мозге, все тело покрылось испариной, поскольку имплантированные органы заработали на предельной мощности, чтобы остановить распространение инфекции.

Распад! Он уже видел, как кожа вокруг нанесенной зараженным ножом раны вздувается гнойными пузырями. Едва представив, что невидимые вредители, попавшие в кровь с кинжала Грульгора, размножаются в его теле, Децимус почувствовал тошноту. Но вдруг над ним нависла уродливая фигура бывшего командора Гвардии Смерти, и он проглотил желчь.

— Ни один человек не может пережить вмешательство! — крикнул Грульгор. — Метка Великого Разрушителя остается навеки!

У Децимуса вспухли и зажглись болезненным огнем все суставы. Неимоверным усилием он сжал рукоять цепного меча и поднял оружие. Громадный

мутант отступил на шаг, ожидая последнего броска молодого космодесантника, но вместо нападения Децимус резко опустил клинок на свою руку чуть пониже локтевого сгиба. С яростным криком он отсек собственную кисть, отбросив прочь зараженную плоть и уже разъеденный коррозией металл перчатки.

Организм молодого космодесантника и так работал на пределе, стараясь справиться с раной и заражением, и теперь его зрение затуманилось и сознание отключилось. Веки дрогнули и опустились, и обмякшее тело повалилось на палубу.

Грульгор злобно фыркнул и сплюнул сгусток едкой слюны, а потом нагнулся, чтобы подобрать отравленный нож, лежавший рядом с неподвижным телом Децимуса. В этот момент тяжелые болтерные снаряды ударили в его спину и вырвали клочья мертвой плоти. Потеряв на мгновение равновесие, Грульгор так и не успел нанести решающий удар.

Прицел Гарро был точен, и выстрел

заставил Грульгора покачнуться и отбросил его назад к стене, подальше от тела Децуса, Натаниэль хотел бы взглянуть на парня и убедиться, что тот еще жив, но его старинный соперник был только ранен, а капитан уже убедился, что оживленные воины излечиваются почти с такой же скоростью, с какой он стреляет. Все вокруг — Войен, Хакур и остальные космодесантники — были заняты своими схватками. Гарро постарался выбросить из головы все «почему?» и сосредоточился только на одном вопросе — «как его убить?».

Грульгор, повернувшись, разбрызгал дугу темной с прозеленью крови и испустил громогласный рев. Бывший соперник бросился в атаку с отравленным ножом и зараженными когтями, но промахнулся. Гарро снова нажал на курок, однако звонкий щелчок возвестил об опустевшей обойме. Не медля ни мгновения, он обеими руками схватил рукоять Вольнолюбца.

— Я знал, что этот момент когда-нибудь настанет, — пробулькал мутант. —

И я его дождался. Моя ненависть сильнее смерти!

Гарро поморщился:

— Ты всегда был недалеким хвастуном, Игнатий. На полях сражений ты служил общей цели, а теперь стал просто отвратителен! В тебе воплотилось все, против чего выступают космодесантники. Ты — полная противоположность Гвардейцу Смерти.

Грульгор снова сплюнул и провел неуклюжий, но яростный выпад, который Гарро парировал быстрыми движениями меча.

— Натаниэль, как ты слеп! Ты — жалкий неудачник, а я — предвестник будущего! — Он приложил к заржавленному нагруднику скрюченную ладонь. — Прикосновение варпа — это возможность шагнуть вперед. Если бы ты не был так ограничен и сентиментален, ты бы и сам это понял. Силы, существующие в варпе, далеко превосходят могущество твоего Императора! — Грульгор указал лезвием ножа на пульсирующий красноватый свет за иллюминаторами корабля. — Мы

станем бессмертными и будем властвовать вечно!

— Нет, — отрезал Гарро и выбросил вперед меч.

Вольнолюбец описал невысокую дугу, ударил в огромный, белесый, как у рыбы, живот Грульгора и погрузился в изъеденную заразой плоть. Но затем Натаниэль с тревогой осознал, что клинок замер.

Вместо того чтобы рассечь рыхлую массу, меч застрял в ней и погружался все глубже, словно в зыбучий песок. Поток энергии, искрящийся на лезвии, уменьшился, а потом совсем иссяк. Грульгор удовлетворенно заворчал и выпятил бочкообразную грудь, еще больше втягивая оружие.

— Тебе не добиться здесь победы,— прошипел он.— Ты тоже заразишься и будешь мучиться в агонии. Я превращу этот корабль в жертвенник с кричащей плотью...

— Хватит!

Гарро не мог вытащить свой меч. И тогда он решил продолжить удар. Боевой

капитан изо всех сил нажал на рукоять, включил режим полного разряда в кристаллической решетке стали и рассек живот мутанта. Он даже зарычал от гнева, вспарывая неохватную тушу, но Вольнолюбец снова оказался на свободе.

Из раны показались и начали вываливаться на палубу мокрые, покрытые жиром кольца кишок. Бывший космодесантник взвыл и попытался поймать их руками, чтобы запихнуть обратно в недра необъятного живота. Гарро отпрянул; гнилостный запах из вздувшегося чрева оказался таким сильным, что у него перехватило дыхание и стали слезиться глаза.

Палуба «Эйзенштейна» под их ногами вздрогнула, и внимание капитана на мгновение привлекли цепочки разрядов, протянувшиеся по борту фрегата. Затем раздался крик Хакура:

— Поле Геллера! Оно исчезает!

Гарро не стал обращать внимания на торжествующий хохот Грульгора. Он увидел, как в сгустившемся воздухе над их головами начали образовываться

терцающие облачка светящихся точек, и подумал о несущих смертельные болезни гомункулах и разящих летающих дисках, с которыми столкнулся у дверей святилища навигаторов. Если все это придет на помощь Грульгору и его изменившимся бойцам, перевес будет не на стороне людей. Гарро ощутил, как исход сражения склоняется в пользу врага. Точное пророчество результата боя отчетливо проявилось в его мозгу, как это было в йоргалльском мире, как было и много раз в сотнях других ситуаций. До окончательного поражения оставалось лишь несколько мгновений.

Грульгор увидел выражение его лица и снова рассмеялся. Космодесантник-мутант протянул руки к бурлящему вихрю дьявольского света за иллюминатором и с видимым наслаждением окунулся в поток чужеродной энергии. Мембрана искусственного поля, отделявшая фрегат от безумия варпа, заметно истончилась. Она уже была ослаблена вторжением плетворного прикосновения, давшего новую

жизнь Грульгору и его воинам, и атаками порождений варпа, а теперь поле Геллера под воздействием жестокой радиации разворачивалось слои за слоем, словно слезающая с костей плоть.

В голове Гарро созрело отчаянное решение, и он закричал в вокс:

— Круз! Слушай меня! Выводи корабль из варпа, прерывай перемещение, и скорее!

Сквозь шум помех и грохот сражения он услышал возбужденные голоса экипажа, повергнутого в шок его необычным приказом. Лунный Волк тоже забеспокоился:

— Гарро, повтори, что ты сказал!

— Выходите из Имматериума! Варп каким-то образом поддерживает этих захватчиков! Если мы останемся здесь, они овладеют всем кораблем!

— Мы не можем прервать перемещение! — Это послышался голос Воут, звенящий нотками паники.— Мы не имеем представления, где окажемся, можем выпрыгнуть в центре какой-нибудь звезды...

— Выполняйте приказ! — во весь голос

закричал Гарро.

— Есть, капитан! — Круз больше не колебался.— Держитесь!

— Нет, нет, нет! — Грульгор с поднятым ножом бросился к Гарро через коридор.— Ты не можешь лишить меня удовольствия! Я должен увидеть тебя мертвым, Гарро! Я тебя переживу!

Боевой капитан взмахнул мечом и заставил Грульгора отступить:

— Пошел прочь, смердящий мерзавец! Убирайся назад в свою бездну и сдохни там!

Возникшие за бронированными стеклами яркие бело-голубые вспышки энергетических разрядов свидетельствовали о создании врат варпа, и в следующее мгновение фрегат пронесся через ревущую пасть и снова оказался в реальном мире. Грульгор и его отвратительные сородичи испустили общий отчаянный крик, а потом исчезли.

Гарро видел все это собственными глазами, но не мог объяснить. Он видел, как ревущий мерцающий фантом оторвался от плотной туши и унесся прочь, словно гонимый ураганом листок.

На долю секунды Натаниэль увидел сразу и мутанта, и тело человека, бывшего Игнатием Грульгором, а потом визжащая тень пропала. Призрак исчез с корабля вместе с десятками других оживленных энергией варпа Гвардейцев Смерти. Души. Разум Гарро не мог отыскать ничего, кроме этого, самого мистического и нереального объяснения. Их души были захвачены варпом.

Объятый языками пламени, оставляя после себя тучи обломков, расходящиеся волны радиации и клочья поля Геллера, окончательно рассеявшегося в результате насильственного прерывания перемещения, крошечный фрегат вернулся к обычному состоянию в темном и почти необитаемом квадранте космоса. Вокруг не было видно ни звезд, ни миров, только пыль и безвоздушное пространство.

«Эйзенштейн» лег в дрейф.

БЕЗДНА
ЦЕРКОВЬ ЛЮДЕЙ
ПОТЕРЯННЫЕ

— Запах больных и раненых, — с трачной отрешенностью произнес Войен. — Ит пропитался весь корабль.

Гарро, остатривая внутреннее устройство изолятора «Эйзенштейна», не ответил ему даже взглядом. Лечебница фрегата была заполнена до отказа, и, во избежание перекрестного заражения, при помощи металлических листов в длинном узком зале были устроены временные отдельные палаты. В дальнем конце, за толстыми матовыми стеклами и стальными дверями располагался изолятор. Гарро сразу направился туда, пробираясь мимо сервиторов-медиков и практикантов. Апотекарий от него не отставал.

— Останки были пропитаны жидким прометием и горели большую часть дня, —

продолжал Войен. — Потом при помощи сервиторов все выбросили в открытый космос. Хакур для пущей уверенности демонтировал задействованные механизмы.

Останки. Именно этим словом они предпочитали обозначать зараженные тела, оставшиеся от Грульгора и его людей. Безличный термин позволял думать о них как о лужицах сгнившей плоти и обломках костей, от которых надо было избавиться.

Ни Гарро, ни кто-либо из его людей были не в силах вспоминать о том, кем были они при жизни и во что превратились после смерти.

Войен переживал особенно тяжело. Кроме того, что, как и Гарро, он был воином, он еще принимал присягу в качестве лекаря, и вид поднявшихся мертвецов, да еще представляющих собой реальную угрозу, угнетал космодесантника больше, чем он мог бы признаться. Гарро видел тревогу в его глазах и читал в них отражение своих собственных мыслей.

Сейчас корабль дрейфовал, поскольку

после смерти навигатора полет был прерван, и адреналин, вызванный болью и преследованием, рассеялся. Возбуждение сменилось воспоминаниями о том, что произошло, и осознанием мрачного смысла событий. Если смерть не означала конец всему, если случившееся с Грульгором происходило на самом деле, а не было наведенными варпом галлюцинациями... Тогда, возможно, подобная судьба ожидает каждого из них? При мысли о возможной цели Хоруса и его сговоре с темными силами у Гарро все внутри холодело.

Войен заговорил снова:

— Сендек добился какого-нибудь прогресса со звездными картами?

Гарро покачал головой, не видя причин скрывать от него правду:

— Эта женщина, Воут, тоже работает вместе с ним, но результаты не обнадеживают. По самым приблизительным расчетам, корабль вернулся в реальное пространство где-то за пределами Провала Персея, но даже это — всего лишь научная догадка. В этой зоне никогда не появляются ни купцы, ни

исследователи.

Гарро тяжело вздохнул. Как долго они тут болтаются? Несколько дней или недель? На корабле всегда царит ровный сумрачный свет, и от этого трудно уследить за временем.

Войен нерешительно замялся, проходя мимо морозильных камер, во множестве висевших на массивных стальных опорах.

— Вскрытие навигатора Севернайи проведено, и я сам за ним наблюдал. — Он показал на одну из заиндевевших камер. Внутри капсулы Гарро смог рассмотреть изможденное посеревшее лицо. — Как и подозревал мастер Гарья, навигатор был ранен во время сражения, но умер от психологического шока при внезапном прерывании перемещения. Подобный удар унес жизни его адъютантов и слуг. В его ослабленном состоянии это было неизбежно.

— С таким же успехом я мог бы приставить к его голове болтер и спустить курок. — Гарро нахмурился. — Я должен был это предвидеть. При такой волне безумия, прокатившейся по кораблю,

я должен был сообразить, что он не перенесет внезапного прыжка. — Войен ничего не ответил и отвел взгляд. — А какой у меня был выбор? — спокойно спросил Натаниэль. — Поле Геллера свернулось бы через несколько секунд, и нас разорвали бы силы варпа или уничтожил взрыв двигателей.

— Ты сделал то, что считал нужным, — ответил Войен, не в силах скрыть оттенок упрека.

— Сначала меня мучил своими сомнениями Дециус, теперь ты? Ты мог бы предложить что-то другое?

— Я не боевой капитан, — сказал апотекарий. — Я могу только наблюдать последствия выбора моего командира. Наш корабль беспомощно дрейфует в неизведанном пространстве без всяких средств спасения. Астропаты и навигатор мертвы, так что мы даже не в состоянии позвать на помощь или снова попытать удачи в варпе. — Глаза Войена вспыхнули едва сдерживаемым гневом. — Мы избежали уничтожения на Исстваане только ради того, чтобы погибнуть здесь,

нашего предупреждения никто не услышит, и Воитель сможет добраться до Терры раньше, чем туда придут вести о его предательстве. Отчаяние крадется по коридорам этого корабля, а оно опаснее любых мутантов!

— Мерик, как и всегда, я благодарен тебе за откровенность, — сказал Гарро, поборов искушение сделать апотекарию выговор за высказывания, граничащие с неповиновением. Они двинулись дальше. — Расскажи мне об остальных убитых.

— Многие офицеры и простые члены экипажа получили ранения, и среди них было несколько смертей от... вторжения.

— А наши боевые братья?

Войен вздохнул:

— Все, кто пострадал во время битвы с теми существами, мертвы, господин. Все, кроме Децируса, но и он с трудом цепляется за жизнь. — Апотекарий кивком указал на изолятор. — Инфекция в его теле стремится одержать верх над организмом, и я сделал все, что в моих силах при имеющемся оборудовании и лекарствах. Должен признать, моих

знаний недостаточно против такой болезни.

— Какие у него шансы выжить? Не надо ни темнить, ни осторожничать. Скажи, он будет жить?

— Я не могу ответить на этот вопрос, господин. Он борется изо всех сил, но его организм постепенно будет слабеть, а о болезни, поселившейся в его теле, я даже не слышал. Она постоянно принимает разные формы и понемногу изматывает его сопротивляемость. — Войен мрачно посмотрел на Гарро. — Ты должен подумать о том, чтобы даровать ему освобождение.

Глаза Гарро потемнели:

— Так сложилось, что я уже отнял жизнь у многих своих братьев, а теперь ты предлагаешь перерезать горло тому, кто лежит больной и не может себя защитить?

— Это было бы актом милосердия.

— Для кого?! — воскликнул Гарро. — Для Децуса или для тебя?! Я вижу твое тщательно скрываемое раздражение, Войен. Ты бы с радостью избавился от всех

свидетельств тех кошмаров, которые на нас обрушились, не так ли? Тебе легче было бы игнорировать их последствия и возможные связи с деятельностью проклятых лож!

Апотекарий, шокированный взрывом эмоций командира, пораженно молчал.

Гарро увидел его реакцию и тотчас пожалел о своих словах.

— Прости, Мерик, я сказал не подумав. Огорчение возобладало над разумом...

Войен постарался скрыть обиду.

— Господин, я должен сделать кое-какие дела. Увидимся позже.

Апотекарий ушел, а вместо него приблизился Круз. Пожилой космодесантник внимательно посмотрел на Гарро:

— Нам кажется, что мы все уже повидали, и всегда приходит день, когда Вселенная наказывает нас за высокомерие.

— Да, — протянул Гарро.

Круз задумчиво кивнул:

— Капитан, я взял на себя смелость составить для тебя сводку сражений,

прошедших после бегства из системы Истваана. — Он протянул электронный планшет, и Гарро просмотрел списки имен. — Более сорока рядовых космодесантников и вполовину меньше тех, кто имеет звание не ниже ветерана, включая и меня самого. Пятеро воинов получили жестокие ранения, но при необходимости в состоянии принять участие в битве. В расчете не учтены ты и апотекарий.

— Я не вижу здесь имени Децируса.

— Он все еще в коме, разве нет? Он лежит без сознания и не может сражаться.

Капитан сердито стукнул кулаком по бедру своей аугметической ноги.

— Кое-кто говорил то же самое и обо мне, но я доказал, что они ошибались! Пока Децирус жив, он остается одним из моих воинов. Допиши его имя в список, а если что-то изменится, я тебе сообщу.

— Как пожелаешь, — согласился Круз.

Гарро взвесил планшет на руке.

— Семьдесят человек, Йактон. Из тысяч космодесантников, бывших в районе

Исгваана, только мы еще живы и вне досягаемости изменника Воителя.

Ему все еще трудно было произносить эти слова вслух, и Гарро заметил, что Кругу так же трудно их слышать.

— Должны быть еще, — настаивал Лунный Волк. — Тарвиц, Локен, Варрен... Все это отличные люди, прекрасные воины, которые не будут равнодушно наблюдать за мятежом.

— В этом я не сомневаюсь,— ответил Гвардеец Смерти.— Но стоит мне подумать, что они остались там, пока мы прятались в варпе... — Горло сдавило, и он умолк. Воспоминания о вирусной бомбардировке все еще причиняли слишком сильную боль. — Знать бы, сколько их осталось после этой чумы и огненного шторма. Если бы нам удалось спасти побольше наших собратьев...

Гарро подумал о Сауле Тарвице и Уллисе Темтере и понадеялся, что смерть его друзей была быстрой.

— Этому кораблю отведена роль посланника, а не спасателя. Кто знает, может, еще какие-нибудь корабли

ускользнули в космос или спустились на поверхность. Флотилия огромна, и Воитель не в состоянии иметь глаза повсюду.

— Возможно, — кивнул Гарро. — Но я не могу смотреть на своих людей и не видеть перед собой лица тех, кто остался противостоять Хорусу. — Капитан стоял, прижав к толстому стеклу изолятора латную перчатку и вглядываясь в бледное лицо Децируса, лежавшего в окружении вспомогательных медицинских приборов и устройств. — Я чувствую, что за несколько дней постарел на сотни лет, — признался он.

Круз сухо рассмеялся:

— И это все? Поживи с мое, и ты поймешь, что считать надо не прожитые года, а пройденные расстояния.

Гарро отвернулся от раненого товарища.

— Если так, то я еще старше.

— При всем уважении к боевому капитану, ты еще подросток, Гарро.

— Ты так думаешь, Лунный Волк? — усмехнулся тот. — Ты забываешь о природе

преодолеваемых нами пространств. Могу поспорить, что если сравнить наши даты рождения по Имперскому календарю, я окажусь таким же старым, как и ты, брат, а может, и еще старше.

— Это невозможно, — фыркнул Круз.

— Разве? Время на Терре и на Хтонии течет по-разному. В варпе оно становится растяжимым и непредсказуемым. Когда я думаю о годах, проведенных в странствиях через дьявольское пространство или в состоянии малой смерти во время путешествий с околосветовой скоростью... Я вряд ли могу поспорить с тобой в количестве прожитых дней, но в отношении хронологии — другое дело. — Он снова оглянулся на Деция. — Я смотрю на этого несчастного парня и думаю, сможет ли он прожить и увидеть столько, сколько и я. Сегодня я чувствую себя усталым, как никогда раньше. Прошедшие дни и недавние смерти давят на меня. Их тяжесть грозит меня раздавить.

Выражение беспредельного терпения, бывшее постоянной маской Круза, на

мгновение покинуло его лицо, и старый солдат положил руку на плечо Гарро:

— Брат, эту тяжесть мы должны нести всю свою жизнь, эту ношу возложил на нас Император. Мы должны нести на своих плечах будущее человечества и Империума, хранить его и держать на высоте. Сегодня ноша стала тяжелее, чем прежде, и мы видим, что нашлись такие, кто не хочет ее больше терпеть. Они предпочли... — Он сделал глубокий вдох. — Хорус предпочел сбросить ее и стал клятвопреступником, а потому мы должны его заменить. Ты должен выдержать, Натаниэль. Тревожная весть, которую мы несем, не может затихнуть в этой темноте. Ты должен сделать все, что необходимо, чтобы предупредить Терру. Все остальное — наши жизни и жизни наших братьев — перед этой миссией отступает на второй план.

— Да, — через некоторое время согласился Гарро. — Ты сказал вслух те слова, которые я таил в своей душе, но то, что их произнес кто-то еще, придает мне сил.

— Вполуха был, наконец услышан, не так ли? Жаль, что для этого пришлось пережить так много печальных событий.

— Я принимаю стоящую передо мной задачу, — заметил Гарро, прикасаясь к свитку с особым обетом, приколотым на его энергетических доспехах. — Но не совсем понимаю ее суть.

— А понимания и не требуется,— процитировал Круз старую аксиому.— Только повиновение.

— Не совсем так,— возразил Гарро.— Повиновение, слепое послушание привело бы нас в ряды последователей Хоруса, под его знамена против Императора. Йактон, но я бы хотел понять, почему? Почему он сделал это, почему пошел против своего отца, против людей?

— Этот вопрос встает снова и снова. — По лицу Лунного Волка пробежала тень. — Будь я проклят, Натаниэль. Будь я проклят, если не видел, что надвигается беда. Но был слишком горд, чтобы это признать.

— Ложи.

— И не только, — сказал Круз. — В

прошлом я стал свидетелем тривиальных событий, не имевших тогда никакого значения. Обороты речи, взгляды моих собратьев... Теперь, после всего, что произошло, они встают передо мной в совершенно другом свете. — Некоторое время он молчал, вспоминая прошлое. — Гибель Ксавье Джубала на Шестьдесят три — Девятнадцать, сожжение интерексов... Давин. Именно после Давина, когда трещина добежала до самого верха, все пришло в движение. Хорус пал, а потом восстал, исцеленный колдовством. Тогда я уже знал, хоть и не хотел признаваться даже самому себе. Они воспользовались добротой и открытостью нашего братства и стали медленно поворачивать его в своих целях. Сердца космодесантников, которых я знал, которые у меня на глазах вырастали из мальчиков в отличных воинов, преданных и верных, стала постепенно затягивать пелена тьмы. Когда я наконец заговорил об этом, они сочли меня старым глупцом, помешавшимся на рассказах о былых сражениях, и превратили в мишень для

насмешек.— Лунный Волк отвел взгляд. — Это моя вина, брат. Я виноват, что отступился от них. Я выбрал легкий путь.

Гарро тряхнул головой:

— Если бы это было так, тебя бы здесь не было. События последних дней меня кое-чему научили. И я понял, что для каждого рано или поздно наступает день испытания. — Едва он произнес эти слова, как в памяти всплыл облик Эуфратии Киилер. — То, что происходит в этот момент, и определяет, чего ты стоил, Круз. Ты не можешь сдаваться, старина. Если ты отступишь — будешь проклят.

Круз сдержанно улыбнулся:

— Как странно, что ты выбрал именно это слово. Термин относится скорее к религии и святому учению, чем к земным истинам, которым ты поклялись служить.

— Вера не всегда связана с религией, — возразил Гарро. — Она может относиться к людям не меньше, чем к богам.

— Ты так думаешь? Тогда, может, тебе надо было бы спуститься на нижние уровни и посетить пустое водохранилище

на сорок девятой палубе, чтобы поделиться своей точкой зрения с теми, кто там собирается?

Гарро нахмурил брови:

— Я тебя не совсем понимаю.

— Я узнал, что на борту твоего корабля есть церковь, капитан, — сказал Йактон. — И число ее прихожан с каждым днем увеличивается.

Мерсади коснулась его плеча, и Зиндерманн поднял голову. Отложив электроперо и блокнот, он увидел, что за ее спиной стоят двое мужчин — два молодых офицера в форме инженерного отделения.

Летописец нерешительно молчала, и тогда заговорил один из них:

— Мы пришли повидать святую.

Кирилл искоса бросил взгляд в дальний конец импровизированной часовни. Там он увидел Эуфратию, она разговаривала и улыбалась.

— Конечно, — ответил он. — Только вам придется немного подождать.

— Все в порядке, — кивнул второй. —

Мы не на дежурстве. Не могли... раньше посетить проповедь.

Итератор слегка улыбнулся:

— Вряд ли это можно так назвать. Просто разговаривали несколько единомышленников. — Он кивнул темнокожей женщине. — Мерсади, почему бы тебе не усадить этих молодых джентльменов? — Он похлопал себя по карманам.— Думаю, я мог бы найти им трактаты...

— У нас уже есть один, — сказал мужчина, заговоривший первым.

Он показал Зиндерманну потрепанную брошюру с грубым шрифтом, явно отпечатанную на старом заржавленном станке. Буклет был не похож на те, что Зиндерманн видел раньше на «Духе мщения», значит, Божественное Откровение уже распространилось на «Эйзенштейне» задолго до его появления на борту.

Олитон увела мужчин к скатьям, и Зиндерманн проводил ее взглядом. Как и все они, Мерсади лишь недавно стала понимать, что за путь ей предназначен.

Итератор понимал, что она хранит верность своему призванию документалиста, но в сведениях, хранящихся в ячейках памяти ее аугментированного черепа, не было больше легенд о Великом Крестовом Походе и подвигах Хоруса. Мерсади постепенно превращалась в летописца их зарождающегося учения. Теперь она писала преимущественно о новой вере, фиксировала все факты и сплетала их в единое целое. Кирилл опустил взгляд на блокнот, где он сам пытался привести в порядок собственные мысли и впечатления. Мог ли он ожидать, что когда-нибудь станет частью всего этого? Рядом с ним возникла новая церковь, она набирала мощь и привлекала все новых последователей — и все это на фоне восстания Хоруса. Как странно распорядилась судьба, что Кирилл Зиндерманн, главный итератор Имперских Истин, обрел совершенно новую роль. И, проповедуя слова Киилер, вливая их в уши людей, он нашел свое призвание. Рядом с ним всегда стояла Мерсади, движением глаз запечатлевая каждый шаг

Эуфратии.

Не в первый раз он вспоминал цепь событий, приведших его в новую веру, и каждый раз не мог не гадать, как все сложилось бы, если бы он думал и говорил иначе. Кирилл не сомневался, что был бы давно мертв, застрелен вместе с основной массой летописцев на борту корабля Хоруса. Только вмешательство друга Локена, Йактона Круза, помогло им сохранить жизнь. Отголоски ужаса от вирусной бомбардировки Истваана III снова и снова леденили кровь. Смерть была совсем рядом, но Эуфратия, казалось, не видела ее. Она знала, что выживет, и смогла направить их к фрегату, на котором они спаслись бегством. Когда-то Зиндерманн отвергал любые идеи о проявлениях божественности и существовании так называемых святых. Эуфратия Киилер своей спокойной убежденностью рассеяла его скептицизм и заставила сомневаться в чистоте непреложных истин, которым он служил всю свою жизнь.

Все они сильно изменились после

того дня на Шепчущих Вершинах, когда Джубал Ксавье превратился в нечто, не поддающееся мысленной классификации Зиндерманна. В демона? В конце концов, Кирилл не смог подобрать более подходящего определения. Свет логики померк для него, драгоценные Имперские Истины стали постепенно отдаляться. Потом снова нахлынул ужас, на этот раз грозящий уничтожением всем им.

Но они жили. Они остались в живых благодаря Эуфратии. Зиндерманн собственными глазами видел, как она отвела мощный удар посланного варпом чудовища, не имея ничего, кроме маленькой серебряной аквилы и своей веры в Императора Человечества. Его желание все отрицать в тот день испарилось вместе с ненавистным монстром, и литератор постиг истину, настоящую истину. Киилер была инструментом воли Императора. Другого объяснения не было. Император в своем величии — нет, в своей божественности — даровал летописцу малую толику своего могущества. Да, все они изменились, но больше всего —

Эуфратия Киилер.

Дерзкая и бесшабашная молодая женщина, чьи пикты запечатлевали творящуюся на их глазах историю, исчезла. Вместо нее появилось новое существо, женщина, отыскивающая и одновременно прокладывающая дорогу для всех них. Кирилл должен был бы ощутить страх. Он должен был ужаснуться грозящей отовсюду смерти во время бегства от Хоруса. Но страх отступал при одном только взгляде на Киилер. Он посмотрел, как Эуфратия разговаривает с двумя инженерами, как она кивает и улыбается, и в груди разлилась теплота. Вот что значит — вера, и насколько чудесно это ощущение! Неудивительно, что верующие всех миров, чувствующие то же самое, оказывали такое отчаянное сопротивление Великому Крестовому Походу.

И теперь в Божественном Откровении Кирилл Зиндерманн черпал новые силы. Его преданность и любовь к Империуму ничуть не уменьшились. Теперь, если это было возможно, он

ощущал еще большую преданность Повелителю Человечества, не только в сердце и мыслях, но всем своим телом и душой.

И он был не одинок. Культ Терры, как его иногда называли, разрастался и креп. Брошюра в руках инженера, легкость, с которой Эуфратии удалось отыскать неиспользуемый резервуар, — все это свидетельствовало о распространении Божественного Откровения на борту фрегата. А ведь это был небольшой, ничем не примечательный корабль, и, возможно, он тоже был не одинок в громадной флотилии Хоруса. А может быть, где-то далеко, в других мирах, есть еще такие же корабли, несущие в себе веру по всему Империуму. Вера уже почти окончательно оформилась стараниями самих людей, и все, что было еще необходимо, — это икона, которую бы несли впереди. Или живая святая.

Эуфратия сотворила знамение аквилы, и оба инженера ответили ей тем же. Растерянность и нервозность, еще совсем недавно заметное на их лицах,

исчезли, и они выходили из помещения уверенными шагами, обретя решимость.

— Император защитит, — произнес один из молодых инженеров, проходя мимо императора и кивая в знак благодарности.

Кирилл тоже кивнул ему вслед. Девочка укрепила их веру и успокоила страхи, как это было с десятками других людей. Ручеек мужчин и женщин, отыскавших дорогу к этой наскоро устроенной часовне, сначала был незначительным, но теперь приходило гораздо больше людей, желавших послушать или поговорить, а больше всего — просто побыть рядом с молодой женщиной. Зиндерманн не уставал изумляться тому, как быстро распространяются слухи о Киилер.

— Кирилл! — Он обернулся и увидел, что к нему спешит Мерсади и на ее прекрасном лице безошибочно читается страх. — Кто-то идет!

Нескрываемый ужас, прозвучавший в словах Олитон, напомнил ему о тайных собраниях на борту «Духа мщения» и о людях, что по приказу Вождя приходили

с болтерами и дубинками, чтобы их разогнать.

— Дозорный только что передал, что сюда идет один из них — один из космодесантников.

Зиндерманн поднялся. Он уже и сам услышал тяжелые шаги бронированных сапог, раздававшиеся из-за технологической задвижки резервуара. Грохот быстро приближался.

— Дозорный видел оружие? Космодесантник вооружен?

— А когда они ходили без оружия? — воскликнула Олитон. — Даже не будь у них мечей и ружей — разве нам с ними справиться?

Ответ Зиндерманна заглушил стук отодвигаемой задвижки, а гул корпуса от сильного удара вытеснил все остальные звуки. Высокая фигура в светло-траморных доспехах нагнулась, чтобы пройти в помещение, и на плечах блеснуло бронзовое изображение орла с одной головой. Итератор выступил вперед и, с трудом сдерживая страх, слегка поклонился Гвардейцу Смерти:

— Добро пожаловать, капитан Гарро. Ты первый из космодесантников, посетивший это место.

Гарро сверху вниз посмотрел на хрупкого человечка. Итератор казался худым и изможденным — охапка костей в потрепанной форменной одежде, но взгляд его оставался твердым, и голос не дрожал.

— Зиндерманн, — проронил Гарро.

Он окинул взглядом внутренность резервуара. Большое цилиндрическое пространство высотой в две корабельные палубы по стенам на разных уровнях пересекали решетчатые переходы, и целая сеть труб и вентиляционных каналов выходила через потолок. Высокие металлические листы при заполнении емкости водой служили перегородками, но теперь, когда резервуар был пуст, они придавали помещению вид часовни, построенной из состарившейся гладкой стали. Грузовые поддоны, принесенные из вспомогательных отсеков, были расставлены рядами, словно скамьи в настоящей церкви, а из пустого

топливного контейнера получилось нечто вроде алтаря.

— Это ты все здесь устроил?

— Я всего лишь итератор, — ответил старик.

— Чем вы здесь занимаетесь? — резко спросил Гарро, ощущая, как в его душе разгорается гнев. — Чего вы надеетесь добиться?

— А это я хотела спросить у тебя, Натаниэль.

Летописец-фотограф, женщина, которую они называли святой, вышла под лучи биоламп.

— Киилер,— сдержанно произнес Гарро,— нам нужно с тобой поговорить.

Она кивнула и жестом пригласила пройти:

— Конечно, поговорим.

— Ты не посмеешь причинить ей зло! — набросилась на него еще одна женщина, тоже летописец, которую Круз представил как Мерсади Олитон.

В ее словах звучала не столько угроза, сколько отчаяние, и Гарро приподнял бровь, удивляясь ее безрассудной

стелости.

Киилер вновь заговорила, и ее голос прозвучал для каждого из собравшихся:

— Натаниэль пришел сюда, поскольку он ничем не отличается от любого из нас. Мы все пытаемся отыскать свой путь, и, возможно, я смогу ему помочь.

После чего святая и солдат отыскали затененный уголок и уселись друг напротив друга вдали от резких лучей искусственного света.

— У тебя есть вопросы, — начала разговор Эуфратия, наливая для себя и для него по чашке воды. — Если смогу, я постараюсь на них ответить.

Капитан поморщился, но принял в руки крошечный сосуд.

— Этот культ противоречит законам Империума. Тебе не следовало приносить с собой свою веру.

— Это для меня так же невозможно, как для тебя — отказаться от верности своим братьям, Натаниэль.

Гарро заворчал и с угрюмым видом осушил чашку.

— Но многие могут сказать, что именно это я и сделал. Я сбежал с поля боя — и ради чего? Хорус и мой собственный примарх за такой поступок назовут меня дезертиром. Люди, которым я поклялся в верности, остались одни, и их судьба неизвестна, и даже в бегстве я потерпел неудачу.

— Я просила тебя спасти нас, и ты спас. — Киилер ласково заглянула в его лицо. — И ты снова нас спасешь. В тебе воплотилось название твоего Легиона. Ты охраняешь нас от смерти. В этом нет никакой неудачи.

Боевой капитан хотел опровергнуть слова женщины и назвать их инсинуацией, но, неожиданно для себя, ощутил, что благодарен ей за похвалу. Он постарался выбросить странные мысли из головы и достал из кармана бумаги Калеба и бронзовую икону с намотанной на ней цепочкой.

— Что значат эти вещи, женщина? Император могущественнее всех ложных богов, и все-таки в вашей доктрине его называют богом. Как это может быть?

— Ты сам ответил на свой вопрос, Натаниэль, — ответила Киилер. — Ты сказал «ложных богов», разве не так? Истина, настоящая Имперская Истина заключается в том, что Повелитель Человечества — не какое-то мнимое божество. Он — настоящий. Если мы это принимаем, Он нас защитит. — Гарро презрительно фыркнул, но Эуфратия продолжала говорить: — В прошлом священник потребовал бы от тебя веры, основанной только на словах, написанных в книге, и больше ни на чем. — Она прикоснулась к свернутым бумагам. — А разве Император так поступает? Ответь на мой вопрос, космодесантник. Разве ты не ощутил в себе Его дух?

Гарро было нелегко отвечать:

— Я ощутил... Или мне это только показалось... Я не уверен.

Киилер наклонилась вперед, и вся ее менторская, поучительная манера испарилась. В глазах сверкнул сосредоточенный вызов, а не сердечность святой, которой он от нее ожидал:

— Я тебе не верю. Мне кажется, что

ты уверен, но так убежден в обратном, что боишься это признать.

— Я — космодесантник, — буркнул Гарро. — Я ничего не боюсь.

— Так было до сегодняшнего дня. — Она не сводила с него пристального взгляда. — Истина пугает тебя своим величием, поскольку, признав ее, ты должен будешь полностью измениться. — Киилер положила руку на его латную перчатку. — Но ты не понимаешь, что уже изменился. Только разум все еще сдерживает порыв твоей души. — Она вновь заглянула в глаза Гарро. — Во что ты веришь?

На этот раз он не сомневался в ответе:

— В своих братьев, Императора, Империум. Но кое-что у меня уже отняли.

Киилер постучала его по нагруднику:

— Но здесь все осталось. — Она нерешительно помолчала. — Я знаю, что у космодесантников два сердца, но ты меня понимаешь.

— То, что я видел... — Голос капитана стягчился. — Это потрясло меня до самой

глубины души. Младенец-ксенос, псайкер, проник в мой разум и настешливо предсказал будущее... Грульгор, уже погибший, вернулся к жизни под действием какой-то ужасной инфекции... И ты. Ты мелькнула в моих видениях, пока я лежал в коме. — Он покачал головой. — Я дрейфую так же, как этот корабль. Ты сказала, что я уверен, но я не ощущаю уверенности. Я вижу перед собой только дорогу разрушения и туман сомнений.

Женщина вздохнула:

— Я знаю, что ты чувствуешь, Натаниэль. Ты думаешь, я хотела всего этого? — Она подергала свое одеяние. — Я была фотографом, и очень хорошим фотографом. Я запечатлевала историю, которая вершилась на моих глазах. Мои пикты стали известны в тысячах миров. Ты думаешь, я хотела ощутить на себе руку бога, мечтала стать проповедником? Нашу сущность определяет не только пройденный нами путь, но и то, как мы его преодолеваем. — На губах Киилер мелькнула улыбка. — Я завидую тебе, капитан Гарро. У тебя есть то, чего нет у

меня.

— И что же это?

— Долг. Ты знаешь, что ты должен делать. Ты можешь обрести ясность видения, можешь определить миссию и бороться за ее выполнение. А я? Каждый последующий день моего служения отличен от предыдущего, мне приходится каждый день бросать вызов и отыскивать верный путь. Все, в чем я уверена,— это мое стремление, но я до сих пор не в состоянии определить его очертания.

— Тебе предстоит достигнуть цели, — пробормотал космодесантник.

— Нам обоим,— поправила его Киилер.— И мы должны это сделать.

Потом она вытянула руку и коснулась щеки Гарро. От прикосновения пальцев к огрубевшей, покрытой шрамами коже импульсы прошли по каждому его нерву.

— Когда ты освободил этот корабль от захватчиков варпа, кое-кто из членов команды мог поклясться, что нас спасло чудо. Они спрашивали меня, почему я не присоединилась к ним в молитвах Императору о спасении корабля, но я

ответила, что в этом нет необходимости. Я сказала: «Он уже спас нас. Нам остается только ждать Его воина, чтобы получить все необходимое».

— И я тоже? — воскликнул Гарро. — Я тоже облеченная в плоть воля Императора?

Киилер снова улыбнулась, и выражение ее лица оживило нахлынувшие чувства, испытанные во время исцеления.

— Дорогой Натаниэль, разве ты мог быть кем-то другим?

— Состояние? — потребовал информации Круз, перехватывая взгляд Сендека, на мгновение поднятый от контрольной панели.

Гвардеец Смерти, не скрывая усталости, кивнул Лунному Волку.

— Не изменилось, — ответил он, оглядываясь на остальных офицеров капитанской рубки в надежде, что им есть что добавить.

Гарья уловил его вопрос и тихо покачал головой. Ввиду того что корабль оказался в совершенно пустынном месте,

большей части команды, включая Воут, был предоставлен временный отдых, и в рубке остались постоянно бодрствующие космодесантники, заменившие уставших членов экипажа.

— Автоматические устройства продолжают передавать сигналы в коротковолновом диапазоне, хотя, по самым приблизительным подсчетам, в ближайшее тысячелетие они не достигнут ничьих ушей.

Старый воин нахмурил брови:

— У тебя есть более конструктивное предложение?

Сендек кивнул:

— В интересах будущих поколений я начал составлять карту этого сектора космоса. Если когда-нибудь в будущем этот корабль обнаружат, сведения могут им пригодиться.

Круз тихонько присвистнул.

— В Гвардии Смерти все такие пессимисты? Мы же еще не превратились в трупы.

— Я предпочитаю смотреть на жизнь реалистично,— ответил Сендек.

Оба космодесантника обернулись на шипение входных створок, пропустивших аптекария Войена. Сендек, до сих пор не простивший Войену его участие в деятельности секретных лож, отвел глаза. При этом от него не укрылся любопытствующий взгляд, которым Круз отреагировал на проявление отчужденности между двумя боевыми братьями.

— А где боевой капитан? — спросил Войен.

— На нижних палубах, — ответил Лунный Волк. — Управление передано мне, так что можешь обращаться, сынок.

— Как скажешь, Третий капитан. Я закончил ревизию корабельных ресурсов и съестных припасов. Если мы перейдем на ограниченные пайки, то у команды «Эйзенштейна», по моим подсчетам, в запасе около пяти с половиной месяцев.

Гарья подошел ближе и выдвинул предложение:

— Нельзя ли часть команды временно освободить от работы и тем самым уменьшить расходы?

Войен кивнул:

— Такая возможность есть, но это продлит наше существование еще на месяц, от силы на два. Я также рассматривал возможность применения некоторых экстренных мер, как, например, отбраковка, но это не слишком влияет на общие результаты.

Капитан корабля поморщился:

— Если ты говоришь о намеренном уничтожении людей, то такие меры неприемлемы на моем корабле!

— За семь месяцев пути при субсветовой скорости мы недалеко отсюда уйдем, — заметил Сендек, оглядываясь на вновь открывшиеся створки. — Хорус все равно нас опередит, и Терра ничего не успеет узнать о его предательстве.

Широкими решительными шагами в центр рубки прошел Гарро.

— Мы этого не допустим. Не для того мы зашли так далеко, чтобы сидеть здесь и ждать смерти. Мы должны действовать. — Он повернулся к Гарье: — Капитан, отдайте приказ инженерным службам запустить варповые двигатели

на полную мощность.

— Капитан, если только у святой, что распевает гимны внизу, не прорезался третий глаз и она не обрела способность прокладывать путь в варпе, у нас нет шанса осуществить межзвездное перемещение! — Голос Войена зазвенел от напряжения. — Сэр, у нас нет навигатора! Если мы войдем в варп, то затеряемся там навеки, у тех монстров, что нас атаковали, будет достаточно времени, чтобы разорвать всех нас в клочья!

— А я и не говорил, что мы собираемся входить в варп, — холодно ответил Гарро. — Гарья, сколько нужно времени для запуска двигателей?

Офицер взглянул на контрольную панель.

— Несколько мгновений, господин. — Он нерешительно помялся.— Сэр, ваш апотекарий абсолютно прав. Я не вижу никаких причин разогревать двигатели.

Гарро не стал отвечать на подразумевавшийся вопрос.

— Я хочу, чтобы субсветовые двигатели были готовы к запуску на

полную боевую мощность по моему приказу. Отдайте приказ о полной готовности корабля и приготовьте к активации космические щиты.

Зазвенел сигнал тревоги, и Войен нервным жестом обвел рубку:

— Двигатели и щиты на полную готовность? Это что, учения, Натаниэль? Способ заставить экипаж работать и отвлечь внимание людей? Или эта проповедница предупредила о готовящемся нападении?

— Следи за своими словами,— предупредил его Гарро. — Мое терпение имеет пределы.

— Двигатели ждут вашего приказа, — доложил Гарья. — Щиты готовы к активации.

— Так держать, — приказал боевой капитан. Круз, стоя у противоположной стены рубки, задумчиво потер подбородок:

— Парень, может, ты изложишь нам причину такой бурной деятельности? Я понимаю не больше, чем твой костоправ.

Гарья поднял голову от контрольного пульта:

— Варповые двигатели полностью заряжены, энергетические батареи заполнены до отказа, господин. Что мне теперь с ними делать?

— Открыть выходной туннель и включить расцепляющие механизмы на варповых моторах. По моему приказу ты отключишь систему управления и выбросишь блок варповых двигателей, потом поднимешь щиты и запустишь двигатели на субсветовую скорость.

Круз невесело усмехнулся:

— Ты настолько же смел, насколько безумен!

— Выбросить варповые двигатели! — едва не задохнулся Сендек. — При всей набранной энергии они взорвутся, словно сверхновая звезда!

Гарро серьезно кивнул:

— Варп-вспышка. Взрыв отзовется как в Имматериуме, так и в реальном пространстве. Это послужит маяком для любого корабля на расстоянии сотен парсеков.

— Нет! — на всю рубку закричал Войен. — Ради Терры, не надо! Это

чрезмерный риск, капитан! Это смертельная опасность!

Гарро окинул его суровым взглядом:

— Опомнись, Мерик! С тех пор как мы пошли против воли Воителя, каждый шаг грозил нам смертью, и все же мы еще живы! И теперь, когда этот полет нам так дорого стоил, я не могу отказаться от цели! — Он протянул руку и коснулся плеча Войена: — Поверь мне, брат. Мы переживем и это.

— Нет, — повторил Войен и, неуловимым движением выхватив болт-пистолет, приставил его ко лбу Гарро. — Я не позволю тебе это сделать. Ты погубишь всех нас, и все наши жертвы будут напрасны! — Его голос от страха стал глухим. — Скажи Гарье отменить приказы или я пристрелю тебя на месте!

Сендек и Круз схватились за оружие, но Гарро остановил их окриком:

— Не двигаться! Это дело касается только нас с Мериком, и мы разберемся сами. — Он смотрел прямо в глаза апотекарию. — Капитан Гарья, — продолжил Гарро,— ты выполнишь все мои

приказы через шестьдесят секунд. Начинай отсчет.

— Есть, сэр, — с запинкой откликнулся офицер.

Как и все остальные в капитанской рубке, он понимал опасность предпринятого Гарро шага. Ветеран был прав. Подобные действия грозили фрегату полным уничтожением, если двигатели «Эйзенштейна» не успеют оттолкнуть корабль на безопасное расстояние от зоны взрыва варп-блока.

Войен взвел курок:

— Капитан, пожалуйста, не испытывай меня. Я выполню любой твой приказ, только не этот! Ты позволил пророчице затуманить твой разум.

Черное дуло болтера не дрогнуло перед лицом Гарро. На таком расстоянии даже единственный выпущенный снаряд превратит его незащищенную голову в кровавые брызги.

— Мерик, если ты меня убьешь, ничего не изменится. Приказы будут исполнены, корабль спасут, и наше предупреждение будет доставлено

Императору. Я этого не увижу, но умру с уверенностью, что так и будет. У меня есть вера, брат. А что есть у тебя?

— Тридцать секунд, — доложил Круз. — Расцепляющие механизмы включены. Управляющая система заблокирована. В варп-двигателях зарегистрирована нарастающая перегрузка.

— Ты сам меня к этому принуждаешь, — кричал Войен. — Смерть, смерть, снова смерть, братья идут против братьев... Откуда тебе знать, может, мы заражены, так же как и Грульгор и его люди? Мы все станем такими, как они! Чудовищами!

Гарро протянул руку:

— Не станем. Я нисколько в этом не сомневаюсь!

— Откуда ты знаешь? — закричал космодесантник, качнув пистолет.

Гарро осторожно поднял руку и взял у него оружие.

— Император защитит, — только и сказал он.

— Пуск! — скомандовал Лунный Волк.

БЕЗМОЛВНАЯ СТРАЖА БЕССТРАШНЫЕ ОБНАРУЖЕНЫ

Сотни разрывных болтов вокруг выхода нижнего кормового туннеля вспыхнули в безмолвии космоса и отбросили наружу толстые листы корабельной обшивки. По рельсам выкатились цилиндры блоков межзвездных двигателей и рухнули в бездну, обрывая искрящие электрические кабели и расплескивая фонтаны охлаждающей жидкости. Внутри сброшенных варп-двигателей крутились и бились о стены потрескивающие шары сконцентрированной энергии. Мощность, которая в обычных случаях направлялась на пробой врат в Имматериум, не имела выхода, и вращательные движения уплотняли и нагнетали носитель энергии, быстро подводя его состояние к критической точке.

«Эйзенштейн» выбросил длинные реактивные струи и устремился вперед, подальше от только что сброшенного за борт груза. Под действием сил гравитации модули варп-двигателей сошлись ближе, и между ними заметались ослепительные нити бело-голубых разрядов, вслепую ударивших по корме фрегата. Защитная оболочка вспыхнула, но выдержала натиск. Настоящее испытание должно было последовать через несколько секунд.

Стержни двигателей начали плавиться и деформироваться, концентрация энергии достигла такой степени, что началась самопроизвольная реакция, подпитываемая разницей состояний между варпом и обычным вакуумом реального космоса. Из деформированного соединения материи и энергии вырвались кольца неуправляемой радиации, видимой в любом спектре. Слишком скоро варп-двигатели прорвали грань между реальностью и Иттатериумом, слишком быстрой и мощной оказалась освобожденная

разрушительная волна.

Реакция захватывала все большие области, и выброшенные части обшивки, оплавленные куски металла, пыль и отдельные молекулы водорода, даже само пространство послужили топливом для финального взрыва.

Если бы существовал глаз, способный увидеть настолько аномальное явление, или прибор, регистрирующий процесс, происходящий за гранью реальности, наблюдатель мог бы заметить визжащее и бьющееся существо в самом центре ядра, но уже через мгновение последовала детонация.

На границе двух измерений катастрофическое разрушение варп-двигателей породило сферу излучения, осветившую космос с силой умирающего солнца. В Эмпиреях явление вызвало неистовый визг, вспышку мертвенно-синего света, взрыв необузданной паники и миллион других вещей. В реальном мире за взрывом последовала потрескивающая разрядная волна, с убийственной мощью ударившая вслед убегающему

«Эйзенштейну», так что он перевернулся кормой вперед.

В глубине темноты Эмпиреев рваный край взрывной волны затронул сверхъестественные чувства совершенного разума. В одно мгновение болезненное и грубое вмешательство спутало все мысленные образы. Оно вызвало вспышки безумия, коснувшиеся разума и нарушившие его сосредоточенность. Удар потряс и отшвырнул разум, и несколько бесконечно долгих секунд он следовал в потоке налетевшей волны. Затем вспышка погасла, воздействие уменьшилось и исчезло, оставив после себя лишь порожденное им эхо. Там, где только что бушевали бури и стоял туман, все прояснилось и успокоилось.

Разум, вернувшись в первоначальное состояние, пронзил взглядом Имматериум в поисках источника возмущения. Как вспышка молнии может осветить ночной ландшафт, так и взрывная волна сделала видимыми просторы варпа, придала им определенность, чего не могли добиться

никакие иные методы исследования. Внезапно проявились и стали заметными все скрытые ранее тропы. Неожиданно открылся путь, и на неимоверно большом расстоянии можно было различить еще тлеющий эпицентр взрыва.

Разум с величайшей осторожностью стал рассчитывать маршрут, чтобы добраться туда, и в каждой его мысли искрилось любопытство.

Гарро отложил электроперо и пробежал взглядом текст, изложенный на блестящей и гладкой поверхности электронного планшета. Затем он глубоко вздохнул, выпустив в холодный разреженный воздух обсерватории облачко белого пара. В помещении все было покрыто тонким налетом инея, стальную поверхность опор и обширные обзорные иллюминаторы украшали белые морозные мазки. Во время взрыва варповых двигателей многие системы, уже изрядно изношенные длительным бегством от Исткваана, отказали совсем, и теперь условия жизни не поддерживались сразу на

нескольких палубах «Эйзенштейна». Гарья запер надстроенную капитанскую рубку и перевел командный состав ко второму пульту управления, оставив верхнюю палубу на волю тьмы и холода. Фрегат медленно, шаг за шагом, превращался в замерзающую гробницу.

— Капитан. — Под свет далеких звезд, пробивавшийся сквозь замерзшее бронированное стекло, вышел Йактон Круз. — Ты меня звал?

Гарро показал ему планшет:

— Я хотел бы, чтобы ты это засвидетельствовал.

Натаниэль снял латную перчатку и прижал надетую на левый указательный палец командирскую печатку к сенсорному устройству на корпусе планшета. Прибор пискнул, узнавая уникальный рисунок кольца и генокод его владельца. Гарро протянул планшет Лунному Волку, и старый воин немного помедлил, читая то, что там написано.

— Хроники?

— Мне кажется, точнее это можно было бы назвать завещанием, выражением

последней воли. Я описал здесь все заметные события, предшествующие нашему бегству из флотилии, и все, что случилось после. Необходимо оставить нашим собратьям подробные свидетельства, даже если мы не доживем до того момента, когда сможем передать все лично.

Круз фыркнул, но повторил все манипуляции Гарро и подтвердил записи в планшете прикосновением своей печатки.

— Готовишься к худшему. Сначала этот парень, Сендек, теперь ты? Гвардеец Смерти, строгий и непреклонный, не так ли?

Гарро забрал у него планшет и спрятал в бронированный сейф.

— Я только хочу исключить все случайности. Этот ящик переживет любой взрыв и вакуум, даже уничтожение всего корабля.

— А как же твои слова в капитанской рубке? Твое заявление, адресованное апотекарию? Или все это было игрой, капитан? Ты говорил, что мы выживем, а сам тем временем готовился совершенно к

другому исходу?

— Я не лгал, если ты на это намекаешь, — вспыхнул Гарро. — Да, я верю, что мы увидим Терру, но от такой предосторожности никому не будет вреда. Таков обычай Гвардии Смерти.

— И все же ты предпочитаешь заниматься этим вдали от своих людей и доверился только Лунному Волку. Наверно, для того, чтобы не подрывать веру, посеянную тобой же в душах твоих воинов?

Гарро отвел взгляд:

— Возраст ничуть не притупил твою проницательность, Йактон. Ты прав.

— Я все понимаю. В такие времена человеку не остается ничего, кроме надежды. До... до Исствана мы могли искать поддержку у своих Легионов, у своих примархов. Сейчас каждый утешается, чем может.

— Вера в Императора по-прежнему остается неизменной,— сказал Гарро, отворачиваясь от звезд.— В этом у меня нет никаких сомнений.

Круз кивнул:

— Да, наверно, ты прав. Ты сделал из

нас верующих, Натаниэль. Кроме того, эти хроники бесполезны.

— Как это?

— История рассказана лишь наполовину.

Иссеченное шрамами лицо Гарро осветилось улыбкой:

— Верно. Интересно, чем все это закончится?

Он прошелся по залу, хрустя тонкими пластинками льда.

— А твоя святая ничего тебе не говорила? — спросил Круз с легким оттенком осуждения в голосе.

— Она не моя святая, — отрезал Гарро. — Киилер... У нее бывают видения.

— Это возможно. Что ж, большая часть команды согласна с ней. Все больше и больше людей посещают ее проповеди на нижней палубе. Я думаю, итератор Зиндерманн не зря перенес их импровизированную церковь в более просторное помещение, неподалеку от оружейных залов — туда легче добираться.

Гарро обдумал его слова.

— Это ближе к внутренним

помещениям. Там теплее и безопаснее.

— Капитан, там были замечены и космодесантники. Похоже, что твои отношения с этой женщиной придают законность ее деятельности.

Гарро посмотрел ему в глаза:

— Ты этого не одобряешь.

— Идолопоклонничество не в обычаях Империума.

— Йактон, я не вижу идолов. Я вижу лишь людей, которые посвятили свою жизнь службе Императору, как ты или я.

— Цели, — вздохнул Лунный Волк. — Вот чем все определяется, разве не так? В прошлом нам никогда не приходилось задаваться подобными вопросами. Перед нами всегда ставили определенную цель, исходящую от Императора, через примарха, к каждому космодесантнику. Теперь обстоятельства требуют от нас определяться самим, и мы раскололись. Хорус нашел свою цель в колдовстве, а мы... Мы ищем ее в божественности. — Он невесело рассмеялся. — Вот уж не думал, что доживу до этого.

— Если твоя нажитая с годами

мудрость поможет отыскать другой путь, скажи мне об этом, — твердо произнес Гарро. — Мне пока помогает только этот способ.

Круз склонил голову:

— Я бы не осмелился, боевой капитан. Я поклялся тебе в верности и впредь буду следовать твоим приказам.

— Даже если ты с ними не согласен? Я видел неодобрение в твоих глазах тогда, на мостике.

— Ты позволил апотекарию уйти безнаказанным после всего, что он натворил. — Круз покачал головой. — Это оскорбление старшего офицера, и оно заслуживает взыскания. Гарро, он в гневе поднял на тебя оружие!

— В страхе, — поправил его Гарро. — Он на мгновение позволил эмоциям овладеть разумом. Он сам наказан своим поступком. Я не могу подвергать его еще одному наказанию.

— Твои воины вряд ли с тобой согласятся, — настаивал пожилой космодесантник. — Сейчас они видят в твоем поведении проявление

снисходительности, но кое-кто может посчитать это слабостью.

Гарро отвернулся.

— Пусть считают. Брат Войен — лучший апотекарий из всех, кто у нас есть. Он мне нужен. Он нужен Децимусу.

— А, — кивнул Лунный Волк, — теперь мне ясно. Ты хочешь, чтобы парень выжил.

— Я больше не хочу терять своих братьев из-за этого безумия! — запальчиво воскликнул Гарро.— Остальная часть моего Легиона может погибнуть из-за предательства, но только не эти люди. Не мои! — Дыхание вырывалось из его рта плотными облачками. — Помни мои слова, Йактон Круз. Я не допущу, чтобы Гвардия Смерти стала жертвой предательства и распада!

Старый воин посмотрел на свои силовые доспехи, до сих пор несущие на себе цвета Сынов Хоруса, и в его словах прозвучала неподдельная горечь.

— Удачи тебе в этом, брат, — тихо произнес он. — Что до меня, боюсь, этот момент уже наступил.

Поток энергии, направляемый в лазарет из других частей корабля, свидетельствовал о том, что изолятор продолжает функционировать. Гарро знал, что Войен настоял на перемещении почти всех раненых, кроме самых тяжелых больных, вглубь корабля, ближе к центру, где было более безопасно. Боевой капитан, проходя через палаты, не заметил присутствия апотекария — и ощутил некоторое облегчение. Несмотря на сказанные Кругу слова, поведение Войена на капитанском мостике все еще отзывалось болью в его душе, и пока он не испытывал желания снова встретиться с ним. Апотекарию было бы лучше некоторое время держаться на расстоянии.

Гарро прошел мимо раненого офицера, который дышал только при помощи механического устройства, и остановился у стеклянной стены изолятора. Соблюдая предосторожность, он надел шлем — на нем еще были видны следы ремонта, и кое-где требовалась покраска — и пристегнул его к шейному кольцу лат. Затем, тщательно проверив все соединения и

узлы, он закрыл все затки боевых доспехов, чтобы предотвратить любую возможность проникновения внутрь опасной инфекции. Наконец Гарро прошел через герметичный шлюз и попал в изолированное помещение. За Децусом осторожно и неторопливо ухаживал медицинский сервитор. Капитан тотчас заметил, что органические участки машины-слуги уже стали серыми от таинственной болезни. Согласно рапортам Войена, от смертельного яда, попавшего в рану молодого космодесантника с ножа Грульгора, два сервитора уже погибли. Децус давно бы умер, если бы не усиленная природа организма космодесантника.

Гарро в наглухо застегнутых боевых доспехах был недосягаем для инфекции, а строгая система очистки на выходе из палаты изолятора не даст микробам выйти за ним следом. Конечно, возможность заразиться наверняка оставалась, но он решил рискнуть. Он должен был взглянуть парню в глаза.

Солун Децус, освобожденный от своих силовых доспехов, лежал на специальном

ложе, опутанный целой сетью проводов металлических датчиков и автоматических игл нартецизума. Вокруг раны, нанесенной отравленным ножом Грульгора, образовались гнойные язвы, а сама плоть приобрела синевато-багровый оттенок и была на грани полного отмирания. Рана никак не хотела закрываться и сочилась кроваво-гнойной жидкостью, стекавшей в сосуд под кроватью. Там, где медики вводили питательные трубки и механоруки для доступа непосредственно к нервной системе, на теле Децируса недоставало нескольких кусочков кожи. Целый лес тонких стальных игл образовывал над его торсом подобие темного панциря. С губ молодого космодесантника стекала струйка белой слюны, а через ноздри гибкие трубки механического насоса ритмично вдували воздух.

От Децируса осталось лишь жалкое подобие воина, общий его вид напоминал труп недельной давности, и, если бы Гарро увидел его на поле боя, он без колебаний отправил бы Солуна гореть на

погребальном костре. Рука Гарро на мгновение прикоснулась к эфесу Вольнолюбца, а в памяти всплыли слова Войена: «Ты должен подумать о том, чтобы даровать ему освобождение».

— Тогда мои слова, сказанные Крузу, станут ложью, — произнес он вслух. — Нам остается только бороться. Только усилия определяют нашу сущность, брат.

— Брат...

Голос был настолько тихим, что поначалу Гарро принял его за плод своего воображения. Но, опустив взгляд, заметил, что веки Децуса дрогнули и глаза чуть-чуть приоткрылись.

— Солун! Ты слышишь меня, мальчик?

— Я... слышу тебя.— Слова едва пробивались через накопившуюся в носоглотке слизь. — Я слышу это... капитан... оно внутри... стучит в моей крови.

Меч Гарро внезапно стал вдесятеро тяжелее.

— Солун, чего ты хочешь?

Децус моргнул, и даже это незначительное движение исказило его

лицо болью.

— Ответов, господин. — Он хватанул ртом воздух. — Зачем ты нас спасал?

Гарро от неожиданности отпрянул.

— Это мой долг! — выпалил он. — Ведь вы мои боевые братья! Я не мог позволить вам погибнуть.

— Разве... это лучший путь? — прошептал раненый воин.— Бесконечная война между братьями... Мы видели их, капитан. Если таково... будущее, может, лучше...

— Ты бы предпочел объятия смерти? — Гарро покачал головой. — Брат, я знаю, что боль твоя велика, но ты не должен ей поддаваться! Мы не может признать свое поражение! — Он положил руку на грудь Децусу. — Только в смерти ты освобождается от своих обязанностей перед Императором, и только Император может даровать нам освобождение.

— Император... — Слово прошелестело далеким эхом. — Покинуты... Мы покинуты, мой господин, потеряны и забыты. Это существо, бывшее Грульгором, сказало правду... Мы остались

одни.

— Я не могу этого признать! — Голос Гарро сорвался на крик. — Мы обретем спасение, брат, обязательно обретем! Ты должен верить!

Децимус закашлялся, и в отводящих трубках забулькала красно-зеленая жидкость, стекавшая в отдельный сосуд.

— У меня остались только боль и чувство утраты... — Налитые кровью глаза отыскали лицо Гарро и замерли. — Капитан, мы потерялись. Мы не знаем, где мы находимся и в каком времени. Варп поиграл с нами и выбросил в эту бездну.

— Нас найдут, — возразил Гарро, но его словам недоставало уверенности.

— Кто, господин? А вдруг... Вдруг мы провели в Эмпиреях не часы, а... тысячелетия? В предупреждении уже нет никакого смысла! — Он снова кашлянул, напрягся всем телом. — Мы можем опоздать на десять тысячелетий... Галактика сгорит и обратится в хаос...

Разговор лишил космодесантника последних сил, и он неподвижно замер на своем ложе. Сервитор, шаркая, устремился

к больному, растопырив веером скальпели и шприцы, заменявшие ему пальцы.

Гарро увидел, как дрогнули и опустились веки Децируса; сознание снова покинуло изможденного воина. Окинув его долгим печальным взглядом, боевой капитан вернулся в шлюз стерилизации и начал сложную процедуру очистки доспехов, чтобы не вынести заразу наружу.

За наружными дверями изолятора Гарро увидел спешившего ему навстречу Сендека. Лицо космодесантника выражало крайнее беспокойство.

— Капитан! Я не смог с тобой связаться и решил: что-то случилось!

Гарро ткнул пальцем в толстые стены палаты:

— Защитное поле не пропускает никаких электромагнитных сигналов. Вокс-связь внутри не действует. — Он нахмурился, услышав тревогу в голосе Сендека.— Что произошло, если потребовалось мое срочное присутствие?

— Сэр, решетки датчиков «Эйзенштейна» сильно пострадали во

время варп-прыжков и обстрела Тифона, так что мы получаем только отрывочные сведения...

— Выкладывай, — оборвал его Гарро.

Сендек набрал в грудь воздуха:

— Появились корабли, капитан. Мы засекли множественные варповые врата менее чем в четырех световых минутах отсюда. Похоже, что суда движутся нам наперерез.

Он должен был ощутить радость. Можно было надеяться на спасение, но вместо этого дурное настроение Гарро нарисовало ему картины грозящих ужасов, предвещавших дальнейшие несчастья.

— Как много судов? Какого они класса и тоннажа?

— Датчики дают лишь приблизительные результаты, но это целая флотилия, сэр. Большая флотилия.

— Хорус? — выдохнул Гарро. — Неужели он преследует нас?

— Неизвестно. Внешний вокс-передатчик фрегата бездействует, так что мы не в состоянии определить ни одного опознавательного сигнала. — Сендек

немного помедлил. — Это может быть кто угодно. Возможно, союзники, возможно, корабли, спешащие присоединиться к мятежу Хоруса, или даже ксеносы.

— А мы встречаем их слепыми и почти безоружными. — Гарро помолчал, обдумывая ситуацию. — Если у нас нет возможности взглянуть в лицо прибывшим, значит, надо заставить их открыться. Вероятно, их привлек взрыв. Любой командир, достойный своего ранга, вышлет на разведку десантный отряд. Мы примем его и будем действовать исходя из обстоятельств.

— Они настолько близко, что у нас почти не осталось времени на подготовку, — заметил Сендек.

— Согласен, — кивнул Гарро. — Слушай мои приказы. Раздай оружие всем членам команды, кто умеет им пользоваться, и собери их во внутренних помещениях. Сооруди для них хоть какую-то защиту. У всех входных шлюзов расположи космодесантников, готовых дать отпор пришельцам. Но никто не должен проявлять и тени враждебности до моего

приказа.

— Оружейная палуба лучше всего подойдет для этой цели, — предложил Сендек. — Она хорошо защищена. И многие члены экипажа уже собрались там, с этой... женщиной.

Губы Гарро изогнулись в улыбке:

— Убежище в новой церкви. Звучит подходяще. — Он вынул из кобуры болтер. — Тогда поспеши. Мы должны наилучшим образом подготовиться к встрече наших спасителей... или наших убийц.

Корабли собрались вокруг фрегата, словно стая волков вокруг раненого животного, оценивая его состояние и возможную опасность. Приемные тарелки сенсоров и прослушивающие устройства — все было направлено в сторону дрейфующего космического корабля, и ученые головы попытались восстановить цепь событий, приведших судно к такому состоянию.

Нависшие над имперским фрегатом корабли повернули в его сторону дула заряженных орудий, а артиллерийские

расчеты подсчитывали траектории стрельбы и готовились уничтожить незнакомца по первому же знаку командования. Даже одного залпа, и то не полной мощности, хватило бы, чтобы покончить с «Эйзенштейном». Достаточно было одного слова приказа, одного нажатия кнопки, одного спущенного курка.

Флотилия медленно перемещалась. Некоторые настаивали на немедленном уничтожении изгоя на том основании, что произведенный им взрыв, скорее всего, был хитрой уловкой. Даже такой небольшой корабль, как обычный фрегат, грамотно заминированный и направленный, мог стать летающей бомбой, способной вывести из строя боевой крейсер. Другие были склонны уступить любопытству. Как управляемое людьми судно могло забраться сюда, так далеко от окраин разведанного космического пространства? Какие причины заставили его экипаж отказаться от двигателей, дававших единственную надежду на спасение? И что за враги разукрасили его корпус вмятинами и трещинами?

В конце концов, военные корабли расступились, предоставив возможность разобраться с «Эйзенштейном» самому большому судну флотилии. Если по сравнению с боевыми кораблями фрегат представлялся лисицей в стае волков, то перед этим судном он казался насекомым у подножия колосса. Этот гигант своей массой мог поспорить с некоторыми из спутников. Он представлял собой сжатый кулак, высеченный из астероидной глыбы, — никелево-железный монстр, поверхность которого была усеяна кратерами и утыкана массивными башнями.

На большом расстоянии очертания корабля напоминали голову булавы, украшенную блестками золота и черного железа. Вблизи вырисовывался силуэт целого города с башнями и огромными комплексами, где в тысячах иллюминаторов горели огни или таились гнезда орудий, способных снести с лица планеты целые континенты. По окружности колосса располагались защищенные клыками доки, где стояли корабли размерами с фрегат. По мере

приближения неимоверная масса колосса начала притягивать «Эйзенштейн», постепенно изменяя его курс. Автономные радиоуправляемые орудия торчали из множества конических выступов, опоясывавших громадный корабль. Все они одновременно направили на сильно пострадавший корпус фрегата мощные прожектора и пришпилили «Эйзенштейн» к черной завесе космоса, ослепляя белыми лучами.

Название, все еще хорошо различимое на изумрудном изгибе носовой части, ярко засияло отраженным светом. Внутри горстка душ ожидала решения своей судьбы.

Хакур вошел из коридора с заряженным и взведенным болтером, висевшем на широком плечевом ремне.

— Почти все наружные палубы пусты, капитан,— доложил он Гарро. — Воут перенаправила воздушный поток в резервные хранилища и в центр корабля. Необходимые для жизни условия поддерживаются меньше чем в трети

помещений корабля, но недостатка в воздухе для дыхания быть не должно.

— Хорошо, — принял капитан рапорт сержанта. — Люди с прогулочной палубы выведены?

Ветеран кивнул:

— Да, господин. Я позволил им оставаться там так долго, как счел возможным, но теперь все переведены внутрь. Я приказал им вести наблюдение через иллюминаторы. Это лучше, чем кричать и причитать, и я подумал, что глаза не хуже, чем отсутствие всякого наблюдения.

— Хорошо придумано. И что они увидели?

Хакур нерешительно помялся, как поступал всегда, когда не имел определенного ответа на вопрос командира. Гарро давно это заметил. Андус Хакур гордился собой, когда предоставлял точные сведения своим боевым братьям, и огорчался, имея в запасе лишь половинчатые факты.

— Сэр, там очень много кораблей, и, похоже, они принадлежат Имперскому

флоту.

Натаниэль поморщился:

— После Истваана такая информация меня скорее беспокоит, чем радует. Что еще?

— Флотилия собрана вокруг огромного сооружения размером со звездный форт или даже еще больше. Брат, который первым его заметил, сказал, что никогда не видел ничего подобного. Он сравнил ее с чудовищами орков, но этот колосс имеет не такие грубые формы.

В памяти Гарро что-то шевельнулось, какое-то полузабытое определение, похожее на приведенное сравнение.

— А что с воксом?

Хакур покачал головой:

— По твоему приказу мы поддерживаем тишину на всех каналах связи. Если те, кто находится снаружи, пользуются близкими частотными каналами, они предпочитают этого не показывать.

— Продолжай, — кивнул в ответ

Гарро. — Нам остается только ждать.

Отпустив сержанта, боевой капитан прошел в огромное помещение оружейного зала. По всей длине помещения были спешно удалены все перегородки, чтобы собравшимся там защитникам было легче определить возможные цели, и Гарро со своего места от входа увидел море людских фигур, освещенных неярким светом биоламп. Многие из них были вооружены, и на всех лицах читалось отчаяние. Соблюдая осторожность, Гарро вошел в зал и прошел между рядами людей, встречаясь взглядом с каждым матросом, как он делал это со своими братьями-космодесантниками. Кто-то из людей дрожал от страха, пока он проходил мимо, а другие, отвечая кивком, становились как будто выше.

За все время своей службы Гарро всегда считал армию людей такими же воинами, как и космодесантники, но никогда не ощущал такого единения с ними, как в этот момент. Сегодня они объединены одной миссией, думал он. Сегодня нет барьеров между людьми и

воинами Легионов.

Он подошел к капитану Гарье и заметил в руке смуглого мужчины тяжелый плазменный пистолет.

— Господин капитан, — приветствовал его Гарья сдавленным из-за незажившших шрамов, полученных во время бегства, голосом.

— Уважаемый мастер, — ответил ему Гарро, — я должен перед вами извиниться.

— Вот как?

Гарро обвел рукой помещение:

— Ты предоставил мне такой превосходный корабль, и вот во что я его превратил.

— Можете не продолжать, мой господин, — рассмеялся Гарья. — Я прослужил под командованием ваших собратьев несколько десятилетий Великого Крестового Похода — и до сих пор не научился вас понимать. Иногда вы так высокомерны с людьми вроде меня, а иногда... — Он нерешительно замолк.

— Продолжайте, — сказал Гарро. — Высказывайте свои мысли, Барик. Я

думаю, все пережитое дает нам право на откровенность.

Капитан корабля похлопал его по налокотнику:

— Иной раз вы похожи на несдержанных ревнивых детей, которые жаждут найти свое место, ищут братских отношений, но в то же время испытывают друг к другу ревность. Как и все люди, вы стремитесь выйти из тени своих отцов и вызвать у них гордость. Иногда я задаю себе вопрос: что произойдет с бравыми благородными парнями, если больше не будет войн? — Гарро ничего не ответил, и Гарья помрачнел. — Извините, капитан. Я не хотел вас оскорбить.

— Вы и не оскорбили, — ответил Гарро. — Ваши проницательные наблюдения кажутся... несколько вызывающими, но и только. — На мгновение он задумался. — А что касается вашего вопроса, я не могу на него ответить. Если не будет войн, какой толк от оружия? — Он показал на пистолет Гарьи, потом на себя. — Возможно, мы

затеем новые войны или выступим друг против друга.

— Как сделал Хорус?

У Гарро похолодело на сердце.

— Возможно.

Мысль легла на его душу тяжелым грузом, и он отвернулся, стараясь ее изгнать.

Затем Гарро увидел, что Сендек и Хакур пристально смотрят на экран ауспекса. С помощью Воут они сумели подсоединить устройство к одному из внешних датчиков «Эйзенштейна».

— Капитан! Есть данные...

Гарро выбросил слова Гарьи из головы и вновь сосредоточился на боевой ситуации.

— Докладывай.

— Нарастание энергии, — сказал Хакур. — Сначала я решил, что производится глубокое сканирование корпуса, но это что-то другое.

На экране ауспекса появилась какая-то сложная фигура.

— Сканирование? — Гарро взглянул на Сендека. — Разве можно обнаружить нас

здесь, через все слои стали и железа?

— Это возможно, — ответил космодесантник. — Если на корабле достаточно мощные источники энергии, лучи могут пробиться сквозь любые экраны.

— На корабле, похожем на космопорт, — добавил Хакур.

Догадка окатила Гарро ледяной волной, и он выхватил сканер из рук Сендека. Изображение! Он понял, что оно означает.

— К оружию! — закричал Гарро, и его голос эхом прокатился по всему залу. — К оружию! Они идут!

Забыв об аупексе, Сендек и Хакур направили стволы в противоположный конец зала. Команда Гарро вызвала в зале панику. Он увидел, как капитан Гарья отрывистыми приказами заставил людей опомниться и взять в руки оружие.

— Сэр, что это? — спросил Сендек.

— Смотри туда!

Гарро показал в центр зала, где оставалось пустое пространство, за которым Хакур соорудил ступенчатую

баррикаду. Послышался низкий гул, словно где-то в глубине заработал электромотор, и статические разряды стали пощипывать кожу боевого капитана.

По залу заплясали изумрудно-зеленые лучи, на мгновение напомнив странных чудовищ варпа, наводнивших корабль в глубине Эмпиреев, но на этот раз причина оказалась другой. Гарро уже знал, что последует дальше.

— Никому не открывать огонь до моего приказа! — крикнул он.

И вот они появились. С оглушительным ревом расщепленных молекул воздуха, в ослепительных вспышках зеленых молний, сверкавших прямо посреди зала и отбрасывающих на стены и потолок резкие тени. Гарро поднял руку и прикрыл глаза, чтобы не получить временную слепоту. Но вот шум и вспышки утихли, прозвучал хлопок смещенной атмосферы, и процесс телепортации завершился.

Посреди пустого участка палубы, где прежде валялись только обломки демонтированного оборудования, возникла

группа массивных фигур в бронированных доспехах, вставших правильным кругом. Восемь космодесантников стояли плечом к плечу, сверкали в свете ламп своими боевыми латами и держали наготове болтеры, охватывая прицелами весь зал.

Один из них заговорил отчетливым и громким голосом офицера, привыкшего к беспрекословному повиновению:

— Кто здесь командует?

Гарро, держа болтер на бедре, а палец на спусковом крючке, шагнул вперед:

— Я.

Теперь он рассмотрел говорившего воина с непокрытой головой. Он заметил суровое, неулыбчивое лицо, а позади... Кто же стоял за его спиной?

— Ты должен подойти и назвать себя!

Возникшая в его теле скованность мгновенно исчезла, высокомерный тон вызвал в душе Гарро бурю протеста. Он усмехнулся в ответ и отрезал:

— Нет. Это мой корабль, и вы высадились, не имея на то моего разрешения! — Внезапно все напряжение и гнев, которые он сдерживал последние

несколько дней, вырвались наружу, и все свои чувства до последней капли капитан вложил в негодующий ответ. — Ты должен подойти и ты должен представиться. И ответить на мои вопросы!

В наступившей тишине он уловил отрывистое бормотание, и дула всех болтеров прибывших воинов медленно опустились к полу. Говоривший с Гарро поклонился и отступил в сторону, давая возможность выйти вперед другому человеку — тому, кто до сих пор оставался в центре группы.

В лучах ламп появился величественный силуэт в золотисто-желтых доспехах, и у Гарро перехватило дыхание. Даже при слабом свете высоких ламп появление новой фигуры осветило зал. Жесткий бескомпромиссный взгляд с обрамленного копной белоснежных волос хмурого лица прожег встречавших. Лицо казалось таким же твердым и неподатливым, как гигантские пластины золоченой брони, придававшие человеку сходство со статуей. Впрочем, не человеку.

— Примарх, — сорвался шепот с губ Хакура.

Все слова мгновенно вылетели из головы Гарро. Он обнаружил, что не может оторвать взгляд от доспехов военачальника. Как и у Гарро, его латы были украшены орлами на груди и плечах. Поверх одного наплечника сиял диск из белого золота, на котором из пластин черно-синего сапфира было выложено изображение угрожающе сжатого кулака. Наконец алмазно-твердые глаза отыскали Гарро и остановились на его лице.

— Прости наше вторжение, собрат, — произнес полубог сильным и твердым, но не раздраженным голосом. — Я — Рогал Дорн, командир Седьмого Легиона Космодесантников, сын Императора и примарх Имперских Кулаков.

Гарро вновь обрел способность говорить:

— Я Гарро, господин. Боевой капитан Гвардии Смерти Натаниэль Гарро, командир космического фрегата «Эйзенштейн».

Дорн сдержанно кивнул:

— Прошу позволения взойти на борт, капитан. Возможно, я смогу оказать тебе помощь.

Часть Третья.
НЕСЛОМЛЕННЫЕ

ЯРОСТЬ ДОРНА БОЖЕСТВЕННОСТЬ К ТЕРРЕ

По приказу примарха люди на артиллерийской позиции встали по стойке «смирно». Затем, склонив головы, они сотворили знамение аквилы, приложив руки к груди, а командир носовой батареи космической крепости вышел на позицию стрельбы. Помедлив несколько мгновений, он передвинул массивный рычаг.

Четыре высокоэффективные торпеды класса «корабль — корабль» ожили в выходных каналах, реактивные двигатели выбросили огненные струи и вытолкнули их на короткую дистанцию, разделяющую крепость и фрегат. Каждая из торпед была снабжена компактной, но мощной ядерной боеголовкой. Для выполнения задачи хватило бы и одного снаряда, но после перечисления всех ужасов, что появлялись на палубах «Эйзенштейна»,

было решено произвести полное уничтожение. Корабль выполнил свой долг, а его служба заканчивалась только в момент гибели.

«Фаланга» неподвижно замерла, наблюдая за последними секундами жизни корабля. Массивное сооружение, родовое обиталище Легиона Имперских Кулаков, он был скорее планетоидом, чем космическим кораблем. Этот колосс молчаливым свидетелем провожал младшего собрата в последний путь.

Торпеды ударили в нос, корму и через равные промежутки по длине сильно поврежденного корпуса. Детонаторы были запрограммированы безукоризненно, и все четыре боеголовки одновременно выбросили беззвучные вспышки света и радиации. Отблеск взрывов осветил собравшиеся вокруг корабли флотилии Астартес и через иллюминаторы проник белыми колоннами в самую высокую башню «Фаланги», где находились личные покои Рогала Дорна.

Гарро отвернулся от ослепительного

света и тотчас ощутил странное сожаление, словно подвел корабль, отказавшись наблюдать за последними моментами его службы Империуму. Дорн, стоявший неподалеку у самого высокого окна, не шелохнулся. Ядерная вспышка залила фигуру примарха ослепительным светом, но он даже не вздрогнул. Когда убийственный свет померк, командир Имперских Кулаков медленно кивнул.

— Все кончено, — услышал Гарро за своей спиной слова Йактона Круза. — Если там и оставалась какая-то зараза колдовства варпа, теперь она превратилась в пепел.

После того как его доспехи были перекрашены в былые цвета Лунных Волков, пожилой воин как будто стал немного выше. Дорн отреагировал на перемену поднятием брови, но ничего не сказал.

Гарро беспокоился о стоявшем рядом Гарье. Лицо капитана корабля казалось изможденным и болезненным, и космодесантник испытывал к этому человеку искреннее сочувствие. Такие

капитаны, как Гарья, были неотъемлемой частью своих кораблей, как сталь опорных балок, и трагический конец судна тяжело подействовал на офицера. Он до сих пор сжимал в пальцах бронзовую табличку, которую Гарро видел привинченной у основания командирского пульта «Эйзенштейна».

— Корабль достойно закончил свои дни, — сказал Гвардеец Смерти. — Мы обязаны ему своими жизнями — и даже больше.

Гарья взглянул в его лицо:

— Господин капитан, теперь я понимаю, что вы должны были чувствовать на Истваане III. Утратить свою семью, свою цель...

Гарро качнул головой:

— Барик... железо и сталь, плоть и кровь — все это недолговечно. Наша цель важнее всего, и ее невозможно утратить.

Капитан корабля кивнул:

— Спасибо за эти слова, капитан... Натаниэль.— Он посмотрел на примарха и согнулся в низком поклоне. — Могу ли я уйти?

Адъютант Дорна, тот самый капитан из десантной группы, ответил на его просьбу:

— Вы свободны.

Гарья поклонился космодесантникам и покинул просторный овальный зал. Гарро проводил его взглядом.

— Что с ним теперь будет? — спросил Круз.

— Для тех, кто выжил, будут подобраны новые места службы, — ответил капитан Имперских Кулаков. Этого сильного коренастого человека с темно-пепельными волосами звали Сигизмундом, а его благородное лицо повторяло строгие черты верховного командующего Легиона. — У Имперских Кулаков огромная флотилия, и способные специалисты всегда пригодятся. Возможно, этот человек станет неплохим инструктором.

Гарро нахмурился:

— Такому офицеру, как Гарья, необходимо управлять кораблем. Все остальное будет пустой тратой сил. Если бы ему можно было подобрать фрегат...

— Твои рекомендации будут учтены,

боевой капитан, — отдаленным раскатом грома пророкотал Дорн. — Я нечасто лично даю объяснения своим подчиненным офицерам, но, поскольку ты служишь в Легионе моего брата, а ваши порядки отличаются от обычаев моих сынов, я сделаю исключение. — Он повернулся и окинул Гвардейца Смерти изучающим взглядом, так что Гарро пришлось приложить все усилия, чтобы не отпрянуть. — Мы не привыкли тратить время на поврежденные корабли, которые не в состоянии угнаться за «Фалангой». Только во время этого путешествия из-за штормов в варпе я лишился уже трех судов и ничуть не приблизился к своей цели.

— К Терре, — выдохнул Гарро.

— Верно. Мой отец предложил мне вернуться вслед за ним на Терру, чтобы взять в свои руки сооружение укреплений вокруг его дворца и присмотреть за формированием Преторианской Гвардии. Но последствия Улланора и все, что произошло позже... нас задержали.

Гарро чувствовал, что прирос к полу. То же самое благоговейное восхищение,

что охватывало его в присутствии Мортариона и позже, в Совете Луперкаля, снова тесными объятиями сдавило грудь. Ему казалось удивительным, что этот могучий воин может говорить о Повелителе Человечества, как обычный сын говорит о своем родителе.

Тем временем Дорн продолжал:

— Мы оставили моего брата Хоруса в надежде на скорое завершение этой миссии, но быстро обнаружили, что Вселенная воспротивилась нашим намерениям.

При упоминании имени Хоруса на лице Гарро непроизвольно появилось выражение замешательства, и боевой капитан был уверен, что Сигизмунд заметил его реакцию. Из разговоров на борту «Стойкости» Гарро знал, что Имперские Кулаки покинули Шестьдесят Третью экспедицию накануне того дня, когда Гвардия Смерти закончила свою миссию в йоргалльском мире. За все годы службы в Легионе ему ни разу не приходилось делить поле боя с сынами Дорна, и он знал их только по рассказам

воинов других Легионов.

Имперских Кулаков называли отважными бойцами и мастерами осады. Еще говорили, что они могут не только овладеть любой крепостью, но и сделать ее неприступной для самого искусного противника. Гарро сам видел плоды их труда в сооружениях, построенных на Хелике и в мире Зофор. Теперь он мог согласиться со всем, что о них услышал. И Дорн, и его воины казались крепкими, как крепостные стены.

— Эти шторма, — заметил Натаниэль, — и нас чуть не загнали до смерти.

Сигизмунд кивнул:

— Если позволите высказать мое мнение, господин, ничего подобного мы еще не встречали. Буря налетела на флотилию в тот самый момент, когда мы пересекли границу Эмпиреев, и все тщательно составленные навигаторами маршруты оказались бесполезными. Любые ориентиры, какими бы они ни были, рассыпались горстками песка. Самые опытные представители Навис Нобилитэ

в этой безликой пустыне могли ориентироваться не лучше слепых детей.

Дорн отошел от иллюминатора.

— Вот так мы на тебя и вышли, Гарро. Шторма загнали нас в эту загадочную зону варпа и оставили в неподвижности среди бушующего безумия. «Фаланга» вместе со всей флотилией попала в полный штиль. Все суда, которые пытались выйти сквозь шторм, были разбиты в щепки. — Мимолетная тень горчной иронии скользнула по лицу примарха. — Империум нас блокировал.

— И вы увидели устроенную им вспышку, — сказал Круз. — На таком огромном расстоянии все же увидели свет.

— Это был рискованный поступок, — кивнул примарх. — Ты не мог знать, окажется ли кто-то в пределах видимости.

— У меня была вера, — возразил Гарро.

Дорн с любопытством посмотрел на него, словно хотел уточнить слова капитана, но затем продолжил:

— Ударная волна после детонации двигателей разрушила штормовые

барьеры. Энергия взрыва позволила нашим навигаторам снова приступить к своим обязанностям. — Он чуть-чуть наклонил голову. — Так что ты у тебя в долгу, Гвардеец Смерти. После спасения тебя и твоей команды его можно считать оплаченным.

— Благодарю вас, господин. — От напряжения Гарро едва мог говорить. — Единственное, чего я хочу, — чтобы события, приведшие нас сюда, не прошли понапрасну.

— Ты опережаешь мои вопросы, Гарро. Теперь, когда ты понял, как я смог прийти тебе на помощь, твоя очередь объясниться. Я бы хотел узнать, как получилось, что одинокий военный корабль Гвардии Смерти оказался на этой удаленной территории, почему на его корпусе следы обстрела имперских орудий и почему один из твоих боевых братьев лежит сейчас в моем лазарете с болезнью, которая ставит в тупик лучших апотекариев моего Легиона.

Гарро взглядом обратился к Кругу за поддержкой, и ветеран кивнул ему в ответ.

— Лорд Дорн, то, что я должен сказать, вряд ли вам понравится, а к концу рассказа вы можете пожалеть о том, что спросили меня.

— Вот как? — Примарх вышел на середину зала, вынуждая всех собравшихся следовать за ним. — Ты считаешь, что лучше меня знаешь, что может мне не понравиться? Возможно, мой брат Мортарион в Гвардии Смерти и позволяет такую самонадеянность, но у Имперских Кулаков это не принято. Ты расскажешь мне всю правду, ничего не утаивая. А потом, прежде чем отправиться к Терре, я решу, как поступить с тобой и остальными семью десятками заблудившихся Астартес.

Дорн ни разу не повысил голоса, ни разу не показал ни малейшего намека на раздражение, но его приказы были исполнены такой спокойной силы, что Гарро не мог им не повиноваться. Кроме того, он знал, что Сигизмунд и отряд его воинов со всех сторон зала внимательно наблюдают за ним и Крузом и не пропустят ни малейшего намека на

неповиновение.

— Хорошо, мой господин, — ответил он.

Гарро набрал в грудь побольше воздуха и начал рассказывать о событиях вокруг Истваана и о Совете Луперкаля.

В любой другой ситуации разговорчивый Йактон Круз захотел бы сам поведать историю и высказать собственный взгляд на события, произошедшие с космодесантниками. Но как только Гарро начал излагать их приключения, Лунный Волк мгновенно успокоился. Прислушавшись к самому себе, он понял, что ничего не может добавить к конкретному и сжатому повествованию Гвардейца Смерти, и только кивал, когда Гарро взглядом просил подтвердить мелкие детали.

Тишина, установившаяся в покоях Дорна, встревожила Круза. Сигизмунд и все остальные Имперские Кулаки в желтых с черной отделкой доспехах Первой роты затерли, словно статуи, и с непроницаемыми лицами слушали

продолжающийся рассказ. Единственное движение исходило от самого Рогала Дорна; примарх, погрузившись в раздумья, медленно ходил взад и вперед по залу и лишь изредка останавливался, сосредоточивая на Гарро все свое внимание. Так продолжалось до тех пор, пока боевой капитан не дошел до приказов Эйдолона убить Саула Тарвица и до своего отказа выполнить это распоряжение. Тогда Дорн прервал рассказ.

— Ты не повиновался прямому приказу старшего офицера, — произнес он, и в его интонации не было вопроса.

— Да, сэр.

— Какие у тебя в тот момент были основания считать Тарвица не тем, кем его считал Эйдолон — изменником и перебежчиком?

Гарро нерешительно помолчал и неловко переступил аугметической ногой.

— Никаких, господин, кроме моей веры в названого брата.

— Опять это слово, — проронил примарх. — Продолжай, капитан.

О перестрелке на артиллерийской

палубе «Эйзенштейна» Круз узнал из разговора с Хакуром, но только теперь, после изложения истории Гарро, он понял ее истинный смысл. Гвардеец Смерти намеревался пропустить оскорбительные высказывания Грульгора, а когда Дорн приказал привести все подробности и Гарро все же процитировал их, напряженность в зале усилилась. Круз заметил, как у Сигизмунда от ярости задрожали губы, и, в конце концов, капитан не выдержал:

— Я не могу просто стоять и слушать это! Если все это правда, тогда скажи, как Воитель позволил Гвардии Смерти вкупе с Детьми Императора провернуть такое дело под самым его носом? Несанкционированная вирусная бомбардировка целого мира? Истребление гражданских лиц? Неужели он внезапно ослеп, Гарро?

— Он не ослеп, — угрюмо отвечал Натаниэль. — У Хоруса отличное зрение. — Гарро посмотрел в глаза примарху. — Господин, ваш брат не оставался в неведении относительно проявленного

вероломства. Он сам был автором этого плана, и его руки обагрены кровью людей его личного Легиона, так же как и моего, и Пожирателей Миров, и Детей Императора...

Движение Дорна было настолько быстрым, что Круз вздрогнул, но целью командира Имперских Кулаков был не он. Раздался громкий удар, и Гарро кувырком полетел на ярко-голубой мраморный пол кабинета. Лунный Волк видел, что боевой капитан едва не потерял сознание, а на его лице мгновенно расцвел новый кровоподтек. Гвардеец Смерти осторожно моргнул, превозмогая слабость, и вправил выбитую челюсть.

— За то, что ты осмелился хотя бы подумать о таких вещах в моем присутствии, тебя следовало отхлестать, а потом выбросить в бездну! — зарычал примарх, и каждое его слово резало острым лезвием. — Я больше не желаю выслушивать твои фантазии.

— Вы должны, — выпалил Круз, качнувшись вперед. Он проигнорировал щелчки взводимых курков на болтерах

бойцов Сигизмунда. — Вы должны его выслушать!

— Ты осмеливаешься мне приказывать? — Дорн повернулся к старому воину. — Ты, старик, которому давно пора на покой, осмеливаешься говорить, что я должен делать?

Йактон увидел незначительную возможность и уцепился за нее:

— Осмеливаюсь, более того, я знаю, что вы это сделаете. Если бы вы действительно верили в лживость рассказа Гарро, вы бы убили его на месте. — Он шагнул назад и помог капитану подняться. — Даже в момент гнева вы сдержались и не сломали ему шею, потому что хотели услышать все. Вы ведь этого и хотели, не так ли? Всей правды?

На мгновение взгляд примарха полыхнул такой яростью, что у Круза застыла кровь в жилах. «Вот и все, старый дурак, — подумал он. — Ты зашел слишком далеко и погубишь нас обоих».

Но вот Дорн жестом приказал Сигизмунду и остальным космодесантникам опустить оружие.

— Говори, — приказал он Гарро. — Выкладывай все.

Гарро преодолел слабость и боль. Как быстро двигался Дорн! Даже в массивных боевых доспехах он действовал со скоростью молнии. Если бы примарх намеревался действительно причинить ему вред, Гарро бы не успел ничего заметить. Натаниэль осторожно сглотнул и, превозмогая боль, сделал глубокий вдох.

— После бомбардировки я понял, что у меня нет другого выхода и остается поступить так, как мы решили в разговоре с Саулом Тарвицем, то есть предупредить Терру. После гибели Грульгора я приказал своим людям обезопасить «Эйзенштейн». В это время на борт поднялся и капитан Круз с несколькими гражданскими лицами.

— С летописцами и литератором, — добавил примарх. — А до того они находились на борту «Духа мщения», флагмана Хоруса.

— Да, господин, — вступил в разговор

Лунный Волк. — Мой боевой брат Гарвель Локен попросил меня позаботиться об их безопасности. Эта девушка, Киилер... — Он помедлил, стараясь четко выразить свои мысли. — Она предположила, что спасти нас может капитан Гарро.

— Локен, — повторил Сигизмунд. — Мой господин, я знаю его. Мы встречались на борту «Духа мщения».

Дорн посмотрел в его сторону:

— И какие у тебя о нем впечатления, капитан?

— Уроженец Хтонии, со всеми вытекающими отсюда последствиями. Сильный духом, немного наивный. Он показался мне заслуживающим доверия человеком принципов.

Примарх принял информацию и кивнул:

— Продолжай, Гарро.

Натаниэль, стараясь не обращать внимания на вывихнутую челюсть, изложил обстоятельства послания Тифону сигнала и погони «Терминус Эст», а потом рассказал о катастрофическом путешествии через варп. В какой-то

момент, когда Гарро описывал ужасные воплощения людей Грульгора, один из людей Сигизмунда тихонько устехнулся, но суровый взгляд Дорна быстро заставил его умолкнуть.

— На просторах Материума рыщут странные существа, о которых мы и не догадываемся, — мрачно произнес командир Имперских Кулаков, — но твои описания не подходят даже под эту классификацию. Те чудовища, которых ты изобразил, слишком напоминают примитивные воплощения магии и колдовства.

Гвардеец Смерти кивнул:

— Я и не отрицаю этого, лорд Дорн. Но вы приказали правдиво рассказать обо всем, что я видел, а видел я именно это. Какие-то силы варпа вернули людей Грульгора к жизни, реанимировав их при помощи тех самых болезней, от которых они умерли. Не просите меня объяснять подобные явления, сэр, потому что я не смогу этого сделать.

— И с этим ты пришел ко мне? — Медлительный гнев примарха тяжелым

темным дымом заполнил зал. — С замысловатой историей о предательстве и тайнах среди сынов Императора, с коллекцией плохо проверенных слухов, после торопливых действий, основанных на чувствах, а не на холодном расчете? — Он медленно приближался к Гарро, и Натаниэлю стоило больших усилий не попятиться назад. — Если бы сейчас, в этой комнате, с нами были мои братья Мортарион, Фулгрим, Ангрон, Хорус... Что бы они ответили на твои сказки? Да ты бы и вздохнуть не успел после такой беспардонной выдумки!

— Я знаю, в это трудно поверить...

— Трудно? — Дорн впервые повысил голос, и стены отозвались дрожью. — Трудным может быть запутанный лабиринт или сложная последовательность навигационных формулировок! А это противоречит самим основам и характеру братства избранных воинов Императора! — Взгляд горящих яростью глаз не отрывался от лица капитана. — Я даже не знаю, что с тобой сделать, Гарро! Ты ведешь себя как

честный человек, но если ты не изменник и не предатель, значит, ты одержим какой-то странной формой безумия! — Он ткнул пальцем в сторону Круза. — Может, мне сделать вывод о заразности этого недуга? Или варп настолько исказил твой разум и оставил в нем навязчивые видения?

Гарро услышал, как кровь застучала в ушах. Все пропало, все пошло не так, как он надеялся. В стремлении найти спасителей «Эйзенштейна» и способ передать на Терру предупреждение, капитан даже не предполагал, что ему могут не поверить. Он опустил голову.

— Смотри на меня, когда я с тобой говорю, Гвардеец Смерти! — прикрикнул примарх. — Эти вымыслы, принесенные тобой в мои личные покои, вызывают у меня отвращение и отвращение. То, что ты осмелился говорить подобные вещи о беспримерном герое, моем брате Хорусе, привело меня в неописуемую ярость! — Он приставил палец к нагруднику доспехов Гарро. — Как невысоко ты ценишь свою честь, что так легко от нее отказался!

Если такой бесчестный человек смог подняться до командира роты Четырнадцатого Легиона, я сочувствую брату Мортариону. — Пальцы Дорна сжались в массивный бронзовый кулак. — Знай, я не стану лично разрывать тебя на куски только потому, что не хочу лишать этого удовольствия своих братьев!

Гарро показалось, что палуба под ногами превратилась в трясину, а на груди защелкнулся невидимый капкан. К нему вернулись та слабость и тошнота, которые он испытал в коридоре перед входом в святилище навигаторов, в хватке созданий варпа. Так же как и тогда, он заглянул в себя и отыскал силу духа, благодаря которой добрался сюда. Моя вера.

— Разве вы ослепли? — прошептал он.

Дорн превратился в бушующий шторм:

— Что ты сказал?!

— Я спросил, не ослепли ли вы, господин, поскольку мне кажется, что это так. — Слова вырвались у него совершенно неожиданно, и какая-то часть Гарро

изумилась, как он мог высказать столь безумное предположение. — Только тот, кто поражен таким недугом, может вести себя так, как вы. Вами овладела братская слепота: чувство справедливости померкло перед восхищением и уважением, оно затуманено вашей любовью к родному брату, Воителю.

Невозмутимость редко покидала Дорна, но сейчас случилось именно так. Ярость возобладала над сдержанностью, и примарх с оглушительным ревом выхватил могучий цепной меч, сверкнувший в воздухе золотой дугой.

— Я беру назад свое предыдущее заявление! — крикнул он. — На колени! И прими смерть, пока у тебя еще есть возможность закончить жизнь как космодесантник!

— Лорд Дорн! Нет!

Женский голос прозвенел в зале, но он был настолько переполнен чувством, что все собравшиеся, даже сам примарх, затерли.

Круз, обернувшись, увидел, что по

голубым траморным плиткам бежит Киилер, а ее каблуки звонко цокают при каждом шаге. Следом появились Зиндерманн, Мерсади Олитон и пара Имперских Кулаков с оружием наперевес. Йактон ощутил, как отзвук голоса Эуфратии резонирует внутри его тела, и вспомнил странное тепло, разлившееся от прикосновения ее рук к его груди на борту «Духа мщения», когда казалось, что все кончено.

— Что это за вторжение? — вскричал Дорн, не отводя жужжащего кончика меча от горла Гарро.

— Они попросились войти,— доложил один из стражей.— Она... Эта женщина...

— Временами она бывает очень убедительной,— пробормотал Круз.

Эуфратия бесстрашно предстала перед лицом примарха.

— Рогал Дорн, Золотой Герой, Человек-Камень. Ты стоишь на повороте истории Империума и всей Галактики. Если ты убьешь Натаниэля Гарро за то, что он одарил тебя своей искренностью, значит, ты и в самом деле слеп, как он

говорит.

— Кто ты? — обратился к ней золотой колосс.

— Я Эуфратия Киилер, бывший фотограф и летописец Шестьдесят Третьей экспедиции. А теперь... сосуд. Сосуд воли Императора.

— Твое имя мне ни о чем не говорит, — бросил Дорн. — Отойди в сторону или умри вместе с ним.

Круз услышал, как Олитон всхлипнула и спрятала лицо на груди Зиндерманна. Он ожидал, что на лице Киилер появится тень страха, но оно выражало лишь печаль и сострадание.

— Рогал Дорн, — сказала женщина, протягивая к примарху руку. — Не бойся. Ты состоишь не только из камня и стали, каким тебя видят звезды. Ты можешь быть открытым. Не надо бояться правды.

— Я — Имперский Кулак,— словно гигантские молоты, загрохотали его слова.— Я и есть воплощенный страх!

— Тогда ты увидишь правдивость слов Натаниэля. Посмотри на свидетельство его честности.

Она поманила рукой Олитон, и документалист с помощью итератора подошла ближе. Круз не мог удержаться от улыбки, когда заметил, что темнокожая женщина достаточно оправилась, чтобы оставаться элегантной, как всегда.

— Я Мерсади Олитон, документалист, — слегка присев в реверансе, представилась она. — Если господин примарх позволит, я продемонстрирую ему свои записи о тех событиях.

С этими словами Олитон показала на вмонтированный в пол голопроектор.

Дорн, еще кипя от злобы, прижал меч к груди.

— Это будет моей последней уступкой.

Сигизмунд вышел вперед и проводил Мерсади к голопроектору. Документалист осторожно вытащила из ворота платья тонкий кабель и приложила его к гладкой безволосой коже своего удлиненного черепа. Когда штекер попал в скрытый под кожей разъем,

Чактон услышал негромкий щелчок. Другой конец Олитон вставила в гнездо на панели управления. Покончив с соединениями, она, скрестив ноги, уселась на пол и склонила голову.

— Я одарена многими возможностями хранить в памяти факты и события. Я могу записывать и воспроизводить потоки изображений, и все это хранится в имплантированных мнемонических катушках. — Мерсади подняла руку и потерла голову пальцем.— Сейчас я открываю их. Мой господин, все, что будет вам показано, я видела своими глазами. Эти изображения невозможно сфабриковать или изменить. Это... — Ее голос дрогнул из-за подступивших рыданий. — Это то, что было.

— Все хорошо, моя дорогая,— прошептал Зиндерманн, беря ее за руку. — Будь храброй.

— Это будет для нее нелегко, — пояснила Киилер. — Документалист каждый раз переживает эхо эмоций, сопровождающих события.

Экран голопроектора ожил, и на нем

показались темные размытые фигуры. В общей массе Круз различил несколько лиц, как знакомых, так и неизвестных ему: Локен, этот никчемный поэт Каркази, астропат Инг Мае Синг, Петронелла Вивар и ее немой убийца Маггард. Затем туман рассеялся, и несколько мгновений Олитон скользила взглядом по залу, а экран отражал все, что она видела. Ее взгляд остановился на Дорне, и примарх кивнул.

Туман в изображении голопроектора рассеялся, и внимание Гарро полностью поглотило происходящее действо. До этого он только от Круза слышал о том, что происходило в главном зале аудиенций «Духа мщения», а сейчас он видел все это сам, через глаза очевидца.

В воздухе разворачивались жестокие картины боев за город Хорал, транслируемые с поверхности Истваана, и у Олитон вырвались приглушенные всхлипывания. Гарро, Круз и бойцы Легиона Имперских Кулаков давно привыкли к войнам, но даже их заставила замолчать

откровенная и необузданная жестокость передаваемых сцен. Гарро заметил, как Сигизмунд неодобрительно поморщился. Затем запись оборвалась, поскольку Мерсади в тот момент посмотрела поверх высокой трибуны на Воителя. Его лицо освещала холодная и жесткая целеустремленность.

— Вы говорили, что хотели увидеть войну, летописцы. Что ж, вот вам война.

Хорус не скрывал испытываемого наслаждения. В этот момент он не был похож на воина, по необходимости ведущего битву, этот человек с удовольствием окунал руки в потоки крови.

— Хорус?

Едва уловимый шепот слетел с губ Дорна, но Гарро различил в нем вопрос и сомнение. Примарх увидел неестественность в поведении своего брата.

Затем глазами Мерсади Олитон они наблюдали за бомбардировкой Исстваана III и города Хорала. Серебряные блестки вылетали из закрепившихся на орбите

кораблей и, подобно хищным птицам, преследующим жертву, уносились вниз. В ушах еще звучали крики и стоны летописцев, расстрелянных болтерами космодесантников, а смертоносные стрелы уже выбрасывали над поверхностью черные облака неминуемой смерти.

— Кровь Императора, — прошептал Сигизмунд. — Гарро говорил правду. Он расстрелял своих же людей.

— Что... что это? — воскликнула Олитон в унисон с ее голосом в записи.

Ей ответили сохраненные в памяти слова Киилер: «Ты все видела. Император через меня все тебе показал. Это смерть».

Запись оборвалась, и на экране стали разворачиваться другие фрагменты. Несколько отрывочных кадров показали схватку Круза с наемным убийцей Маггардом на пусковой палубе, бегство с корабля Хоруса, атаку «Термингус Эст» и многое другое.

Наконец Дорн отвернулся.

— Хватит. Прекрати это, женщина.

Зиндерманн осторожно отсоединил кабель от пульта голопроектора, и

Мерсади дернулась, словно неисправная марионетка, а изображение рассеялось.

Холодный чистый воздух личного кабинета примарха звенел от напряжения. Дорн медленно убрал меч в ножны. Потом провел пальцами по лицу, по глазам.

— Возможно ли... Но разве я сам этого не видел? — Дорн отыскал взглядом Гарро, и тому показалось, будто могущество примарха едва заметно потускнело.— Как глупо. Но разве удивительно, что я настолько противился принятию безумной правды, что чуть не убил принесшего ее гонца?

— Нет, господин, — признал Гарро. — И я не хотел в это верить, но истина мало заботится о том, чего мы хотим.

Сигизмунд шагнул к своему командиру:

— Господин, что мы будем делать?

Гарро ощутил некоторое сочувствие к Первому капитану. Ему были понятны боль и стыд, испытываемые в этот момент воинами Имперских Кулаков.

— Собери капитанов и проинформируй их, но проследи, чтобы сведения не

разошлись дальше. Гарро, Круз, этот приказ касается и вас. Заставьте спасенных с «Эйзенштейна» людей помалкивать. Я не хочу, чтобы эти известия неконтролируемо распространялись по флотилии. Я сам выберу момент, когда все рассказать Легиону.

Космодесантник кивнул:

— Да, господин.

Дорн отвернулся.

— А сейчас вы все меня оставите. Я должен хорошенько подумать. — Он взглянул в сторону Сигизмунда. — Никто не должен входить в мои покои, пока я сам не выйду.

Первый капитан отдал честь.

— Господин, если вам нужны советы...

— Не нужны.

Примарх отпустил их, и, после того как все вышли, Гарро не мог не заметить глубокую озабоченность на лице Сигизмунда, закрывавшего за собой двери.

Капитан увидел стоявшую неподалеку Киилер и заметил на ее щеке одинокую слезинку.

— О ком ты плачешь? — спросил он. — О нас?

Эуфратия покачала головой и показала рукой на тяжелую дверь:

— О нем, Натаниэль, потому что сам он плакать не может. Сегодня мы с тобой разбили братское сердце, и ничто в мире не в состоянии его склеить.

Экипаж флотилии Дорна начал подготовку к возвращению в варп, а мужчины и женщины с Эйзенштейна, изолированные во временных убежищах в каменных недрах «Фаланги», остались в стороне от общей деятельности и забот. Медитировать у Гарро не получалось, так что он отправился бродить по коридорам и переходам огромной каменной крепости. Когда-то «Фаланга», возможно, была планетоидом или даже малым спутником какого-то отдаленного мира, а сейчас превратилась в собор, посвященный воинской славе и подвигам космодесантников VII Легиона. Гарро увидел галереи боевой славы, протянувшиеся на несколько километров,

заглядывал в отсеки, где для тренировочных занятий были воспроизведены условия разных полей сражений. Он осмотрел обширное помещение, отданное под замерзшие дюны, совсем как на Инвите, где Дорн, по слухам, провел свою юность. Повсюду вокруг него, ни на секунду не останавливаясь, с серьезным видом сновали воины в золотистых доспехах, а Гарро бродил не спеша, все еще превозмогая оставшуюся после ранения хромоту. Он чувствовал себя не на своем месте, и его траморно-зеленые доспехи никак не сочетались с золотисто-черными латами Имперских Кулаков.

Наконец, почти убедив себя, что это обычная случайность, Гарро оказался у дверей каюты, отведенной Эуфратии Киилер.

Он даже не успел постучать, как дверь открылась.

— Привет, Натаниэль. Я приготовила немного травяного отвара. Ты зайдешь? — Киилер оставила дверь открытой и исчезла в глубине комнаты. Гарро, вздохнув, последовал за ней. — Есть

какие-нибудь известия от лорда Дорна?

— Нет, — ответил Гарро, окидывая взглядом скромное помещение.— Он не покидал своих покоев весь день и всю ночь. Пока все командование осуществляет капитан Сигизмунд.

— Примарху есть о чем подумать. Мы можем только отдаленно догадываться, насколько сильно встревожили его эти новости.

— Да, — признал он, принимая из хрупких рук Киилер чашку ароматного отвара.

Гарро перенес вес тела на аутметическую конечность. Все последние дни механическая нога доставляла ему наименьшие неприятности, по сравнению со всем остальным.

— А как ты? — спросила Эуфратия. — Куда тебя завели все эти события?

— Я надеялся, что смогу немного отдохнуть, поспать. Но это оказалось довольно трудно.

— Я думала, что космодесантники никогда не спят.

— Это предубеждение. Наши имплантаты позволяют погружаться в сон только наполовину, чтобы всегда сознавать, что творится вокруг. — Гарро отхлебнул из чашки и обнаружил, что жидкость пришлась ему по вкусу. — Я пытался заснуть несколько раз, но тревожные картины каждый раз меня пробуждали.

— А что ты видел в своих снах?

Гвардеец Смерти нахмурился.

— Войну в неизвестном мне мире. Временами ландшафт казался знакомым, но определиться было трудно. Со мной были мои братья — Децимус и Войен, и воины Дорна тоже. Мы сражались с каким-то существом отвратительного вида, которое сеяло вокруг себя эпидемии болезней, как те чудовища на «Эйзенштейне». В воздухе было темно от роившихся мух, и я все время испытывал тошноту. — Он отвел взгляд, прогоняя видение. — Но это просто мираж.

На столе у Эуфратии лежала пачка трактатов Божественного Откровения, а в подсвечнике горела толстая свеча.

— Я прочел бумаги Калеба. Теперь, мне кажется, я лучше понимаю веру твоих людей.

Эуфратия проследила за его взглядом.

— После нашего спасения верующие предоставлены самим себе, — сказала она. — Больше нет никаких собраний. — Киилер улыбнулась. — Натаниэль, ты сказал «твоих людей». Разве ты не считаешь себя одним из нас?

— Я — космодесантник, слуга Имперских Истин...

Киилер жестом попросила его не продолжать:

— Мы уже говорили на эту тему. Эти два понятия не исключают друг друга. — Она посмотрела ему в глаза. — Ты взвалил на свои плечи слишком тяжелую ношу, но никак не хочешь разделить ее с другими. Это послание... предупреждение — это не только твоя цель. Все мы, все, кто избежал убийства на Истваане, тоже несем этот груз.

— Может, и так, — признал Гарро. — Но это никак не делает легче мою ношу. Я

командир... — Он ненадолго замолчал, потом продолжал: — Я был командиром на «Эйзенштейне», и передать послание остается моим долгом. Ты и сама говорила, что это моя миссия.

Киилер покачала головой:

— Нет, Натаниэль, предупреждение Терры — это только одна сторона. Твой долг, как ты только сейчас сказал, — это правда. За нее ты рисковал своей жизнью, за нее пошел против своих убеждений, за нее, не дрогнув, выстоял перед яростью примарха.

— Да, но когда я думаю, какие разрушения, какая тьма последует за ней, я ощущаю себя совершенно сокрушенным! Сама сущность и масштаб предательства Хоруса... После этого разразится гражданская война, в которой сгорит вся Галактика.

— И ты чувствуешь себя ответственным за это из-за того, что несешь предупреждение?

Гарро отвел взгляд:

— Я всего лишь солдат. Я так думал, но теперь...

Женщина придвинулась ближе:

— Что, Натаниэль? Скажи мне, во что ты веришь сейчас?

Он отставил чашку и вытащил бумаги и бронзовую икону Калеба.

— До того как он умер, мой денщик говорил, что передо мной стоит цель. В то время я не понимал, что это означает, а сейчас... Сейчас я в этом не сомневаюсь. Что, если Калеб был прав, что, если и ты права? В ваших молитвах говорится, что Император защищает. Не для того ли Он меня защитил, чтобы я смог выполнить свой долг? — Гарро говорил все быстрее и быстрее, слова лились потоком, едва успевая за его мыслями. — Все, что я видел и слышал, все, что явилось мне в видениях... не для того ли, чтобы укрепить мои мысли? Часть меня кричит, что это величайшее высокомерие, но тогда я оглядываюсь вокруг и вижу, что я был Им избран. Если это действительно так, то кем еще может быть Император, как не... божеством?

Киилер протянула руку и дотронулась до его пальцев. После

торопливой речи Гарро с трудом восстанавливал дыхание.

— Наконец-то ты открыл глаза, Натаниэль!

Женщина смотрела на него и плакала, но это были слезы счастья.

В спальной келье, отведенной Гарро, его ждал вызов. Следуя кратким указаниям Сигизмунда, он сел в пневмопоезд и покатил вверх по сложной системе туннелей, даже более обширной, чем в среднем городе-улье. Наконец он добрался до командного центра крепости, и сержант Имперских Кулаков с суровым выражением лица проводил его в палату аудиенций, по величине и пышности способную поспорить с Советом Луперкаля. В голове Гарро шевельнулись неприятные воспоминания. В последний раз, когда его приглашали на подобное собрание, и начались события, связанные с ересью Хоруса.

Здесь его уже ждал Йактон Круз вместе с капитанами множества рот Имперских Кулаков. Воины в желтом едва

заметили появление Гвардейца Смерти, и только Сигизмунд поприветствовал его коротким кивком.

— Эй, парень, — заговорил Лунный Волк, — похоже, мы скоро узнаем, какая судьба нас ожидает.

Несмотря ни на что, Гарро ощущал прилив новых жизненных сил, и слова Киилер все еще звучали в его памяти.

— Я готов ее встретить, — ответил он ветерану. — Какой бы она ни была.

Круз, заметив перемену в своем друге, слегка улыбнулся:

— Отлично. Мы увидим все до конца.

— Конечно.— Гарро осмотрел зал.— Это и есть высшие офицеры Дорна? Они кажутся довольно угрюмыми.

— Ты прав. Даже в лучшие дни Имперские Кулаки вели себя очень сдержанно. Я помню, как мы с парнями из Третьей роты воевали вместе с воинами Эфрида, моего коллеги. — Он указал на бородатого космодесантника в соседней группе. — За всю кампанию, длившуюся целый год, я не видел на его лице даже намека на улыбку. А вон там Алексис

Полукс, Йоннад, Тир из Шестой... Не зря их прозвали Каменными Людьми. — Он покачал головой. — А теперь они стали еще мрачнее.

— Сигизмунд рассказал им о Хорусе?

Круз ответил кивком.

— Но это еще не все. Я слышал разговоры о взрыве буйной ярости внутри личных покоев Дорна. Невозможно представить, на что способен пробудившийся гнев примарха.

— А Рогал Дорн не из тех, кто открыто демонстрирует свои чувства. — Гарро снова окинул взглядом офицеров.— Характер примарха наложил отпечаток на весь Легион.

— У них так принято,— заметил Круз.— Они скрывают свою ярость за стеной из стали и камня.

Высокие двери в конце зала распахнулись, и из полутрака коридора появился командир Имперских Кулаков. На этот раз на нем не было боевых доспехов, в которых Гарро увидел примарха, впервые появившись на корабле, вместо них Дорн надел простую одежду, но перемена облика

ничуть не повлияла на его величие. Более того, без ярко блестящего керамита и ограничивающей его пластали примарх казался еще больше. Сигизмунд и остальные капитаны поклонились, и Гарро с Кузом последовали их примеру.

Учитывая все, что он знал об Имперских Кулаках, Гарро ожидал какой-то церемонии или формальных процедур, но Дорн твердыми шагами прошел в центр помещения и осмотрелся, по очереди глядя в глаза каждому из офицеров.

В его глазах он заметил гнев, запертый в гранит воли, эхо той ярости, которая недавно была направлена против Гарро. Во рту внезапно пересохло. Натаниэль не хотел бы снова столкнуться с разгневанным примархом.

— Братья, — пророкотал Дорн. — В системе Истваана происходит нечто такое, что абсолютно противоречит каждому слову нашей клятвы Владыке Терры. Хотя все обстоятельства происходящего мне еще не совсем понятны, надо решить, что нам делать дальше. — Он сделал несколько шагов по направлению

к Гвардейцу Смерти и Лунному Волку. — К счастью или к несчастью, предостережение, переданное нам боевым капитаном Гарро, необходимо доставить по назначению. Вести должны достигнуть ушей Императора, поскольку только он может решать, как с этим поступить. В этом отношении, как бы я ни жалел, выбор остается не за мной.

— Позвольте высказаться, мой господин, — заговорил капитан Тир. — Если достоверность этих ужасающих фактов не вызывает сомнений, как же мы можем оставить их без ответа? Если в системе Истваана взошли ростки предательства, нельзя позволить им укорениться.

Сидящие рядом с ним офицеры закивали.

— Мы ответим, в этом ты можешь не сомневаться, — ответил Дорн со спокойной уверенностью в голосе. — Капитан Эфрид, капитан Халбрехт и их отделения ветеранов составят отделение моей личной охраны и останутся на борту «Фаланги». По окончании этого собрания я

прикажу навигаторам проложить курс на сегментум Солар. Капитан Гарро выполнил свой долг, предупредив нас, и теперь я сам прослежу, чтобы дело было доведено до конца. Я отправляюсь на Терру, как и намеревался до сих пор. — Он взглянул на Первого капитана. — Сигизмунд, моя сильная правая рука, ты возьмешь на себя командование остальной частью Легиона и всей военной флотилией. Ты осуществишь обратный переход в систему Истваана в полной боевой готовности, и не забывай, что окажешься там на вражеской территории. Вернуться туда будет непросто. В том секторе варпа еще вовсю бушуют шторма, и полет потребует максимального напряжения. Отправляйся туда, Первый капитан, поддержи верных Императору людей и посмотри, что творится в тех мирах.

— Если Воитель повернулся спиной к Терре, каковы будут ваши приказы? — спросил Сигизмунд, побледнев как полотно.

Лицо Дорна ожесточилось.

— Передай, что его брат Дорн

заставит его за это ответить.

СУДЬБА СЕМИДЕСЯТИ
МОРЕ КРИЗИСОВ
ВОЗРОЖДЕНИЕ

Капитан Гвардии Смерти вышел на уровень обширного лазарета и отыскал путь, ведущий к палате, где лежал Децимус. Он подошел к изолятору. Вместе с бронзовой табличкой, сохраненной капитаном Гарья, это было все, что осталось от фрегата «Эйзенштейн» после полного уничтожения. Гигантские грузовые сервиторы просто демонтировали модуль с медицинской палубы обреченного корабля и установили его в лазарете «Фаланги», где апотекарии Дорна могли испытать свои способности на болезни раненого воина.

Медики Имперских Кулаков добились не большего успеха, чем их коллеги из Гвардии Смерти. Через стены стеклянной капсулы казалось, что Децимус как никогда близок к смерти. Синевато-багровая

ножевая рана, казалось, вбирает в себя все цвета и силы больного. От нее во все стороны протянулись белесые полосы отмершей ткани. В уголках губ и ноздрей Децимуса появились мокрые язвы, веки склеились от высохших гнойных выделений. С каждой мучительной минутой загадочная болезнь, пропитавшая проклятый нож Грульгора, все увереннее преодолевала защитные барьеры организма молодого космодесантника.

Неожиданно Гарро понял, что рядом с ним кто-то есть. В стеклянной стене отразилось лицо Войена.

— Раз или два он пытался говорить, но слова было невозможно разобрать, — прошептал апотекарий, словно боялся говорить с капитаном. — В горячке он выкрикивал военные кличи и боевые приказы.

Гарро кивнул:

— Он сражается с болезнью, как с любым другим врагом на поле боя.

— Мы мало чем можем ему помочь, — признался Войен. — Несколько дней назад вирус мутировал и теперь передается по

воздуху, так что мы не можем войти в изолятор даже в полностью закрытых доспехах, чтобы помочь бедняге. Я делаю все, что могу, чтобы облегчить его боль, но в остальном он предоставлен самому себе.

— Император его защитит, — пробормотал Гарро.

— Будем надеяться. Капитан Сигизмунд приказал, чтобы все особенности болезни Децуса были подробно исследованы и описаны медицинским персоналом «Фаланги» на случай... возвращения захватчиков, напавших на «Эйзенштейн». Я рассказал ему все, что видел сам.

— Хорошо. — Гарро повернулся, чтобы уйти.

— Господин.— Войен, опустив голову, загородил ему проход. — Мы должны поговорить. — Он протянул боевому капитану свой нож. — Тогда, на капитанском мостике, перед тем, как ты взорвал варп-двигатели, я оказал тебе сопротивление, но теперь понимаю, насколько я был неправ. Ты обещал нам

спасителей, и они пришли. Мое поведение не должно остаться безнаказанным. — Он поднял голову. — Я дважды обманул твое доверие и приму любое наказание, которое ты выберешь. Моя жизнь принадлежит тебе.

Гарро принял нож и некоторое время держал его в руке.

— Мерик, то, что ты вступил в ложу, и то, что произошло на «Эйзенштейне», объясняется не твоей злобой. Все это обусловлено страхом — страхом неизвестности. — Он протянул оружие обратно. — Я не стану тебя за это наказывать. Ты мой боевой брат, и твои сомнения и возражения мне очень помогают. — Он положил руку на плечо Войена. — Но никогда не бойся, Мерик. Надейся на Императора, как надеюсь я. Познай его, и ты не будешь испытывать страха. — Повинуясь внезапному импульсу, он вытащил трактат Калеба и вложил его в руку Войена. — Здесь ты можешь найти много важного, как нашел я.

Строго закодированные сигналы, в

которых высокопоставленным лицам предписывалось привести все силы безопасности сегментума Солар в полную боевую готовность, опередили «Фалангу». Авторитета Дорна было достаточно, чтобы двигать космическими кораблями и стоящими на страже войсками, а также и другими силами, агенты которых пристально следили за приближением космической крепости и драгоценного груза, скрытого в ее недрах.

«Фаланга» яростным рывком вырвалась из врат варпа в нескольких световых минутах от орбиты Эриса, и по обе стороны от барьера разлетелись пучки неизбежного при переходе излучения. Чувствительные сенсорные устройства, которыми была усеяна поверхность десятой планеты, тотчас зарегистрировали появление нового объекта и послали донесения на станции Плутона и Урана, откуда, в свою очередь, сообщения транслировались астропатам Терры и ее доменов. Возвращения Имперских Кулаков в колыбель человечества ждали уже давно. В обычной

ситуации во всех внешних колониях Солнечной системы в честь благополучного прибытия крепости устроили бы пышные торжества и церемонии. Но вместо этого «Фаланга» на большой скорости, нигде не останавливаясь, пересекла внешнюю часть Солнечной системы.

На колоссальном корабле не стали вывешивать знамена и транспаранты, возвещающие о триумфальном прибытии героического экипажа. Зато на всех мачтах и башнях были зажжены лазерные сигналы, свидетельствующие о срочности миссии «Фаланги». Патрули отошли в сторону, и ни один капитан не осмелился спросить командира Имперских Кулаков о причине такой спешки. Корабль-крепость, сверкая огнями двигателей, словно пойманными звездами, поддерживая скорость в три четверти от скорости света, прошел по неровному краю Оортова облака и, на мгновение затмив сияние планеты, пересек орбиту Нептуна.

Гарро снова вызвали в личные поко

Дорна. Массивные металлические панели в задней части огромного зала разошлись и скрылись в резных стенах, открыв застекленный выступ, нависавший над командным пунктом, расположенным прямо под ним. Помещение было похоже на капитанскую рубку обычного корабля — только в сотни раз просторнее и лучше оснащено приборами. Гарро это напомнило стадион, только вместо трибун вокруг центральной арены концентрическими кольцами располагались ряды операторских панелей. В центральной части командирской палубы находились гололитические дисплеи, некоторые поднимались на высоту третьего или четвертого уровня, и на всех мерцали и мелькали различные изображения. Вдоль стен через равные промежутки стояли статуи космодесантников в полном боевом облачении, с поднятыми руками, словно они держали стеклянный колпак обсерватории Дорна на кончиках пальцев.

Кроме того, дублирующие контрольные панели были выстроены таким образом, что примарх со своими

офицерами по первому же слову могли получить из общей сети любую информацию. Гарро понял, что с этого наблюдательного пункта один военачальник может управлять миллионами воюющих людей и тысячами звездных кораблей. Гвардеец Смерти успел заметить Круза, занятого разговором с капитаном Эфридом, и склонился в поклоне перед Дорном.

— Вы посылали за мной, господин?

— Я хочу, чтобы ты кое-что увидел. — Примарх кивнул Халбрехту, высокому офицеру с худощавым лицом и гладко выбритым черепом.

Халбрехт что-то переключил на контрольной панели, и из нее поднялся пикт-экран. Гарро увидел сектор пространства позади кормы «Фаланги» и большой темный силуэт корабля, идущего следом за ними. Очертания корабля можно было различить только в тех местах, где они заслоняли скопления звезд: Черный Корабль.

— «Аэриа Глорис».

Ошибиться было невозможно, и в тот

момент, когда Гарро рассмотрел его очертания, в его памяти заполнились некоторые пустоты. Он не сомневался, что позади крепости находится то самое судно, которое так внезапно появилось в окрестностях Йоты Хорологии.

— Верно, — подтвердил Дорн. — Этот призрак присоединился к нам сразу после того, как «Фаланга» вышла из тени Нептуна, и теперь придерживается точно того же курса и скорости, что и мы. С корабля нам передали приказы Совета Терры и указания относительно стоянок. Особое внимание было уделено тебе, капитан, и той женщине, Киилер. А теперь рассказывай, что все это значит.

Гарро колебался, не зная, как поступить.

— У нас было общее задание с Амендерой Кендел, Рыцарем Забвения из Сестринства Безмолвия, — начал он.

Дорн качнул головой, и даже этот жест выглядел у него командой.

— Меня не интересуют твои прошлые отношения с неприкасаемыми, Гарро. Мне интересно узнать, как они узнали, что у

меня на борту эта Киилер, и почему я должен держать ее взаперти.

Гарро ощутил сильное беспокойство:

— Эуфратия Киилер не представляет опасности для «Фаланги». Она... одаренная личность.

— Одаренная.— Слово прозвучало раскатом отдаленного грома. — Мне известно, какого рода «одаренных» личностей разыскивают Сестры Безмолвия. Ты что, привел в мою крепость психо-ведьму, Гвардеец Смерти? Эта женщина обладает признаками псайкера? — Он поморщился. — Я сам присутствовал на Никее, когда Император запретил использование отмеченных варпом существ на благо Империума! Я не потерплю неконтролируемого присутствия такого человека среди моих воинов!

— Она не ведьма, господин,— ответил Гарро.— Строго говоря, ее дар заключается в том, что она сильнее, чем мы, ощущает на себе волю Императора!

Дрожь тревоги в его голосе привлекла внимание Круза, и Лунный Волк подошел

ближе.

— Посмотрим. Сестра Атендера настаивает, чтобы Киилер находилась под замком, и Халбрехт уже выставил у ее каюты стражу. Как только мы остановимся на орбите Луны, эта женщина и все, кто ее сопровождает, будут переданы Сестрам Безмолвия.

— Сэр, я не могу этого позволить! — Слова вырвались у Гарро прежде, чем он мог подумать. — Они находятся под моей защитой.

— И моей! — вмешался Круз. — Локен лично доверил мне их безопасность!

— Ваши желания и разрешения не интересуют Имперских Кулаков! — воскликнул Халбрехт, подходя вплотную к Гарро. — Вы находитесь в гостях у Седьмого Легиона и должны вести себя соответствующим образом.

— Вы оба заблуждаетесь в своих рассуждениях, — прервал их Дорн, отходя к иллюминатору. — Ты что, забыл, о чем мне рассказывал? О том, что Гвардия Смерти и Сыны Хоруса повернули против Императора, и скоро оба этих Легиона

объявят предательскими, со всеми их воинами, подзащитными и экипажами, находящимися у них на службе.

— Мы рисковали всем, чтобы доставить это предупреждение! — От слов Гарро повеяло ледяным холодом. — И теперь вы почти назвали нас изменниками?

— Я сказал только то, что скоро скажут и другие. Почему, как ты думаешь, ты направляешься на стоянку в порту Луны, а не мчишься прямо на Терру? Я не могу понапрасну рисковать жизнью членов Совета и самого Императора!

Обычные манеры и сдержанность изменили Кругу, и он сердито сплюнул на палубу:

— Простите меня, лорд Дорн, но разве вы не видели мнемонических записей Мерсади Олитон? Или вам недостаточно честного слова семидесяти космодесантников?

— Семидесяти космодесантников, чьи Легионы повернулись спиной к Терре, — мрачно добавил Эфрид.

Примарх кивнул:

— Поймите мое положение. Несмотря на все предоставленные вами свидетельства, я, глядя с точки зрения Имперских Кулаков, не могу ни в чем быть уверенным. Я не называю вас лжецами, братья, но я должен рассмотреть дело со всех сторон и учесть все возможности.

— А вдруг это вы предатели? — сердито воскликнул Халбрехт.— Можно предположить, что Хорус стал жертвой заговора своих собственных людей, а вас послали с целью убить Императора.

Рука Гарро легла на эфес Вольнолюбца.

— Мне случалось убивать людей и за меньшие оскорбления, Имперский Кулак! Интересно, как бы мы сумели выполнить это невозможное задание?

— Возможно, при помощи тайно доставленной на Терру колдуньи-псайкера, — сказал Эфрид. — Или человека, подверженного болезни, с которой не могут справиться наши апотекарии.

В груди Гарро все заледенело, и гнев остыл.

— Нет... Нет. — Он повернулся к

Дорну: — Господин, если всего сказанного мной и продемонстрированного летописцем вам недостаточно, скажите, как еще я могу вас убедить? Неужели надо заколоться собственным мечом, чтобы вы мне поверили?

— Час назад я по вокс-связи разговаривал с Регентом Империума, Малкадором Сигаллайтом, — сказал примарх. — И я заверил его, что, несмотря на продемонстрированную тобой преданность Императору и отвагу, проявленную при доставке предупреждения на Терру, я не могу полностью подтвердить твою лояльность. — В голосе Дорна зазвенели стальные нотки, но Гарро впервые уловил еще и напряжение, овладевшее примархом. Ему было нелегко говорить такие вещи братьям-космодесантникам. — Мне был дан приказ возвращаться на Терру, чтобы укрепить оборону и противостоять собственным братьям. — Он взглянул на Гарро. — Я пойду в Императорский Дворец и извещу Императора об этих печальных событиях. А вы, беглецы с «Духа мщения» и все

космодесантники, кто был на «Эйзенштейне», останетесь на Луне, в секретной цитадели Сомнус, пока наш повелитель не решит вашу судьбу.

Медленно и осторожно Гарро вынул свой меч из ножен и, повернув рукоятью вперед, протянул его Дорну, как совсем недавно ему предлагал свое оружие Войен.

— Господин, если я изменник, возьмите мой меч и убейте, я не могу выносить подозрений тех, кого считаю своими братьями! — Свободной рукой Гарро коснулся изображения орла на нагруднике доспехов, потом кивком указал на латы примарха и аналогичные символы, похожие на те, что носил сам Повелитель Человечества. — Мы оба носим знак аквилы. Неужели это так мало значит?

— В эти смутные времена ни в чем нельзя быть уверенным. — Лицо Дорна снова превратилось в каменную маску. — Убери свой меч и помолчи, боевой капитан Гарро. Только запомни, если ты хоть в чем-то воспротивишься эдикту Сигиллайта, на тебя и твоих спутников обрушится вся ярость Имперских Кулаков.

— Мы не станем сопротивляться, — ответил побежденный Гарро. — Если так решено, пусть так и будет.

Вольнолюбец тихо вернулся в свои ножны. Примарх отвернулся.

— Мы прибудем на место через несколько часов. Собери своих людей. Будьте готовы к высадке.

Казалось, что путь к двери по траморному полу растянулся до бесконечности, и при каждом шаге Гарро испытывал боль в уже несуществующей ноге.

«Фаланга» приближалась к Луне мимо висящих заграждений системы орбитальной обороны и коммерческих платформ, по открытому коридору, ведущему к темной стороне природного спутника Терры. После того как крепость Имперских Кулаков встала на стоянку в лишенной гравитации орбитальной гавани Ла Гранж, «Фаланга» вместе с Луной стала вращаться вокруг своего родного мира.

Когда-то давно спутник был

пятнистым каменным шаром, где люди отваживались делать первые детские шаги за пределами родной планеты. Они построили здесь колонии и в беспощадном холоде испытывали свою отвагу в подготовке будущих путешествий к другим мирам. Но с развитием прогресса на Терре спутник стал не просто дорожной станцией, от которой отправлялись межпланетные — а позже и межзвездные — экспедиции.

На некоторый промежуток времени в Эпоху Раздора, когда Терра была охвачена кровопролитными войнами, спутник снова превратился в заброшенную и безлюдную пустыню, но с воцарением Императора Луна обрела второе рождение. То прибывающая, то убывающая, она завершила цикл, и Эпоха Империума возродила ее к новой жизни.

Вдоль экватора каменную сферу прорезала рукотворная долина шириной в несколько километров. Этот искусственный каньон, обнаживший скалы под пыльной поверхностью Луны, назвали Трактом. По всей его длине были

вырублены проходы во внутренние пространства спутника — многочисленные двери в ячейки, созданные людьми в сердце Луны. Древний каменный массив спутника превратился в самый большой военный комплекс из сооруженных человечеством. Кроме того, была построена гавань для армады Империума, где строились и оснащались тысячи кораблей — от самых мелких челноков до грандиозных боевых барж. С внешней стороны спутника имелся целый комплекс станций наблюдения за открытым космосом. Порт Луна стал холодным каменным пристанищем для бесчисленных флотилий человечества.

Луна стала не только оружием, но и гарантом безопасности. Большая часть металлов, извлеченных при постройке Тракта и внутренних помещений, лучшими инженерами Империума была превращена в искусственное кольцо, окружавшее планетоид. Широкий серый обруч держал на себе батареи дальнобойных орудий и еще несколько стоянок для военных кораблей. Куда бы ни падал свет Луны, люди могли спать

спокойно, зная, что их охраняет бессонный часовой.

А внизу виднелась Терра.

Колыбель человечества была погружена в темноту. Свет солнца едва мерцал за изгибом круглой поверхности и создавал яркую золотистую корону. К Луне была обращена ночная сторона Терры, и очертания ее континентов, силуэты высоких городских сооружений были по большей части скрыты штормовыми фронтами и дымкой. В тех местах, где облачность была достаточно тонкой, мерцающие искры огней огромных метрополий образовывали бело-голубые ожерелья, собранные в клубки или растянутые вдоль побережий на сотни километров.

Ярко-желтый штурмкатер уносил на поверхность первую партию из семидесяти выживших на «Эйзенштейне» космодесантников. Натаниэль Гарро, игнорируя безучастные взгляды капитана Халбрехта и его людей, выбрался из гравитационного кресла и прошел к иллюминатору. Он прижался лбом к

выпуклому стеклу и незащищенными глазами взглянул на планету, на которой родился. Как давно это было. Теперь казалось, что время сильнее, чем прежде, давит на его плечи. По подсчетам Гарро, прошло несколько десятилетий с тех пор, как он в последний раз видел величие Имперской Терры.

Сердце щемила печаль. В ночной темноте он не мог рассмотреть терранские конструкции и ориентиры, которые с такой готовностью запоминал в юности. Может быть, в этот момент какой-нибудь человек смотрит на них снизу? Возможно, какой-то мальчик, не старше пятнадцати лет, впервые в жизни взглянул в звездное небо с нетронутых просторов агропарка Альбин и восхищается неземным величием светил.

Там, далеко внизу, находится место, где он родился и где остались пейзажи его детства. Внизу бьется сердце Империума, стоят величественные комплексы и сооружения вроде Красной Горы, Либрариа Ультима, Города Петиционеров и самого Императорского Дворца, где и сейчас

проживает Император. Все это казалось таким близким, что Гарро стоило только протянуть руку, чтобы обхватить Терру закованными в броню пальцами. Он прижал к стеклу ладонь, и перчатка полностью закрыла планету.

— Если бы так просто было ее сохранить, — сказал подошедший к иллюминатору сержант Хакур.

Несмотря ни на что, вид родного мира вызывал у Гарро радость, хотя и приправленную печалью.

— Пока дышит хоть один космодесантник, старина, Терра не может пасть.

— Не хотел бы я стать тем самым космодесантником, — ответил Хакур. — С каждым днем мы подвергаемся все более жесткой изоляции.

— Да, — согласился Гвардеец Смерти.

Время бежало быстрее, чем он ожидал. Со времени их бегства, дрейфа и спасения, казалось, на борту прошло не больше двух недель, но Гарро быстро понял, что их субъективное восприятие не соответствует реальному течению

времени. Согласно показаниям центрального хронометра, синхронизированного с часами имперской столицы, после атаки на Истваан III прошел вдвое больший отрезок времени. И снова мысли Гарро вернулись к приверженцам Императора, оставшимся под пушками Хоруса.

Штурмкатер повернул и наклонился к поверхности Луны, так что иллюминатор заполнился твердым белым камнем такого же оттенка, что и траморно-светлые доспехи Гарро. Они пролетели над ущельем Риторики и спускались в Маре Кризисум — Море Кризисов, где стояла секретная лунная крепость Сестер Безмолвия под названием Сомнус.

Гарро уловил краем глаза движение — это из кормового отсека вышел один из Имперских Кулаков в желтых доспехах. Хакур увидел его реакцию.

— Терпеть не могу, когда со мной обращаются как с новичком, впервые покинувшим родной мир, — тихо сказал он. — Нам не нужен никакой эскорт, тем более

из этих олухов, лишенных чувства юмора.

— Таков приказ Дорна, — ответил Гарро, хотя и без всякой убежденности.

— Капитан, разве мы теперь пленники? Неужели мы зашли так далеко, что нас закуют в железо и упрячут в подземную лунную темницу?

Гарро повернул к нему голову:

— Мы не пленники, сержант Хакур. Наши доспехи и оружие остались при нас.

Ветеран хмыкнул:

— Только потому, что люди Дорна не считают нас опасными. Посмотри туда, господин. — Он кивнул на воинов в дальнем конце отсека. — Они притворяются беспечными, но не могут скрыть напряжения. Я вижу, как они передвигаются по кораблю. Ходят так, словно стоят на страже, а мы — их противники.

— Может быть, — согласился Гарро. — Но мне кажется, что виной тому опасения капитана Халбрехта, а не то, что мы собой представляем.

— Все может быть, господин, но их настороженные взгляды режут меня,

словно кинжалами! Это оскорбление для нас. Они нас разделили, поместили Лунного Волка, Войена и капсулу с Децимусом на другой штурмкатер, и я даже не видел, что произошло с императором и женщинами.

Гарро показал в иллюминатор:

— Мы все летим в одно место, Андус. Посмотри туда.

Снаружи навстречу снижающемуся штурмкатеру уже поднимались бронзовые башни крепости. С близкого расстояния Гарро заметил, что здание построено из поставленных друг на друга сотен щитов, по форме напоминавших лицевые пластины шлемов Сестер Безмолвия. Штурмкатер заложил вираж и стал по спирали огибать башню. На дне обширного кратера показался купол, он медленно раскрылся, и треугольные сегменты расступились, освободив скрытую площадку для приземления.

— Мы на подлете к крепости,— произнес Халбрехт.— Займите свои места.

— А что, если я хочу стоять?.. —

вызывающе воскликнул Хакур.

— Сержант, — окликнул его Гарро и жестом приказал вернуться в кресло.

— Твои подчиненные все такие непокорные? — пробурчал капитан Имперских Кулаков.

— Конечно, — ответил Гарро, садясь в гравитационное кресло. — Мы же Гвардия Смерти, у нас так принято.

Борт штурмкатера едва успел открыться, как Гарро, опередив Халбрехта, выскочил наружу. Согласно протоколу, из корабля Имперских Кулаков должны были первыми выйти воины этого Легиона, но Гарро все меньше и меньше считал нужным придерживаться бесполезного этикета.

На посадочной площадке их ожидал аккуратно построенный отряд Сестер Безмолвия. Поверх складчатых крыльев штурмкатера Гарро посмотрел вокруг, потом на открытый купол над головой. Там мерцал едва заметный пузырь частично проницаемого поля, которое удерживало атмосферу, но позволяло

беспрепятственно проходить внутрь телам с большой массой. Второй штурмкатер уже опускался на огненных столбах обратного выброса, а далеко в темноте космоса виднелся и третий корабль, который из-за дальности был обозначен только сигнальными огнями.

Космодесантник, сделав несколько шагов, остановился и поклонился сестрам.

— Натаниэль Гарро, боевой капитан Гвардии Смерти. Я прибыл по приказу примарха Рогала Дорна.

Вслед за ним с трапа тяжело спустился Халбрехт вместе со своими воинами, и Гарро ощутил распространявшееся от них раздражение. Натаниэль продолжал смотреть на сестер. Отрядные значки нескольких групп отличались друг от друга, и он пытался определить отделение «Штурмовой Кинжал».

Перед Гарро стояли те же самые воины, с которыми он шел в бой на йоргалльском лире-корабле, но незначительные детали доспехов разных групп различались между собой, как

различались и латы разных Легионов космодесантников. Одна из групп была в латах, отделанных морозным серебром, а нижняя половина их лиц скрывалась за утыканными шипами забралами, напоминавшими полевые заграждения. Еще одна женщина, стоявшая с краю, вообще не носила доспехов. Вместо лат на ней был надет облегающий костюм из плотной кроваво-красной кожи с множеством пряжек, такими же перчатками и высоким воротом, закрывавшим всю шею. У этой женщины не было глаз. Вместо них тонкой, как волосок, проволокой к коже щек и лба были прикреплены две тяжелые рубиновые линзы аугметической системы зрения. Она осматривала Гарро с вниманием хирурга, исследующего раковую опухоль через окуляры микроскопа.

Внезапно Гарро до костей пробрал холод. Это было то же самое странное ощущение, как и при встрече с сестрой Амендерой в зале собраний «Стойкости», какое-то необычное чувство абсолютной прозрачности, только теперь оно окутывало его полностью, со всех сторон

давило необъяснимым воздействием.

— Добро пожаловать, боевой капитан, — раздался знакомый голос.

Стройная женщина в обычной одежде вышла из рядов воинов, откинула капюшон накидки, и Гарро узнал послушницу, с которой разговаривал раньше.

— Мы рады и вам, капитан Халбрехт из Имперских Кулаков. Сестры Безмолвия приветствуют вас в цитадели Сомнус. Жаль, что наша встреча проходит при столь печальных обстоятельствах.

Гарро испытывал сомнения. Он не знал, что именно известно сестрам о ситуации в системе Истваана и что могли рассказать им Дорн и Сигиллайт. После секундного замешательства он отдал честь.

— Сестра, я благодарен за предоставленную гавань на то время, пока ситуация не прояснится.

Конечно, это была ложь. Ни Гарро, ни его люди не хотели оставаться здесь, но Сестры Безмолвия доказали, что достойны уважения, и он не видел необходимости начинать встречу с

пререканий. С него было достаточно споров и с Имперскими Кулаками.

— А где ваша госпожа?

Спокойствие на мгновение покинуло лицо послушницы, и она быстро оглянулась на женщину в красном.

— Она присоединится к нам с минуты на минуту.

Остальные воины Гарро из первого штурмкатера тоже покинули корабль и под руководством сержанта Хакура образовали парадный строй. Халбрехт подошел вплотную к Натаниэлю.

— Капитан, — сдержанно окликнул он Гарро. — На пару слов.

— Да?

Имперский Кулак прищурил глаза, но в его лице Гарро не обнаружил ожидаемого раздражения, напротив, оно выражало почти сочувствие.

— Я понимаю, что ты должен о нас подумать. Мы только начинаем осознавать, что вам пришлось пережить.

Если все это правда. Гарро почти услышал невысказанное предположение.

— Не думай плохо о моем примархе.

Все отданные им приказы направлены на обеспечение безопасности Империума. Если цена этой безопасности — твоя раненая честь, не считай ее слишком высокой.

Гарро ответил ему прямым взглядом:

— Мои братья меня предали. Мой командир оказался мятежником. Мой побратим погиб, а Легион на пути к распаду. Моя честь, капитан Халбрехт, это все, что у меня осталось.

Он отвернулся и стал наблюдать за вторым штурмкатером, уже опустившимся на площадку в клубах выхлопных газов.

Транспортный корабль откинул боковые борта, и из него выскочили грузовые сервиторы, несущие капсулу изолятора. От них ни на шаг не отставал Войен. На глазах у Гарро часть Сестер Безмолвия, вооруженных ружьями «Инферно», образовали кордон вокруг проносимого мимо них модуля.

— Куда вы его несете? — спросил он.

— В цитадели Сомнус много специалистов самого разного профиля, и наши госпитальеры весьма искусны, —

ответила послушница. — Возможно, они преуспеют там, где не добились успеха медики-космодесантники.

— Децимус — это вам не труп ксеноса, — резко возразил Гарро, вспоминая младенца-псайкера. — Вы должны обращаться с ним со всем уважением, достойным Гвардии Смерти!

Сендек и Круз подошли к Гарро и присоединились к отряду Хакура.

— Успокойся, парень, — произнес Лунный Волк. — Твой юноша еще не умер. Он и сейчас цепляется за эту проклятую жизнь. Никогда еще не видел такого упорного жизнелюбия!

Гарро кивнул, но настроение его резко ухудшилось. Наконец под своды купола спустилось последнее судно, коснулось земли выпущенными из-под крыльев и фюзеляжа шасси и развернулось. Он узнал черно-золотые цвета челнока, похожего на тот, что прилетал с «Аэриа Глорис» на пусковую палубу «Стойкости». Стройный корабль завис на посадочной площадке, и его моторы затихли. Еще до открытия выходной задвижки Гарро почувствовал,

кого он увидит на борту. Откидная дверь, повернувшись, превратилась в трап, и появились несколько человек. Впереди всех вышла Амендера Кендел, но ее благородная внешность казалась несколько померкшей. Сестра была явно чем-то встревожена и расстроена. Следом за ней двое ищеек из отделения «Штурмовой Кинжал» сопровождали остальных пассажиров: Кирилла Зиндерманна, Мерсади Олитон и возглавлявшую их Эуфратию Киилер.

Взгляд Киилер через всю площадку отыскал Гарро. Она приветственно кивнула ему, сохраняя почти царственный вид. Он ожидал увидеть ее испуганной и встревоженной, как выглядели старый литератор и Олитон, но Эуфратия спускалась с трапа с таким видом, словно находилась здесь по праву и была хозяйкой крепости.

Сестра Амендера сказала что-то на языке жестов, и женщина в красном с неожиданной ловкостью и грацией шагнула вперед.

— Обвинитель, — кивнул в ее сторону Халбрехт. — Говорят, чтобы получить

это звание, каждая из них должна лично сжечь не меньше сотни ведьм.

Киилер невозмутимо остановилась, ожидая, пока к ней подойдет отряд охранников. Сестра-обвинитель с особой тщательностью, но быстро осмотрела Эуфратию с ног до головы. Затем она что-то передала жестами сестре Кендел и резко махнула своим воинам, которые тотчас окружили беглецов.

Гарро и Круз одновременно шагнули вперед, готовые даже завязать бой, если того потребуют обстоятельства.

— Эти люди находятся под моим покровительством! — крикнул Гвардеец Смерти. — Любой, кто причинит им зло, будет иметь дело со мной...

Сестра Амендера и ее ищейки двинулись наперерез космодесантникам, но Киилер их остановила:

— Натаниэль, Йактон, не вмешивайтесь, пожалуйста. Я пойду с ними. Это необходимо.

Женщина в красном сделала несколько жестов, и послушница их перевела:

— Она обладает способностями, которые находятся в ведении Сестер Безмолвия. По приказу Императора и согласно Никейскому эдикту мы имеем право поступить с ней по своему усмотрению. Вы не можете заявлять здесь о своих правах, космодесантники.

— А гражданский итератор и летописец? — огрызнулся Круз. — Вы и их тоже можете забрать?

— Мы последуем за Эуфратией, куда бы она ни пошла! — отчаянно заявила Мерсади, и Гарро увидел, что итератор подтвердил ее слова кивком.

Киилер шагнула вперед.

— Не бойтесь за нас, — крикнула она.— Верьте. Император защитит.

Гарро смотрел, как процессия спускается с трапа и скрывается за толстыми стальными створками дверей, которые тут же с лязгом закрылись за ними. Он никак не мог отделаться от мысли, что больше никогда не увидит этих людей.

Амендера Кендел все еще стояла перед ним и не отрывала жесткого взгляда

от его лица. Она снова заговорила на языке жестов.

— Капитан Гарро и все, кто находится под его командованием, — чистым и звонким голосом перевела послушница, — знайте, что мы предоставляем вам убежище до тех пор, пока Повелитель Человечества не определит вашу дальнейшую судьбу. Помещения для вас уже готовы. — Сестра ни разу не встретилась взглядом с Гарро. — Вы наши гости, и относиться к вам будут соответственно. В обмен мы просим вести себя так, как подобает воинам Легионов Космодесанта — с честью и уважением. — Послушница немного помедлила. — Капитан, сестра просит вас дать слово.

Казалось, прошла целая вечность, пока капитан не ответил:

— Я даю слово.

Это была тюрьма. В буквальном смысле.

В спартанских помещениях отдельного уровня крепости, отведенных

сестрами для ожидания, не было оконных решеток и запертых дверей, но снаружи простирались голые скалы и безвоздушное пространство, а на многие километры вокруг повсюду стояли автономные сенсоры и огневые точки. Если бы они даже выбрались из крепости, куда им идти? Захватить в гавани корабль? А что дальше?

Гарро молча сидел в небольшой келье и прислушивался, как разговаривают между собой остальные семьдесят космодесантников. Все они откровенно высказывали свои мысли, делились надеждами на будущее, опасениями, порожденными отчаянием, и строили ничего не значащие планы.

Сестра Амендера поступила умно. Он видел выражение ее глаз. Гарро знал не хуже, чем она, что если космодесантники с «Эйзенштейна» решат нарушить свое заключение, Сестры Безмолвия вряд ли смогут им помешать. Гарро был уверен, что воины Кендел приложат все усилия, но, по его подсчетам, космодесантники могли потерять не больше десяти своих

людей, да и то только тех, кто еще не оправился от ран, полученных при бегстве из системы Истваана.

Знал он и то, что «Фаланга», и вместе с ней Дорн, находится где-то неподалеку. Возможно, в случае их побега, примарх пошлет убедить их вернуться Эфрида и Халбрехта. Гарро нахмурился. Да, тактика была выбрана удачно, и Дорну нельзя отказать в мастерстве хладнокровной стратегии. Оглядываясь назад, чтобы оценить ситуацию, боевой капитан не мог не отдать должное примарху, решившему поступить с беженцами «Эйзенштейна» именно таким образом. Если бы Гарро со всеми остальными остался в звездной крепости, рано или поздно возникли бы трения, и могла пролиться кровь. А Дорн, поместив их под опеку Сестер — тех самых женщин, с которыми они вместе сражались лишь несколько месяцев назад, — лишил Гарро возможности завязать братоубийственную схватку.

Даже если бы они пробились сквозь заслоны Сестер Безмолвия и Имперских

Кулаков, если бы сумели завладеть кораблем, чего бы им это стоило? Было безумием полагать, что им удастся подойти к Терре и потребовать аудиенции у Императора, чтобы оправдаться. Любой обладающий атмосферой корабль будет сбит на дальних подступах к Императорскому Дворцу. А если попытаться уйти в глубокий космос, то между Луной и ближайшими точками для варп-прыжка их будут поджидать сотни боевых кораблей.

У Натаниэля Гарро было множество опасений по поводу судьбы семидесяти его братьев, но только не это. Зайти так далеко в моральном и физическом смысле – и быть запертыми в тихой гавани в непосредственной близости от конечной цели. Это была своего рода пытка.

Время шло, а они не получали никаких известий. Сендек вслух рассуждал, что их оставили здесь в покое и безопасности, пока дело Хоруса не будет решено на другом конце Галактики, и во время битвы о семидесяти неуетных космодесантниках просто забыли. Андус

Хакур высмеял его заявление, но Гарро видел, что за насмешками скрывается искреннее беспокойство. Космодесантники могли погибнуть на поле боя или от несчастного случая, за исключением этого они были практически бессмертными, и он слышал об одном воине, прожившем тысячу или даже более лет. Гарро не мог себе представить, каково было бы оставаться запертым в крепости, пока снаружи разворачиваются грандиозные события.

В первые несколько дней Гвардеец Смерти пытался отдохнуть, но, как и на борту фрегата, сон нечасто приходил к нему, а когда это случалось, приходили и видения тьмы и ужаса, порожденные безумным полетом. Зараженные распадом и болезнями существа, которые маскировались под Грульгора и его людей, мелькали в его мыслях и истощали силу воли. Неужели эти создания реальны? В конце концов, варп есть отражение человеческих эмоций и психической деятельности. Тогда мутант-Грульгор, возможно, был искаженным отражением нечистого и зараженного сердца,

бьющегося в груди реального Грульгора, и такая же судьба может подстерегать других опрометчивых людей. На противоположном краю спектра он ощущал золотое сияние чего-то — или кого-то — неизмеримо древнего и мудрого. Это не могла быть Киилер, хотя ее присутствие он тоже чувствовал. Тот свет превосходил ее и проникал во все уголки души.

Наконец Гарро окончательно проснулся и решил отказаться от дальнейших попыток отдохнуть. Он понимал, что им предстоит война, но не такая, как в системе Истваана, где сторонники Хоруса будут сражаться против приверженцев его отца. Это будет иная война, молчаливая и коварная, видимая лишь немногим людям вроде Киилер, Калеба и теперь еще Натаниэля. Война не за территории и материальные ценности, а борьба за души, сердца и мысли.

Перед ним и его братьями лежали две дороги. Космодесантник сознавал, что они всегда были перед ним, но раньше

зрение было затуманено, и он не видел пути так отчетливо. Одна дорога, которую выбрал Хорус, вела к чудовищным ужасам. Другая вела сюда, к Терре, к правде и этой новой войне. Значит, Гарро стоял уже на поле битвы, и сражения неумолимо приближались, как темные грозовые тучи из-за горизонта.

— Грядет шторм, — произнес капитан вслух, держа перед собой бронзовую икону Императора.

Всегда было две дороги. Первая — скользкая от крови, и он прошел по ней уже значительную часть пути. Конец ее всегда был виден, но всегда оставался за гранью достижимого, и там ждало избавление от боли и сладкий нектар возрождения.

Другой путь был усеян лезвиями, на нем ждали агония и мучения, бесконечные несчастья, еще более тягостные страдания, чем те, от которых уже раскалывались его тело и мозг. На этой дороге не было ни результатов, ни забвения, только бесконечная петля, лента Мёбиуса, вращающаяся в преисподней.

Солун Децицус был одним из космодесантников, которые, по сравнению с миллиардами непосвященных людей Империума, считались сынами богов войны, но силы даже этих существ имели свои пределы.

Ужасная рана превратилась в ненасытную зубастую пасть, которая пожирала плоть и разрушала дух Гвардейца Смерти. Там, где нож Грульгора проник сквозь доспехи и погрузился в плоть, в тело Децицуса проник вирус всех вирусов, болезнь, которая вобрала в себя все недуги человечества — как известные, так и те, с которыми людям еще только предстояло столкнуться. От нее не существовало лекарства, да и как могло быть иначе? Бактерии были выделены из живого дистиллята распада самой сильной степени. Сверхподвижный образец тройных восьмиконечных микробов разлагал любое вещество, с которым входил в контакт. Эти невидимые орудия являлись солдатами пехоты Великого Разрушителя, и каждый из них был

отмечен знаком Владыки Распада.

— Помогите мне!

Он бы выкрикнул эти слова, если бы смог совладать со сведенными судорогой челюстями, если бы смог разлепить сухие, склеенные губы, если бы его горло могло пропустить что-то, кроме густой кроваво-желчной массы. Децимус извивался на медицинском ложе, а на его теле появлялись все новые синюшные пятна отмершей от действия инфекции плоти. Он тянулся к стеклянным стенам руками, состоявшими теперь из тонких ломких костей, обернутых обвисшей кожей и бессильными волокнами мышц. Существа, похожие на личинок с тремя черными глазами, сверлили плоть его туловища и кололи крошечными ядовитыми усиками. Боль была непереносимой, но каждый раз, когда Децимус воображал, что достиг апогея мучений, агония накатывала новыми волнами.

Он так жаждал смерти. Для него ничто не имело значения. Децимус так хотел умереть, что начал молиться,

проклял и похоронил Имперские Истины. У него больше не осталось сил. Если нельзя обрести мир ни одним из способов этой реальности, что ему еще остается, как не обратиться к силам потусторонним?

Из агонии родился смех. Сначала издевательский, потом постепенно смягченный и приглушенный. Разум приглядывался к нему, прикидывал, наконец, что-то увидел в юноше, что позволило бы усовершенствовать лишь недавно обретенное искусство переделывать людей.

Над ним парило сожаление. Как невыразимо жаль, что люди, которых Децимус называл своими братьями, не обращают внимания на его боль, как жестоко с их стороны оставлять его страдать и страдать, пока болезнь все глубже вгрызается в сердце. Он ведь так много им отдал, разве не правда? Сражался на их стороне. Спасал их жизни, не думая о своей собственной. Стал самым лучшим Гвардейцем Смерти... И ради чего? Чтобы они заперли его в стеклянной клетке и наблюдали, как он медленно

задыхается в испарениях своего гноя? Разве он этого заслуживает? Что он сделал плохого? Ничего! Ничего! Они бросили его! Он их за это ненавидит. Ненавидит их!

Они сделали его слабым. Да, в этом-то все и дело. Во всей этой суматохе вокруг Хоруса и его махинаций Децимус позволил себе стать слабым и нерешительным! Он ни за что не пропустил бы удара Грульгора, если бы сохранил ясную голову и сосредоточился.

Да, с обжигающей болью пришло понимание. И его ошибка, и слабость имели один и тот же источник. Он подчинился приказам Гарро. Несмотря на все свое недовольство, Солун позволил убедить себя в том, что он все еще слишком молод и неопытен, позволил себе считать, что путь Гарро лучше. Но так ли это? Нет, не так. Гарро слишком нерешителен. Его учитель утратил инстинкт убийцы. Хорус... Хорус! Вот воин, который знает, что такое сила. Он обладает истинным могуществом. Он привлек под свои знамена примархов, даже

Мортариона! И Децимус решил, что может ему противостоять? Какое безумие им овладело?

Ты хочешь смерти? Вопрос прозвучал в голове, а боль неожиданно отступила. Или предпочтешь новую жизнь? Новую силу, полную неуязвимость? Голос — или не голос — отвратительно влажный, шептал в его мыслях.

— Да! — Децимус выплюнул гной и почерневшую кровь.— Да, будь они все прокляты! Я больше никогда не буду слабым! Я выбираю жизнь! Дай мне жизнь!

Мрачный смех повторился.

Я так и сделаю.

Существо, вставшее с медицинского ложа, больше не было Солуном Децимусом. Обнаженное, на грани ярости создание, было еще похоже на космодесантника, но только как грубая пародия на их благородные формы. Поверх подгнивших костей и мокрой, покрытой язвами кожи выросли зеленовато-черные пластины хитиновой брони, сверкнувшей в свете ламп маслянистым блеском. Глаза,

превратившиеся в шарики отмершего белка, прорезались леденящими сапфирами, разделились на множество граней и размножились по всему лицу, вплились в кости. К потемневшим и крошащимся зубам во рту добавились мандибулы. Конечность вытянулась, стела все стеклянные бутылочки и пузырьки, превращаясь в когтистую лапу с множеством суставов. Зазубренные ногти резко увеличились, затвердели и стали острыми костяными ножами цвета жука-теченосца. То, что раньше было Солуном Децимусом, открыло рот и заревело, а из-под кровоточащих гноящихся губ вылетел рой насекомых, окутал дрожащее тело живым саваном, закрыл пелериной бьющихся и жужжащих крыльев.

Повелитель Мух поднялся на новых когтистых лапах, разнес бронированное стекло своей тюрьмы и отправился на поиски жертв.

ПОВЕЛИТЕЛЬ МУХ ТИШИНА ЕГО ИМЕНЕМ

Гравидиск спустился на уровень лазарета, и Толлен Сендек сошел с парящей платформы. Овальная тарелка немного повисела после того, как он сошел, а потом беззвучно взлетела по одному из вертикальных каналов, пронизывающих внутренние пространства цитадели Сомнус. Сендек недовольно скривил губы. В крепости повсюду царили диковинные запахи, раздражавшие Гвардейца Смерти. Разным уровням соответствовали разные ароматы, испускаемые курильницами и странными механическими устройствами, похожими на стальные цветы. Таков был принятый у женщин обычай обозначения разных частей здания. Похожие методы использовались на орбитальных платформах и некоторых звездных кораблях для слепых астропатов.

Возможно, именно это неприятное сходство и вызывало недовольство Сендека. Он недолюбливал все характерные признаки псайкерского мастерства и все, что было с ними связано. Эти области не укладывались в его рациональное и логическое представление о Вселенной. Сендек верил в холодный отчетливый свет науки и Имперские Истины. Загадочные способности, слишком похожие на колдовство, были ему не по нраву. Такими вещами мог заниматься Император, но никак не низшие сословия.

Но запах... Сегодня он казался другим. Раньше аромат едва затрагивал его обоняние и напоминал о розах. Сегодня он был сильнее, более сладким и с каким-то металлическим оттенком. Сендек продолжил путь.

Без всякого приказа, не получив ничего, хоть отдаленно похожего на официальную санкцию, семьдесят космодесантников установили караул. Им нечем было заняться в крепости, кроме как отрабатывать строевые и боевые приемы в тесных помещениях отведенного им

уровня здания, и ожидание в полном бездействии их раздражало. Участия Йактона Круза никто не требовал — Децимус был Гвардейцем Смерти, а Круз — Лунным Волком, но все остальные воины, остававшиеся под командованием Гарро, сразу поняли и приняли новое задание. Они быстро установили порядок, при котором в любой момент у изолятора, где лежал больной Солун Децимус, находился один из космодесантников XIV Легиона. То, что молодой воин был обречен на смерть, ни у кого не вызывало сомнений, но для них стало делом чести не допустить, чтобы он умер в одиночестве.

Не в первый раз Сендека беспокоил вопрос о том, что будет после смерти парня. Децимус в каком-то смысле стал для них символом, воплощением несгибаемой стойкости Легиона. Толлен не раз вспоминал об их перепалках за игровой доской на борту «Стойкости» и каждый раз испытывал болезненное сожаление. При всей дерзости и надменности Солуна, заносчивый воин не заслуживал столь бесславной гибели. Децимусу следовало

умереть в славной битве, а не опускаться до войны с собственным телом.

Запах становился все сильнее. Сендек еще больше потрачнел. Перед ним на часах должен был стоять Ягo, один из ветеранов из отделения Хакура и большой мастер владения плазмаганом, но он запаздывал к месту встречи. Это было на него не похоже. Суровые тренировки и наставления сержанта Хакура давно исключили всякую забывчивость.

Но вот в странной смеси ароматов безошибочно проявился запах крови, и Сендек насторожился. В коридорах лазарета не было заметно никакого движения, только там, где проход поворачивал к палате с капсулой изолятора, на потолке и стенах померкли биолампы. Всего лишь слабый красноватый свет указывал ему на нечеткие контуры коридора. Сендек бросился бежать, подмечая на ходу все детали. На мгновение ему показалось, что произошел какой-то несчастный случай, вроде утечки большого количества масла, забрызгавшего стены и пол, но убийственный запах приковал все

его внимание, пропитав лазарет страдом гниющего мяса и свежей крови. Внезапно Сендек понял, что заглушало свет биоламп. Колоссальное количество крови покрыло их густыми вязкими слоями, и лучи не могли сквозь них пробиться. Керамитовые подошвы захрустели осколками костей и выбитых зубов. В неясном сумраке он определил очертания руки, вырванной из сустава и еще частично покрытой осколками доспехов Гвардии Смерти. По всей оторванной конечности уже ползали блестящие черные личинки.

Сендек потянулся за болт-пистолетом, висевшим на поясе, и в этот момент тишину нарушили неожиданные звуки. Почерневшие стены вокруг него зашевелились и зажужжали миллиардами крыльев насекомых. Рои мух, кормившихся на потеках крови, почуяли приближение космодесантника.

Сендек бросил взгляд на изолятор, и у него перехватило дыхание. Капсула Децируса превратилась в осколки, словно пробитое изнутри яйцо. По выложенному

плитками полу валялись разбросанные части тел и внутренние органы разорванных в клочья сервиторов и других живых существ. Жужжание становилось громче, и рука Сендека машинально нащупала выключатель боевой вокс-связи, которая должна была передать сообщение прямо командиру отделения.

— Андус, — заговорил он. — Поднимай по тревоге...

Коготь зацепил его за ногу и резким рывком бросил на пол. Сендек вскрикнул и выронил пистолет, а нападавший сильным ударом швырнул его на застекленный шкаф, заполненный флаконами и бутылями. Гвардеец Смерти загремел разбитым стеклом и заскользил по испачканному густой слизью полу на руках и коленях, попытался остановиться, но крючковатая конечность снова взвилась в воздух и ударила его в лицо, опять опрокинув на спину.

Сендек, задыхаясь, покатился по полу, ударяясь о то, что еще недавно было телом брата Ягo. Жужжащий, ревущий рой мух циклоном пронесся по комнате, и

от пронзительного звона их крыльев заложило уши. Он отчаянно оглянулся в поисках возможного оружия, и среди разбросанных по полу хирургических инструментов увидел большую пилу для рассечения костей. Гвардеец Смерти перевернулся на живот и схватил блестящую рукоять из хирургической стали. Он отомстит этому чудовищу за смерть боевого брата!

Толлен едва успел мельком рассмотреть черную фигуру — он увидел бахрому странных, похожих на проволоку волос, обрамляющую маслянисто поблескивающие доспехи, и понял, что задыхается в чудовищном зловонии смерти, исходящем от налетчика. К нему приблизилась голова, на которой было слишком много глаз, и вибрирующий паучий рот, но под пятнистой разлагающейся плотью угадывался смутно знакомый облик. Ужасное узнавание ударило Сендека как пуля.

— Солун?

Его охватили сомнения, и блестящая дуга хирургической пилы затерла в руке.

— Уже нет.

Рот монстра двигался, но звук шел со стороны роя мух, которые били крыльями и царапались лапками, чтобы воспроизвести похожие на человеческую речь звуки. Из полутрака появился коготь и пробил кожу и кости черепа Сендека. Розовато-серое содержимое выплеснулось на доспехи, и рой мух ринулся вниз на чудовищный пир.

— Натаниэль!

Крик ворвался в тело Гарро и задел каждый его нерв. Он резко вздохнул, стальная кружка выпала из дрогнувших пальцев, и на пол тренировочного зала выплеснулся ручеек темного чая. Войен увидел его реакцию и подошел узнать, в чем дело.

— Капитан, с тобой все в порядке?

— Ты слышал это? — спросил Гарро, оглядываясь, не в силах справиться с беспокойством. — Я услышал ее призыв.

Войен изумленно моргнул:

— Сэр, не было ни единого звука. Ты дернулся, словно от удара...

Гарро оттолкнул его руку:

— Я слышал ее, слышал так же отчетливо, как слышу тебя! Это был... — Внезапно он все понял, и в сердце вонзился острый кинжал неподдельного страха. — Киилер! Что-то случилось, это было... предупреждение...

Входная створка скользнула в стену, и на пороге появился Хакур, весь вид которого свидетельствовал о глубочайшей тревоге. Гарро немедленно понял: что-то случилось.

— Говори! — приказал он.

Хакур постучал пальцем по вокс-устройству, вмонтированному в ворот силовых доспехов.

— Господин, боюсь, Сендек попал в беду. Он начал передавать мне сообщение о тревоге, но потом связь неожиданно оборвалась.

— Где он находится?

— Он спустился на стену Ягго, — ответил Войен. — К капсуле больного.

Гарро хлопнул его по плечу.

— Войен, оставайся здесь и будь наготове. — Боевой капитан устремился к

выходу. — Сержант, позови Лунного Волка и еще пару воинов, я жду вас у шахты спуска.

— Господин, что происходит? — спросил Хакур. — Неужели эти женщины выступили против нас?

Натаниэль на мгновение прикрыл глаза, и эхо недавнего крика пробудило в его разуме самые темные чувства.

— Пока не знаю, старина, — ответил он, взял свой шлем и надел на голову. — Скоро мы все выясним.

Навстречу Гарро и остальным космодесантникам, спускавшимся на гравидиске, вверх по шахте летело эхо оружейной стрельбы. Круз покосился на капитана:

— Проклятая война и здесь нас преследует.

— Да,— ответил Натаниэль.— Боюсь, что наше предупреждение запоздало.

Хакур тихо выругался.

— Ни от Сендека, ни от Ягo нет никаких сигналов, даже несущей волны. На таком расстоянии они слышали даже, как

я зеваю! Здесь нет ни одного препятствия для передачи.

Диск замедлил спуск на уровне лазарета. Запах недавней смерти окутал платформу, и воины насторожились.

— К оружию! — скомандовал Гарро, обнажая свой меч.

Вслед за ним все спустились с платформы и зашагали по коридорам, через залитый кровью переход. Вскоре они подошли к изолятору, и Круз негромко присвистнул.

— А вот и Сендек, — сказал он, наклоняясь в сумраке к темной массе.— Вернее, то, что от него осталось.

Гарро подошел ближе, и зловоние распада ударило в ноздри даже через дыхательные фильтры. Рыхлая слизистая масса напоминала труп в стадии глубокого разложения. Это, бесспорно, был Толлен Сендек, хотя его разбитая голова и превратилась в полужидкую массу. Гарро узнал его почетные значки и особые обеты, пришпиленные к доспехам. Даже они утратили цвет, как будто от старости и плесени, а по металлическим частям

брони уже протянулись щупальца ржавчины.

Один из людей Хакура закашлялся от отвращения.

— Он выглядит так, словно лежит здесь несколько недель... А я только сегодня утром с ним разговаривал.

Лунный Волк наклонился над трупом.

— Йактон, держись от него подальше...

Предостережение Гарро запоздало. Большие белые нарывы на теле Сендека вздрогнули, почуяв теплокровного Круза, и взорвались потоками крошечных радужно переливающихся жучков. Ветеран отшатнулся и стал стряхивать их с себя, передавив ладонями в перчатках несчетное множество насекомых.

— А! Мерзкие черви!

Капитан пошевелил оторванную руку носком ботинка. Здесь было слишком много оторванных фрагментов плоти и костей, чтобы принадлежать одному растерзанному телу человека, и с мрачной определенностью он понял, что Яго, как и несчастный Толлен, тоже погиб.

Хакур через всю комнату осторожно заглянул в изолятор.

— Пусто...

Кончиком боевого ножа он подцепил что-то на полу стеклянной капсулы и поднял, чтобы все могли посмотреть.

— Вечная Терра, а это что такое?

Предмет напоминал оторванный лоскут муслина, скользкий от слизи. Лоскут повернулся на лезвии, и Гарро разглядел отверстия, соответствующие глазам, ноздрям и рту.

Круз с мрачным видом изучил клочок:

— Это человеческая кожа, сержант, ее сбросили, как сбрасывают шкуру змеи и насекомые.

Частые залпы болтерного огня донеслись по коридору из другого конца лазарета, и Гарро резко махнул рукой:

— Оставьте это. Надо двигаться дальше.

Лицо Круза словно окаменело от постоянного выражения холодной, еле сдерживаемой ярости. При каждом повороте, когда он думал, что преодолены

уже все испытания недоброй судьбы, на них обрушивались все новые ужасы. Ему казалось, что зло схватило его разум в свои объятия и постепенно сжимает мысли и волю, постоянно увеличивая интенсивность воздействия. Он чувствовал, что находится уже на грани сознания и его внутренний свет и добродетель скоро истощатся. Каждая новая сцена вызывала все новые приступы отвращения и повергала в отчаяние.

Космодесантники быстро миновали несколько герметичных дверей, выбитых или сорванных с петель каким-то невероятно сильным и злобным существом. Затем они оказались в палате с рядами коек и кушеток, предназначенных для пострадавших в боях Сестер Безмолвия. Но теперь отделение больше напоминало не медицинскую палату, а бойню. Это помещение, как и изолятор, было густо залито кровью и выделениями, повсюду стоял страд разложения и экскрементов. Все пациенты на кроватях были мертвы или умирали от разных беспощадных болезней. Круз увидел бледную истощенную

ищейку, у которой изо рта шла пена, а все тело тряслось в параличе. Рядом с ней лежало раздувшееся тело, окутанное нечистыми испарениями. Одна из женщин умирала от гниения костей, рыдающая послушница была покрыта чумными язвами, а из глаз и ушей обнаженной девочки сочилась смешанная с гноем кровь.

Но распаду подверглась не только живая плоть. Стальные рамы и медицинское оборудование покрывали разводы ржавчины, стекло и пластик потрескались и рассыпались на куски. Разложение коснулось абсолютно всего. Круз отвернулся.

— Их оставили умирать, — произнес Хакур. — Заразили и оставили мучиться, словно бездушные куски мяса.

— Испытание, — добавил Гарро. — Тот, кто это сделал, испытывал свои силы.

— Мы должны все это сжечь, — сказал Круз. — Надо проявить милосердие к этим несчастным.

— Сейчас для этого нет времени, — возразил Гарро. — Пока мы здесь болтаем,

причина этих ужасов беспрепятственно сеет разложение.

В дальнем конце отделения они прошли мимо еще нескольких мертвых тел, на этот раз перед ними предстали Сестры Безмолвия в бронированных доспехах охранников. Разбитые и сломанные болт-пистолеты валялись на полу, из их дул вытекали струйки едкой желчи. Участки незащищенной кожи покрывали бесчисленные мелкие царапины. Сестры погибли от колотых ран груди, нанесенных странным орудием, словно бы связкой из пяти тонких кинжалов.

— Для короткого меча слишком узкие лезвия, — заметил Круз.

Гарро кивнул и поднял руку с растопыренными пальцами.

— Когти, — пояснил он.

Хакур и его воины уже трудились над заржавевшим колесом герметичного замка двери, которая вела в следующее помещение этого уровня крепости. Склеившиеся створки, раздвигаясь, заскрежетали.

— Что же за чудовище обладает

такими когтями? — вслух удивился Круз.

Дверь отворилась, раздался громкий хлопок ворвавшегося воздуха, и перед космодесантниками предстал ответ на вопрос Лунного Волка.

Прилегающее помещение представляло собой открытое пространство, многократно пересеченное мостками и переходами из стальных конструкций, нависших над обширной платформой ангара, расположенной несколькими уровнями ниже. Построенный примерно на половинной высоте цитадели Сомнус, ангар служил вспомогательной посадочной площадкой для челноков, обслуживающих Черные Корабли. Он относился к службам лазарета и обеспечивал в случае необходимости возможность незамедлительной доставки раненых сестер прямо на медицинский уровень. Обычно там было полно сервиторов, занятых ремонтом стоящих в доках кораблей или переходных шлюзов, но сейчас помещение представляло собой поле жестокой битвы.

Гарро заметил серебряные и золотые доспехи, а присмотревшись, понял, что дюжина Сестер Безмолвия врукопашную сражается с вихрем неуловимо быстрых когтей и черно-зеленых доспехов. Трудно было даже понять, что происходит. Клубы плотного дыма окутывали всех сражающихся; впрочем, это был не дым. Туча жужжала и вилась по собственной воле, и Гарро увидел, как одну ищейку, ослепленную кружащейся массой, зацепил и насмерть ударил о пол один из когтей. Едва различимая фигура в центре насекомых, высокая и неуловимо быстрая, продолжала наносить жестокие удары по рядам Сестер.

Хакур поднял болтер, но Гарро жестом остановил сержанта:

— Осторожно! По стенам проходят топливные и кислородные трубопроводы. Неловкий выстрел может превратить ангар в преисподнюю! Только клинки, пока я не отдам другого приказа.

По узким лестницам космодесантники могли пройти только по одному. Гарро заметил, как Круз и один из

ветеранов Хакура отделились от группы и бросились к соседнему переходу.

Кивнув им, Натаниэль устремился вперед. Металлические листы звенели и дрожали под тяжелыми сапогами космодесантников. Едва ли они были рассчитаны на такую массу керамита и пластали.

Рой насекомых действовал как единое мыслящее существо. Едва космодесантники подошли ближе, от него начали отрываться куски, которые с пронзительным воем бросались с воздуха на воинов темными плотными комками и впивались ядовитыми мандибулами в глаза и участки незащищенной кожи. Этому врагу болтерный огонь был нипочем. Масса крошечных тел препятствовала атаке, и люди были вынуждены замедлить продвижение, чтобы стряхнуть с себя налетчиков, превращая разъяренных насекомых в хлопья хитиновой шелухи.

Лезвие меча вспыхнуло голубым пламенем. Размахивая оружием, Гарро прорубил прогалину на краю густого роя и

едва успел отреагировать на летящее в него тело в золотых доспехах, отброшенное свирепым ударом монстра. Он схватил Сестру железной хваткой, чтобы не дать ей упасть на сломанный поручень перехода. Женщина зашипела от боли, и Гарро слишком поздно заметил, что одна ее рука покрыта сплошными крошечными ранками от острых крыльев тех, пробивших кожу. Гарро развернул Сестру, и на него с разгоряченного битвой лица взглянули глаза Амендеры Кендел.

К его удивлению, женщина заговорила на языке боевых жестов космодесантников:

Природа противника неизвестна.

— Понял, — кивнул Гарро. — Сестра, ты знаешь крепость лучше, чем мы. Закрой все выходы и позволь моим людям разобраться с этим мутантом.

Ему пришлось почти кричать, чтобы перекрыть оглушительный писк бесчисленных насекомых.

Кендел, поднявшись на ноги, снова прибегла к жестам:

Будь осторожен.

— Поздно, — ответил он и бросился в

гущу кипевшей битвы, сжигая энергетическим полем меча роившихся перед ним мух.

Сестры отошли назад и выполнили команду Гарро. Был момент, когда Натаниэль Гарро, услышав крик Киилер, на какое-то мгновение испугался, что и Сестры Безмолвия стали его противниками. Против него уже поднимали оружие его боевые братья, и он с горечью и злостью признал, что в первый миг ожидал повторения ситуации, на этот раз со стороны ищеек Кендел. Поняв свою ошибку, он испытал подлинное облегчение. Столкнуться еще с одним предательством после Хоруса, Мортариона и Грульгора... Неужели судьба к нему так жестока?

Да.

В самой глубине души, еще не имея возможности присмотреться, он уже инстинктивно знал, кого встретит в сердце роя. Как только боевой капитан пробился в середину урагана насекомых, истекающее гноем, когтистое существо в

издевательском приветствии подняло вверх два длинных пальца деформированной руки.

Стальная шестиугольная площадка скрипела и прогибалась под ним при каждом движении.

— Капитан. — Слово злобной насмешкой проскрипело и зажужжало со всех сторон. — Посмотри, я исцелился.

При всех ужасающих изменениях плоти и костей, облик человека под личиной нового тела не вызывал у Гарро сомнений.

Долгие мгновения он балансировал на грани отчаяния, непереносимое отвращение к тому, что оказалось перед его глазами, угрожало сокрушить последние опоры логики в его разуме. Внезапно вспыхнули воспоминания. Натаниэль, как наяву, увидел первую встречу с Солуном Децием — на топкой равнине темного плато Барбаруса. Соискатель был весь покрыт мелкими порезами, потеками крови и налетом грязи. Он побледнел от истощения и попавшего в кровь яда, но в диковатых

глазах не было никаких признаков слабости. Мальчик был похож на неприрученного зверька, неудержимо жестокого и хитрого. В тот же момент Гарро понял, что перед ним необработанный слиток стали, из которого можно выковать отличный клинок для службы Императору. Теперь все его возможности были искажены и разрушены. Гарро охватило острое ощущение неудачи.

— Почему, Солун? — крикнул он безрассудному юнцу, и голос загремел в застегнутом шлеме.— Что ты с собой сделал?

— Солун Децимус умер на борту «Эйзенштейна»! — проскрежетал скрипучий голос. — Его существование закончено! Теперь живу я! Я — смертоносный избранник... Я — Повелитель Мух!

— Предатель! — выплюнул Гарро. — Вслед за Грульгором ты поддался этой стехотворной деформации! Посмотри, на кого ты стал похож! Урод, чудовище...

— Демон! Ты это хотел сказать, старый недальновидный глупец? —

Жестокий хохот раскатился по ангару.— Значит, меня обновило колдовство? Важно только то, что я, как истинный сын Мортариона, обманул смерть!

— Но почему? — закричал Гарро, страдая от несправедливости. — Во имя Терры, почему ты поддался этой гадости?

— Потому что это будущее! — Голос жужжал и скрипел в биении крыльев мух. — Взгляни на меня, капитан. Я тот, кем станут Гвардейцы Смерти, а Грульгор и его люди уже стали! Бессмертные, вечно живущие воплощения распада, пожинающие плоды тьмы!

Гарро едва не задыхался от зловонного запаха.

— Я должен был дать тебе умереть, — прокашлял он.

— Но ты этого не сделал! — последовал новый вопль. — Бедный Децимус, запертый в рамках смертности, подверженный такой боли, что был готов сгрызть горы. Ты мог освободить его, Гарро! Но ты оставил его жить в мучениях, каждое мгновение подвергал пытке — и ради чего? Ради твоей

стехотворной веры в спасение по воле твоего господина... — Чудовище тяжело шагнуло навстречу, вытянув когтистые лапы. — Он просил тебя! Умолял прикончить, но ты не слушал! Он молил твоего прекрасного и никчемного Императора об освобождении, и снова на него не обратили внимания! Забыт! Покинут!

Стремительный удар обрушился на Гарро, и он отпрянул, угодив в самую гущу роя. Дыхательные щели доспехов мгновенно закрылись, удерживая снаружи царапающихся и кусающихся мух.

Гарро обмотал вокруг пальцев латной перчатки цепочку, на которой висела бронзовая икона.

— Нет, — решительно возразил он. — Ты должен был выжить. Если бы ты выдержал, если бы посвятил свою душу служению Богу-Императору...

— Богу? — вслед за ним прожужжал рой. — Я знаю одного бога! Сила, которая переделала Децируса, и есть бог! Разум, который откликнулся на его мольбы, когда он лежал и просил облегчить мучения, вот

истинный бог. А не твой пустой раззолоченный идол!

— Святотатство! — гневно воскликнул Гарро. — Ты святотатствуешь, и я не могу позволить тебе существовать. Твоя ересь, как и ересь Грульгора, Мортариона и самого Хоруса, будет уничтожена!

Боевой капитан провел серию быстрых и опасных ударов по обесцвеченной броне. И каждый был парирован.

— Глупец. Гвардия Смерти уже погибла. Это предопределено.

Гарро ответил яростным выпадом, и меч оставил на твердой хитиновой скорлупе широкий разрез. Существо, когда-то бывшее Солуном Децимусом, пошатнулось, и из раны потекли желтые струйки желчи. Над порезом тотчас закружились мухи из роя и стали залетать внутрь. Через несколько секунд живая масса кишащих насекомых начала раздуваться и заполнять пространство. Насекомые пожирали друг друга, чтобы закрыть рану.

— Ты не сможешь победить распад, —

прошипел голос. — Разложению подвержены абсолютно все. Люди умирают, звезды остывают и гаснут...

— Замолчи! — приказал Гарро.

Одним из характерных недостатков Децируса всегда была его неспособность вовремя закрыть рот.

Вольнолюбец снова сверкнул искристой дугой и на этот раз отсек часть покрытой шипами хитиновой оболочки чудовищного противника. Раздувшаяся лапа с огромным когтем со всего размаху тяжело ударила в грудь Гарро, так что увенчанный орлом керамитовый нагрудник прогнулся и затрещал.

Острые, словно кинжалы, пальцы царапнули по руке, не достигнув цели. Гарро снова размахнулся мечом и атаковал, заставляя врага пятиться по мостику. Ни у одного из них не было достаточного места для маневра, но загнанному в угол бойцу сражаться будет еще сложнее.

Клинок снова и снова сталкивался с когтями, и кристаллическая сталь

высекала искры из хитиновых наростов. Удары следовали один за другим с ошеломляющей быстротой и мощью. Даже в свои лучшие дни Децицс не был настолько опасен. Гарро потребовался весь его опыт, чтобы на равных сражаться со своим бывшим учеником, и если он порой ощущал боль и усталость в мышцах, его враг явно не казался измотанным.

Я должен с этим покончить, и быстро, пока не пострадали другие люди.

Он вспомнил схватку с Грульгором на прогулочной палубе «Эйзенштейна», но там зараженных распадом врагов поддерживал варп. Сейчас против него обернулась только ярость и боль Солуна Децицса, убежденного, что братья его покинули. Одно Натаниэль знал наверняка: только он своим мастерством и силой соответствовал буйству Повелителя Мух. И раньше никто из его боевых братьев не мог сравниться с Децицсом в бою, а сейчас этот мутант без труда расправится с любым из них.

Гарро подпрыгнул, чтобы увернуться от низового удара, и мостик, на котором

они сражались, с жалобным скрипом накренился. Этот звук вызвал на губах боевого капитана холодную усмешку, и он тоже провел мощный удар сверху вниз, от которого его враг с легкостью уклонился.

— Слишком медленно, учитель, — прокатился скрежещущий звук.

— А ты торопишься, ученик, — отвечал он.

Последний удар был ложным, и Гарро не рассчитывал нанести им вред своему противнику. Вместо этого сверкающее лезвие рассекло ограждающий поручень и шестигранный канал, идущий вдоль мостика вместе с кабелем, оставив на металле тускло-красную полосу. Мостик застонал, изогнулся под весом двух бойцов и сломался, сбросив обоих вниз. Гарро и мутант полетели, ни на секунду не прекращая взаимных выпадов, пока не грохнулись на широкую площадку внутреннего ангара. Рой мух злобно взвыл и тоже ринулся вниз, словно сердясь, что его оставили без хозяина.

Гарро, не обращая внимания на боль, вскочил на ноги и выставил вперед

аугметическую конечность, как раз навстречу жестокому пинку Децимус-мутанта. Механическая нога приняла на себя всю силу удара, стальные кости затрещали, а в животе вспыхнула ослепительная боль отдачи. Гарро повернул меч, и тяжелый эфес ударом слева разбил антропоидные глаза и черные мандибулы. Рой уже опустился, а Гарро, не останавливая оружия, отсек лоскут бледной, испещренной пятнами кожи. Рана открыла трупную плоть и брызнула похожей на пыль кровью. Насекомые отреагировали и с воем облепили его с ног до головы густой шевелящейся пеленой.

Натаниэль прижал меч к груди и включил в режим самого сильного разряда. По доспехам заискрились энергетические змейки миниатюрных молний. Крылатые вредители вспыхнули множеством огоньков и погибли, оставив на броне толстый слой черного пепла. Гарро только успел махнуть перчаткой по линзам шлема, а мутант уже подошел вплотную. Монстр бросился на капитана и мощным ударом почти прижал его к борту

грузового поддона. Гарро не поддавался и отвечал тем же. Наконец ему удалось блокировать свирепый коготь и провести серию ударов по уже поврежденным мышцам и костям лица. Мухи вились над ними, пытаясь залатать рану, не обращая внимания на то, что космодесантник продолжал раскалывать кости и хрящи. Он нанес последний, отчаянный удар и отскочил. Мутант качнулся назад, отступая к краю незанятой посадочной ячейки.

Гарро проследил за ним взглядом, и его осенила идея. За спиной Повелителя Мух и его жужжащего роя находилась широкая заслонка-диафрагма, которая открывалась прямо в космос. Он перевел взгляд на служебные подмостки наверху и закричал в вокс-микрофон:

— Кендел! Открой заслонку! Быстрее! — Он махнул в сторону выхода.

Децимус-мутант не мог слышать его слов, но это существо быстро соображало.

— Думаешь, что можешь меня остановить? Я отмечен знаком Владыки Распада!

Взвыли тревожные сирены, по стальным и бронзовым стенам неистово зателькали ослепительные оранжевые огоньки. Гарро услышал, как лязгнул металл с одного края заглушки. Повелитель Мух продолжал говорить, а его рой озвучивал слова резким скрипучим жужжанием, перекрывавшим хор сирен.

— Гарро, я был прав! Я видел будущее! Через десять тысяч лет Галактика будет гореть...

Остальные слова потонули в пронзительном реве отодвигаемой заглушки.

Раздался громкий хлопок, и воздух, а вместе с ним и все незакрепленные предметы из ангара стали вылетать в лунную ночь. Мелкие вещи, бумажные ленты распечаток и электронные планшеты, инструменты, извилистые шлейфы пыли и ужасный рой мух — все вынесло наружу. Противник Гарро молотил когтистой лапой, стараясь зацепить Натаниэля за ногу. Не удержавшись, мутант упал и покатился по полу, вакуум увлекал их обоих к ревущей

пасти шлюза. Гарро чувствовал, как зазубренные когти впились в керамитовые наголенники. Он попытался сбросить их мечом, но декомпрессия оказалась сильнее их обоих; дыхание бога уносило двух бойцов наружу.

Грузовой поддон, сорвавшись с места, ударил Гарро в спину, и космодесантник покачнулся, оступился и упал, подхваченный ураганом. Мимо мелькнули стены посадочной ячейки и маслянистый блеск падавшего вместе с ним врага. За стеной цитадели Сомнус их встретила промерзшая темнота, и оба противника в облаках ледяных кристаллов понеслись к белому песку. Краем глаза Гарро увидел, как захлопнулась за ними массивная бронзовая заслонка. Он медленно переворачивался с боку на бок, а бесконечная пустыня неумолимо приближалась.

Удара он не почувствовал. Время как будто остановилось, и он очнулся в коконе боли, терзавшей каждый сустав его тела. Единственным звуком было его

собственное прерывистое дыхание да шипение улетучивающегося из доспехов воздуха. На визоре замерцали предупреждающие руны. Где-то в броне образовалась трещина, и атмосфера медленно просачивалась в морозную тьму. Показатель уровня топлива в заплечном ранце тоже вызывал тревогу, но Гарро проигнорировал все предупреждения и осторожно выбрался из неглубокой ямы в лунной пыли, где приземлился после падения. Горячая боль обожгла плечо — сустав явно был выбит. Нажатием кнопки на шейном кольце доспехов он заставил автоматический нартециум ввести в тело дозу укрепляющего средства, а потом ухватился за запястье и сильным рывком вправил плечевой сустав, едва не лишившись сознания от боли.

Затем он осмотрел окрестности — маленький кратер с крутыми стенами, засыпанный пылью и усеянный россыпью небольших булыжников. Над краем на фоне черного неба возвышалась бронзовая башня цитадели. Вмятина в виде человеческого силуэта отмечала место, где он упал.

Рядом в пыли лежал его Вольнолюбец. Гарро заторопился к мечу, передвигаясь наполовину бегом, наполовину прыжками. На поверхности Луны гравитация была намного меньше, чем в крепости, где генераторы искусственного поля поддерживали притяжение, соответствующее силе тяжести на Терре, и ему приходилось быть осторожным, чтобы не оступиться. В полном комплекте боевых доспехов Гарро оказался неожиданно неповоротливым, и, чтобы приспособиться, потребовалось несколько долгих секунд.

Нигде не было видно признаков его врага, и боевой капитан на какое-то время решил, что Децимус-мутант приземлился где-то в другом месте, возможно, за пределами кратера.

Под ногой на поверхности что-то сломалось, и странное ощущение нарушило его размышления. Повсюду вокруг него были рассыпаны мелкие блестящие предметы, сверкающие, словно крошечные драгоценные камни. Нагнувшись за мечом, Гарро понял, что это было: замерзшие

трупы тысяч насекомых из вынесенного с воздухом роя.

Натаниэль!

Предостережение мимолетно затронуло дальние границы его разума, словно легкий ветерок пролетел над океаном мыслей. Но этого оказалось достаточно.

Лунная пыль фонтаном взметнулась вверх, Вольнолюбец отлетел в сторону, и поднимающееся чудовище протянуло когти к его шее. Гарро схватился с Повелителем Мух, но не удержался на ногах, и они медленно покатились по поверхности. Гарро, ворча от напряжения, двинул своего противника коленом в живот и ощутил, как прогнулся хитиновый слой.

Гвардеец Смерти видел тысячи сражений, и каждому из них аккомпанировали музыка оружейного лязга, крики и стоны воюющих людей, стремившихся сохранить свои жизни. Здесь же, в безвоздушной слепящей белизне лунной поверхности, не было никаких звуков. Тишину нарушал только

ритмичный ток крови в венах и быстрая череда вдохов и выдохов. И запахи исчезли тоже: пропало удушливое зловоние, преследующее его в стенах крепости. Вместо него Гарро ощущал только запах собственной крови и слабый дымок оплавленного пластика в разбитых узлах доспехов.

Они сражались без оружия, врукопашную, используя весь опыт, накопленный в бесконечных боях. Гарро воспользовался преимуществами слабой силы притяжения; отталкиваясь от скального обломка, он за счет его инерции облегчал себе прыжки и повороты. Натаниэль выставил ногу навстречу вражескому лицу, и фасетчатая структура взорвалась облачком мутной крови. Капли мгновенно замерзли, превратившись в мелкие темные шарики, и исчезли в лунной пыли. В анализирующей части мозга боевого капитана возник вопрос: как может это чудовище существовать в безвоздушном пространстве? У него не было, как у Гарро, герметичного костюма, в котором

сохранялась воздушная прослойка. Его конечности покрылись темными пятнами в тех местах, где холод космоса уже превратил в лед рассеянную жидкость, но монстр, отрицающий, по сути, саму жизнь, продолжал существовать.

Гарро пропустил удар, от которого перехватило дыхание, но не стал задерживать внимание на новых тревожных сигналах датчиков. Тонкая белая струйка пара — драгоценного воздуха — вырвалась из трещины под украшенным орлом нагрудником. Рано или поздно даже космодесантнику грозит смерть от удушья.

— Ты должен умереть, нечестивое создание, — вслух произнес Натаниэль. — Даже если это будет моя последняя победа!

Повелитель Мух все сильнее его теснил, и вскоре спина Гарро уперлась в стену кратера, в скалу, скрытую чернильной тенью. Разбитое насекомообразное лицо нависало над ним, а страшные когти терзали доспехи, стараясь их сорвать. Гарро удвоил усилия, но Децимус-мутант оказался проворнее.

Обжигающая боль хлестнула тело в том месте, где когти возрожденного варпом космодесантника пронзили слои керамита и пластали. Монстр пытался разодрать доспехи и открыть ненавистного человека смертельному холоду вакуума.

— Разве это мой долг? — спросил себя Гарро.— Я Гвардеец Смерти... И я уже мертв...

Внезапная печаль окутала его душу, нахлынули все самые мрачные и самые тягостные воспоминания. Может, так и надо, чтобы он погиб в этой безжизненной каменной пустыне? Его Легион уже уничтожен. И кто он теперь? Не более чем реликвия, неприятная помеха. Его предупреждение доставлено, цель достигнута. Холод постепенно завладевал его телом, понемногу высасывал из него жизнь. Может быть, не стоит сопротивляться смерти? Что еще ему осталось? Что он оставит после себя? Зрение мало-помалу затуманивалось, тяжесть пригибала к земле.

Вера.

Слово взрывом прогремело в его

голове.

— Кто? — выдохнул он. — Киилер?

Верь, Натаниэль. Перед тобой стоит цель.

— Я... Я... — Гарро уже не хватало воздуха, кровь хлынула в рот, не давая говорить. — Я есть... — Пальцы ощупали скалу за спиной и сомкнулись вокруг булыжника размером с кулак. — Я есть!

С бессильным воплем он размахнулся обломком лунной скалы и ударил в лицо Повелителя Мух. Удар отозвался болью в руке, и мутант отпрянул; большой лоскут отмертвевшей кожи обнажил разбитую челюсть и лес зубов. Гарро потянулся вперед, к упавшему мечу.

Цепочка от иконы Калеба зацепилась за рукоять, так что Натаниэль схватил пальцами бронзовые звенья и сумел подтянуть оружие. Когда Вольнолюбец оказался в руке, один этот факт наполнил его новой силой. Боевой капитан ощутил уверенность и собственную правоту. Гарро как-то рассказывал Калебу о происхождении оружия, и теперь, в свете восходящей над лунным горизонтом Терры,

клинок развеял все его сомнения и боль.

С мечом в руке и Богом-Императором в сердце Гвардеец Смерти понял, что еще очень далек от выполнения своего долга. Ему не суждено умереть сегодня. Натаниэлю Гарро еще предстояло достичь цели.

Существо, которое он когда-то считал своим братом, стояло на коленях, пытаясь найти обломки своего лица и составить их вместе. Гарро ослепил его. Гвардеец Смерти подошел сбоку, поднял меч и, едва дыша, опустил клинок. На его лице на мгновение вспыхнула жалость. Натаниэль испытывал стыд и сочувствие. Бедный глупый Децимус. Он был прав. Он был покинут, но только своим духом.

Повелитель Мух поднял голову навстречу лезвию. Гарро обезглавил перерожденного космодесантника, одним ударом меча перерубив ему шею. Тело упало навзничь и беззвучно рассыпалось на части. Тонкие лоскуты почернели в темноте, рассыпались пеплом, развеялись струйками дыма и исчезли. Голова, упав в лунную пыль, разинула рот в беззвучном

хохоте. Она растаяла на глазах у Гарро; лохмотья кожи и осколки костей почернели, словно сжигаемые изнутри невидимым пламенем. Наконец терцающий огонек высвобожденной энергии поднялся вверх и взлетел в черное небо, оставив отголосок изумленной насмешки.

Ты не в силах победить распад.

Эти слова всплыли в его мыслях, и Гарро осторожно вложил меч в ножны.

— Посмотрим, — произнес он и обернулся, чтобы увидеть восход Земли.

Шар Терры сиял в темноте, бог показал свое лицо и окинул взглядом окружающую Вселенную. Гарро поднес руки к груди, раскрыл ладони и поднял большие пальцы в знамении имперской аквилы. Затем поклонился.

— Я готов, господин, — сказал он, глядя в небо. — Нет больше сомнений, нет страхов, есть только вера. Сообщи мне свою волю, и воля будет исполнена.

ГОВОРИТ СИГИЛЛАЙТ
ГРЯДУЩАЯ БИТВА

Сестры Безмолвия нашли его в одной из келий медитации стоящим на одном колене, с обнаженным мечом и бронзовой иконой в руках. Слова Божественного Откровения, выученные наизусть после многократных повторений, слетали с его губ, и сестры озадаченно переглянулись, прислушиваясь, как он потихоньку бормочет молитвы. При помощи простых жестов они пригласили его следовать за ними, и он подчинился. Боевые доспехи были аккуратно сложены здесь же, но даже грубая ткань обычной одежды еще причиняла боль, цепляясь за свежие рубцы и вакуумные ожоги. Он оставил в келье силовые доспехи, но меч взял с собой. После дуэли в Море Кризисов Вольнолюбец ни разу не покидал его пояса.

Его проводили через всю цитадель Сомнус к стеклянной остроконечной башне

на самом верху здания. Башня представляла собой конус, сооруженный из стеклянных треугольников и толстых колец черного металла, и отраженный от земной поверхности свет отбрасывал резкие тени и преломлялся самым причудливым образом. Только войдя внутрь и закрыв за собой дверь, он заметил, что там находится еще один космодесантник. Казалось, он не видел братьев уже много недель.

Воин подошел ближе.

— Натаниэль. Ах, парень, мы уже боялись самого худшего.

Он кивнул:

— Йактон. Я еще жив. Милостью Терры.

Лунный Волк приподнял бровь:

— Верно.

В отличие от него, Круз не снимал боевых доспехов, с гордостью демонстрируя всем цвета своего старого Легиона.

В тени скрывались еще какие-то фигуры, и Гарро переключил свое внимание на них. На свет вышла Рыцарь Забвения, позади нее показалась послушница.

— Сестра Амендера, — приветствовал он ищейку с легким поклоном. — Зачем ты меня сюда вызвала? — Как ни старался Гарро, он не смог скрыть раздражения в голосе. — Какой допрос нам предстоит сегодня?

Боевой капитан посмотрел на послушницу, ожидая, что она переведет ответ, но девушка только вспыхнула от смущения и испуга. Рука Гвардейца Смерти тотчас сомкнулась на эфесе оружия.

— Здесь есть еще кое-кто, — предупредил его Круз, кивая в темноту.

— Космодесантник, ты пришел сюда по моему приказу.

Голос доносился из полумрака. Он звучал твердо и спокойно, но не так, как голос боевого командира, а скорее наставника или советника. В углу вспыхнул небольшой огонек, и Гарро рассмотрел очертания золотого орла с распростертыми крыльями, словно готового взлететь. Под хищной птицей мерцала небольшая курильница, и ее огонек плясал в глазах орла.

Послышались приближающиеся шаги, сопровождаемые постукиванием посоха по каменным плитам пола

У Гарро перехватило горло. Он вспомнил зал на борту «Стойкости» и появление примарха, но на этот раз из темного угла вышел не Мортарион.

Там находились два человека, но и этого было более чем достаточно. Тот, что был более высоким, даже без брони был равен по росту с полностью экипированным Йактоном Крузом. Строгое сосредоточенное лицо выделялось на фоне золоченых доспехов, которые сочетали в себе особенности терминаторских и обычных лат космодесантников. Даже издали Гарро смог заметить на блестящем металле бесконечно повторяющийся узор из силуэтов орлов и стрел молний. На плечи воина была наброшена накидка из плотной алой ткани, а на сгибе руки лежал высокий золотой шлем с пурпурным плюмажем. В другой руке он с обманчивой небрежностью, выдававшей немалый опыт, держал оружие, бывшее наполовину копьем, наполовину

пушкой — гвардейский жезл, отличительный знак личной охраны Императора, Легиона Кустодес. Гарро не раз слышал, что кустодианцы для Императора были тем же, что и космодесантники для примархов, и, глядя на вышедшего воина, он в этом не сомневался. Гвардеец окинул Гарро и Круза спокойным испытующим взглядом.

Само его присутствие говорило о высоком ранге человека, которого он сопровождал, и они поклонились вышедшему мужчине в накидке с опущенным капюшоном и в простой одежде администратора. Человек в широкой накидке мог бы бесследно затеряться среди населения любого имперского города-улья, если бы не сверкавший в руке посох, увенчанный золотым орлом в обрамлении языков пламени и увитый по всей длине стальными цепями с выгравированными на них символами. Это был Скипетр, и держать его мог только один человек — сам Регент Терры, Первый Консул, надзиратель за сбором десятины и доверенный советник Императора.

— Лорд Малкадор, — произнес Гарро, — что от нас требуется?

Он осмелился поднять глаза. Взгляд Сигиллайта из-под капюшона уставился прямо на него, и, хотя Натаниэль не мог видеть его глаз, он сразу же понял, что его пристально изучают, однако о методах Малкадора мог только догадываться. Судя по рассказам, Сигиллайт уступал Императору только в физическом отношении. При такой ничем не выдающейся внешности, он излучал спокойную силу, которую не мог не ощущать всякий, кто находился в этом помещении. Эта энергия была совершенно отличной от жесткой мощи военачальников, но при всем при том не менее значительной.

Боковым зрением Гарро заметил, что ищейка отошла назад, словно боясь находиться к нему слишком близко. Взгляд Регента удерживал боевого капитана словно лучом мощного прожектора, и его воля рассыпалась сухим песком. Он ощутил, как воздух мгновенно насытился электричеством. Гвардеец

Смерти принял все это и не стал сопротивляться. Он зашел так далеко не для того, чтобы таить секреты.

— Император защитит, — медленно, словно читая по бумаге, произнес Сигиллайт. — Он так и сделает, космодесантник, но так, что ты даже не сможешь осознать Его действий. — Малкадор задумчиво помолчал. — Я слышал доклад Рогала Дорна, проверявшего твои свидетельства, и просмотрел памятные записи леди Олитон, а потому буду говорить откровенно. Гарро, ты прибыл в родной мир в надежде добиться аудиенции у Повелителя Человечества, чтобы лично передать ему предупреждение. Так вот, этого не будет.

Гарро ощутил разочарование. Даже после всего, что произошло, он все еще хранил огонек надежды.

— Но он услышит слова предупреждения, лорд Регент?

— Ты не можешь прийти к Терре, и Терра пришла к тебе.— Малкадор кивком указал на свой посох.— Я услышал

предостережение, и пока этого достаточно. Император не может оторваться от важных дел в своем дворце.

Гарро удивленно моргнул.

— Не может? — повторил он. — Его сыновья выступили против него, а он слишком занят, чтобы об этом узнать? Я не понимаю...

— Да, — прервал его Регент, — ты не понимаешь. Со временем эти дела откроются для всех нас, но до того момента мы должны доверять своему господину. Послание доставлено. Твое обязательство выполнено.

Гарро заметил, как напрягся Круз.

— И поэтому ты здесь, лорд Регент? — Лунный Волк кивнул на воина Кустодианской Гвардии. — Или с нами уже покончено и можно выводить из игры?

Малкадор сохранял невозмутимое спокойствие.

— В Совете Терры нашлось немало людей, кто настаивал на такой резолюции. Вопрос воинской верности, раньше не вызывавшей сомнений, теперь рассматривается по-другому.

Гарро шагнул вперед:

— Господин, я скажу вам то же самое, что говорил примарху Дорну. Неужели наши поступки недостаточно убедительны, чтобы не сомневаться в нашей преданности? Я знаю, что вы можете видеть, что творится в человеческом сердце. Загляните в мое и скажите, что вы там найдете!

Из складок одежды показалась рука.

— В этом нет необходимости, капитан. Тебе не надо передо мной оправдываться. После всех твоих испытаний я понял, что ты предан истине. Я пришел, чтобы сказать об этом лично и устранить возможность любого недопонимания.

— И что теперь? — спросил Круз. — Что с нами будет, лорд Регент?

— Да, — кивнул Гарро, крепче сжимая икону. — Мы не можем оставаться здесь, смотреть на звезды и ждать того дня, когда Хорус придет с оружием в руках. Я прошу... — Он твердо смотрел на Регента. — Нет. Я требую, чтобы нам дали задание! — Гарро заговорил громче. — Я —

космодесантник, но сейчас я остался без своего Легиона. Я выстоял в одиночестве, нарушив все клятвы, которые оказались ложными. Я подчиняюсь воле Императора, но без Его заданий я ничто!

Слова Гвардейца Смерти вызвали эхо в стеклянной башне, и сопровождавшая Кендел послушница, услышав его заявление, испуганно поежилась. Малкадор показал на верхушку своего посоха.

— Только со смертью заканчиваются твои обязательства, космодесантник, — сказал он. — А ты пока еще не погиб. Пока ты здесь разговариваем, лорд Дорн разрабатывает план противостояния Хорусу и тем примархам, которых он призвал под свои знамена. Линия фронта протянется через всю Галактику, предстоит подготовиться к величайшей битве, какой еще не знало человечество.

— И какое же место отведено в ней нам?

Малкадор едва заметно наклонил голову.

— А вот об этом вы будете извещены. Не сегодня, возможно, через несколько

месяцев, но вас непременно позовут. Действия Воителя показали, что Империум нуждается в пытливых мужчинах и женщинах, охотниках, которые способны выслеживать ведьм, предателей, мутантов и ксеносов... В таких людях, как ты, Натаниэль Гарро, как Йактон Круз и Атендера Кендел. Этим людям предстоит вырвать корни любого предательства — это долг бдительности.

— Мы готовы, — кивнул Гарро. — Я готов.

— Да, — подтвердил Сигиллайт. — Ты готов.

Войена он отыскал в одной из келий для медитации, где тот возился со своими доспехами. Апотекарий слегка поклонился. Гарро моментально заметил, что на Войене простая, ничем не отмеченная одежда городского петиционера, а не дежурная накидка космодесантника. Исчез вышитый контур двуглавой аквилы и череп со звездой — символ Гвардии Смерти.

— Мерик? — окликнул он. — Мы готовимся к отправке, а ты продолжаешь держаться в стороне. Что происходит?

Войен выпрямился и взглянул на своего командира. В выражении его лица Гарро заметил нечто новое, признаки меланхолии и поражения.

— Натаниэль, — заговорил апотекарий. — Я прочел тот трактат, что ты мне дал, и теперь чувствую, что мои глаза прозрели.

Гарро улыбнулся:

— Отлично, брат. Они нам пригодятся.

— Выслушай меня. Тебе это может не понравиться.

Боевой капитан насторожился:

— Продолжай.

— Я все скрывал от тебя и от своих братьев. То, что произошло на Истваане, планы Хоруса и Мортариона, потом Грульгор и Децимус... — Он прерывисто вздохнул. — Брат, все это потрясло меня до глубины души. — Войен опустил взгляд на свои руки.— Я ощутил себя как будто замороженным, а свое оружие —

бесполезным. — Его глаза снова встретились со взглядом Гарро, и теперь в них читался страх, настоящий ужас. — Это сломило меня, Натаниэль. Все эти события... Боюсь, я частично несу за них ответственность.

— Мерик, нет...

— Да, брат, да! — настаивал он.

Замет Войен вложил что-то ему в ладонь, и Гарро внимательно посмотрел на исковерканный и согнутый бронзовый диск с символическим изображением звезды и черепа.

— Я должен искупить свое участие в деятельности ложи, Натаниэль. Я понял это, прочитав Божественное Откровение. Ты взял с меня обещание, что я порву с ложей, если ее члены восстанут против Императора, и я так и сделал! Ложи были частью всех этих замыслов, и ты правильно делал, избегая их. — Он отвел взгляд. — А я... Я так ошибся, связавшись с ними.

Свинцовая убежденность в его голосе дала знать, что бесполезно спорить и уговаривать боевого брата отказаться от

выбранного пути.

— Что же ты будешь делать?

Войен показал на свои доспехи:

— Я откажусь от чести быть космодесантником и воином Четырнадцатого Легиона. С меня достаточно смертей и предательства. С этого момента я буду служить в Главном Апотекариуме Терры. Я решил посвятить остаток своих дней поискам лекарства от той болезни, что погубила Децируса и остальных. Если Грульгор не солгал, этот ужас может распространиться среди наших братьев, и я должен попытаться исполнить свой долг апотекария, но не долг Гвардейца Смерти.

Гарро долго смотрел на боевого брата, потом протянул ему руку:

— Хорошо, Мерик. Я надеюсь, ты добьешься победы на этом новом поле битвы.

Войен ответил на рукопожатие:

— А я надеюсь, что ты победишь на своем поле сражений.

— Натаниэль.

Он отвернулся от окна галереи обсерватории и ахнул. Подошедшая в сопровождении двух Сестер Безмолвия женщина тронула его за руку.

— Киилер? Я думал, они забрали тебя навсегда.

Она слегка улыбнулась, а Гарро внимательно присмотрелся. Эуфратия казалась очень уставшей, но никаких повреждений не было видно.

— Они не причинили тебе вреда?

— Бывает ли хоть один день, когда ты не испытываешь беспокойства за других? — весело спросила она. — Мне разрешили немного отдохнуть. Как ты, Натаниэль?

Он оглянулся на округлую линию Терры, видневшуюся за бронированным стеклом.

— Я... встревожен. Я чувствую себя так, словно стал другим человеком, словно все, что произошло с момента нашего бегства из системы Истваана, было только прологом. Я изменился, Эуфратия.

Некоторое время они оба молчали, потом он заговорил снова:

— Скажи, это была ты? Тогда, в крепости, когда Децимус вырвался, и еще потом, на поверхности Луны? Это ты меня предупреждала?

— А как ты думаешь?

Он нахмурился:

— Я думаю, что хотел бы получить прямой ответ.

— Существует особая связь, — тихо сказала Киилер. — Я и сама только начинаю ее ощущать: между мной и тобой, между прошлым и будущим. — Она кивнула в сторону планеты. — Между Императором и его сыновьями. Каждую вещь, и, тем более, каждую связь, необходимо проверять, чтобы убедиться в ее крепости. Этот момент для нас настал, Натаниэль. Грядет буря.

— Я готов.— Рука Гарро отыскала ее ладонь и осторожно сжала. — Я был там, когда Хорус предал своих братьев. Милостью Императора, я буду там, когда его призовут к ответу за его ересь.

В лучах Терры, оба они — солдат и святая, вместе посмотрели на родной мир своих народов и одновременно начали

молиться.